

**Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»**

**Социально-теологический факультет
Кафедра культурологии и политологии
Институт политических исследований
г. Белград (Республика Сербия)**

**КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ
(философско-политические проблемы идентичности:
Россия и современный мир)**

Материалы IV Международной научной конференции
(г. Белгород, 13–14 мая 2016 г.)

Белгород 2016

УДК 338.12.017(470)
ББК 338.66; 65.011.7
К 90

Редакционная коллегия:

Н.З. Бросова, доктор философских наук
И.В. Бардыкова, кандидат философских наук
Ж.В. Бойко, кандидат педагогических наук
А.П. Кривец, кандидат социологических наук
Н.Н. Мальцева, кандидат философских наук
В.Е. Пеньков, кандидат педагогических наук
Е.А. Бердник, магистр социологии
И.Н. Гукова, магистр истории
М.А. Коваленко, магистр культурологии

К 90 Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир): материалы IV Международной научной конференции (г. Белгород, 13–14 мая 2016 г.) / отв. ред.: А.П. Кривец, М.В. Коваленко, В.Е. Пеньков. – Белгород: ИД «Бел-город» НИУ «БелГУ», 2016. – 343 с.

ISBN 978-5-9571-2110-7

В настоящем сборнике научных работ представлены статьи, посвященные исследованию философско-политических проблем идентичности, актуальным междисциплинарным проблемам политологии и культурной политики. Авторы – участники IV Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» и IV Международного Симпозиума молодых ученых «Культура, философия, политика в социальном опыте 20–21 столетия». Материалы конференции адресованы ученым и специалистам в области политических наук, социального и гуманитарного знания.

УДК 338.12.017(470)
ББК 338.66; 65.011.7

ISBN 978-5-9571-2110-7

© НИУ «БелГУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы IV Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир)	6
Астапов С.Н. Религиозная идентичность как предмет философского анализа.....	7
Бардыкова И.В. Мотив падения в романе Ф.М. Достоевского «Игрок»...	13
Бердник Е.А. Актуальные вопросы информационной политики Российской Федерации	18
Бледный С.Н., Смирнова М.И. Культурное самопознание России-Евразии сквозь призму геософской парадигмы П.Н. Савицкого.....	25
Бессчетнова Е.В. «Русский европеизм» как особое направление русской философской мысли.....	31
Даренский В.Ю. Идеология непотребительского общества как основа ментальной идентичности российской нации.....	37
Донец П.Н. «Ахеджаковщина» и «смердяковщина» как виды отрицательной этнической идентичности.....	43
Ефремова Ж.Д. Религиозность современной молодёжи: динамика изменений.....	50
Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Гражданская идентичность молодежи: современный взгляд.....	56
Кривец А.П. Проблема российской национальной идентичности в рамках историографии политической модернизации современной России...	61
Летняков Д.Э. Языковая политика и языковая идентичность на постсоветском пространстве: случай русского языка.....	68
Лобанов К.Н. Проблема этнической толерантности в странах Европы и ее новое содержание в условиях ужесточения иммиграционной политики Европейского Союза.....	77
Лопин Р.А. Вера как источник жизни и творчества русского духовного писателя С.А. Нилуса (к вопросу о национальной идентичности)	80
Мальцева Н.Н. Математический стиль мышления как основа универсального языка науки: «pro et contra»	87
Орлов М.О. Аутентичность православной традиции и проблема журналистского дискурса: социально-философский анализ.....	91
Раевский А.Н. Религиозная идентичность за пределами институциональной религии.....	97
Сапрыка В.А., Травин Р.А. К вопросу о формировании идентичности в российско-украинском пограничье.....	102
Тарасова М.В., Постникова С.Н.К. Влияние процесса глобализации английского языка на современный русский язык.....	108
Тихонов А.В. Философское осмысление идентичности: с чего начинать поиск?	113
Федорова М.М. Понятие традиции в контексте становления национальной идентичности.....	118

Черномаз П.А. К пониманию духовных причин современного состояния украинско-российского трансграничного сотрудничества.....	128
Чистов В.В., Ауталипова У.И. Информационные войны современности..	133
Чистов В.В., Ибрагимова А.Д. Психологический прессинг СМИ на формирование личности.....	138
Шевченко Г.В., Нозимова И.А. Информация как механизм взаимодействия и опасности.....	143
Шип Н.А. Духовно-православная идентичность славян – главный постулат раннего славянофильства.....	149
Материалы IV Симпозиума молодых ученых «Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия».....	157
Аболмасов С.И. Экстремизм как метод протестного поведения.....	158
Баранцева И.А. Культурное наследие как условие формирования национального самосознания россиян.....	163
Белых М.А. Сербская кафана как социокультурный институт.....	168
Булатова А.Р. К национальной идее России: мессианское сознание русского народа в философии Н. Бердяева.....	175
Воротынцева Д.А. Информационные войны как феномен психологического воздействия.....	181
Глущенко Г.Ю. Идентичность Волгограда: между СССР и Православием.....	187
Гудова О.С. Концептуальные основы политического участия женщин...	194
Двойников А.В. Становление нового мирового порядка: Российская Федерация в системе международных отношений	201
Евсюкова Н.А. Влияние русского музыкального искусства на культурное наследие Гурзуфа в Крыму.....	206
Кибанова О.В. Информационно-коммуникационные технологии как средство межкультурной коммуникации.....	212
Кобзарь Е.О. Заинтересованность блока НАТО Украиной как плацдармом для дальнейшей информационной и политической борьбы с Россией.....	217
Козьякова Е.Д. Роль языческих праздников в культуре повседневности ранней Византии IV-VI вв.	222
Кучерова А.О. Готика как элемент национально-культурной идентичности западноевропейского человека.....	229
Лавриненко И.В. Анализ нормативно-правовой базы концепции регионального солидарного общества (на примере Белгородской области).....	235
Любимов С.Е. Творчество Н.А. Бердяева и экзистенциальный модус философствования.....	244
Малыхина Н.В. Культурная идентификация личности в печатных СМИ (на примере публикаций журнала «Русский репортер»).....	254
Мишнев А.Ю. Политическая философия избирательной кампании Дональда Трампа.....	263

Мишнев А.Ю. Социологический анализ электората Дональда Трампа....	270
Могилевская О.С. Публицистика и проблема культурной идентичности: Вячеслав Пьецух.....	279
Мусиенко С.Е. Выборы в Сербии – курс на европейскую интеграцию....	286
Пеньков С.В. Формирование национальной идентичности российских школьников в процессе изучения истории.....	291
Приходько А.А, Смелая А.Ю. Основные проблемы информационной политики Российской Федерации на постсоветском пространстве.....	296
Рощупкин И.А. Динамика отношения к И.В. Сталину и периоду его правления в постсоветском российском обществе.....	302
Сайкова Ю.А. Формирование представлений о герое в советской и современной визуальной культуре.....	307
Селютин П.Д. Особенности и специфика религиозно-политических конфликтов.....	312
Тупикина Т.Ю. Отношение населения малого провинциального города к В.В. Путину (на примере г. Ливны Орловской области).....	318
Турчина Д.Д. Культурно-исторический анализ русско-сербских отношений (постановка вопроса).....	326
Хотина В.А. Усадебное наследие как средство формирования региональной идентичности (на примере Белгородской области).....	331
Шакура К.В. Информационно-психологическая война: новая чума XXI века.....	338

**Материалы IV Международной
научной конференции
«Культура. Политика. Понимание»
(философско-политические проблемы
идентичности: Россия и современный мир)**

Астапов С.Н.

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Национальный исследовательский ядерный
университет «МИФИ», Москва, Россия*

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Религиозная идентичность рассматривается как гетерогенный синкрет, ядром которого является единство конфессионального и этнокультурного сознания. Это единство противоречиво и разрешается либо в сторону конфессионального религиозного опыта, либо в сторону этнокультурных традиций. Поэтому религиозную идентичность можно рассматривать как многоуровневую, в зависимости от баланса между её конфессиональными и этнокультурными характеристиками. Учёт указанных характеристик и уровней религиозной идентичности необходим для моделирования отношений между адептами разных течений внутри одной конфессии, адептами разных конфессий, а также между теми и другими в совокупности и секулярным большинством современного общества.

Ключевые слова: вероисповедание, идентичность, религиозность, религия, этническая культура.

RELIGIOUS IDENTITY AS A SUBJECT-MATTER OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Annotation. Religious identity is considered as the heterogeneous syncretic being, having unity of confessional and ethnic consciousness in its nucleus. This unity is contradictory in itself; it is solved to the side of a confessional experience or to the side of ethnic traditions. The balance between confessional and ethnic properties of religious identity forms it as multi-level being. It is necessary to consider these properties and levels for modeling relations among adepts of different orientations in any denomination, among adepts of different denominations and among believers and the secular majority of the modern society.

Keywords: confession of faith, ethnic culture, identity, religion, religiosity.

В системе идентичностей религиозные идентичности рассматриваются как долговременные в отличие как от ситуативных, так и примордиальных. От ситуативных они отличаются своей длительностью (в которой существенные роли играют и культурные традиции, и сила исторической инерции) и наличием внерациональных факторов, а от примордиальных – отсутствием «естественного субстрата», такого как, например, пол в гендерной идентичности или антропометрические характеристики в расовой. Как и лю-

бую идентичность, религиозную идентичность можно рассматривать в двух аспектах:

1) как теоретический конструкт, способ репрезентации и идеализации объекта исследования (религиозной группы или единичного её представителя);

2) как понятие, близкое понятию самосознание.

В первом случае религиозная идентичность – это выражение современного среза социального бытия конфессий через соотнесение представителей этих конфессий с себе подобными и с остальным миром. Во втором – это самоотождествление индивида с той или иной конфессией через осознание того, что он разделяет вероучение, культ и организационные формы данной конфессии.

Понятие идентичности далеко не однозначно. Тем не менее, как указывает Е.О. Труфанова, «в структуре идентичности принято выделять два уровня: индивидуальный и социальный. Индивидуальный уровень – это набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным, социальный уровень связан с идентификацией индивида с нормами и ожиданиями социальной среды, в которую он погружён. Эти два уровня тесно взаимосвязаны, так как представления человека о самом себе возникают в результате формирующего влияния на него общественных установлений. Собственные нормы индивида могут не совпадать с нормами и ролями, которые он принимает в ходе социальных интеракций. Для формирования устойчивой идентичности необходимо достижение определённого баланса индивидуального и социального уровней» [3, с. 95].

Религиозная идентичность, представленная и в том и в другом аспекте, коррелирует с другими идентичностями, прежде всего с этнической. Конфессиональный показатель дифференцирует массив респондентов по отношению к некоторым другим значимым факторам: социальным (сфера профессиональной деятельности, семейные отношения, способы проведения досуга), и социально-политическим (идеология и деятельность политических партий, формы государственного устройства, модели реорганизации социального пространства). Однако в большинстве социологических исследований, если они специально не связаны с определением уровня религиозности населения, религиозная идентификация осуществляется номинально: индивид называет себя верующим или заявляет, представителем какой конфессии он себя считает. Такой «заявительный» характер религиозной идентичности полностью соответствует российскому законодательству о свободе совести, но малоэффективен в качестве социологического показателя. Ведь полученный показатель сам по себе не является характеристикой ни уровня религиозности индивида, ни освоения последним конфессиональных норм и реализации их в своей жизни.

В большинстве социологических исследований, если они специально не связаны с определением уровня религиозности населения, религиозная идентификация фиксируется номинально: индивид заявляет о своей религиозной принадлежности. Поэтому социологические опросы дают «парадокс-

сальные» цифры: назвавших себя приверженцами той или иной конфессии больше, чем считающих себя верующими, а также демонстрируют то, что респонденты идентифицируют себя в отношении религии, по большей части, в культурно-традиционном аспекте, поскольку разделяют, в основном, только те элементы религиозной системы, которые обусловлены её позитивной ролью в этнической культуре. Например, Ю.Ю. Синелина, анализируя результаты всероссийского исследования религиозности населения, проведённого Отделом социологии политики и общественного мнения ИСПИ РАН в 2004 г. в 14 субъектах Российской Федерации, констатировала: «Исследование *подтвердило* присущий современной России феномен, когда число респондентов, называющих себя православными превышает число респондентов, определивших себя как верующих... Так, православными себя назвали 76% опрошенных, при том, что верующими – 59%» [2, с. 95].

Следовательно, материалы социологических опросов демонстрируют, что подавляющая масса респондентов идентифицирует себя в качестве адепта той или иной религии по большей части в культурно-традиционном аспекте, поскольку разделяет ценности, традиции, обычаи, стереотипы социального поведения и многое другое, обусловленное исторической ролью конфессии в этической культуре, включая и конфессиональную лексику, и речевые клише. Исключения из этой массы составляют «профессиональные носители» религиозного сознания (богословы, священнослужители и им подобные), а также те индивиды, для которых религия стала результатом экзистенциальных поисков.

На наш взгляд, религиозная идентичность представляет собой объединение конфессионального сознания и этнокультурных традиций – объединение элементов, имеющих разную природу, то есть гетерогенный синкрет, который в теоретической конструкции может быть выражен исключительно антиномически – в виде оппозиций. Мы не разделяем позицию, полагающую религиозную идентичность маркером этнической идентичности, так же как не отождествляем религиозную и этноконфессиональную идентичности, поскольку эти позиции имеют существенные ограничения – например, неадекватны при анализе русского протестантизма.

Религиозная идентичность с позиции антиномического подхода предстаёт как оппозиция собственно конфессиональной и культурно-традиционной (этнокультурной) идентичностей. Собственно конфессиональная идентичность выражается не в высокой оценке значимости религии для других сфер культуры, а в принятии ценностной иерархии, существующей в самой религии. Основой конфессиональной составляющей являются религиозный опыт и догматические элементы религиозного сознания. Если в религиях, укоренённых в этническую историю, ведущую роль играют догматические константы, организующие религиозный опыт, то в новых религиозных движениях – личный религиозный опыт. Это даёт основание рассматривать собственно-конфессиональную идентичность как оппозицию религиозного опыта и догматической традиции. Догматическая традиция также может быть представлена в виде оппозиции письменно зафиксированных вероучи-

тельных определений, канонических норм и правил, с одной стороны, и «предания», то есть традиции их функционирования в том или ином религиозном объединении, с другой стороны. Религиозный опыт в свою очередь является оппозицией индивидуального мистического опыта и нормативного конфессионального опыта. Носителями нормативного религиозного опыта выступают духовные авторитеты.

Выявив основные оппозиции религиозной идентичности, можно проводить её «сборку» как теоретического конструкта. Основными характеристиками религиозной идентичности в такой конструкции будут выступать:

- а) наличие или отсутствие индивидуального мистического опыта;
- б) автономность или гетерономность индивидуального религиозного опыта;
- в) готовность или неготовность разделять конфессиональные традиции;
- г) принятие или неприятие устоявшейся иерархии конфессиональных ценностей;
- д) признание или непризнание строгой обязательности следования канонам, догматам, другим вероучительным определениям;
- е) признание или непризнание приоритета конфессиональных ценностей над ценностями и другими элементами региональной, этнической и массовой культуры, политических идеологий, научных теорий и т.д.

Данная конструкция позволяет рассматривать следующие уровни религиозной идентичности, тесно связанные с уровнями религиозности:

1. Этнокультурная религиозная идентичность – индивид не обладает личным религиозным опытом и не интегрирован с определённой конфессиональной группой, тем не менее, идентифицирует себя с определённой конфессией.
2. Внеинституциональная религиозная идентичность – индивид обладает личным мистическим или религиозным опытом, но не интегрирован или слабо интегрирован с определённой конфессиональной группой.
3. Солидарная религиозная идентичность – индивид разделяет нормы вероисповедания, жизни, поведения определённой конфессиональной группы.
4. Гетерономная религиозная идентичность – религиозный опыт индивида подчинён религиозным авторитетам внутри определённой конфессиональной группы.
5. Персональная религиозная идентичность – «захваченность» личным религиозным опытом, идентифицируемым индивидом в качестве конфессионального опыта, которая приводит к асоциальности в разных формах: от аскетизма до «религиозного аутизма» (если использовать термин И.Ильина, обозначающий установку, при которой верующий считает себя и свои религиозные переживания самым важным в жизни, мерилем всех ценностей [1, с. 139, 316]).
6. Социально-личностная религиозная идентичность – открытость к любому социальному взаимодействию через призму личного религиозного опыта, включённого в религиозный опыт определённой конфессии.

Учёт указанных характеристик и уровней религиозной идентичности необходим для моделирования отношений между адептами разных течений внутри одной конфессии, адептами разных конфессий, а также между теми и другими в совокупности и секулярным большинством современного российского общества. Это моделирование имеет важный характер для развития толерантности, профилактики религиозного фанатизма, предотвращения религиозного радикализма и экстремизма.

Российское общество в этом отношении для исследователей представляет поле многоплановых исследований, поскольку в современной России представлен весь спектр социальных проблем, обостряющих религиозную идентичность. Если западный мир приходит к осмыслению религиозной идентичности в результате столкновений с радикальным исламом на международной арене и этнорелигиозными идентичностями иммигрантов внутри своих стран, то в России, кроме указанных проблем имеется множество других. Особую важность среди этих социальных проблем, обостряющих религиозную идентичность и формирующих противоречие между религиозной и гражданской идентичностью являются:

1) укрепление этно-конфессионального самосознания в национальных республиках Российской Федерации и вытеснение религий «нетитульной нации»;

2) внутренняя миграция представителей северокавказских республик в другие регионы России, сопровождающаяся демонстрацией этими представителями своей этнорелигиозной идентичности, иногда вызывающей негативную реакцию коренного населения, узел социальных и культурных проблем, который связан с неконтролируемостью этой миграции (например, появление обширной конфликтной зоны в традиционно казачьих регионах Юга России);

3) столкновение традиционных для России религий с нетрадиционными;

4) столкновение религиозного традиционализма с религиозным фундаментализмом (традиционный ислам и салафизм, пятидесятничество и неопятидесятничество и т.п.);

5) распространение среди молодёжи новых религиозных движений (Нью-Эйдж) и кибер-религий.

В условиях секулярного общества и свободы совести религиозная община отделяется от социального окружения (религия всегда выполняла интеграционно-сегрегационную функцию, сплачивая единоверцев и, вместе с тем, противопоставляя их иноверному окружению). На уровне индивидуального сознания член общины и гражданин страны – разные идентичности и одна из них рано или поздно берёт верх. Динамичное равновесие смещается в сторону доминирования религиозной идентичности из-за того, что диктат секулярного дискурса вынуждает верующего вести публичную дискуссию с позиций внерелигиозных норм и ценностей, то есть осмысливать это дискурс как чуждый, чужой.

Любая конфессиональная идентичность основана на принятии единого для конфессии вероучения и конфессиональных ценностей. Однако даже при сохранении верности вероучению и ценностям индивидуальный характер жизненного пути неизбежно приводит верующего к «специализации» внутри конфессии и тем самым создает различные по своим социальным характеристикам варианты воплощения конфессиональной идентичности. Получается, что если ядро идентификационной матрицы у адептов одной конфессии является единым, то другие социальные идентичности, входящие в её состав, будучи непременно связаны с ядром, всё же имеют свою специфику. Это дает повод рассматривать конфессиональную идентичность не только как групповую, в объективированном (отстраненном от её носителя) виде, описывая её через нормы и ценности сообщества верующих, но и как индивидуальную, то есть персональный социальный портрет верующего.

История частной жизни вписывается в окружающий её социальный контекст, внешние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению, особенности жизненного пути влияют на конфигурацию его индивидуальной религиозной идентичности, но с другой стороны, религиозная идентичность оказывает воздействие на формирование иных идентичностей индивида. Так, национальная и гражданская идентичность могут долгое время присутствовать в повседневной жизни в латентном, неосознанном виде. Однако, когда человек включается в религиозные объединения, как сообщества с сильной культурной программой, сам факт его добровольного вхождения в эту среду эксплицирует его идеологические предпочтения и делает его гражданские и политические выборы отчетливыми и более прогнозируемыми для исследователей.

Таким образом, религиозная идентичность, рассматриваемая и в индивидуальном, и в групповом планах, проявляет себя в зависимости от реальных социально-политических факторов. В свою очередь, глубина и характер влияния религиозной идентичности на другие идентичности зависят от региональных, этнических, конфессиональных, социальных, политических и др. особенностей различных групп населения. К этому следует прибавить, что религиозная идентичность проходит определённую эволюцию в своем содержании связанную с различными социокультурными процессами, прежде всего, с модернизацией и архаизацией.

Литература

1. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. – М.: АСТ, АСТ-МОСКВА, 2006. – 663 с.
2. Синелина Ю.Ю. Изменения религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. – М.: Наука, 2006. – 112 с.
3. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. – 2008. – №8. – С.95-105.

Бардыкова И.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия***МОТИВ ПАДЕНИЯ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»***

Аннотация. Мотив падения – один из центральных мотивов не только в романе «Игрок», но и во всем творчестве Ф.М.Достоевского. Разворачивая своё повествование в координатах христианского космоса, Достоевский стремится показать разъедающее действие страсти, захватывающей человека и завладевающее его волей. В данном романе Достоевский размышляет над внутренними причинами и внешними обстоятельствами падения, предстоящего перед нами в образе рулеточной игры – вихря-страсти, сбрасывающей человека с не укорененного в культуре и почве шаткого пьедестала.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, поэтика, мотив, игра, страсть.

THE MOTIVE OF FALLING IN DOSTOEVSKY'S "THE GAMBLER"

Annotation. The motive of falling is the main motive in Dostoevsky's novels, not only in "The Gambler" but also in many other works. Making his narrative in Christian discourse, Dostoevsky shows the capture of fervor that gripping and grasping the man. In this novel he demonstrates inner reasons and outer circumstances of falling. The author identifies the falling and the gamble. So, gambling is the form of representation of passion and fervor whirling and falling hero down from the unsteady cultural basis as a result of hollowness ("bespotchvennost").

Key words: F.M. Dostoevsky, poetic, motive, gamble, hollowness.

В письме литературному критику и философу Николаю Николаевичу Страхову из Рима в сентябре 1863 г. Достоевский излагает идею своего будущего романа «Игрок (Из записок молодого человека)» (1866): «В рассказе, - пишет он, - отразится вся современная минута (по возможности, разумеется) нашей внутренней жизни». Главный герой – «один тип заграничного русского»: «Я беру натуру непосредственную, человека, однако же, многоразвитого, но во всем недоконченного, изверившегося *и не смеющего верить*, встающего на авторитеты и боящегося их». И далее: «Он успокаивает себя тем, что ему *нечего делать* в России и потому жестокая критика на людей, зовущих из России наших заграничных русских... Главная же штука в том, что все его жизненные соки, силы, буйство, смелость пошли *на рулетку*. Он – игрок, и не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не простой

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Интертекстуальная поэтика русской художественной прозы XIX–XXI веков и теоретические основы интертекстологии» № 15-34-01013.

скупец. Это вовсе не сравнение меня с Пушкиным. Говорю лишь для ясности. *Он поэт в своем роде, но дело в том, что он сам стыдится этой поэзии, ибо глубоко чувствует ее низость* [курсив наш. – И.Б.], хотя потребность риска и облагораживает его в глазах самого себя... Если «Мертвый дом» обратил на себя внимание публики как изображение каторжных, которых никто не изображал *наглядно* до «Мертвого дома», то этот рассказ обратит непременно на себя внимание как *наглядное* и *подробнейшее* изображение рулеточной игры» [1, с. 51].

«Игорный дом» и «Мертвый дом» – это два варианта тюрьмы, замкнутого, «подпольного», несвободного пространства. Несмотря на то, что в ситуации игры вроде бы дана иллюзия свободы, вращением рулеточного колеса герой, пытаясь изменить свою судьбу, теряет почву, свободу и веру. Предая себя в руки «госпоже удаче», игрок вырывает себя из почвы, становится бездомным и безродным. «Причину зла я вижу в безверии, - пишет Достоевский в письме к Благодравову от 19 декабря 1980 года, - но отрицающий народность отрицает и веру. Именно у нас это так» [30(1), с. 236]. Верить надо, по выражению Достоевского, *посметь*, а для этого необходимо укоренность в «почве» и отсутствие лжи как самоуспокоения («он успокаивает себя тем, что ему нечего делать в России»), т.е. сделок со своей совестью.

Повествователь – молодой человек, «поэт», мечтатель. Это новый вариант «лишнего человека». В нем нет онегинской и печоринской холодности, он запальчив и стыдлив. Этот тип всегда будет тревожить сознание Достоевского, именно в нем он найдет синтез «лишнего» и «маленького» человека, будет усматривать причину неустановившихся понятий, отсутствия веры, почвы, живой жизни и плодотворной деятельности. Об этом варианте молодых людей Достоевский сказал уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях», что они, вслед за Чацким, не найдя себе дела в России, уехали в Европу и там «чего-то ищут». Генеалогия ясна: Петр Чаадаев, всю жизнь проведший в странствиях и недоумениях.

«Дело в том, что он сам стыдится этой поэзии», - далее формулирует свое идеологическое кредо писатель. «Стыд» в понятийном словаре Достоевского – синоним усиленной рефлексии, доходящей до страсти и изнеможения в «дурную бесконечность», взвихренное верчение подпольного сознания «поэта» - молодого героя, который, хотя и имея ростки живой жизни, не способен их взрастить.

Действие в романе происходит в вымышленном городе Рулетенбург (Баден-Баден), который расположен символично, на железнодорожной станции, где люди приезжают и уезжают. Название города Рулетенбург состоит из сочетания русских и немецких корней, что также указывает на пограничье как место без национального языка и культуры. Игра псевдоценностями, бесконечные маскировки, переодевания и подмены проходит сквозь все повествование. Люди, как ставки, меняют свою ценность в зависимости от выигрыша: генерал, уважаемый всеми за состояние и имеющий солидный круг знакомств, на самом деле не генерал и вовсе не состоятельный. Маркиз де Грийе – не маркиз, а мадмуазель Бланш никакая не «мадмуазель». Все

рискуют деньгами, чтобы сделать деньги, и то, что выигрывается или проигрывается, нивелирует значение первоначальной ставки, все относительно и изменчиво.

Город лежит в тени горы Шлангенберг, «змеиной горы». Шлангенберг – это и метафора внутренних качеств генеральской свиты и обывателей Рулетенбурга, и символ искушения. Алексей Иванович признается Полине, что готов «броситься вниз головою со Шлангенберга», если она этого захочет. В основе сюжета – любовный конфликт. Падение с горы – это попытка самоубийства, та «жертва», которую герой готов заплатить за любовь. Еще «Записках из Мертвого дома» Достоевский говорит о типе убийцы, которого «точно подмывает перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой... Всё это может быть похоже на то ощущение, когда человек с высокой башни тянется в глубину, которая под ногами, так что уж сам наконец рад бы броситься вниз головою: поскорей, да и дело с концом!» (5, с. 88). В своей тяге к риску игрок, также, как и преступник, осуществляет свою фатальную страсть к бездне. Главный герой описывает свои ощущения от охватившего его состояния: «Впрочем, было одно мгновение ожидания, похожее, может быть, впечатлением на впечатление, испытанное madame Blanchard, когда она, в Париже, летела с воздушного шара на землю» (5, с. 293).

Полина в дальнейшем «искушает» героя, вызывая его подойти к баронессе Вурменгельм «и сказать ей что-нибудь по-французски»: «Вы клялись, что соскочили бы с Шлангенберга; вы клянётесь, что вы готовы убить, если я прикажу. Вместо всех этих убийств и трагедий я хочу только посмеяться. Ступайте без отговорок. Я хочу посмотреть, как барон вас прибьет палкой» (5, с. 233). Полина профанирует все «высокие» порывы «литературной» любви и преданности героя, превращая вымышленную внутреннюю трагедию в фарс. Алексей Иванович молча идет исполнять ее «глупое» поручение: «Madame la baronne, - проговорил я отчетливо вслух, отчеканивая каждое слово, - j'ai l'honneur d'être votre esclave». «Черт знает, что меня подтолкнуло? Я точно с горы летел» (5, 234), - это прямая аналогия с падением со Шлангенберга. На этом моменте падения главного героя хотелось бы остановиться поподробнее.

Не случайно Алексей Иванович упоминает здесь черта. Черт – это маркер потери чувства меры, самоконтроля, падения в бездну, в свое иррациональное подполье. «Я не умею себе дать отчета, что со мной сделалось, в иступленном ли я состоянии нахожусь, в самом деле, или просто с дороги соскочил и безобразничаю, пока не свяжут. Порой мне кажется, что у меня ум мешается». Чтобы глубже понять этот эпизод, нужно обратиться ко второму искушению Иисуса в Легенде о великом инквизиторе из романа «Братья Карамазовы». Инквизитор напоминает Иисусу о трех искушениях в пустыне, одним из которых было веление дьявола броситься вниз с вершины храма, чтобы доказать, что он Сын Божий: «Когда страшный и премудрый дух поставил тебя и сказал тебе: „Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и

не расшибется, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в отца твоего“, но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз» (14, с. 232-233). Таким образом, Алексей Иванович предстает перед Полиной как Иисус пред искусителем, но его падение символизирует отказ от свободы воли. Это акт отчаяния, подпольного восстания, негации. В разговоре с генералом Алексей Иванович неявно формулирует свою раздвоенность: раболепство перед Полиной и в то же время негодование против этого состояния: «Я желаю только разъяснить обидное для меня предположение, что я нахожусь под опекой у лица, будто бы имеющего власть над моей свободной волею».

Алексей Иванович негодует по отношению к Полине, так же как подпольный герой из «Записок из подполья» восстает против унижительных и безжалостных законов природы, их «дважды два четыре». Полина становится для героя воплощением фатального рока, возбуждая в нем чувства любви и ненависти, покорности и мести, подчинения и власти: «И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то есть, лучше сказать, я опять, в сотый раз, ответил себе, что я ее ненавижу. Да, она была мне ненавистна. Бывали минуты (а именно каждый раз при конце наших разговоров), что я отдал бы полжизни, чтоб задушить ее! Клянусь, если б возможно было медленно погрузить в ее грудь острый нож, то я, мне кажется, схватился бы за него с наслаждением. А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы на Шлангенберге, на модном пуанте, она действительно сказала мне: "бросьтесь вниз", то я бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением...» (5, с. 214). В ситуации страсти границы между вещами становятся размытыми, а переходы так внезапны, что страдание и наслаждение, любовь и ненависть, власть и подчинение, приобретая крайнюю степень выраженности, сплетаются в один неразделимый всеразрушающий порыв.

Портрет Полины, нарисованный автором записок, едва ли соответствует реальной *Прасковье*. «Мне кажется, она до сих пор смотрела на меня как та древняя императрица, которая стала раздеваться при своем невольнике, считая его не за человека. Да, она много раз считала меня не за человека...» (5, с. 215). Отношение Полины к главному герою двумя месяцами ранее свидетельствует о ее открытости, откровенности, об отсутствии желания унижить и властвовать, она искала друга и поверенного: «Терпеть я не могу этой вашей "рабской" теории» (5, 229). Герой сам постулирует ее недостижимость и недоступность. Она, таким образом, становится недоступной для Алексея Ивановича, который видит в ней практически безликий объект любви и ненависти, «древнюю императрицу», которую он должен покорить для того, чтобы стать мужчиной, а не рабом. Это – ситуация отчаяния, которая складывается между господином и рабом и характеризует ветхозаветный дискурс книги Иова, одной из самых любимых библейских книг Достоевского. Отношения героев – это отношения древнего Иова с Богом. Бог не отвечает ропщущему, Полина тоже «не отвечает» Алексею Ивановичу: «Разумеется, то унижение и рабство, в которых она меня держит, могли бы мне дать (весьма часто дают) возможность грубо и прямо самому ее расспрашивать.

Так как я для нее раб и слишком ничтожен в ее глазах, то нечего ей и обижаться грубым моим любопытством. Но дело в том, что она, позволяя мне делать вопросы, на них не отвечает. Иной раз и вовсе их не замечает. Вот как у нас!» (5, с. 220). Но если праведный Иов распознает истинный лик Бога, то Алексею Ивановичу увидеть настоящее лицо Полины не удастся. Ему не нужна настоящая Полина, ему нужна древняя императрица. Ему кажется, что он не может жить без Полины, но на самом деле она предстает перед ним как «госпожа удача» рулеточного колеса: когда он поддается игровой страсти, он осознает, что тяга к Полине исчезает.

Таким образом, пространство игры – это пространство за пределами моральных ценностей, пространство без христианской веры, ограничивающейся лишь верой в фортуны и успех: «Я решительно не вижу ничего грязного в желании выиграть поскорее и побольше, - признается главный герой, - люди и не на рулетке, а и везде только и делают, что друг у друга что-нибудь отбивают или выигрывают. Гадки ли вообще нажива и барыш – это другой вопрос. Но здесь я его не решаю...» Достоевский показывает, как алчность, злоба, стадные, хищнические инстинкты оказываются имманентными самой игре, построенной на принципе слепого выигрыша: «Всё показалось так грязно -- как-то нравственно скверно и грязно... Но во всё последнее время мне как-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои к какой бы то ни было нравственной мерке. Другое управляло мною...».

Символическое падение с Шлангенберга, организующее композиционное целое произведения, приводит к развязке, предвещает окончательное превращение героя в страстного игрока и его дальнейший фатальный проигрыш. Оставшийся без гроша, Алексей Иванович жаждет «воскреснуть», но не может противостоять однажды охватившему его роковому вихрю: «Кто раз, из таких, попадает на эту дорогу, тот – точно с снеговой горы в санках катится, всё быстрее и быстрее». Достоевский и в этом романе удивительно точно раскрывает читателям механизм зарождения, развития и губительное действие страсти. «Мне всё кажется порой, что я всё еще кружусь в том же вихре и что вот-вот опять промчится эта буря, захватит меня мимоходом своим крылом и я выскочу опять из порядка и чувства меры и закружусь, закружусь, закружусь...».

Вопрос никчемности, утраты ориентиров и сегодня стоит крайне остро. Оказалось, что в России огромное число людей, сплоченных одной – лишней – судьбой. Есть целый лишний народ, лишняя культура, лишняя страна, лишняя история. И до сих пор мы смотрим недоуменно, как садовод на большое дерево, и спрашиваем: а что причиной такого недуга? плохая почва? жуки-паразиты? или садовник, который, желая, как лучше, облил дерево ядом? Достоевский на эти вопросы давал точный и определенный ответ: посметь поверить. Современная «лишняя Россия» – целиком в романтическом путешествии по загранице в поисках зарплаты и пропитания.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 тт. – Л.: Наука, 1972-1991. – Т. 28 (2). В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.

УДК 32. 32.019.5

Бердник Е.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия*
Научный руководитель - Наберушкина Э.К.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития информационной политики Российской Федерации, а также ее современное состояние. Автор анализирует причины актуализации вопросов информационной безопасности и отражения информационных угроз. Характеризуются приоритетные направления развития информационной политики РФ в условиях становления глобального сетевого информационно-коммуникативного пространства.

Ключевые слова: информационная политика, информационная безопасность, сетевые коммуникации, сетцентричная война.

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN FEDERATION INFORMATION POLICY

Annotation. The article considers the process of the Russian Federation information policy development and its current state. The author analyzes the causes of the information security mainstreaming and reflection of information threats. Priority directions of the Russian Federation information policy development in the conditions of global networked information-communicative space are characterized.

Key words: information policy, information security, network communications, network-centric war.

В настоящее время мы являемся свидетелями становления глобального сетевого информационно-коммуникативного пространства. Именно с его появлением многие авторы концепций информационного общества (Д. Белл, Дж. Гелбрейт, М. Кастельс, И. Масуда, Т. Стоуньер, А. Турен, А. Тоффлер и др.) связывали переход к новому, более устойчивому этапу развития человеческой цивилизации. Однако оказалось, что интенсификация процессов информационно-коммуникативного обмена, их технологизация, снятие пространственно-временных ограничений не только не приблизили человечество

к «эре изобилия» (Т. Стоуньер), «постэкономике» (В.Л. Иноземцев) или к «обществу знания» (П. Друкер), но, по сути, стали причиной удаления от обозначенных рубежей. Расширение информационной сферы, усложнение информационно-коммуникативных взаимодействий в обществе, возрастание скорости устаревания информации, необходимость ее защиты от несанкционированного использования, проблемы информационных перегрузок и др. способствуют дестабилизации и «малопрогнозируемости» социальной архитектуры, что, в результате, не только отодвигает наступление «светлого будущего», но и угрожает стабильному существованию социальных субъектов в целом.

Формирующееся глобальное сетевое информационно-коммуникативное пространство, становится сегодня главным источником различных рисков и угроз, за которыми закрепилось название «информационные». В политической сфере такого рода процессы становятся причиной ослабления суверенитета национальных государств, девальвации управленческого значения централизованной государственной власти, внедрения новых сетевых форм и технологий политической коммуникации. В этой связи на первый план сегодня выходят вопросы информационной безопасности, которая предполагает способность к идентификации и отражению информационных угроз, становясь главным фактором устойчивого развития социальных субъектов. Актуализируется необходимость государственного регулирования информационной сферы, защиты технологической инфраструктуры на самом высоком уровне, выработки принципиально новых подходов к взаимодействию властных институтов и общества.

Анализируя информационную политику Российской Федерации, необходимо отметить, что долгое время она охватывала только проблемы, связанные с деятельностью СМИ. С начала 90-х гг. прошлого столетия параллельно начинают «развиваться основные положения государственной политики информатизации, касающиеся в основном обеспечения научно-технических, производственно-технологических и организационно-экономических условий создания и развития информационных технологий, информационной инфраструктуры и системы формирования информационных ресурсов» [7]. Эти два направления государственной политики развивались параллельно, независимо друг от друга. И только в 1998 г. утверждается расширенная Концепция государственной информационной политики, создание которой было обусловлено необходимостью построения информационного общества в России. Документ послужил базой для создания единого информационно-коммуникативного пространства страны, его нормативно-правового регулирования.

В это же время информационная сфера общества определяется как важнейшая составляющая национальной безопасности РФ, что отражено в Концепции национальной безопасности Российской Федерации [9], а позднее дополнено и расширено в Доктрине информационной безопасности РФ. Последняя определяет информационную безопасность Российской Федерации как «состояние защищенности ее национальных интересов в информацион-

ной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [5]. В документе также определены основные виды информационных угроз, где по своей общей направленности выделены следующие:

- угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России;

- угрозы информационному обеспечению государственной политики РФ;

- угрозы развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка в ее продукции и выходу этой продукции на мировой рынок, а также обеспечению накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;

- угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России [5].

Примечательно, что в 2015 г. была принята Концепция информационной безопасности детей, в которой определены основные принципы обеспечения информационной безопасности детей, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики в этой области [8].

Информационный фактор в полной мере отражен сегодня в различных документах стратегического планирования России. Так, в Военной доктрине РФ [1] отмечается возрастание роли информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а впоследствии – для формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы. В Концепции внешней политики Российской Федерации впервые отмечается, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [6]. Отметим, что с подачи России тема обеспечения международной информационной безопасности заняла прочное место в повестке дня сессий ГА ООН начиная с 1998 года.

Таким образом, анализ нормативно-правовых документов показал, что к настоящему времени информационная политика Российской Федерации направлена скорее не на обеспечение процессов формирования информационного общества, а на решение проблем безопасности в информационной сфере и отражения информационных угроз как внешних, так и внутренних. На государственном уровне признается возможность использования информационно-коммуникативных потоков для «дестабилизации и разрушения, извне существующих национальных политических систем путем подмены традиционного ценностного и идеологического пространства, замены суще-

ствующих символов, смыслов и образов на сконструированные новые» [2]. При этом СМИ и сетевое интернет-пространство определяются как основные средства для дестабилизации и распространения различных деструктивных процессов.

В этой связи особую важность представляет разработка и внедрение технологий выявления информационных угроз в коммуникативном пространстве. В настоящее время на государственном уровне осуществляется мониторинг информации, транслируемой на российский социум на русском языке различными субъектами. Так, Служба специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации на контрактной основе осуществляет изучение информационного поля, мониторинг блогов и социальных медиа [11]. Для обозначенных целей используется система агрегации и анализа информационных материалов из открытых источников «Новостной терминал «ГЛАСС», которая предоставляет персонализированную подборку сообщений, позволяет увидеть значимые события дня по заданным темам и регионам с возможностью отслеживать позитивную и негативную окраску событий. Также система мониторинга и многоуровневой аналитики блогов, микроблогов и социальных сетей «Медialogия – БА33» осуществляет автоматическое исследование аудитории (авторов, площадок), а также проводит анализ позитивных и негативных сообщений.

На базе Российского института стратегических исследований была создана и успешно функционировала до 2013 года уникальная информационно-аналитическая система мониторинга информационной обстановки вокруг России. «Функционал системы предусматривал выбор из мирового информационного потока значимых публикаций о России, их разметку по динамическому и предметному рубрикатору, определение для каждой публикации ее «тональности»» [10]. На этих данных был сконструирован агрегированный показатель «индекс агрессивности», который дает возможность определять имидж России, формируемый мировыми СМИ на заданном отрезке времени. В рамках данного проекта были предприняты многочисленные исследования на основе статистической обработки данных, которые позволяют говорить о появлении новой прикладной дисциплины в рамках политологии – политической медиметрии.

Тем не менее, необходимо отметить, что предпринимаемых усилий недостаточно. Приходится констатировать отставание России в мониторинге и анализе угроз, исходящих от сетевого интернет-пространства. В этой связи особую обеспокоенность вызывает концепция новой сетецентричной войны (Network-Centric War), которая была впервые выдвинута в 1999г. сотрудниками RAND Corporation Джоном Аквиллой и Дэвидом Ронфельтом [13; 15], а дальнейшее развитие получила в работе начальника Управления реформирования Военных Сил США вице-адмирала Артура Цебровски [14]. В результате именно данные разработки стали базой для реформы военных сил США. Суть сетецентричной военной стратегии (в отличие от сетевой, которая осуществляется в телекоммуникационных сетях посредством кибервирусов, атак на сайты и др.) заключается в организации взаимодействия между всеми

имеющимися информационными, политическими, экономическими и др. ресурсами для свободной циркуляции информации с целью перепрограммирования действий потенциального противника. При этом понятие «сеть» трактуется достаточно широко, включая в себя различные элементы, которые ранее рассматривались отдельно. «Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т.д. – все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен» [3, с.105]. Основной задачей данной стратегии является осуществление разнонаправленных усилий по формированию модели поведения как друзей, так и нейтральных сил или врагов. Создание такой сети на территории потенциального противника позволяет без проведения традиционных военных действий лишиться его суверенитета и субъектности посредством информационного прессинга и перехвата власти. При этом объектом управления становятся не отдельные субъекты, а их внутреннее содержание, ценностные установки, мотивы действий и др.

Необходимым условием для осуществления сетцентричной стратегии является анализ, мониторинг, моделирование и прогнозирование взаимодействий микроуровня, осуществляемых в социальной и социокультурной сфере. Для этих целей на базе методов интеллектуального анализа данных в США осуществляется разработка специальных автоматизированных систем прогнозирования, мониторинга информации из открытых источников, в первую очередь – социальных медиа (блогосфера, социальные сети, видеохостинги и др.). К таким системам можно отнести следующие:

- «Модель национальной оперативной среды» (National Operational Environment Model (NOEM));
- исследовательский проект «Прогнозирование и анализ комплексных угроз- III» (FACT III);
- проект «Глобальная сеть» (GlobalNet Project); – система «Сентурион» (Senturion) разработки компании Sentia Group;
- объединенная система раннего предупреждения о кризисах ICEWS;
- программа Human Social Culture Behavior Modeling (HSCB);
- программа Social Media in Strategic Communication (SMISC);
- инструмент анализа социальных сетей и динамики мнений (Social Networks and Opinion Dynamics Analysis (SNODA) tool) [12].

Отдельно отметим проект управления IARPA, финансируемый правительством США, который разрабатывает методы и технологии мониторинга многочисленных открытых источников (например, таких как: поисковые веб-запросы, блоги и микроблоги, интернет-трафик, веб-камеры отслеживания транспортных потоков, редакторские правки в Википедии и др.) с целью обнаружения индикаторов важных и критичных социальных событий.

Таким образом, проведенный обзор позволяет выявить приоритетные направления развития государственной политики в информационной сфере. По нашему мнению, к ним в первую очередь относится обеспечение безопасности и отстаивание национальных интересов в пространстве сетевых коммуникаций и социальных медиа. Такая работа может осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо совершенствование законодательной базы и создание механизмов взаимодействия с иностранными социальными медиа, т.к. «к настоящему моменту пять из двадцати лидеров Рунета по объему среднедневной аудитории являются не российскими по своему происхождению (Google, Youtube, Wikipedia, Facebook, Twitter)» [4]. При этом некоторые отечественные сервисы, такие как «Яндекс», «ВКонтакте» также находятся вне российской юрисдикции, в результате чего хранение информации осуществляется на серверах, зарегистрированных в зарубежных доменных зонах.

Во-вторых, важнейшей задачей является создание отечественного программного обеспечения, а также автоматизированных систем по мониторингу и анализу сетевых коммуникационных потоков с целью выявления источников информационного воздействия, обнаружения скрытых закономерностей и индикаторов важнейших событий в социально-политической и культурной сферах.

Наконец, в условиях девальвации традиционного ценностного и идеологического пространства повышенное внимание необходимо уделить социокультурным аспектам информационной безопасности и сохранению культурного суверенитета государства. В этой связи невозможно оставить без внимания процесс становления сетевой культуры общества и личности, который трансформирует количественные и качественные характеристики процессов нормативно-ценностной самоидентификации социальных групп, формирования субъектности и самоосознания индивидов.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 20.04.2016).
2. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015. – 272 с., илл.
3. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегемы для России. Под общ. ред. Смирнова А.И. – М.: ВНИИ геосистем, 2014. – 394 с. : ил.
4. Доклад «РУНЕТ СЕГОДНЯ: исследование российского интернета» [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/1> (дата обращения 28.04.2016).
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/182535/> (дата обращения 20.04.2016).

6. Концепция внешней политики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (дата обращения 25.04.2016).
7. Концепция Государственной информационной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2000/6/f06_01.html (дата обращения 20.04.2016).
8. Концепция информационной безопасности детей [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/20891/> (дата обращения 20.04.2016).
9. Концепция национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm> (дата обращения 20.04.2016).
10. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: Моногр./ И.А.Николайчук; Рос. ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2015. – 230, [20] с.: ил.
11. Спецсвязь ФСО России проведет мониторинг всех СМИ на предмет критики власти и не только [Электронный ресурс]. URL: http://www.exlibris.ru/media/industry_overview/detail.php?ID=6928 – статья в Интернете (дата обращения 25.04.2016).
12. Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // Вестник МГИМО университета. Вып. № 4 (31) / 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-nadnatsionalnyy-aktor-mezhdunarodnyh-otnosheniy-i-ego-sotsialnaya-filosofiya> (дата обращения 28.04.2016).
13. Arquilla, John, and David Ronfeldt. The Advent of Netwar, Santa Monica, Calif.: RAND, MR-789-OSD, 1996.
14. Vice Admiral Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future, U.S. Naval Institute Proceedings. Annapolis, Maryland, vol. 124/1/1, January 1998.
15. Ronfeldt D., Arquilla J. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/www/external/congress/terrorism/phase1/netwars.pdf> – статья в Интернете (дата обращения 28.04.2016).

Бледный С.Н., Смирнова М.И.
*Национальный исследовательский университет
 «Московский энергетический институт», Москва, Россия*

КУЛЬТУРНОЕ САМОПОЗНАНИЕ РОССИИ-ЕВРАЗИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ П.Н. САВИЦКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования и эволюции евразийской концепции геософской парадигмы культурологической идентификации России, разработанной в трудах П.Н. Савицкого и его единомышленников. Особое внимание обращается на обоснование понятия «месторазвитие», которое является отправным в работах П.Н. Савицкого. Месторазвитие наиболее полно отражает процесс пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом и представляет собой синтез пространства и культуры.

Ключевые слова: евразийство, П.Н. Савицкий, «месторазвитие», Россия-Евразия.

CULTURAL SELF-KNOWLEDGE RUSSIA-EURASIA THROUGH THE PRISM OF GEOSOPHY PARADIGM OF P.N. SAVITSKY

Annotation. This article discusses the problems of formation and evolution of the Eurasian cultural paradigm associated with geosophy concept of Russian identity. This concept was developed in the writings of P.N. Savitsky and his associates. Particular attention is concentrated on the justification of the idea of "mestorazvitie", which is a starting point in the Savitsky's works. "Mestorazvitie" the most fully reflects the process of spatio-temporal interaction between society and landscape containing it. "Mestorazvitie" also represents a synthesis of space and culture.

Keywords: Eurasianism, P.N. Savitsky, "mestorazvitie", Russia-Eurasia.

Ценность обращения к идеям евразийства определяется необходимостью дальнейшего поиска адекватных моделей исторического познания и глубиной историсофского и культурологического наследия его ведущих теоретиков.

Петр Николаевич Савицкий (1895-1968) – экономист, географ, социолог, культуролог, ученик П.Б. Струве, один из инициаторов и глава евразийства. Он получил блестящее образование в Петербургском политехническом институте. Однако после Октябрьской революции, которая оказалась для него чуждой, П.Н. Савицкий, участвовавший в белом движении, эмигрировал в Европу, где прошла его дальнейшая научная и творческая жизнь.

В 1922 г. П.Н. Савицкий стал приват-доцентом Русского юридического факультета в Праге, с 1923 г. работал в Русском научном институте в Бер-

лине. С 1925 г. он вновь возвратился в Прагу, где получил должность профессора Русского аграрного института и заведовал кафедрой экономики. В 1929-1933 гг. П.Н. Савицкий руководил отделом общественных наук Русского народного университета, преподавал в Карловом университете. В военные годы ученый был арестован гитлеровцами за антифашистскую пропаганду как участник эмигрантского оборонческого движения (РЭОД). В послевоенное время за свое антибольшевистское прошлое подвергся преследованиям, был осужден и несколько лет провел в заключении на советской территории. В 1956 г. П.Н. Савицкий был реабилитирован и вернулся в Чехословакию, где прожил до конца своих дней.

Среди основных сочинений П.Н. Савицкого: «Европа и Евразия» (1921), «“Подъем” и “депрессия” в русской истории» (1925), «Россия – особый географический мир» (1927), «Геополитические заметки по русской истории» (1927), «О задачах кочевниковедения» (1928), «Место действия в русской литературе (географическая сторона в истории литературы)» (1931), «Месторазвитие русской промышленности» (1932) и др. В своих трудах ученый продолжил тему национальной самобытности и самопознания культуры, блестяще начатую Н.С. Трубецким (1890-1938), для чего подробно разрабатывал основные географические и экономические аспекты евразийского учения. С конца 1950-х гг. П.Н. Савицкий вел переписку с Л.Н. Гумилевым – представителем «младшего поколения» евразийцев, «с восторгом и величайшим сочувствием» следя за его творчеством и поддерживая «сопоставления событий истории кочевников с событиями в истории Европы» [См.: 5].

В своих исследованиях П.Н. Савицкий убедительно доказывает, что изучение культуры невозможно без комплексного анализа особенностей того пространства, в котором формируются и развиваются этносы. Таким образом, два основных феномена – культурное ядро и окружающая его пространственная среда – имеют прочную взаимосвязь.

П.Н. Савицкий был солидарен с известным профессором-славистом В.И. Ламанским (1839-1914), который Азийско-Европейский материк от Атлантического до Тихого океана делил на три обособленных культурных «мира»: собственно, Европа, собственно Азия и Средний мир, который географически и этнически совпадает с европейской и азиатской территорией России [7, с. 3].

П.Н. Савицкий, как и В.И. Ламанский, указывает на существование, помимо Европы и Азии, еще и третьего, срединного материка – *Евразии* как особого «географического мира», большую часть которого занимает Россия [10, с. 84]. Географическая «срединность» определяет культуру Евразии как синтез культур Востока и Запада. Корни евразийской культуры – «в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас» [12, с. 302]. П.Н. Савицкий пояснял: «...учитывая то, что с понятиями “Европа” и “Азия” связаны у нас некоторые культурно-исторические представления, мы заключаем в имя “Евразия” некоторую сжатую культурно-историческую характеристику того мира, который иначе называем российским...» [12, с. 155].

Таким образом, понятию «Евразия» П.Н. Савицкий придавал не только географическое, но и культурно-историческое значение, тесно увязывая социокультурное развитие с его географически-пространственными условиями [6, с. 428]. В трудах ученого констатировалось своеобразие климата, почв, растительного мира Евразии по сравнению с сопредельными территориями. Он отвергал традиционное представление о проходящей по Уралу разграничительной линии в природе и обосновывал географическое единство России-Евразии.

Для изучения естественнонаучных и культурно-исторических аспектов существования материков евразийцами вводилось новое научное направление – «геософия» как синтез географии с историей философии. Геософия помогала совместить географические признаки с историческими, которыми характеризуется то или иное «месторазвитие» – особый исторический мир, черты духовно-психического склада, отличия государственного строя, особенности хозяйственного быта.

Термин «месторазвитие», впервые появившийся в работах П.Н. Савицкого, интерпретируется как «общежитие широкого порядка», складывающееся на основе «генетических вековечных связей» между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, и человеком, его бытом и духовным миром – с другой. «Взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями, создает свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость» [12, с. 283]. По мнению ученого, именно понятие «месторазвития» наиболее полно отражает процесс пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом и представляет собой единение пространства и культуры.

По П.Н. Савицкому, сущность месторазвития как пространственно-культурного синтеза составляет организационная идея, эйдос, который сам по себе структурно организован и который генерирует содержание месторазвития, его материю (экономическую, историческую, лингвистическую, географическую и т.д.) [2, с. 146].

При этом каждое месторазвитие имеет свое предназначение. Например, месторазвитие, именуемое «Евразия», предназначено для того, чтобы его жители создали единую хозяйственно-политическую ойкумену, евразийскую империю [12, с. 301]. Таким образом, месторазвитие осознается не только как географическая реальность, но еще и включает в себе идею культуры.

Учение о месторазвитии было продолжено в трудах других виднейших представителей евразийства, таких как Г.В. Вернадский (1887-1973) [См.: 3]. Придавая большое методологическое значение категории «месторазвития» и построенной на ее основе концепции культуры как социального пространственно-временного континуума, теоретики «классического» евразийства не были склонны к ее абсолютизации.

Концепция месторазвития, по утверждению П.Н. Савицкого, «сочетается с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, с выделением наряду с географическим самобытного и ни к чему иному не

сводимого духовного начала жизни. Сторона явлений, рассматриваемая в понятии «месторазвитие», есть одна из сторон, а не единственная их сторона; отмечаемая концепция, по замыслу, заданиям и пределам, есть одна из возможных, а не единственная концепция сущего. Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувство духовных принципов жизни...» [12, с. 292]. Только в свете этих принципов возможно, по мнению евразийцев, достижение цельного понимания мира, реализация парадигмы цельного знания. Доминантами евразийского учения являются «упор на идею системной целостности социально-исторической и географической сред и культурно-историческая колонизация человеческих сообществ, распределенных во времени относительно одной и той же территории» [9, с. 11-12].

Главным итогом исследований П.Н. Савицкого стало положение о необходимости синтетического подхода к изучению русской истории, который, наряду с приданием географическому фактору системообразующей роли, предполагал доказательство всестороннего единства российско-евразийского мира [6, с. 428]. Опираясь на идеи П.Н. Савицкого, евразийцы ставили перед собой задачу создания комплекса наук по изучению Евразии, в который предполагалось включить такие дисциплины, как геоэкономика, геополитика, геолингвистика, геоэтнография, геоархеология.

Для культурного самопознания России важнейшую роль сыграла евразийская идея культуры как «симфонической личности», предложенная Л.П. Карсавиным (1882-1952) и ставшая философской базой евразийства. Согласно данной концепции, индивид становится личностью только в соотнесенности с целым – семьей, сословием, классом, народом, человечеством, осознающим себя как «соборная личность». Взаимосвязь между личностями разной степени соборности осуществляется в культуре, которая выступает как объективация симфонической личности. Культура в свою очередь конкретизируется в индивидах, вследствие чего каждый становится симфонической личностью. Симфонической личности, таким образом, соответствует понятие культуры [8, с. 283].

Хотя традиционно в евразийстве просматривается генетическая связь со славянофильством, но в отличие от славянофилов, евразийцы считали, что русская нация не может быть сведена к славянскому этносу. В ее эволюции большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое со славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавшие с ней. В результате сформировалась русская нация, которая приняла на себя инициативу объединения разноязычных этносов в единую многонациональную нацию «евразийцев» и объединения Евразии в единое государство Россию. Оппонируя взглядам западников, утверждавших существование общечеловеческой культуры и культурное первенство Западной Европы, представители евразийства декларировали свою «серединную» позицию: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как серединную евразийскую культуру» [4, с. 375].

Таким образом, евразийцы не хотели видеть в России культурную провинцию Европы. Они искренне считали, что «богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада», уходит на Восток [13, с. 3].

Евразийцы критиковали европейскую культуру и не считали ее общечеловеческой, призывая отказаться от «европоцентризма». П.Н. Савицкий поддерживает точку зрения Н.С. Трубецкого, согласно которой западноевропейская или романо-германская культура не является высшей, самой совершенной, прогрессивной, общечеловеческой культурой. Она – порождение культурного творчества лишь одной группы народов – романо-германцев, и для всех остальных народов, если брать ее в чистом виде, непригодна. По словам П.Н. Савицкого, не существует общего мерила, при помощи которого «культурные ценности» одного народа можно было бы признать «лучше и совершеннее» культурных ценностей, созданных другим народом [12, с. 142].

России принадлежит значимое место в ряду незападных цивилизаций. Согласно евразийскому учению, Россия представляет собой и в географическом, и в культурологическом, и в историческом смысле особый мир, понимаемый значительно шире, чем исконная область проживания русского народа. Восприятие России как единого целостного мира – «Евразии», имеет у П.Н.Савицкого не только географический, но и культурный смысл. «Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого “братания” наций, не имеющего никаких аналогов в международных соотношениях колониальных империй. И “евразийскую” культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии» [12, с. 152-153].

Евразийцы были уверены, что специфика евразийской культуры и ее будущее определяется заложенной в ней возможностью реализации на разных исторических этапах альтернативных ориентаций – западной и восточной. Ее субъектом назывался «круг народов евразийского мира», между которыми российский народ занимает «срединное» положение в силу внутренней связи их культуры и жизни. Однако в историческом плане акцент ставился на освещении роли «азиатского элемента» в судьбах России и ее культурно-историческом развитии. Многолетние исследования П.Н. Савицкого и его единомышленников давали основание сделать вывод: «Итак, по мнению евразийцев, русское государство XVI-XX веков является в большей мере продолжением скифской, гуннской и монгольской державы, чем государственных форм дотатарской Руси (что, конечно, не исключает передачу других важнейших элементов культурной традиции именно этой последней)» [11]. Евразийская концепция российской истории стала основой острых дискуссий, продолжающихся и в начале XXI в.

П.Н. Савицкий был уверен, что Россия, благодаря жизненной и творческой мощи общевразийской культуры, способна возглавить «восстание человечества» против европейского ига, разрушить систему колониальных империй (речь идет о странах «Третьего мира», бывших колониальными в тот период времени), вдохнуть в поработанные европейцами народы волю к

творческому самоопределению и самобытному развитию. Он подчеркивал, что «напору материалистических и атеистических воззрений нужно противопоставить идейную сущность, преисполненную драгоценного полновесного содержания» [10, с. 93]. Россия достигает этого полновесного содержания в своем самобытном культурном богатстве, выраженном в философии, идеологии, литературе, искусстве. К специфическим, уникальным качествам россиян относятся: «целостность духовного мира, особая устремленность к поискам смысла жизни и существа земного бытия каждого человека и соборность во взаимодействии личности и общества» [1, с. 193]. Кроме того, российский народ способен извлечь урок из своих исторических ошибок, сохранять культурное наследие и приумножать культурные ценности.

Следует признать, что огромным вкладом евразийского учения в отечественное духовное наследие является утверждение о самобытности культурного мира России – Евразии. Ценность евразийской идеологии состоит в осознании уникальности России, ее ландшафтного и социального окружения, ее культуры и традиций.

Литература

1. Бледный С.Н., Рымарович С.Н. Российские общественно-политические традиции экофильности культуры (II половина XIX – I половина XX в.). – М.: Экслибрис-Пресс, 2011. – 301 с.
2. Вахитов Р.Р. Теологическая структуральная геософия П.Н. Савицкого // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 13 (304). Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. – С. 145-148.
3. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2008. – 336 с.
4. Евразийство: опыт систематического изложения // Пути Евразии. – М.: Русская книга, 1992. – С. 347-415.
5. Из писем П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилёву [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn02.htm> (дата обращения: 25.03.2016).
6. Кошарный В.П. Савицкий П.Н. // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1999. – С. 428-429.
7. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. – СПб., 1892.
8. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. – М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997.
9. Прокуденкова О.В. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 11-15.
10. Савицкий П.Н. Евразийство // Мир России – Евразия. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 83-97.
11. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm> (дата обращения: 25.03.2016).

12. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: АГРАФ, 1997. – 464 с.
13. Савицкий П.Н. Поворот к Востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. Кн. 1. София, 1921.

УДК 008
1 (47+57) (091)

Бессчетнова Е.В.

Школа философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

«РУССКИЙ ЕВРОПЕИЗМ» КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ*

Аннотация. Понятие «русский европеец» возникло в 19 веке, первым, кто дал ему определение, был Вл.С. Соловьёв в «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории». В современный философский дискурс данное понятие было возвращено В.К. Кантором, который определил «русского европейца» как строителя Великой России, исходя из европейско-христианских ценностей. Тем самым была проведена линия от А.С. Пушкина, называвшего первым европейцем в России государство, через Вл.С. Соловьёва к философам русского зарубежья Ф.А. Степуну, С.Л. Франку, Н.А. Бердяеву и Г.П. Федотову.

Ключевые слова: русский европеец, Россия и Запад, философское пространство России

Annotation. The concept of "Russian Europeans" appeared in the 19th century, Vl.S. Solovyov gave him the first definition in "Three Conversations on War, Progress and The End of World History." In modern philosophical discourse the concept was returned by V.K. Kantor, who defined the "Russian Europeans" as the builder of the Great Russia, based on the European-Christian values. Thus, the line was held from Alexander Pushkin, who called Russian state as the first European, through Vl.S. Solovyov to F.A.Stepun, S.L.Frank, N.A.Berdyaev and G.P. Fedotov.

Keywords: Russian European, Russia an West, philosophical area of Russia

Важнейшая проблема отечественной мысли, связанная с рассуждением о русско-европейской форме бытия России, по сути, представляет собой интеллектуальную историю русского европеизма – от П.Я. Чаадаева и

* Статья подготовлена в ходе проведения работы (№16-05-0017) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Н.В. Станкевича к Вл.С. Соловьёву, Н.А. Бердяеву, П.Б. Струве, С.Л. Франку, Ф.А. Степуну и Г.П. Федотову. Более того, в период правления Александра II европеизм стал официальной государственной политикой. Весь интеллектуальный контекст был перестроен на европейский лад, но плоды этой европеизации, этого периода не успели в полной мере состояться, постепенное культурное развитие России было сорвано Первой Мировой войной и революцией. Но именно русские мыслители, вынужденные покинуть Россию, оказались способны сохранить эту интеллектуальную линию, развить и передать последующим поколениям. Обычно рассматривается влияние европейской мысли на русскую, но было и обратное влияние, когда русские философы сумели показать неизвестные европейским интеллектуалам ходы мысли и значительно обогатить философию, литературу и искусство. Во многом сила влияния русской мысли заключается в ее особом типе, или же, точнее, в особой интеллектуальной традиции и особом интеллектуальном пространстве России. Основные метафизические смыслы русской классической культуры создавались на пересечении философии и литературы в горизонте высших моральных и религиозных ценностей.

Если Россия, начиная с восемнадцатого столетия и до первой четверти девятнадцатого, училась у французских просветителей, классиков немецкой философии, английских экономистов, итальянских композиторов и художников, то, начиная с середины девятнадцатого века, когда Европа начала читать Тургенева и Герцена и видеть в них интеллектуальных лидеров, русская литература, и в какой-то степени философская мысль, стали влиять на западную.

Увлеченность образованных европейцев радикализмом идей Герцена.

В Западной Европе появились последователи Достоевского, Толстого, Чехова, Мережковского. Ницше читал и восхищался Достоевским, под воздействием творчества которого находились и философы-экзистенциалисты двадцатого века. Огромным было художественное влияние русского музыкального и театрального искусства. Справедливо утверждать, что культурная Европа училась у культурной России с того момента, когда культура России, достигшая расцвета в эпоху великой русской классики, стала «бытийствовать» в высшем смысле этого слова, созидавая духовную жизнь общего европейско-русского дома. Сам факт наличия высокой классики встраивал страну в мировую повестку, позволял преодолеть не только пространственные, но и историко-временные границы. В этот период идеология «русского европеизма» достигла своего расцвета. Она была очень простой и позволяла русским интеллектуалам идентифицировать себя как участников единого процесса развития европейской культуры. Это не было слепой любовью ни к Западу, ни к России, напротив, русские европейцы очень критично подходили ко всем появлявшимся новым идеям и происходившим событиям. Это была позиция здоровой критики или даже самокритики.

Стоит напомнить, что понятие «русский европеец» возникло во второй половине девятнадцатого века. Первым кто дал ему определение был Вл.С. Соловьёв в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной ис-

тории». О том, что русские в грамматическом смысле есть имя прилагательное, а самое подходящее к нему существительное – это европеец, говорит Политик – один из героев “Трех разговоров”: “Мы русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие. <...> признавать себя солидарным, своим я буду не с какими-нибудь зулусами или китайцами, а только с нациями и людьми, создавшими и хранившими все те сокровища высшей культуры, которыми я духовно питаюсь <...> Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества» [6, с.95]. Соловьёв был европоцентрист, для него вся мировая история вращалась вокруг истории Европы. Его проект всемирной теократии по своей сути был попыткой объединить европейское человечество в одно целое. Соловьёв в основу своей «всемирной теократии» вслед за Боэцием и Данте поставил всепобеждающую силу любви как источник свободы, единства и, говоря словами великого итальянца, вечного мира (*la pace universale*). Россия же, в свою очередь, для него являлась неотъемлемой частью европейской семьи. Христианство отделило её от степной дикой Азии и ввело в семью европейских государств, в чем заключалось, да и заключается сейчас, её истинное бытие. Именно через христианство, религию наднациональную, и истинный источник просвещения философ видел возможность преодоления национального идола, тормозившего развитие России. Соловьёв жил в эпоху императора Александра III. В этот период преобладали идеи позитивизма. Его правление началось с трагических событий 1 марта 1881 года — с убийства радикалами императора-освободителя, императора-реформатора, европейца, который помнил и следовал заветам Петра Великого. Новый император взошёл на престол, руководствуясь всем понятной логикой: при его отце были реформы, которые в итоге закончились убийством, идти по прежнему пути уже невозможно, европейские реформы должны быть прекращены. Россия — это особая страна со своими идеалами, преобразования и свободомыслие в которой заканчиваются смутой. Для проводимой политики подходит тезис: «Россия для русских» или даже «Россия для православных». Происходило ущемление отличных народов, и даже религий. «Это был решительный шаг назад, если сравнить его с более космополитическим взглядом на имперское правление периода Екатерины II или начала XIX века. В этом заключался симптом смертельной болезни: русское самодержавие было обречено на быструю деградацию, и, приближаясь к концу, оно теряло имперское сознание» [2, с.239]. Сам Вл. Соловьёв Россию описывал следующим образом: «Тело России свободно, но национальный дух все еще ждет своего 19-го февраля. А ведь одним телом своим и чисто материальной работой Россия не может выполнить своей исторической миссии и выявить свою истинную национальную идею. А как ей выявиться, этой бедной русской идее, когда она заточена в тесную тюрьму, лишена воздуха и света, когда сторожат ее злые и ревнивые евнухи? Не возвращаясь вспять к царствованию Николая I и не подражая великим ошибкам этого великого государя, можем мы исправить существенные недостатки в незавершенном деле Александра II. Не надо искушать Провидение, слишком скоро забывая

преподанные нам им исторические уроки» [5, с. 247] Современный исследователь заметил, что в момент отхода Александра III от либеральных ценностей эпохи великих реформ и его ориентации на ценности патриархально-консервативные при использовании «националистической фразеологии и идей о нации как основе государства, пришедших с Запада, русский европеец Соловьёв начинает свой, можно сказать, «крестовый поход» против национализма, проблематизируя ситуацию и фразеологию» [1, с.37].

В современный философский дискурс понятие русского европейца было возвращено В.К. Кантором, определившим его как строителя Великой России исходя из утверждения высших ценностей европейско-христианской культуры, тем самым проводя линию от А.С. Пушкина, называвшего первым европейцем в России государство, через Вл.С. Соловьёва к философам русского зарубежья Ф.А. Степуну, С.Л. Франку, Н.А. Бердяеву и Г.П. Федотову. Стоит отметить, что термин «Великая Россия» принадлежит П.А. Столыпину, он употребил его в «Речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности» от 10 мая 1907 года перед Государственной думой. Позднее все русские интеллектуалы (П.Б. Струве в статье «Великая Россия (из размышлений о проблеме русского могущества)», С.Н. Булгаков в статье «Две Цусимы»), используя этот термин, обязательно давали ссылку на единственного «русского европейца» в правительстве России начала двадцатого века.

Понятию «русский европеец» ни в коем случае нельзя давать политическую оценку, оно имеет строго только культурную ориентацию. Так, политические отношения между Россией и Европы в эволюции содержания понятия «русский европеец», никоим образом не определяли контакты русских интеллектуалов с западной интеллектуальной культурой.

Это понятие гораздо глубже, нежели простое разделение русских интеллектуалов на течения и группы. Так, к примеру, во времена противостояния западников и славянофилов именно западники считались «русскими европейцами», хотя в то же самое время оппоненты были в той же мере европейски образованы и учились в тех же немецких университетах. Герцен говорил о славянофильстве и западничестве как двуликом Янусе с единым сердцем. И те, и другие начали с идеализации теорий, выросших на западноевропейской почве. Хомяков говорил о «о дальнем Западе, стране святых чудес», Н.М. Карамзин описывал Запад как чудо-место, где господствуют духовность и гуманизм. Но после жестокости и жесткости Французской революции многие стали искать гуманизм в российской государственности, период слепой любви к Западу был завершен. А.И. Герцен заговорил о феномене западного мещанина, эту тему подхватил К.Н. Леонтьев, сформировав свою собственную критическую точку зрения на «среднего европейца». Леонтьев лично не был знаком с укладом жизни западной Европы, ибо сам там никогда не жил, в отличие от Герцена, он именно благодаря своеобразно воспринятому влиянию Милля и Герцена, в отличие от массы представителей своего круга, перестал считать современную ему Западную Европу эталоном социально-политического устройства, хотя в юности общественная жизнь западных

наций казалась ему «оживленнее, утончённое и выше нашей» [9, с.87]. Леонтьев начал смотреть на Европу прежде всего как на мещанскую почву, где развивается «мелкое» знание в ущерб «высшему творчеству духа». Мыслитель видел опасность в Европе безудержного прогресса. Россия же, объединив христианский Восток, должна была быть тверда в своей вере и приверженности своим основам: Православию, Самодержавию и Народности. Леонтьев одним из первых заговорил о том, что, забыв о своих основах, забыв о христианстве, Европа неминуемо обречена на гибель.

Позиция русского европейца всегда была четко определена, под ней понималась отстаивание и защита европейско-христианских ценностей в каждой стране, формировавшейся на основе христианства. Именно эта позиция помогла русским интеллектуалам, вынужденным покинуть родину в начале двадцатого века, пережить катастрофы того страшного периода европейской истории.

В России новый век начинался с расцвета русской культуры, с появления калейдоскопа звезд русской мысли. Степун в своих философских мемуарах «Бывшее и несбывшееся» начало века описывал следующим образом: «В годы этой дружной работы облик русской культуры начинал видимо меняться. <...> не только в столицах, но и в провинции начали появляться группы людей углубленного и расширенного сознания. Параллельно с обновлением литературы обновление и русской живописи. <...> Крепли музыкальные дарования. На еще невиданные высоты поднимался театр. <...> Свидетельствуя о духовном здоровье России, в этом подъеме отчетливо намечались две линии интересов и симпатий: национальная и общеевропейская» [7, с.195]. Это была весна для русской общественной мысли и культуры. Но, в то же самое время, одновременно с появлением самостоятельной русской мысли, с обсуждением идей «Пути», «Мусагета», стало, как отметил философ, «попахивать тлением и разложением». Россия для русских европейцев по-прежнему, как и во времена Новгородско-Киевской Руси, была форпостом, отделявшим цивилизованное пространство от степных варваров, поэтому всегда была опасность и соблазн поддаться силам стихии, забыв о своем предназначении держать щит и быть защитником цивилизации. Шаткость и неуверенность в определении собственного бытия вела к тому, что русское сознание провоцировало превращение на отечественной почве любой европейской идеи в ее противоположность. Наспех брошенные на невспаханное русское поле идеи свободы и равенства были проинтерпретированы совершенно в другом ключе. К примеру, С.Л. Франк в одной из своих статей в сборнике «Из глубины»^{*} утверждал, что развал России первоначально произошел в умах людей и прежде всего интеллектуальной элиты. Она сама толкнула страну в пропасть. Одна часть вместо того, чтобы открывать народу новые перспективы, отстранилась от него, другая же часть, воспользовавшись этим, повела народ по ложному пути. Мысль Франка – что ответственность за судьбы страны несла

^{*} Речь идет о статье «De profundis»

в первую очередь политическая элита, а «народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства» [8, с. 314], вполне соответствовала взглядам Ф.А. Степуна. Философ утверждал русский иррационализм мышления, и само понимание оказались тем самым «слабым звеном в цепи», за которое ухватился Ленин, чтобы свалить Россию в «преисподнюю небытия» [3], а затем потянуть за собой и Европу. Стоит отметить, что большинство русских философов эмигрантов рассматривали именно большевистскую революцию исходной катастрофой XX века. Они полагали, что первая мировая война открыла новые средства ведения войны и массового уничтожения, а вот новый способ организации общественной и политической жизни дала революция 17-го года [4, с.50-67]. Наступило время, говоря словами Н. Бердяева, «нового средневековья», когда христианские ценности были заменены новыми, направленными против них антихристианскими ценностями.

Наблюдая расцвет двух самых влиятельных тоталитарных режимов (большевистского и нацистского), русские европейцы были уверены, что кризис европейской культуры возможно преодолеть только через возвращение к истинным и вечным христианским ценностям и всегда сохраняли надежду, что христианские смыслы восторжествуют вновь в Европе и России, и верность своему убеждению, что спасение заключается только в мирной работе по воспитанию личности на основе заповедей Христа, следуя путем первых христиан, передававших истину от человека к человеку. Только такой метод убеждения может быть действенным, перед ним все современные средства пропаганды и массового обращения (пресса, телевидение, интернет) бессильны. Ф.А. Степун писал об этом: «Как безвыходна была бы история человечества, если бы она почти 2000 лет тому назад не осветила бы светом христианства. Отменив богооткровенную истину все «только» человеческие мудрствования и навеки победив тишайшею тайною Вифлеемской ночи все титанические замыслы безбожного самоуправства, христианство призвало всех нас, юных и старых, здоровых и больных, богатых талантами и нищих духом к столь великому преображению мира, перед которым распадаются в прах самые смелые мечты о революционном переустройстве человеческой жизни» [7, с.324].

Сегодня набирающие силу политически ангажированные интерпретации России как не-Европы, которые обострены процессами демонтажа исторических и духовных ценностей в самой Европе, вновь возвращают российское общество к проблеме исторического выбора и цивилизационного самоопределения. Осуществить выбор без культурфилософской рефлексии предыдущего опыта русских мыслителей – русских европейцев – невозможно. Это делает работу не только по переосмыслению интеллектуального наследия России, но и по формированию нового поколения «русских европейцев» крайне актуальной и практически значимой. Сегодня главной задачей русского европейца сегодня является критический взгляд изнутри и на Россию, и на Запад, ибо это части одного целого, столь милого и родного для русского европейца.

Литература

1. Кантор В.К. Владимир Соловьёв о соблазне национализма//Соловьёвские исследования. – Иваново: ИГЭУ, 2010. - № 4. – С.37
2. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. – М.: РОССПЭН, 2008. – С.239
3. Кантор В.К. Федор Степун: русский философ против большевизма и нацизма [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/45/ka13.html> (дата обращения: 24.04.2016).
4. Люкс Л. Семен Людвигович Франк о тоталитарных соблазнах XX века. //Сборник «Самый выдающийся философ» Философия религии и политики С.Л. Франка. – М.: Издательство ПСТГУ. – С. 50-76; РОССПЭН, 2008. – С.239
5. Соловьёв В.С. Русская идея//Соловьёв В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 247.
6. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории//Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва/Под ред. и с прим. С. М.Соловьёва и Э. Л. Радлова. Т. 1–X. 2–е изд. Т.10. – СПб., 1911-1914.
7. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. В 2 т. – L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. Т.1. – P.195.
8. Франк С.Л. De profundis // из глубины: Сб. статей о русской революции. Париж, 1967 С.314.
9. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850-1874 гг. – СПб.: Алетейя, 2007. – С.87.

УДК 378:14

Даренский В.Ю.

*Луганский государственный университет
им. Т. Шевченко, Луганск, Россия*

ИДЕОЛОГИЯ НЕПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА МЕНТАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются сущность и «механизмы» конституирования ментальной идентичности российской нации в различных социо-культурных сферах. Анализ специфических аспектов этого единства основывается на концепции «непотребительского общества». Особое внимание уделено анализу духовно-нравственной детерминации жизни в рамках «непотребительского» типа цивилизации.

Ключевые слова: идеология, непотребительское общество, идентичность, Россия.

IDEOLOGY THE “NON-CONSUMERS” SOCIETY AS THE MENTAL IDENTITY OF A RUSSIAN NATION

Annotation. The essence and “mechanisms” of constituting of the mental identity of a Russian nation and in its different socio-cultural spheres are investigated in article. The analysis of specific aspects of this unity is based upon the conceptions of “non-consumers” type of human socio-cultural being. Special attention in article devotes to analysis of spiritual and moral determination of human behavior according to the “non-consumers” style of life.

Keywords: ideology, “non-consumers” society, identity, Russian.

Как показывают новейшие исследования общественного мнения и соответствующие выводы социологов, «последний опыт сближения с Западом по целому ряду причин оказался для россиян разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, – преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западных увлечений... В середине 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем, что очень важно, не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства... в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В этой связи, прежде всего, надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия “Россия”, а также тесно связанного с ним понятия “русский”» [1]. Эти настроения отчетливо свидетельствуют о том, что российская нация в настоящее время испытывает объективную потребность в консолидации на основе собственных ценностей и в развитии самосознания, обеспечивающего ее единство.

Единство нации – это не столько теоретическая, сколько жизненно-практическая проблема и задача. Как справедливо отмечает Е.А. Гнатенко, «реальное, а не утопическое и мечтательно, единство должно быть не изобретено человеческими силами, не создано в лаборатории философа, но опознано, узнано в окружающем нас мире, лишь тогда оно будет объективным» [2]. Однако один лишь стихийный процесс поиска единства в массовом сознании миллионов людей сам по себе не может привести к продуктивному результату без специальной теоретической рефлексии гуманитариев, которые через и систему образования и СМИ способны создавать особое дискурсивно-смысловое «поле» конституирования гражданского и национального самосознания.

В рамках такого дискурсивно-смыслового и культурного «поля» можно выделить два наиболее принципиальных аспекта данной проблемы. Во-первых, это выработка определенного концепта-символа, который бы фиксировал специфический смысл консолидации различных этносов в

единую российскую нацию в условиях современного глобализированного мира. Во-вторых, этот концепт должен выполнять и функцию яркого и общепонятного жизненно-практического символа, на основе которого возможно взаимопонимание поколений, обеспечивающего преемственность смысла национального бытия. Без последнего невозможно не только возрождение патриотизма и творческой активности ради общего блага, но и возрождение устойчивой семьи и преодоление демографического кризиса.

Последний аспект – *единство нации во времени как единство поколений* – в настоящий момент является едва ли не самым важным, поскольку именно разрушение традиционной семьи в условиях современной посттрадиционной цивилизации является самой большой угрозой жизнеспособности народа, – намного большей, чем угрозы распада нации по этническим границам. Физическое вымирание народа как такового можно преодолеть только в том случае, если поколения будут связаны между собой общей патриотической целью служения Отчизне на различных поприщах жизни – и только в таком случае будет сохраняться устойчивая потребность в детях как продолжателях общего дела, а дети будут видеть в родителях авторитет как в людях, которые сумели послужить своей Родине. Это означает, что в современных условиях главным фактором возрождения жизнеспособного типа человека является развитие *непотребительского общества с суверенными ценностями*.

Этот глубинный, экзистенциальный аспект единства народа вместе с тем является и «ключом» к укреплению «внешнего», то есть социального, ментального и межэтнического единства. «Общим знаменателем», способным объединять в единую прочную общность российской нации людей разных этносов, разных «культурных миров» и разных религий в сложившихся ныне условиях может быть только осознание двух фактов: 1) только в рамках России как большого и самодостаточного государства им могут быть обеспечены условия достойного развития в разных сферах жизни – в противном случае, этносы, проживающие на этой территории, были бы обречены на падение в нищету и стагнацию «третьего мира» без всяких перспектив; 2) только в рамках России как особого цивилизационного пространства живущие здесь люди остаются хотя бы относительно защищенными от таких деградиционных воздействий извне, как *целенаправленное* разрушение традиционных религий, традиционной морали и традиционной семьи, которое очень быстро приводит к вырождению человека до уровня «биосоциального робота» – этого идеального «субъекта желаний» так называемой «цивилизации потребления».

В современной консолидации российской нации важнейшую роль играет *историческое просвещение народа*, знание исторического опыта своих предков, крайне актуального и в настоящее время. Историческое образование Российского государства и самобытной русской цивилизации было отнюдь не случайно: оно было обусловлено объективной необходимостью внутренней самоорганизации огромных этнически и культурно разнородных пространств перед вызовом перманентной внешней агрессии с Запада и Востока. Это, в свою очередь, предполагало особую функцию государства как *создателя*

общества. Соответственно, и в самом российском обществе над всеми индивидуальными и групповыми интересами всегда доминировал принцип взаимопомощи, без первенства которого вообще нельзя было бы выжить в столь суровых исторических и природных условиях. Русский народ оказался способным ответить на вызов этой объективной необходимости только благодаря особым качествам, воспитанным Православием.

Такой характер цивилизации делает ее очень сильной внешне и очень уязвимой внутренне – на уровне *веры* в истинность охраняющего ее Государства. Эта глубинная особенность русской цивилизации отразилась в известной строке Ф. И. Тютчева «В Россию можно только верить». Именно уязвимость веры в справедливость Государства является специфической причиной русских смут и революций, о чем В.В. Кожин писал так: «Восстания населения на Западе... преследовали конкретные *экономические* цели; между тем, сотрясавшие Россию мощные бунты были, по слову Пушкина, “бесмысленными”, то есть не имевшими прагматических целей и, как убедительно доказывал Ключевский, порождались утратой веры в наличную Россию» [3]. Это были бунты в первую очередь нравственного чувства справедливости, а не расчетливые восстания с четкими прагматическими целями, как в Европе.

В основе российского национального единства лежит особый *архетип социальности*, воспроизводящийся в различных формах в разные исторические эпохи и обеспечивающий успешное житнетворчество народа. Таким архетипом для России было и остается *выживание в условиях перманентной внешней агрессии и скудной природы, возможное лишь благодаря особой культуре взаимопомощи и нестяжательства (приоритет духовного над материальным), а также особой роли государства*. Именно от той меры, насколько реализовывался этот идеал в различные эпохи русской истории, зависела жизнеспособность народа и сила его государства, а отступление от него всегда вело к катастрофам.

Кроме того, сам *мобилизационный* характер власти в России всегда делает российскую власть «самодержавной» независимо от ее частной формально-юридической формы. Любые так называемые «противовесы» единому центру власти в России с «математической» закономерностью приводят к социальным катаклизмам и разрушению государства, поскольку эти «противовесы» неизменно оказываются агентами интересов геополитических конкурентов России. И это совершенно закономерно. Это объясняется тем, что российский социум имеет своеобразный *бисистемный* характер – он не только интегрирован как целостность, но и постоянно находится под воздействием извне, пытающимся лишить его самостоятельности. И часть российского социума во все времена стремится не к внутренней системной интеграции со своим народом, а лишь к *внешней интеграции* в систему западного мира. Эта бисистемность впервые проявилась еще во времена св. Александра Невского, подвиг которого состоял не только в победах над внешними агрессорами, но и в ликвидации внутренней оппозиции прозападного боярства, стремившегося интегрировать

новгородские земли в «европейское сообщество» в статусе полукOLONиальной периферии (и этот статус их вполне устраивал как *иносистемную* группу в русском социуме). Эта коллизия, впервые удачно разрешенная св. Александром Невским, стала «парадигмальной» для всей дальнейшей российской истории. В полной мере она разыгрывается и в настоящее время, когда возрождению России на основе консолидации единого центра власти постоянно противостоят прозападно, а часто и откровенно русофобски настроенная часть общества, всячески демонизирующая власть как таковую.

Особо уязвимой для разрушительного воздействия враждебных сил всегда оказывалась именно *ценностно-смысловая* основа идентичности россиян и главная – нравственная основа российской государственности. Ни российское государство, ни даже сам русский народ никогда не возникли бы на основе лишь прагматических устремлений населения определенных территорий (а именно так возникло подавляющее большинство других наций и государств), но изначально включали в себя элемент *бескорыстного служения высшей правде и самопожертвования в качестве стержневого мотива исторической жизни* – т.е. такого мотива, без которого все остальные оказываются бессильными. Ключевые события российской истории всегда были *нравственными* событиями в глубинах народного духа, уже потом выражающихся во внешних деяниях. Но эта главная основа бытия России в истории – способность к нравственному подвигу и самопожертвованию – оказывается одновременно и самой мощной побудительной силой к великим деяниям, и самым хрупким и уязвимым для внешних воздействий основанием, поскольку предполагает постоянное воспроизведение этой способности к нравственному усилию, ничем не поддерживаемой, кроме христианской совести и примера великих предков.

Суть «формулы» (А.С. Пушкин) русской истории состоит в том, что *для русской истории на всем ее протяжении определяющими были ситуации нравственного выбора* – как отдельных выдающихся личностей, так и всего народа в целом. В свою очередь, суть этого выбора всегда состояла в покаянии за совершенные грехи и в жертвенности на благо Отечества. Только благодаря этому Русь смогла выжить в тяжелейших исторических условиях и стать великой Россией – и не просто государством, но целой многонациональной цивилизацией со своей самобытной культурой и исторической судьбой.

В настоящее время традиционный уклад русской цивилизации практически полностью разрушен, а русский национальный характер даже в тех случаях, когда он действительно сохранился на личностном уровне, деформирован общеизвестными историческими коллизиями. Однако поскольку «постсоветские» страны никогда не попадут в «золотой миллиард», а значит построение здесь общества по западным стандартам а priori утопично, то именно реконструкция ценностей русской цивилизации и соответствующей им государственности является единственной перспективой выживания.

Стоит привести интересные размышления современного богослова о. Всеволода Чаплина, касающиеся современности и самого ближайшего будущего: «В России все время возникает напряжение между реальной жизнью и западными идеями, принятыми властью за основу... Так было при многих монархах XVIII-XIX веков, так было при “марксистах”, так есть и сейчас... Не зря вздыхает демократический догматист, как раньше вздыхали догматисты коммунистические: все их клише и модели разрушаются о российский образ жизни, о наш народный характер»; нынешним западникам снова «хотелось бы изменить народ, подстроить его под свои идеалы. Но на самом деле выйдет иначе. Россия перемелет идеологию и строй западной демократии, как перемолола марксистский коммунизм, наполнив его совершенно иным содержанием... За фасадом формально... прозападного политического режима у нас всегда будет идти собственная жизнь» [4].

Исходя из всего сказанного, формулировка основных принципов российского национального единства возможна такая: *это непотребительское общество, основанное на доминировании духовно-нравственных ценностей над материальными, с особым отношением к своему государству как гаранту существования народа в условиях внешней и внутренней русофобии, с особой культурой взаимопомощи, с необходимостью постоянной и сознательной работы по возрождению жизнеспособности народа вопреки деструктивным воздействиям современной цивилизации и возрождению исторического самосознания народа вопреки целенаправленному воздействию русофобской пропаганды.* Более конкретно эти принципы предполагают:

- разумное самоограничение материальных потребностей как условие свободы личностного развития и чувства удовлетворенности жизнью на основе духовно-нравственных опор;
- индивидуально-самобытный образ жизни как высшая социальная ценность, утрата которой приводит к невротическому потребительству;
- существенная деполитизация общества, предполагающая отношение к государству как самоценности, обеспечивающей выживание русской нации в условиях современной цивилизационной конкуренции.

Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие виды и формы социальной активности, необходимые для развития современной техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет в современном мире. Однако само по себе это освоение также не означает выживание России в качестве именно России. Если будет утрачен этот ценнейший человеческий тип с его уникальными нравственно-психологическими чертами, в течение веков формировавшийся суровой русской историей и Православием, то само существование России утратит всякий смысл. Она в таком случае может стать пусть и развитой, но всего лишь одной из многих безликих американизированных стран «общества потребления». *Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности.* Хотя в России тоже чрезвычайно распространился западный, а теперь уже и

общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации – эгоцентрического индивида с примитивно стандартизированными потребностями и примитивным инфантильным мировоззрением, смысловое «ядро» российского социума еще продолжает формировать и традиционный тип русского человека, «*homo russicus*», провиденциально законсервированный в советскую эпоху и ныне способный противостоять разрушению народа. Именно он и является тем социальным и нравственным «ядром», на основании которого возможно развитие российской нации на основе смыслополагающей идентичности.

Литература

1. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН; Фонд Ф. Эберта, 2010. – С. 167.
2. Гнатенко Е.А. Единство народа как научная и нравственная проблема // Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура. – М.; Белгород: БелГУ, 2013. – С. 107-108.
3. Кожин В.В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Кожин В.В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО, 2002. – С. 38-39.
4. Чаплин В., прот. Лоскутки. – М. ДАРЬ, 2007. – С. 184.

УДК 008:39
008:351.858

Донец П.Н.

*Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина*

«АХЕДЖАКОВЩИНА» И «СМЕРДЯКОВЩИНА» КАК ВИДЫ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье речь идет о видах негативной этнической идентичности, описываемой формулами «мы перед всеми виноваты» («ахеджаковщина») и «мы уступаем Западу и должны подражать и подчиниться ему» («смердяковщина»). Рассматривается также феномен ложной этнической идентичности.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, негативная этническая идентичность, ложная этническая идентичность.

ABOUT SOME TYPES OF NEGATIVE ETHNIC IDENTITY

Annotation. The paper discusses some types of negative ethnic identity expressed by «it is all our fault» and «we yield to the West, and must copy and be subordinated to it» formulas. The phenomenon of false ethnic identity is also considered.

Keywords: identification, identity, negative ethnic identity, false ethnic identity.

Под «идентичностью» в данном случае понимается результат идентификации, то есть известной логической операции отнесения некоего объекта к определенному классу таковых. В случае, если идентифицируемый объект является человеком, то речь идет об отнесении некоего индивида к определенному социальному классу.

Идентификация может быть предпринята как наблюдателем извне – тогда мы имеем дело с *внешней* идентичностью, так и самим индивидом – тогда налицо *автоидентичность*. В социопсихологических и культурологических исследованиях в виду имеется обычно последняя.

Идентичность личности складывается из комбинации многих идентификаций – гендерных, возрастных, профессиональных, религиозных, региональных, этнических, государственных и т.д. В современном гуманитарном дискурсе основное внимание уделяется, пожалуй, этно-государственным и религиозным идентификациям.

Указанная логическая процедура идентификации имплицитно задает ряд вопросов: На основании каких признаков индивид относит себя к соответствующему классу? Являются ли они присущими данному индивиду в действительности, а не вымышленными, внушенными и пр. – другими словами, не является избранная им идентичность ложной? Какая из конкурирующих идентификаций (к примеру, региональная – этническая – религиозная, этническая – этническая) окажется доминирующей?

Все же определяющим признаком феномена идентичности в социальном поведении представляется результат этих идентификаций – осознание индивидом прав и обязанностей в силу принадлежности к соответствующим социальным классам – своего рода *jus* и *ethos* личности. Эти блоки идентичности могут быть также описаны формулами: «к какой группе я отношусь, и какие мои права из этого проистекают»? и «к какой группе я отношусь, и какие мои обязанности из этого проистекают»?

Принадлежность к определенной социальной группе в автоидентичности (в отличие от идентичности внешней) обычно оценивается положительно, что касается, в частности, этнической идентичности. Но для этого правила существуют немногочисленные исключения, к которым относится и российская идентичность.

В последнее время в российском интернет-сегменте распространился мем «Простите нас, ...», связываемый с изображением актрисы Л. Ахеджаковой. Существует даже специальный сайт, позволяющий создавать и хранить соответствующие демотиваторы (рис.1).

В верхней части сайта мы можем прочитать, что интернет-сообществом составлено уже 9694 «ахеджаков», а ниже дается толкование ключевых терминов.

Термины:

Ахеджак

извинение в стиле Лии Ахеджаковой от имени всех россиян по любому поводу или вообще без повода.

Ахеджакнуло.РУ
Создано ахеджаков: **9694** шт.

VK 114 f 1624 28 3 G 55

Термины:

Ахеджак
извинение в стиле Лии Ахеджаковой от имени всех россиян по любому поводу или вообще без повода.

Ахеджакнуть
глагол, означает "извиниться как Лия Ахеджакова, потому что она сама везде не успеет".

Ахеджакнуло
производное от "торкнуло" - состояние интеллигента-гуманитаря, в котором постоянно хочется извиняться за что-либо от имени всех русских (особенно если сам пациент - нерусь).

ahedzhaknulo.ru

Простите нас кто-нибудь за что-нибудь!

Рис. 1 [<http://ahedzhaknulo.ru/>]

Ахеджакнуть

глагол, означает «извиниться как Лия Ахеджакова, потому что она сама везде не успеет».

Ахеджакнуло –

производное от «торкнуло» – состояние интеллигента-гуманитаря, в котором постоянно хочется извиняться за что-либо от имени всех русских (особенно если сам пациент – нерусь).

Итак, в случае «ахеджаковщины» мы имеем дело с негативной идентичностью, этос которой требует извиняться за все реальные и мнимые преступления российского этноса.

Исторически «ахеджаковщина» – относительно молодое явление, хотя в этой связи можно вспомнить известную статью В.И. Ленина «О национальной гордости великороссов». Впрочем, не исключено, что она является вывернутым наизнанку старым комплексом российской интеллигенции «вина перед простым народом».

Интересна также корреляция с полностью противоположной идентичностью «украинства»: «Нас всі гнобили, і всі гноблять».

Вторая негативная российская идентичность, которую мы хотим назвать «смердяковщиной» и которую можно определить, как шовинизм наоборот (стремящийся к нулю «jus», в нашей терминологии), напротив, имеет достаточно глубокие исторические корни.

Сам термин навеян одним из наиболее отвратительных персонажей Ф. Достоевского из романа «Братья Карамазовы», произнесшим следующую, как сейчас сказали бы лингвисты, «прецедентную» фразу:

«— Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с.

— А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?

— Да и не надо вовсе-с. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие у нас порядки-с» («Братья Карамазовы», глава «Смердяков с гитарой»).

Смысл ее сводится к двум признакам: 1) французы (расширенно – Запад) являются более умной (расширенно – цивилизационно более развитой) нацией, чем русские; 2) подчинение Западу (расширенно – подражание ему, принятие его жизненных стандартов за образец) значительно улучшило бы русские порядки (русскую жизнь).

Если рассматривать ситуацию с индивидуально-психологической точки зрения, то первый пункт сразу же приведет любого наблюдателя в изумление: много ли найдется людей, готовых признать, что они глупее других? Здесь мы явно сталкиваемся с дефектом умственного развития («контузией мозга» или «вывихом сознания» как сейчас принято говорить), когда индивид не понимает, что характеристика определенного класса действует и в отношении его конкретных представителей: другими словами, если русские – глупые, а Смердяков – русский, то он, получается, тоже глупый.

Попытавшись проанализировать вопрос о цивилизационном превосходстве Запада над Россией объективно, следует признать, что здесь все не так просто, как казалось Павлу Смердякову и кажется современным «смердяковым». Подробное его рассмотрение заняло бы слишком много места, но вкратце в этом отношении можно сказать следующее: Запад, вполне может быть, действительно превосходил (и превосходит сейчас) Россию по уровню цивилизационного развития, однако: 1) не по всем параметрам; 2) так было не всегда, и нет никакой гарантии, что так будет всегда; 3) благоденствие Запада является следствием уникального наложения ряда природных и культурно-исторических факторов друг на друга, полное повторение которого в ином месте и в иное время вряд ли возможно; 4) ныне живущие поколения Запада пользуются результатами усилий предыдущих поколений; 5) благосостояние Запада во многом зиждется на явном и скрытом ограблении народов иных рас и культур, в том числе России – как в прошлом, так и в настоя-

щем; б) хваленые нормы «цивилизованного обращения» Запада действуют только по отношению к «своим», но никак не вовне, к «чужим».

Переходя ко второму признаку смердяковщины («подчинение Западу»), можно сказать, что его крайняя форма – желание поражения собственному государству в войне (причем в войне агрессивной со стороны противника) – настолько неслыханно для общепринятой морали, в свою очередь, восходящей к тысячелетнему опыту народов мира, что может расцениваться лишь как акт прямого предательства в худшем случае и в лучшем – глумления. Определенную роль здесь, конечно, играет и упомянутая выше умственная ограниченность – «смердяковы» почему-то исключают себя из числа тех, кого коснутся бедствия войны и оккупации.

Менее выраженные формы этого признака (прямое или завуалированное подчинение; «ориентация», т.е. попытки копирования институтов, норм, ценностей, поведенческих и деятельностных стереотипов и т.д.) обусловлены причинами двоякого рода: 1) социокультурными и 2) индивидуально-психологическими.

Причины первого рода, как это вытекает из самого термина, носят культурный характер, т.е. присущи значительной части членов соответствующего социума, были переданы им предыдущими поколениями и восприняты бессознательно – помимо их воли.

В культурологии принято разграничивать «активистские» и «пассивистские» культуры. Различаются они, в частности, реакцией на провоцирующие стимулы извне – если первые воспринимают их как вызов, который следует принять и попытаться справиться с ним, побороть его, то вторые пытаются уйти от раздражающих факторов, а если это не получится – приспособиться, адаптироваться к ним. Классический «Запад» – активистская культура, классическая «Россия» – пассивистская.

Пассивизм, в свою очередь, может быть обусловлен «женственностью» и «инфантильностью» культур. Отнесение российской культуры к «женственным» имеет давние традиции в науке и публицистике и, пожалуй, четче всего выражено выдающимся русским философом Н. Бердяевым, который писал: «Великая беда русской души (...) в женственной пассивности, переходящей в "бабье", в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем. Русский народ слишком живет в национально-стихийном коллективизме, и в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав» [1, с. 47]; «Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа. (...) И здесь, как и везде, (...) мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного. Корень этих глубоких противоречий – в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. (...) Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного. В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне. (...) Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-

чиновник и владеет ею. (...) Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилистическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицали культуру» [2, с. 13].

Метафора «женственности» применительно к России иногда конкурирует со сравнением с незрелостью, подростковостью, инфантильностью – например, философ Л.В. Карасев говорил, полемизируя с Бердяевым: «Не о "вечно бабьем" или "неотмирном" в русской душе надобно говорить, а о "детском". Символ детства должен стоять на самом видном месте, а не в ряду случайных, необязательных символических обозначений, ибо "детское" помогает понять главное в душе народа. (...) Детскость — причина и условие, все, остальное — следствия и переименования. Русские, по Бердяеву, – "апокалиптики" и "нигилисты". Что это, как не портрет душевного склада ребенка? Он тоже "апокалиптик", его интересует результат, "конец", и он же — "нигилист", ибо не знает в своем отрицании меры; если он обижен, то сразу на весь мир. (...) Древо европейской культуры предлагало много плодов; русские взялись за те, что показались им самыми привлекательными и отравились. Не потому ли – продолжу это известное сравнение, — что дети вообще труднее справляются с инфекциями?» [3, с. 93].

Еще одно свойство детского ума – верить в чудеса. Увы, эта черта и доныне сохранилась в русской культуре – когда-то люди верили в страну Беловодье, где текут «молочные реки с кисельными берегами», затем – в социализм с коммунизмом, где всего будет «по потребностям» и бесплатно, затем – в «невидимую руку рынка», которая как-то сама по себе все устроит и наладит. Смердяковщина – одно из проявлений той же тенденции, вера в чужого (западного) дядю, который накормит, напоит, обогреет, наведет порядок, накажет обидчиков и т.д. Другими словами, мы имеем здесь дело с каким-то извращенным патернализмом – ведь надежды возлагаются не на отца, а на чужого дядю, геополитического противника, а зачастую и откровенного врага.

Меланезийские аборигены, и те оказались в этом отношении более зрелыми – они, по крайней мере, верили, что западные товары, падавшие когда-то с небес во время 2-й Мировой войны, были созданы духами их собственных предков (карго-культ).

Уязвимой для «смердяковщины» Россия была не только из-за культурной, но и из-за природной (натурной) специфики – соответствующий механизм может быть назван «синдромом бедного среднего класса»: если в Средиземноморье, в Южной и Западной Европе прибавочного продукта хватало не только на самого главного феодала – короля или герцога – но и на относительно широкий слой графов и баронов, то в холодных и неприветливых степях и лесах Евразии роскошь мог себе позволить лишь самодержец и самые главные его приближенные. Именно поэтому средний класс дворян и бояр (а затем бюрократов и «интеллигентов») был склонен к бунту и госу-

дарственной измене, завидуя материальному положению своих собратьев в более теплых и плодородных краях.

Возможны – хотя и с трудом доказуемы – психоаналитические спекуляции относительно танатического архетипа (архетипа мортидо) в русской душе. Но некоторые поговорки («Бей своих, чтобы чужие боялись»), наблюдения юмористов: «В драке не помогут, в войне победят» (М. Жванецкий), анекдоты (например, о котлах в аду, где русских не нужно охранять, потому что они сами стаскивают вниз желающих выбраться) заставляют задуматься.

С точки зрения индивидуальной психологии, среди «смердяковых» можно выделить 4 подтипа: (1) «карасей-идеалистов» (по Салтыкову-Щедрину), верящих в благородство и чистоту намерений Запада; (2) «плохишей» (по Гайдару), готовых всегда продаться «буржуинам» за бочку варенья и ящик печенья – иначе говоря, просто ренегатов; (3) «курбских» – лиц, пострадавших, заслуженно или незаслуженно, от государства и потому озлобившихся на него; (4) «лузеров» – неудачников в личной, социальной и/или профессиональной жизни, пытающихся изжить свои комплексы через известный в психоанализе защитный механизм проекции: осознание собственных несовершенств/неудачливости → приписывание вины за них другим (правда, не отдельным личностям, как это обычно бывает, а этносу в целом) → отторжение этноса → освобождение от чувства собственной несостоятельности.

«Смердяковщина» существовала задолго до появления знаменитого романа Ф. Достоевского, первым из ее представителей, видимо, должен считаться упомянутый уже А. Курбский, затем эстафету подхватили П. Чаадаев, В. Печерин, А. Герцен, дореволюционные большевики, выдвинувшие в период 1-й мировой войны лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую», многие диссиденты 70-80-х годов (например, В. Войнович, однако были и примеры обратного – А. Солженицына, А. Зиновьева, В. Максимова к «смердяковым» отнести, безусловно, нельзя), писатель В. Суворов (В. Резун). В последнее время заявлениями в «смердяковском» духе отметились Ю. Латынина, А. Альбац, Л. Пономарев, А. Макаревич и др.

Практически одновременно с дискурсом «смердяковщины» возник и ее антипод, представленный в произведениях А. Пушкина («... ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков ...»), Н. Гоголя («Тарас Бульба»), Ф. Тютчев («Как перед ней ни гнитесь, господа, // Вам не снискать признанья от Европы: // В ее глазах вы будете всегда // Не слуги просвещения, а холопы»), В. Маяковский («... у советских собственная гордость: // на буржуев // смотрим свысока...»).

Наряду с негативной идентичностью может быть выделена идентичность *ложная*, суть которой состоит в том, что индивид относит себя к социальному классу, к которому он в действительности не принадлежит. Она встречается, по крайней мере, в двух вариантах: (1) непонимание разнородности типов внешне схожих социальных классов – так, многие жители быв-

шего СССР не понимают разницы между «украинством» (идеологический класс) и «украинцами» (этнический класс или класс граждан государства Украины); (2) причисление к одному классу представителей на самом деле разных классов – так, к этническому классу «украинцев» относят себя большинство галичан и многие русские граждане Украины. Она может быть как результатом манипуляции (политической и идеологической) в процессе инкультурации (например, в системе образования) и посредством пропаганды в СМИ, так и следствием добросовестного заблуждения на основе таких признаков, как запись национальности в документах, семейные предания, фамилия, внешность, элементы дискриминации со стороны окружающих, административные границы места проживания и т.д.

Подводя итоги исследования, укажем на то, что негативная идентичность столь же мало соответствует здоровому национальному самоосознанию, как и шовинизм с этноцентризмом. С нею необходимо бороться – как и с идентичностью ложной, не отвечающей принципу рациональности.

Литература

1. Бердяев Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе / Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Сов. писатель, 1990. – С. 36-47.
2. Бердяев Н.А. Душа России / Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Сов. писатель, 1990. – С. 8-35.
3. Карасев Л.В. Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 92-104.

УДК 316.74:2

Ефремова Ж.Д.

Ливенский филиал ОГУ им. И.С. Тургенева, Ливны, Россия

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Рассматривается вопрос религиозной идентичности молодёжи Орловской области, понятия «религиозность», «воцерковленность», определяются критерии религиозной идентичности. Анализируется степень вовлеченности молодёжи Орловской области в религию и соблюдение религиозных традиций. Рассмотрены и проанализированы результаты повторного социологического исследования, проведённого автором в 2008 и 2015 годах.

Ключевые слова: религиозность, воцерковленность, религиозная самоидентификация, конфессиональная самоидентификация, религиозное поведение.

THE RELIGIOSITY OF TODAY'S YOUTH: CHANGES IN DYNAMICS

Annotation. The issue of religious identity of youth in the Oryol region is examined, the concept of religion, attachment to the church, criteria of religious identity is determined. The degree of Oryol youth involving in religion and observance of religious traditions is analyzed. The results of repeated sociological study that the author conducted in 2008 and 2015 are reviewed and analyzed.

Keywords: religiosity, attachment to the church, religious identity, confessional identity, religious behavior.

Изменения, которые происходят в нашей стране уже более четверти века, затронули все области общественной жизни, в том числе социокультурную и религиозную. Трансформировались положение, значение и значимость религии и церкви в жизни общества, увеличилась религиозность граждан, в том числе – молодёжи. На самых высоких уровнях обсуждаются вопросы об использовании нравственного и культурного потенциала традиционных конфессий в воспитании подрастающего поколения.

Понятие “религиозность” характеризует соотнесённость религии с определенным социальным субъектом. По определению Р.А. Лопаткина, “под религиозностью понимается определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний” [3, с. 194].

Основной задачей данной статьи является социологический анализ религиозности учащейся молодёжи на основании конкретного социологического исследования. Целью исследования было определение значимости религиозного фактора в жизни молодёжи, её вовлеченность в культовую практику. Исследование было проведено среди студентов и школьников г. Ливны Орловской области методом анкетного опроса закрытого типа в феврале-марте 2008 года и повторно в ноябре 2015 года. Опросы проводились среди молодёжи в возрасте от 15 до 25 лет. В опросе 2008 года приняли участие 278 респондентов, в 2015 года - 213 респондентов. Соотношение юношей и девушек в выборке 2008 года составило 51% к 49%, в выборке 2015 года – 67% к 33%.

Социальный факт религиозности субъекта устанавливается в соответствии с некоторым критерием религиозности, считающимся необходимым и достаточным для признания ее как существенного качественного состояния личности или группы. Вопрос о критериях религиозности разными специалистами решается по-разному. Существенные различия наблюдаются как в количестве индикаторов измерения религиозности, так и в качественных признаках, определяющих, что именно нужно измерять [1].

В работах ведущих отечественных социологов религии на настоящий момент четко обозначены две принципиально различающиеся методологические установки относительно качественного признака (или признаков) религиозности.

Первая позиция представлена группой исследователей в лице Д.Е. Фурмана, С.Б. Филатова, Р.Н. Лункина, Л.М. Воронцовой, Н.А. Митрохина и некоторых других социологов [4,7,8]. Качественным моментом определения религиозности выступает практическое подтверждение религиозной позиции субъекта, выражающееся в регулярных культовых действиях. Напротив, “культурная религиозность, или религиозная самоидентификация”, по мнению исследователей данной группы, “является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова” [7, с. 39-40].

Выразителями второй позиции в отечественной социологии являются такие исследователи, как В.Ф. Чеснокова, Ю.Ю. Синелина, З.И. Пейкова и некоторые другие авторы. Данная группа социологов склонна считать, что ключевым признаком, который должен лечь в основание критерия религиозности, является именно самоидентификация, самосознание человеком себя как принадлежащего к данной конкретной религии [5,6,9]. Недостатком данной позиции является то, что качественный критерий религиозности здесь воспринят несколько поверхностно, как “сам собой разумеющийся” при наличии субъективного фактора идентификации с данной религией.

Самоидентификация респондента как критерий религиозности предполагает: а) определение отношения человека к религии вообще – религиозная самоидентификация, обычно определяемая по инвариантной шкале типа «верующий – индифферентный – неверующий»; б) определение отношения человека к конкретному религиозному вероисповеданию – конфессиональная самоидентификация.

В нашем исследовании в качестве основополагающего использовался признак религиозной самоидентификации. Этот признак был дополнен такими характеристиками, как частота посещения храмов, молитвы, соблюдение постов. Мы будем исходить из того, что религиозность – это духовное, культурное и социальное состояние человека, вытекающее из принятия им той или иной разновидности доминанты религиозного сознания и поведения.

В целом уровень религиозной самоидентификации молодёжи достаточно высок. Так, в выборке 2015 года только 16,9% респондентов отнесли себя к атеистам, 15% относятся к индифферентной группе, остальные считают себя верующими (таблица 1). При этом атеистов больше среди юношей, чем среди девушек: 21,7% в мужской подгруппе респондентов против 7,1% - в женской. Как и ожидалось, самым высоким оказался уровень православной самоидентификации (66,2% от общего числа респондентов). Наличие однородной конфессиональной идентичности среди учащейся молодёжи даёт основание прогнозировать в будущем отсутствие конфликтов на межрелигиозной почве.

Сопоставление результатов опросов 2008 и 2015 годов позволяет сделать вывод о том, что вопреки ожиданиям не происходит роста религиозности молодёжи. Можно предположить, что пик массового религиозного “обращения” пройден.

Таблица 1.

Религиозная и конфессиональная самоидентификация молодёжи

№	Варианты ответа	2008 год		2015 год	
		N=278	%	N=213	%
а	православие	238	85,6	141	66,2
б	католицизм	-	-	-	-
в	протестантизм	-	-	1	0,5
г	ислам	-	-	3	1,4
д	не определился	31	11,3	32	15,0
е	атеист	9	3,2	36	16,9

Для объективного понимания роли и места религии в сознании молодежи важно учесть и то, что значительное число молодых людей – отнюдь не только верующих в Бога, но и представителей других мировоззренческих групп, включая индифферентных и неверующих, – считают себя сторонниками традиционных религий. При этом зачастую традиционные религии воспринимаются не только как собственно религиозные системы, а как естественная культурная среда, национальный образ жизни.

Именно поэтому религиозная самоидентификация человека не всегда позволяет оценить глубину влияния религиозной веры на жизнь человека, его социальное поведение. Решению этой задачи помогает введение еще одного категориального понятия, которое, применительно к православно-христианской и некоторым другим христианским традициям, принято называть воцерковленностью. Соответствующее понятие означает “обжитость” человека в Церкви – “знание ее устава, обрядов, обычаев, <...> повседневного ее бытия, ощущение себя в этой сфере своим” и, в конечном счете, – “приверженность человека к данной религии через его образ жизни” [9, с. 112-113]. Иными словами, воцерковленность (и аналогичные понятия для других религий) есть реальная практическая включенность в религиозную культуру.

В качестве показателей объёма и степени воцерковленности населения социологи используют индикаторы, которые можно условно разделить на две группы: те, которые относятся к непосредственным обязанностям верующих (посещение церкви, богослужения, исповедь) и те, которые отражают показатели набожности (соблюдение поста) [2, с. 109].

Если рассматривать религиозность как религиозную вовлечённость или воцерковленность, то этот показатель ниже, чем уровень религиозной самоидентификации молодёжи.

Так, в качестве индикатора религиозной вовлечённости можно рассматривать посещение храма и религиозных служб. Можно констатировать, что регулярно посещают религиозные службы незначительная часть респондентов. Основная масса опрошенных в выборке 2015 года (40,4%) делает это от случая к случаю. Они составляют 59,3% от числа респондентов, позиционирующих себя как верующих. Треть респондентов (31,5%) никогда не посещает храм, что совпадает с долей респондентов, которые отнесли себя к неверующим или сомневающимся (таблица 2). Девушки чаще посещают религиозные службы, чем юноши.

Данные таблицы 2 показывают, что показатели религиозной вовлечённости остаются примерно на одном уровне. Практически не наблюдается роста в группе респондентов, регулярно исполняющих религиозные обряды.

Таблица 2.

Частота посещения религиозных служб

Вопрос: Посещаете ли Вы религиозные службы?					
№	Варианты ответа	2008 год		2015 год	
		N=278	%	N=213	%
а	от случая к случаю ☐	148	53,2	86	40,4
б	по религиозным праздникам ☐	65	23,4	37	17,4
в	раз в неделю ☐	3	1,1	9	4,2
г	раз в месяц ☐	14	5,0	14	6,6
д	не посещаю совсем	48	17,3	67	31,5

Важным элементом религиозной практики является молитва. Респондентам задавался вопрос о том, знают ли они какие-либо молитвы. 61,5% респондентов (опрос 2015 года) знают молитвы и смогли их назвать. В 2008 году доля таких респондентов составляла 62,9%. При этом молитва не является частью постоянной религиозной практики. Об этом свидетельствует ответ на вопрос: «В каких случаях в жизни Вы прибегали к молитве?». Прежде всего, судя по результатам исследования, молодежь прибегает к помощи молитвы прежде всего в беде, в опасности, при сдаче экзаменов, во время богослужения в храме (таблица 3).

Таблица 3.

Мотивация обращения к молитве

Вопрос: В каких случаях в жизни Вы прибегали к молитве?					
№	Варианты ответа	2008 год		2015 год	
		N=278	%	N=213	%
а	в беде, в опасности	146	52,5	74	34,7
б	в церкви на богослужении	103	37,1	45	21,1
в	при начале важного дела	40	14,4	31	14,6
г	при сдаче экзаменов	107	38,5	52	24,4
д	молитва перед сном	50	18,0	28	13,1
е	никогда не молился	49	17,6	27	12,7

Одним из показателей набожности человека является соблюдение постов. Ответ на вопрос «Соблюдаете ли Вы религиозные посты?» свидетельствует о низком уровне набожности молодёжи. Так, только 4,2% респондентов указали, что соблюдают все религиозные посты, 71,8% - никогда их не соблюдают (опрос 2015 года). При этом не отмечается значительных изменений по сравнению с 2008 годом (таблица 4).

Таким образом, можно констатировать, что религиозное поведение молодежи носит в основном не систематический, а случайный характер. Большинство молодых людей, верующих в Бога, молится лишь иногда, исполняет лишь некоторые религиозные обряды и отмечает лишь отдельные религиозные праздники. Именно эпизодичность культовой деятельности таких «верующих» и, зачастую, практически полное непонимание ими сути соверша-

ющею сакральным действием не дают основания говорить о значительном влиянии религии на повседневную жизнь молодых людей.

Таблица 4.

Соблюдение религиозных постов

Вопрос: Соблюдаете ли вы религиозные посты?					
№	Варианты ответа	2008 год		2015 год	
		N=278	%	N=213	%
а	только в предписанные дни недели	15	5,4	22	10,3
б	перед причастием	41	14,7	29	13,6
в	соблюдаю все посты	14	5,0	9	4,2
г	никогда не соблюдаю	208	74,8	153	71,8

Многочисленные современные социологические исследования подтверждают, что не существует взаимосвязи между религиозностью и общественными ориентациями, политическими симпатиями, предпочтительным образом социальных действий и даже нравственными ценностями россиян. Наше исследование полностью подтверждает данную тенденцию.

Религиозная самоидентификация не оказывает серьёзного влияния на образ жизни и мотивацию социального поведения молодёжи. Религия не является нравственным основанием для поступков молодёжи. Так, исследование 2015 года показало, что 46% респондентов положительно относятся к так называемым «гражданским бракам», 44,6% допускают для себя возможность такого брака. Только 34,7% респондентов считают недопустимым рождение детей вне брака, и только 46,9% респондентов полагают это неприемлемым для себя.

В последнее время в нашей стране активно дискутируется вопрос о введении в школьный образовательный курс дисциплины «Основы православной культуры». Мнение молодых респондентов по этому вопросу разделились (таблица 5). Хотя в целом молодёжь демонстрирует положительное отношение к этому вопросу.

Таблица 5.

Отношение молодёжи к преподаванию православной культуры

Вопрос: Как вы относитесь к возможности преподавания в ВУЗах и школах православной культуры?					
№	Варианты ответа	2008 год		2015 год	
		N=278	%	N=213	%
а	положительно	148	53,2	86	40,4
б	отрицательно	42	15,1	48	22,5
в	затрудняюсь ответить	88	31,7	79	37,1

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что религия не занимает важного места в жизни современной молодёжи. Не происходит повышения религиозности молодёжи, если судить на основании религиозной самоидентификации. Религиозная практика также не является ключевым компонентом религиозности молодёжи. Религиозное поведение молодёжи

носит избирательный, фрагментарный характер, зачастую являясь данью традиции или даже моде. От религии молодёжь не ждёт ответов, связанных со смыслом жизни, а ищет элементарной помощи. В то же время молодёжь демонстрирует положительное отношение к религии, видит в ней основу нравственности, хранительницу национальных традиций и культуры.

Таким образом, очевидно, что в сознании молодёжи символическая ценность религии превышает поведенческую – мотивационную и регулятивную – значимость.

Литература

1. Бреская О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 77-87.
2. Баркач В. Благодеевич М. Конвенциональная религиозность молодёжи Черногории // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 104-110.
3. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв. ред. Овсиенко Ф.Г., Одинцов М.И., Трофимчук Н.А. – М.: Изд-во РАГС, 1996. – 134 с.
4. Митрохин Н. Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.
5. Пейкова З. Отношения российского населения к православию // Высшее образование в России. – 2001. – №1. – С.19-21.
6. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. – 2001. – №7. – С. 89-96.
7. Филатов С.Б., Лукин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – №4. – С. 35-45.
8. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России // Свободная мысль – XXI. Теоретический и политический журнал. – 2003. – №7. – С. 19-31
9. Чеснокова В.Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. – М.: Фонд «Общественное мнение», 2000. – С. 112-145.

УДК 323.21

Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В.

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Россия

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация: В статье обозначена особенно актуальная для построения гражданского общества проблема формирования гражданской идентичности мо-

лодого поколения. Молодежь представлена как инновационный потенциал России, роль которого значительно возрастает в период трансформаций. На основе результатов эмпирического исследования раскрываются специфика и мотивация социальной активности нарождающегося Гражданина новой России, уровень развития его гражданского самосознания.

Ключевые слова: гражданская идентичность, молодежь, социально-психологическая активность молодежи, молодежный актив, государственно-общественная система социализации молодого поколения.

CIVIL IDENTITY OF YOUTH: A MODERN LOOK

Annotation. The article is designated especially relevant for building a civil society the problem of formation of civil identity of the younger generation. The youth presented as innovative potential of Russia, the role of which is greatly increased in the period of transformation. Based on the results of empirical studies reveal the specifics of motivation and social activity of the emerging new Russian citizen, the level of development of its civic consciousness.

Keywords: civic identity, youth, social and psychological activity of youth, youth asset of state-public system of socialization of the young generation.

Вопрос формирования гражданской позиции молодых всегда приобретает особое значение в условиях модернизации общественных систем. Молодежь объективно является активным и заинтересованным участником происходящих в России преобразований. На наш взгляд, молодежь одновременно является особым субъектом и объектом различных процессов, в том числе социально-политических. Такой многогранный и многомерный подход придает заявленной теме интегративный характер и требует обращения к научным изысканиям не только в сфере политологии, но и психологии, педагогики, социологии.

Особая актуальность проблемы формирования гражданской идентичности обусловлена как задачей построения гражданского общества, так и особенностями социальной ситуации в Российской Федерации, характеризующейся поликультурным составом населения и его быстрой ассимиляцией [2, 3, 4, 5,]. Современное поликультурное общество задает особые требования к коммуникационному взаимодействию и толерантности, ответственности, свободе личностного выбора и самоактуализации его членов. Кроме того, формирование гражданской идентичности призвано обеспечить интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе присвоения системы общечеловеческих нравственных ценностей, свободу его самовыражения с учетом многообразия социальных установок, норм и ценностей. В этой связи вопрос о выработке технологий и моделей формирования новой идентичности молодых граждан России имеет стратегическое значение для успешного будущего российской государственности. Под гражданской идентичностью мы понимаем осознанный процесс соотнесенности или тождественности человека с определенной

государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте.

При определении категории «молодежь» мы опираемся на теории молодежи и молодежных организаций, которые представлены в трудах М.И. Ильинского, Вал.А. Лукова, Вл.А. Лукова, О.А. Коряковцевой, теорию организаций в качестве фактора общественного воспроизводства социального развития молодежи в работах В.И. Чупрова, концепцию социальной интеграции молодежи в общество, которую разработала Ю.А. Зубок и др [6, 7, 8].

Проблему участия молодежи в развитии российской государственности подробно в своих работах рассматривают Вал. А. Луков и Вл. А. Луков. Они выделяют, наряду с основными факторами структурной трансформации, связанными с изменениями в социально-экономическом строе, возрастающую роль факторов, обусловленных переменами в социальной идентичности людей, их ценностных ориентациях, вещном и символическом мире [7]. Тем самым, как указывают исследователи, в изучении вопросов социальной стратификации, проблематики отдельных социальных общностей, в том числе молодежи, стало важным обращение к проблеме социальной субъектности. Одно из важных направлений исследований, на их взгляд, должно быть посвящено изучению проблем человеческого потенциала молодежи и ее роли в развитии современного гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что, учитывая территориальные, национальные, религиозные и другие особенности нашей страны, заявленная проблема формирования и развития гражданской идентичности молодежи становится особенно актуальной именно на региональном уровне.

Каковы же тенденции развития гражданской идентичности у современной молодежи? С целью ответа на этот вопрос сотрудниками научно-исследовательской лаборатории «Изучение гражданской идентичности молодежи: сущность, условия развития, перспективы» (ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского») было проведено эмпирическое исследование гражданской идентичности участников проекта «Молодежная общественная палата Ярославской области» [4].

На основе результатов психосемантического исследования гражданской идентичности студенческой молодежи можно утверждать следующее: молодые активисты показывают высокий уровень представлений о себе как об идеальном Гражданине Российской Федерации, что является одним из показателей сформированности гражданской идентичности. Но вместе с тем, при ответе на вопросы, связанные с оценкой других людей, они проявляют очень индивидуалистическую, ориентированную только на себя позицию, критикуют других граждан, принижают их гражданское достоинство, что противоречит понятию гражданской идентичности в целом. При этом молодые активисты не видят значимых изменений в своей гражданской позиции через 10 лет, а по такому критерию, как «готовность участвовать в общественно-политической жизни страны», даже намечается тенденция к ее уменьшению. По нашему мнению, члены Молодежной общественной палаты

попали в психологическую ловушку, где завышенная самооценка и лидерские позиции в среде сверстников, не определяют перспектив для дальнейшего развития социально-политической активности, а в каких-то моментах даже тормозят её и нарушают равноправное взаимодействие с другими гражданами.

В диаграмме представлена характеристика гражданской идентичности молодежи как социальной группы сейчас и через 10 лет, как ее видят активисты молодежного движения Ярославской области (Рис.1). Становится очевидным, что наши активисты себя видят близкими к идеалу Гражданина и в будущем, а остальной молодежи отказывают в развитии гражданского потенциала и в продвижении вперед в целом. То есть значимых изменений, по их мнению, не произойдет. На что же тогда будет направлена их активная общественная деятельность, если нет веры в то, что могут произойти значимые изменения в гражданской позиции Российской молодежи. Вероятно, как уже было отмечено, только на достижение собственного успеха. Будут ли молодые активисты работать с подрастающим поколением с полной отдачей, уже заранее предполагая бесперспективность своей работы для общества?

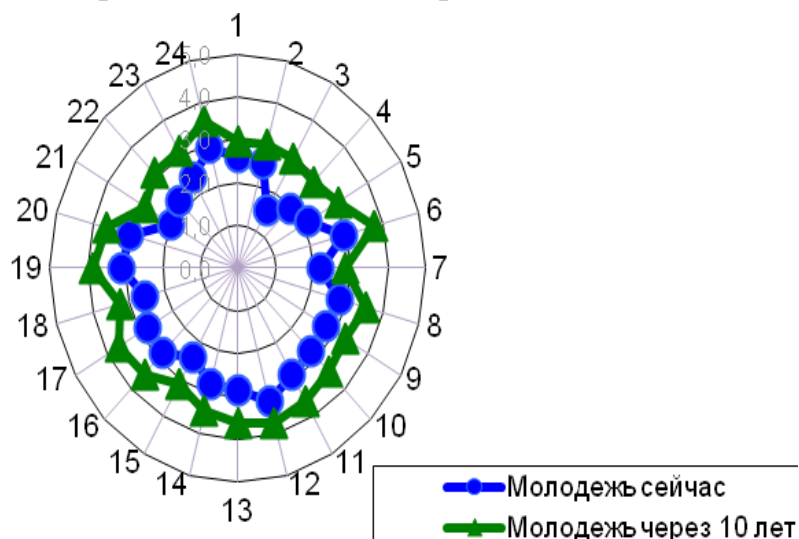

Рис.1. Соотношение представлений молодых активистов о молодежи сейчас и молодежи через 10 лет

При этом активисты осознают, что современной молодежи далеко до идеального гражданина Российской Федерации по все показателям, на рисунке очевидны значимые отличия между обобщенными характеристиками «молодежь сейчас» и «идеальный Гражданин» (Рис.2).

Итак, для эффективного использования потенциала ярославской молодежи в интересах создания гражданского общества, прежде всего, необходимо формирование гражданской идентичности и гражданской позиции личности, поскольку при всех лидерских качествах и организаторских способностях только мотивация «жить и работать на благо семьи, общества и государства» присуща истинному Гражданину. Современная молодежь, даже социально активная, далека от этого, что подчеркивает крайнюю значимость рассматриваемой проблемы и прямо ставит вопрос о необходимости разработки

технологий и моделей формирования новой идентичности молодых граждан России.

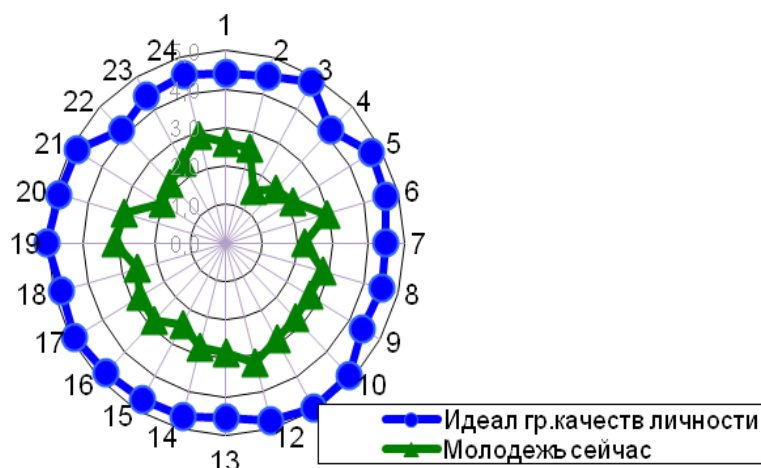

Рис.2. Соотношение представлений молодых активистов о молодежи сейчас и идеальном гражданине Российской Федерации

Несомненно, формирование гражданской идентичности процесс длительный, но если выстроить целостную систему и определить эффективные механизмы её формирования, то результат будет ощутимым. Для этого стоит обратиться к историческому результативному опыту использования долговременных мобилизационных технологий, являющихся факторами контроля, регулирования и развития гражданской и политической идентичности молодого поколения, основанной на привлекательной для молодежи Национальной Идее. В целом, работа, направленная на создание и развитие организационных условий для гражданско-патриотического становления личности должна стать важным звеном в политике государства и быть профессионально организована. В условиях трансформации общества, приоритетной, на наш взгляд, явится координированная и целенаправленная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций по формированию национального и политического самосознания молодежи. Воспитание гражданственности и гражданское образование в процессе формирования гражданского общества должны стать одним из главных направлений современной молодежной политики.

Литература

1. Доссэ Т.Г., Бугайчук Т.В. Идентичность как объект исследования социальных наук // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 212-217.
2. Коряковцева О.А. Политическое поведение современной молодежи как фактор стабильности политической системы общества // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2013. – С. 66-70.

3. Коряковцева О.А. Прошлое и настоящее в развитии общественно-политической активности молодежи России// Карьерный успех: формирование кадрового потенциала Материалы III Международной молодежной научно-практической конференции. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 43-49.
4. Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Воспитание современной молодежи: формирование гражданской идентичности / Современные концепции профессионального образования студенческой молодежи. – Ульяновск, 2015. – С. 244-256.
5. Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Социально-политические и психологические основы работы с молодежью. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2014. – 104 с.
6. Коряковцева, О.А. Общественно-политическая активность молодежи: сущность, технологии и опыт компаративного анализа. – Ярославль: ЯГПУ, 2008. – 188 с.
7. Луков В.А. Тезаурологическая концепция молодежи // Социологический сборник. Вып. 5. – М.: Институт молодежи, 1999. – С.358
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 230 с.

УДК 323.21
37.035.4

Кривец А.П.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия*

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация. В статье исследуется развитие историографии политической модернизации современной России в рамках определения специфики ее национальной идентичности, что позволило обозначить специфический дефект диалогового «интерфейса» «власть – гражданское общество»; определяется понятие идентичности через изучение концепта «диалога» в его политическом ракурсе, выводящего на проблему гражданской государственной идентичности современной России. Выявляются тенденции эволюции представлений о взаимодействии власти и общества посредством исследования проблемы модернизационных теорий.

Ключевые слова: модернизация, идентичность, традиции, культура, власть, гражданское общество.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект №14-03-00068а)

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN NATIONAL IDENTITY IN THE HISTORIOGRAPHY OF POLITICAL MODERNIZATION OF MODERN RUSSIA

Annotation. In the article the development of historiography of political modernization of the modern Russia is investigated having an aim to define the specific character of the national identity which allows to specify a defect of dialogue “power – civil society” “interface”; the notion of identity is defined via investigating the concept “dialogue” in its political foreshortening which leads to the problems of civil state identity of the modern Russia. The tendencies of evolution of ideas about interaction of authorities and society via investigation of the problem of modernization are revealed.

Key words: modernization, identity, traditions, culture, authorities, civil society.

В мировой политической науке тема политической модернизации не нова. Что же касается российской политической науки, лишь в конце 20-го века данная проблема вошла в круг интересов российских ученых. До недавнего времени теория модернизации в России представляла изложение российскими авторами западных концепций исследований по данной проблематике. Однако сегодня всё больше появляется статей, книг, посвящённых проблеме модернизационных преобразований. Данное Д. Медведевым определение «модернизации» в статье «Россия, вперед!» вызвало новый виток дискуссии в научных кругах [4]. Сегодня теория модернизации является одной из широко изучаемых теорий в отечественной науке, что, в результате, дает основание утверждать о том, что к настоящему времени, несмотря на короткий период своего существования, происходит оформление историографии политической модернизации современного Российского государства, в которой отражаются различные концепции и взгляды на процесс модернизации в России, в том числе, и в рамках определения ее специфики через понятие национальной идентичности.

Временные рамки историографии модернизации позволительно разделить на несколько периодов. Первый период, или начало оформления историографии политической модернизации современной России, можно отнести к политическим событиям 1991 г. В этот период, продолжавшийся до середины 90-х годов, проявилась острая необходимость поиска новых вариантов и направлений дальнейшего развития России. Этот период демонстрирует зависимость историко-теоретических конструкций, предложенных авторами, от их идейно-политических пристрастий, т.к. высказывались различные, подчас полярные точки зрения на суть российской модернизации, ее периодизацию и перспективы для России. Следует отметить, что большинство авторов были едины в том, что модернизация – это переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Под модернизацией ими понимался «комплексный процесс, охватывающий все стороны жизни общества (экономическую, социальную, политическую, культурную). И если

между ними происходит «расстыковка», то результат модернизации оказывается частичным» [10]. В то же время участниками «круглого стола» отмечалось отличие российской модернизации от западной – российская модернизация не являлась комплексной.

К этому периоду относится оформление ряда концепций, в частности, модель «псевдомодернизации», предложенная А.С. Ахиезером и модель «имперской модернизации» В.Г. Хороса. В частности, А.С. Ахиезер, основываясь на своей концепции «Россия – расколота цивилизация», утверждал, что проводившаяся в России модернизация воспринималась большинством населения, стремившегося сохранить веками сложившиеся в обществе традиции и отношения, как явление, которое навязывается «сверху» властью; отсюда – яростное сопротивление любым новациям, что снижало потенциал развития общества [1]. Концепция В.Г. Хороса исходит из того, что особенности модернизационных процессов, заложенных при Петре I, нашли свое отражение и в преобразованиях советского времени, характеризуясь «доминированием государства, оказывающим угнетающее воздействие на общественную самостоятельность и формирование национальной культуры» [14, с.36-43]. Преобразования шли сверху, не получая ответной реакции снизу, от общества. «Имперская» или «запоздавшая» по определению В.Г. Хороса модернизация приводила к разрушению традиционных для российского общества институтов и ценностей и не создавала новые [9; 14].

Второй период – 1994-2004 гг. характеризуется появлением работ целого ряда авторов (В.А. Красильщиков, Л.И. Семенникова, Б. Н. Миронов, В.В. Согрин, И.К. Пантин, В.П. Дмитренко и др.), в которых анализировались методологические подходы, а также различные аспекты модернизационных теорий (технологические, экономические, политические, социокультурные). Оформился комплексный подход к изучению специфики российской модернизации. Это, прежде всего, работы В.А. Красильщикова, который опирался на теоретические разработки А.С. Ахиезера и В.Г. Хороса, стремясь показать особенности российской модернизации на фоне панорамы мирового модернизационного процесса. Автор делает вывод, что в России ни одна модернизация не была завершена. Все периоды модернизации носили «верхушечный» характер, были инициированы политической элитой с опорой на государство, без поддержки со стороны большинства населения, культура которого базировалась на общинных ценностях, и которое могло бы ее поддержать [3]. Л.И. Семенникова, взгляды которой на модернизацию совпадают с точкой зрения В.А. Красильщикова, определяет особенности российской модернизации, отталкиваясь от своего тезиса об отсутствии цивилизационной целостности России XVIII–XX веков. По утверждению Л.И. Семенниковой, лишь советский период истории российского государства характеризуется вполне законченным этапом модернизации страны. Она предлагает рассматривать в истории российского государства пять самостоятельных, не связанных друг с другом периодов модернизации, осуществлявшихся на протяжении более двухсот лет с сохранением восточных ориентиров [11]. Также надо отметить концепцию «европейской модели» модернизации Б. Н. Миронова

[5]. В отличие от предыдущих авторов в основе его теории находится становление личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Автор отрицает «особый» (неевропейский) характер модернизационных процессов российского государства, отмечая все же ее национальные особенности, базирующиеся на различиях в религии, многонациональности населения, политических и культурных условиях существования, особенностях географической среды. Модель «советской модернизации» В.В. Согрина базируется на утверждении, что сам термин «модернизация» к советскому периоду истории государства можно применить с большими оговорками, т.к. модернизация – «это не только и не столько процесс индустриализации: она охватывает все сферы жизнедеятельности общества, формируя и закрепляя принципы неотчуждаемости гражданских и политических прав человека, конкуренцию и экономический, социальный и политический плюрализм» [12, с. 144-160]. Ничего этого в период советской индустриализации по мнению автора не произошло. Он критикует концепцию «европейской модели» модернизации Б. Н. Миронова, являясь приверженцем классической теории модернизации. Таким образом, второй этап историографии модернизации современной России характеризуется акцентированным вниманием авторов на исследовании теоретических аспектов модернизации и выявлении значимых аспектов модернизации России XX века. Следует также отметить, что все авторы сходны в выводах об определяющей роли государства в процессе модернизации как инициатора модернизации и традиционализма народа, что является негативным моментом.

Третий этап – с 2004 г. по настоящее время. Данный период отмечен включением в дискуссию высших должностных лиц государства, что придало ей новый акцент и новое направление. В нынешнем своем виде теория модернизации характеризуется акцентом на трудностях политического развития, изучением проблем объективной обусловленности изменений, связанных с кризисными процессами, попытками определить пути и формы их преодоления. Оформились современные концепции модернизации, в которых акцентируется внимание на столкновении старых, традиционных для политической культуры ценностей и норм политической жизни с новыми модернизирующимися институтами. К работам в данном направлении следует отнести базисные принципы концепции модернизации В.И. Пантина и В.В. Лапкина, рассматривающего ее как «тупик догоняющего развития» [8, с. 39-41]. Авторы приходят к выводу, что для современного российского государства характерны раскол в обществе и существование «неснимаемых противоречий между властью и оппозицией», наличие явного дефицита готовности к консенсусу и диалогу. Главным условием дальнейшего продвижения по пути политического переустройства авторы видят в развитии социального движения за сохранение современных политических и экономических свобод, способных обеспечить сосуществование различных идей, концепций развития, партий и элитарных групп. «Социополитическая теория» модернизации Б.С. Старостина, модернизационные теории Л. Гудкова, В.А. Ядова, В.В. Керова [6; 7; 15;] и ряда др. авторов базируются на противоборстве культурологиче-

ского и элитарного подходов в обосновании российской модернизации. Таким образом, для третьего этапа историографии современной российской модернизации характерна активная дискуссия в политической науке, выдвижение различных ее проектов, выносимых для широкого обсуждения. Отмечается, что российская модернизация наталкивается на множество помех политического патернализма и клиентелизма на пути не только роста уровня политического участия, но и развития системы в более широком социально-историческом смысле. Слабость инфраструктуры гражданского общества и отсутствие каналов самовыражения отдельных слоев компенсируются в России формированием множества элитных групп. Вместо развитого общественного плюрализма быстрыми темпами оформляется элитный корпоративизм.

Особенностью и отличием данного этапа является перенос акцентов в обсуждении путей дальнейшего развития российского государства, его политической перестройки на проблему идентичности современного российского общества, связанного с кризисом утраты прежней и поиском становления новой идентичности России.

Для России вопрос, связанный с идентичностью не нов. Поиск русской идеи, определение пути, по которому должна идти страна, постоянно поднимался в работах русских мыслителей и государственных деятелей. Какой быть России, определение ее собственного пути развития – это коренной вопрос противостояния западников и славянофилов, обоснования «непохожести» России на другие государства. В последующие два столетия многие выдающиеся умы, такие как П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Серафим (Соболев), в современной новой России – А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын – все они, предлагая свое собственное видение, пытались найти ответы на злободневные вопросы о развитии России [2].

Термин «идентичность», введенный впервые Э. Эриксоном, обозначал попытку социального самоотождествления индивида или коллектива с неким социальным паттерном – образцом поведения, жизнедеятельности, статусом, который существует объективно. Введенный в социально-гуманитарное знание в 50-е гг. XX века, данный термин получил множество интерпретаций и является одним из самых популярных предметов современного политического дискурса, а сама тема идентичности – одна из самых реагирующих на политические перемены, которые происходят в стране или в мире. Она достаточно широка и дискуссионна и включает в себя различные аспекты политики, культуры, приоритета права, личности, гражданственности, выходя на такие категории как национальная идея и национальная стратегия.

Проблема российской национальной идентичности все чаще выносятся на обсуждение, хотя до последнего времени считалось, что это не является проблемой, что определение национальной идентичности России решится само собой. Методологические и концептуальные разработки данной проблемы преобладали, прежде всего, в работах отечественных философов и социологов, в частности, Альбухановой-Славской К. А., Бахтина М. М., Выготского Л. С., Гусейнова А. А., Дробницкого О. Г., Ильенкова Э. В., Кона И.

С., Леонтьева А. Н., Лотмана Ю. М., Мерлин В. С., Поршнева Б. Ф., Рубинштейна С. Л., Сохань Л. В., Спиркина А. Г., Эльконина Д. Б., Ядова В. и других [7], в то время как в политической литературе проблема идентичности практически не поднималась, да и сам термин «идентичность» достаточно часто заменялся термином «самосознание», хотя это не совсем верно, так как эти два понятия не являются синонимичными. Самосознание – это осознание, оценка человеком своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как чувствующего и мыслящего существа, как деятеля. Тогда как идентичность обозначают «чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, тождественность с ее членами» [13].

Идентичность, то есть осознание и ощущение своей принадлежности к определенной общности, играет чрезвычайно важную роль в жизни социума. Благодаря ей люди интегрируются в общество и государство, мобилизуются на совершение действий. Всякое государство заинтересовано в том, чтобы граждане воспринимали власть как свою, гордились разными сторонами жизни. Поэтому само понятие идентичности включает в себя, как минимум, три компонента, на которые следует обратить внимание.

Во-первых, это определенные представления людей о том, как они соотносятся с государством, и что лежит в основе этого.

Во-вторых, идентичность – это ощущения, эмоции, чувства, прежде всего, гордость или стыд (соотнесение с национальной идентичностью).

В-третьих, компонент идентичности – как поведенческий, т.е. готовность к совершению определенных позитивных действий по отношению к государству.

Однако все они в своей основе отталкиваются от того, что главным субъектом национальной идентичности выступает государство, а не его граждане.

В обобщенном варианте данных компонентов понятие политической идентичности следует, на наш взгляд, определить как идентичность общегражданскую, государственную, выражающуюся в ощущении человеком-гражданином своей принадлежности к государству, к определенной нации, группе людей, на основании чего формируются определенные поведенческие рамки и определенное отношение к государству и власти, его представляющей.

Анализ фактологического материала и вторичный анализ социологических исследований позволяет утверждать, что идентичность, как предмет гордости принадлежностью к определенной группе, является важным показателем для современных россиян. 57 % граждан считают, что они – граждане Российской Федерации; причем 59 % отождествляющих себя с Российской Федерацией – это поколение «перестройки». В то же время именно это поколение в большей степени ассоциирует себя и с ответом «Мы – люди нашей

национальности» (мы – русские, мы – гагаузы и т.д.)*. Полагаем, что данные результаты свидетельствуют о сформировавшейся личной самоидентификации граждан России. Она проявляется в отождествлении себя с сильным государством, самобытным, суверенным, но в то же время не закрытым для западной культуры и цивилизации, а встроенным в нее. В то же время у большинства граждан до сих пор отсутствует цельное понимание идентичности, присутствуют некие ее «осколки» в виде национальной, региональной, политической, культурной, поколенческой, конфессиональной идентичности. Российская общенациональная идентичность фрагментарна, несформирована, что является, на наш взгляд, одной из важных проблем современной России. Чтобы преодолеть эту частичную отчужденность, государству необходимо объяснить гражданам, какие общественные пространства оно способно и может создать, какой должна быть государственная политика для развития культуры, образования, развития бизнеса. Построение идентичности не может быть осуществлено путем распоряжений и указов со стороны государства сверху вниз. Как и не может быть сформирована идентичность только путем некоего абстрактного диалога. Роль государства в данном случае – выстроить поле диалога для реального взаимодействия власти и граждан, а одной из главных задач российского государства, властвующей элиты в том числе, должна стать разработка и реализация целенаправленной политики формирования общегражданской и общенациональной идентичности в Российской Федерации.

Литература

1. Ахиезер А.С. Правовые и историко-культурные проблемы двоевластия в России, модель «имперской модернизации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460625/> (дата обращения 15.10.2015).
2. Картунов, С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла [Текст] // С.В. Картунов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 592 с.
3. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 263 с.
4. Медведев Д.А. Россия – вперед! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения 22.11.2015).
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин». XL, 548 + 583 с., 87 + 55 ил.
6. Национальная идентичность и будущее России [Текст] / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, февраль, 2014.

* Результаты исследования «Левада-Центр», посвященного мнению россиян о демократии в 2014 году. Всероссийский опрос проведен 26–29 сентября 2014 года.

- 71 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://valdaiclub.com/> (дата обращения 22.04.2016).
7. Национальная идея России. В 6 т. Т. IV. – М.: Научный эксперт, 2012. – 552с.
 8. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39-41. [Электронный ресурс]. URL: <http://ss.xsp.ru/st/003/> (дата обращения 28.04.2016).
 9. Правовые и историко-культурные проблемы двоевластия в России, модель «имперской модернизации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460625/> (дата обращения 11.03.2016).
 10. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7.
 11. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск: «Курсив». – С. 394-438.
 12. Согрин В.В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость (Размышляя над монографией Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи») // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 144-160.
 13. Философская энциклопедия. Академик [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения 28.10.2015).
 14. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – М.: Центр гуманитарного образования, 1996. – С. 36-43.
 15. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 640 с.

УДК 3:32:327.8

Летняков Д.Э.

Институт философии РАН, Москва, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЛУЧАЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается коллизия между политикой в отношении русского языка, которую проводят постсоветские государства, и языковой идентичностью граждан этих государств. Показывается, что русская языковая идентичность во многих странах бывшего СССР выходит за пределы собственно русской этнической группы, что русский язык выполняет на значительной части постсоветского пространства важные коммуникативные и культурные функции. Кроме того в работе проблематизируются понятия «русская диаспора» и «соотечественники за рубежом» как не отражающие реальной сложности и неоднозначности идентификационных процессов среди русского населения, которое оказалось после 1991 г. за пределами России.

Ключевые слова: русский язык, языковая идентичность, постсоветское пространство, национализм.

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE: THE CASE OF RUSSIAN LANGUAGE

Annotation. The article concerns the collision between language policy of the post-Soviet states and language identity of citizens of these countries. The author shows that Russian language identity goes beyond the boundaries of the Russian ethnic group in many post-Soviet countries, that Russian language plays important communicative and cultural role in considerable part of the ex-Soviet space. Besides, author calls in question the notions like “Russian diaspora” and “compatriots abroad” because they don’t reflect the real complexity of identifying processes among the Russian population in post-Soviet states.

Key words: the Russian language, language identity, the post-Soviet space, nationalism.

На постсоветском пространстве языковой вопрос остается сильно политизированным – языковая идентичность граждан зачастую рассматривается как маркер лояльности/нелояльности в отношении новых независимых государств, тенденции в языковой сфере нередко являются прямым следствием политической конъюнктуры (так, в 2007 г. после ухудшения отношений с Россией в Таджикистане были упразднены все русифицированные фамилии с окончанием на «ов»), в ряде стран еще недавно имели место ожесточенные дискуссии о статусе русского языка, которые использовались различными акторами для увеличения своего политического капитала (именно обещание придать русскому языку официальный статус сыграло ключевую роль в приходе к власти двух украинских президентов, Л. Кучмы и В. Януковича).

Разумеется, языковой вопрос на постсоветском пространстве неправильно было бы редуцировать к проблеме русского языка. Например, не менее остро стоит вопрос об узбекском языке в Киргизии – узбеки являются в этой стране крупнейшим этническим меньшинством, однако киргизские власти выступают категорически против придания узбекскому языку хотя бы регионального статуса в отдельных районах [3]; а для культурной и национальной идентичности в современной Молдове фундаментальной стала дискуссия о том, каким образом следует обозначить государственный язык – как молдавский или как румынский. Однако, осознавая всю сложность и многогранность постсоветских языковых проблем, в данной статье мы хотели бы все-таки поговорить о коллизии между *языковой политикой*, которую проводят государства бывшего СССР в отношении русского языка, и *языковой идентичностью* жителей этих стран, а также о той роли, которую выполняет сегодня русский язык на постсоветском пространстве.

После 1991 г. большинство постсоветских государств взяли на вооружение идеологию этноцентризма, в логике которой эти страны были объяв-

лены государствами соответствующей титульной нации – так, в первой казахстанской Конституции страна определялась как «форма государственности самоопределившейся казахской нации» [11, с. 107] (это притом, что удельный вес этнических казахов на тот момент составлял лишь 39% населения). Поэтому логично, что любая ситуация культурного и языкового разнообразия обычно расценивается постсоветскими политическими элитами прежде всего как возможный источник нестабильности.

Одним из проявлений этноцентризма стал лингвистический национализм, в рамках которого язык мыслится ключевым элементом построения нации, понимаемой в свою очередь не как политическая, а как этнокультурная общность. Отсюда убеждение, что «правильные» украинцы должны говорить только на украинском языке, «правильные» узбекистанцы — на узбекском и т.д., а любые отклонения от этой нормы (в том числе билингвизм) воспринимаются скорее как следствие незавершенности процесса нациестроительства, чем как естественное проявление поликультурности общества. Настороженное, если не сказать враждебное, отношение к русскому языку создавал еще тот факт, что он зачастую воспринимался как символ зависимости от Москвы, как пережиток «советской империи», как нечто мешающее становлению подлинно суверенной политики. Пожалуй, единственным исключением тут является Беларусь, где в фактически маргинальном положении оказался титульный язык, а русский, объявленный вторым государственным, доминирует во всех сферах. Это связано как с высокой степенью русификации белорусского общества, так и со специфическим отношением к белорусскому языку президента А. Лукашенко, который может позволить себе заявить публично, что белорусский – это «бедный язык» и на нем «нельзя выразить ничего великого» [2, с. 171].

В рамках обозначенной ситуации вполне естественно, что наиболее репрессивная политика в отношении русского языка (вытеснение его из публичной сферы и делопроизводства, сокращение числа русскоязычных школ и т.д.), как правило, ведется в тех постсоветских государствах, в которых или (а) язык титульной нации занимает не очень прочные позиции, или (б) присутствует большой массив русскоязычного населения. В тех же странах, где титульному языку, с точки зрения властей, ничего не угрожает, вопрос русского языка стоит гораздо менее остро. Именно поэтому в Латвии или Молдавии активно сокращаются русские школы и процент изучаемых на русском языке предметов, а в Азербайджане количество русскоязычных школ с 1991 г. практически не изменилось [3, с. 327]. Кроме того, большинство постсоветских государств проводят активную политику «национализации» своего языкового пространства, которая включает в себя в том числе национализацию имен и топонимов. Например, в Казахстане Алма-Ата превратилась в Алматы, Семипалатинск в – Семей, Уральск – в Орал и т.д.; по латвийским законам все, в т.ч. нелатышские имена, должны при написании изменяться по правилам латышского языка [18, с. 49]; ряд стран для того, чтобы дистанцироваться от русского культурного и языкового пространства, совершили пе-

реход на латиницу вскоре после обретения независимости (Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан).

При этом стоит заметить, что в ряде постсоветских государств (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Молдова) русский язык сохраняет статус либо официального языка, либо языка межнационального общения, однако это во все не мешает им проводить политику по постепенному вытеснению русского языка и замещению его титульным языком. Например, в Молдавии с 1 января 2013 г. данные, записанные в удостоверении личности человека, больше не дублируются на русском языке [7], а согласно принятому еще в 1999 г. закону о СМИ в Казахстане, не менее половины радио- и телепередач в стране должны идти на казахском языке; существует программа по постепенному переводу на казахский всего документооборота; введен тест на владение казахским для всех чиновников. Выступая на Ассамблее народов Казахстана в 2006 г., президент Н. Назарбаев открыто заявил, что билингвизм в официальной сфере — временное явление и в перспективе там будет доминировать именно казахский язык [15].

Но насколько правильным является такое противопоставление русского и титульного языков, и действительно ли первый угрожает процессам нациестроительства, идущим в новых независимых государствах? Думается, что языковой плюрализм может быть препятствием для формирования национального государства, только если понимать под последним идеал культурно-гомогенной общности, т.е. продолжать мыслить категориями позапрошлого века. Сегодня уже очевидно, что источником нестабильности в обществе является не культурный плюрализм, а скорее попытка игнорировать ситуацию культурного разнообразия и проводить дискриминационную политику в отношении языковых, этнических или каких-то еще меньшинств. Вспомним, что только введение официального двуязычия в Канаде и принятие идеи «двух наций» смогло существенно снизить опасность квебекского сепаратизма и удержать страну от распада [6].

Кроме того, большой ошибкой является взгляд на русский язык как на собственность России или русских, как на инструмент «колониального господства» Москвы. Дело в том, что русский язык на постсоветском пространстве уже давно живет своей собственной жизнью и выполняет в обществе важные коммуникационные, гуманитарные, культурные функции, вовсе не связанные с политическим доминированием России. Скажем, для таких государств как Беларусь, Украина, Латвия, Молдова, Казахстан и Киргизия русский язык все еще остается весьма распространенным языком общения. На русском языке могут свободно говорить около 70% жителей Молдовы, более 90% украинцев и белорусов, в пяти крупнейших городах Латвии проживает больше людей, говорящих на русском, нежели на латышском языке [3, с. 303-304]. Это означает, что русский язык вышел далеко за пределы собственно русской этнической группы, причем это касается не только т.н. «славянских» республик — Украины и Беларуси. Высокая степень русификации титульной национальности характерна для Казахстана и Киргизии. Билингвизм или даже использование исключительно русского языка — норма для многих кир-

гизов и казахов, живущих в городах; по своему культурному бэкграунду эти люди зачастую находятся намного ближе к этническим русским, нежели к сельским киргизам и казахам. Истоки данного феномена — в значительной концентрации русского населения в городах Киргизской и Казахской ССР в советский период, а также в преобладании там русскоязычных школ, куда стремились отдать своих детей и представители титульных национальностей. Характерно, что при обсуждении поправок к казахстанскому закону «О культуре», обязывающих с 2012 г. дублировать на казахский язык все ввозимые в страну иностранные фильмы, эксперты в один голос предупреждали, что казахоязычные фильмы провалятся в прокате из-за отсутствия аудитории. Вот типичное мнение режиссера Ж. Исабаевой: «пока кино на казахском языке в кинотеатрах мало кто смотрит. Мы делали копии моего фильма “Ойпырмай, или Дорогие мои дети!” на государственном языке, отправляли в Кызылорду - город с низким уровнем русскоязычного населения, но и там на сеансы на казахском никто не ходил [4]».

Велика роль русского языка и в качестве *lingua franca*, то есть средства общения между представителями различных этнических групп, что часто связано со слабым знанием государственного языка. Например, на момент распада СССР на государственном языке не могло свободно изъясняться 59,8% населения Казахстана, 46,4% в Киргизии, 33,4% в Таджикистане [8, с. 271]. Похожая ситуация в Молдавии, где при численности этнических русских в 5,9% [5] русский язык в качестве основного использует 16% населения [13].

В таком регионе постсоветского пространства как Центральная Азия по-прежнему престижным считается получение образования на русском языке, причем спрос на него предъявляет именно титульное население [10]. Восребованность русскоязычного образования объясняется двумя главными причинами. Во-первых, знание русского расширяет возможности для трудовой миграции, с которой немалая часть жителей этого региона связывает свои жизненные перспективы. Причем это не обязательно миграция в Россию — многие киргизы и узбеки, выучив русский, планируют потом работать в Казахстане (в данном случае русский язык подтверждает свою функцию регионального *lingua franca*). Во-вторых, качество образования на титульном языке, как правило, оставляет желать лучшего: до конца не проработана научная и техническая терминология, существует дефицит добротных учебников и методических материалов.

Наконец, население многих постсоветских государств по-прежнему в значительной мере включено в русскоязычное медийное пространство — большой популярностью пользуются российские телеканалы, русскоязычные радиостанции, газеты, книги [12]; русский остается во многих странах языком культуры и науки. Дело тут опять же в неразвитости специальной терминологии на национальных языках, в нехватке средств на издание собственной книжной продукции и осуществление качественных переводов, в хроническом недофинансировании государствами региона науки и культуры. Между тем доля тех, кто в достаточной степени владеет английским или ка-

ким-то другим иностранным языком пока еще слишком мала, чтобы эти языки могли полноценно заменить русский в качестве проводника в мир высокой (равно как и массовой) культуры и научно-технических достижений. Все вышперечисленное не оставляет серьезной альтернативы русскому языку: на нем до сих пор издается подавляющее большинство научной и иной специализированной литературы на пространстве бывшего СССР. Хотя надо отметить, что кое-где мы уже видим слом обозначенной тенденции – в странах Балтии и Южного Кавказа молодое поколение граждан уже зачастую лучше владеет английским, нежели русским языком.

Таким образом, вводя различные рестриктивные меры в отношении русского языка, политические элиты постсоветских государств не столько противодействуют влиянию Москвы (реальному или мнимому), сколько ограничивают права своих граждан на получение более качественного образования, на доступ к культурным ценностям и т.д. Не случайно понижение статуса русского языка после 1991 г. вызывало противодействие не только этнически русского населения новых государств, но и многочисленных русофилов среди титульных национальностей. До сих пор значительное количество граждан постсоветских государств продолжает выступать за расширение использования русского языка, увеличение часов на его преподавание в учебных заведениях и за повышения его официального статуса – практически во всех странах бывшего СССР названные меры поддерживает не менее 30% населения [14, с. 11-12]. Но на практике мы чаще видим продолжение языковых реформ, направленных на превращение титульного языка в единственное средство коммуникации.

Однако говоря о ситуации, связанной с русским языком, нельзя не затронуть и другую сторону этой проблемы, а именно – позицию России в данном вопросе (прежде всего мы имеем в виду представителей отечественного правящего класса и интеллектуальной элиты, которые определяют политическую повестку). На наш взгляд, российская сторона также склонна совершать ошибку, на которую мы указывали выше, а именно – увязывать языковую идентичность населения с его политической и культурной лояльностью. Ведь именно на этом допущении основана концепция «соотечественников за рубежом», «русской диаспоры» и идеологема «русского мира». Типичный пример такого подхода – рассуждения А. Чепурина, бывшего директора Департамента МИД РФ по работе с соотечественниками за рубежом о «российской диаспоре», которая якобы насчитывает в странах СНГ и Балтии «около 15-16 млн.» человек и члены которой должны способствовать «продвижению российских интересов и развитию связей с Россией в различных областях», иначе говоря «выступать весомым интеллектуальным, экономическим и культурно-духовным ресурсом России» [17].

Как видим, логика российского политического класса мало чем отличается от ментальных установок их «коллег» в других постсоветских государствах – и те, и другие склонны выделять «русскоязычных» в качестве специфической категории граждан новых независимых государств, которые обязательно должны иметь какие-то особые лояльности, связанные с Россией; и те

и другие полагают, что Россия может использовать русских в «ближнем зарубежье» в своих интересах, с той только разницей, что А. Чепуриным такая возможность рассматривается как позитивная («соотечественники – «весомый... ресурс России»), а в Латвии или Эстонии аналогичные соображения порождали инвективы в адрес «пятой колонны», состоящей из русскоязычных жителей этих стран.

На самом же деле, сама категория «русскоязычные», которая обычно и отождествляется в российском общественном сознании с понятием «соотечественники за рубежом», представляется весьма проблематичной. Выше уже отмечалось, что во многих постсоветских государствах русский может являться основным языком общения для представителей самых разных этнических групп. Как заметил исследователь этого вопроса в отношении Центральной Азии, «казахский средний класс, урбанизированный и культурный, иногда имеет весьма слабое представление о том, какой именно язык считать своим родным» [19]. Многие жители постсоветских государств, которые не являются этнически русскими, в то же время социализировались в русскоязычной среде и склонны скорее видеть культурную дистанцию между собой и нерусифицированными представителями своей этнической группы, нежели между собой и русским населением. Как выразилась в этой связи одна жительница Душанбе, «моим детям-таджикам трудно ужиться с теми, кто приезжает из сельских районов и заселяется в городах. Такое впечатление, что мы с разных планет» [16]. В Казахстане и Киргизии население по принципу языковой идентичности продуктивнее делить вовсе не на русских, казахов, киргизов и т.д., а на две категории: городское русскоязычное население (этнически неоднородное), с одной стороны, и сельское, говорящее на титульных языках, с другой. Таким образом, категорию «русскоязычное население» для бывших союзных республик неправильно сводить к проживающим там этническим русским.

Но даже если мы берем и собственно русское население бывшего СССР, то тут также необходимо отдавать себе отчет в том, что русофония не обязательно формирует лояльность к России и к русской культуре; что жизненные устремления русских, которые остались вне границ России после 1991 г., не всегда связаны с нашей страной. Когда российские политики или гуманитарии говорят о «25 миллионах русских», оставшихся в бывших союзных республиках или используют выражение «разделенная русская нация», они исходят из весьма спорного допущения, что все эти люди объединены общей идентичностью, судьбой, ценностями и т.д. В реальности же многие русские совершенно не собираются уезжать из новых независимых государств для «воссоединения» с соотечественниками, напротив они верят в возможность успешной интеграции своих детей в местное сообщество и желают ее, они настаивают на необходимости для детей учить титульные языки и т.д. Одной из распространенных стратегий русских в «ближнем зарубежье» стало совмещение двух идентичностей («казахстанский русский») или акцент на региональной идентичности, которая «позволяет избежать трудностей выбора» между Россией и новой родиной (например, вариант «крымский рус-

ский» – пока Крым оставался в составе Украины) [9, с. 198]. Не случайно ведь, что уже во второй половине 1990-х гг. поток переселенцев из республик бывшего СССР в Россию стал иссякать.

Подводя итоги, можно сказать, что позиция этноцентризма при анализе языковой и национальной идентичности мешает политическому классу (и общественному мнению) как в России, так и в других постсоветских государствах видеть реальную сложность и неоднозначность идущих идентификационных процессов, в том числе в языковой сфере. Россия часто некритически оперирует понятием «русскоязычные», исходит из существования некоторой культурно-политической общности под названием «русский мир», что, с одной стороны, создает озабоченность российскими неоимперскими амбициями в тех постсоветских государствах, где проживает большой массив русского населения, а, с другой стороны, мешает заниматься действительно продуктивными проектами по продвижению русского языка и культуры на пространстве бывшего СССР; в свою очередь элиты других постсоветских государств нередко исходят из архаичного проекта построения национального государства (в этнокультурном смысле), что заставляет их прикладывать усилия различной степени интенсивности (в зависимости от финансовых возможностей государства, геополитических раскладов и пр.) для складывания одноязычной языковой среды, в которой главным средством коммуникации был бы государственный язык. Наверное, объединяющим лозунгом для всех нас мог бы стать призыв к деполитизации языкового вопроса, однако в то, что этот призыв может быть услышан, пока что верится с трудом.

Литература

1. Абашин С.Н., Савин И.Г. Ош, 2010: конфликтующая этничность // Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М.: Наука, 2012. – С. 23-56.
2. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-1997. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997. – 192 с.
3. Атнашев Т.М. Три круга и будущее русского языка на постсоветском пространстве. К политике общего наследия // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. – М.: Либеральная миссия; НЛЮ, 2008. – С. 294-340.
4. Байтуkenов Т. В 2012 году население Казахстана сможет выбрать не только президента, но и язык в кинотеатре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/175644-v-2012-godu-naselenie-kazakhstan.html>. (дата обращения: 24.07.2015).
5. В Молдавии оглашены результаты переписи населения [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/621358.html> (дата обращения: 17.02.2016).
6. Зайка К. Иммиграционный режим Канады: становление и современное состояние // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение / Под ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. – М.: Канон+, 2013. – С. 278-308.

7. Из удостоверений личности в Молдавии уберут записи на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/panorm01.php#19>. (дата обращения: 17.02.2016).
8. Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. – М.: Центр книги Рудомино, 2015. – 319 с.
9. Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). М.: Изд-во «Наталис», 2006.
10. Кудоярова Т.В. Проблемы функционирования и изучения русского языка в постсоветском Таджикистане // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». – 2010. – №1. С. 36-44.
11. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. – М.: «Наталис», 2007. – 360 с.
12. Мендкович Н. Слабости нашей «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/slabosti-nashey-myagkoj-sili>. (дата обращения: 17.02.2016).
13. Некоторые итоги переписи 2004 г. в Молдавии [Электронный ресурс] // Демоскоп. Weekly. №249-250. 05.07-18.07.2006 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php>. (дата обращения: 17.02.2016).
14. Русский язык в новых независимых государствах: состояние и перспективы. Аналитический отчет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/export/sites/default/ruskiymir/ru/fund/docs/doklad.pdf>. (дата обращения: 24.07.2015).
15. Салимов С. На паритетных началах // НГ. Дипкуррьер. 27.11.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/courier/2006-11-27/16_nazarbaev.html. (дата обращения: 24.07.2015).
16. Саркорова А. 2007. Русские в Таджикистане: в ожидании перемен [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_6264000/6264604.stm (дата обращения: 17.02.2016).
17. Чепурин А. Соотечественники как зарубежный ресурс. НГ-Дипкуррьер. 13.02.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/courier/2006-02-13/12_resurs.html (дата обращения: 17.02.2016).
18. Ярве П. Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии // Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. – М.: Наука, 2013. – С. 39-63.
19. Sébastien Peyrouse. Nationhood and the Minority Question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan // Europe-Asia Studies. Vol. 59, No. 3 (May, 2007). – Pp. 481-501.

Лобанов К.Н.

Белгородский юридический институт МВД
России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И ЕЕ НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕ- НИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В настоящей статье затрагивается актуальная и болезненная для стран европейского континента проблема социокультурной ассимиляции мигрантов из других географических регионов мира. Волны легальных и нелегальных мигрантов, прибывающих в Европу, сталкиваются с сильным противодействием титульных наций, что вызывает в ряде стран социальное напряжение и протесты. Власти европейских государств вынуждены реагировать на ситуацию через ужесточение иммиграционной политики и пресечение каналов нелегальной иммиграции. О состоянии дел в этой сфере и перспективах развития событий идет речь в предлагаемой статье.

Ключевые слова: этнос, толерантность, иммиграция, иммиграционная политика, Европейский Союз.

PROBLEM OF ETHNIC TOLERANCE IN THE COUNTRIES OF EUROPE AND ITS NEW CONTENTS IN THE CONDITIONS OF TOUGHENING OF IMMIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UN- ION

Annotation. The problem of sociocultural assimilation of migrants from other geographical regions of the world, actual and painful for the countries of the European continent, is mentioned in the present article. Waves of the legal and illegal migrants arriving to Europe, face strong counteraction of the title nations that causes the social tension and protests in a number of the countries. The authorities of the European states are compelled to react to a situation through toughening of immigration policy and suppression of channels of illegal immigration. State of affairs and prospects of making events in this sphere is offered in the article.

Key words: ethnos, tolerance, immigration, immigration policy, European Union.

Толерантность как категория морально-правового, а также социально-политического сознания в основном сформировалась и активно разрабатывалась в русле западноевропейской политической традиции. Со времен Нантского эдикта (XVI в.) и Аугсбургского соглашения (XVII в.) проблематика мирного сосуществования различных социальных образований, в первую очередь конфессий и внутриконфессиональных групп, прочно заняла свою нишу в теоретических разработках западноевропейских ученых, нормотворческой деятельности государственных органов, массовом сознании граждан-

ских обществ. В новейшее время, когда Европа пережила несколько приступов агрессивного национализма и ксенофобии, стоивших народам континента бесчисленных жертв и страданий (первая и вторая мировые войны, последствия распада биполярной системы международных отношений), акценты в общей концепции толерантности стали смещаться из области гармонизации межконфессиональных и межклассовых отношений в сферу обеспечения стабильной социально-этнической ситуации на всем общеевропейском пространстве. Европейский Союз (ЕС) - самое мощное и развитое экономико-политическое сообщество государств Старого Света стремится к воплощению толерантности как базового принципа интеграционного строительства в плоскость идеологии и реальной политической практики. Динамику этому движению еще в начале 50-х годов прошлого столетия задали Германия и Франция, торжественно заявившие всему миру о том, что вирус национализма и этнической нетерпимости никогда не омрачит отношения двух народов и государств. Экстраполяция этого принципа на сферу социальной, региональной, внутренней, иммиграционной, культурной политики ЕС способствовала выработке концепции полиэтнической и поликультурной или, как сейчас принято выражаться в среде брюссельской бюрократии, «разноцветной» Европы. Правящие элиты, многочисленные общественные объединения, церковь постоянно заявляют о приверженности к основам цивилизованного, уважительного и лояльного отношения к представителям иных этносов и национальных меньшинств, подчеркивая тем самым необходимость укрепления гуманитарной составляющей европейской интеграции [1].

Стоит, однако, заметить, что этно-социальная обстановка в ЕС далека от идеальной и нередко даже расходится с теми торжественными декларациями, которые принимаются в Брюсселе и других европейских столицах. Прежде всего наиболее не благополучной признается ситуация с нелегальной иммиграцией в страны ЕС из менее экономически развитых и политически нестабильных соседних регионов. Сейчас, по данным Международного бюро по вопросам миграции (МБВМ), в ЕС проживает только 18.4 миллионов официально зарегистрированных иммигрантов, которые уже образуют «шестнадцатое государство» ЕС, учитывая, что все население, к примеру, Бельгии едва превышает 10 миллионов. Наиболее популярны среди иммигрантов Германия (8.1 млн.), Франция (5.1 млн.) и Великобритания (более 1.5 млн.). Причем к этим цифрам следует добавить «нелегалов», которых по оценке того же МБВМ, в 2014 г. в странах ЕС насчитывалось от пяти до семи миллионов человек [3]. Кроме того, на десяток государств из числа стран Центральной и Восточной Европы, вступивших в ЕС в 2004 г., приходится сегодня от 300 до 500 тыс. нелегалов. А количество лиц, ходатайствующих об убежище, только за один последний год увеличилось с 318 тыс. до 629 тыс. [2]. Огромный и слабо контролируемый наплыв мигрантов из бывшей Югославии, стран Среднего и Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии существенным образом осложняет социальную, криминальную ситуацию в ЕС, приводит к вспышкам экстремизма религиозно-этнического толка среди титульных наций европейских государств (реакция

французов на волнения среди иммигрантов в пригородах крупных городов, рецидивы расизма в Германии, фобии в отношении иностранцев-мусульман в Великобритании и т. п.). Серия резонансных террористических атак «Исламского государства» во Франции в 2014 и нынешнем году, боевые акции мусульманских экстремистов в Испании и Великобритании еще более обострили положение дел в сфере иммиграционной политики Европейского Союза.

Стоит заметить, что в вопросах иммиграции Европа сегодня столкнулась с довольно сложной дилеммой. С одной стороны, страны ЕС должны считаться с экономическими и демографическими реалиями старого континента, которые заключаются в том, что Европа не может на нынешнем этапе обойтись без нормированного допуска мигрантов. В противном случае в условиях хронического падения рождаемости Евросоюз уже в ближайшие десять лет может столкнуться с серьезными проблемами загрузки промышленности трудовыми ресурсами и гарантирования своим пожилым гражданам пенсионного обеспечения. С другой стороны, легальная и особенно нелегальная иммиграция, как это уже отмечалось выше, сопряжена со многими социальными, демографическими и социокультурными издержками, терпеть которые согласны не все европейские граждане (движение «PEGIDA» в Германии, объединение «Нет - нелегальной миграции» в Польше). В среде европейского политического класса миграционная безопасность больше расценивается как важнейшее условие обеспечения национальной и коммунитарной, т. е. на уровне ЕС безопасности. Симптоматично, что вслед за США Европейский Союз резко ужесточил иммиграционные правила, которые теперь существенным образом затрудняют приток легальных мигрантов и беженцев в страны ЕС. Помимо этих защитных мер, правоохранительные органы стран Евросоюза и Европол объявили беспощадную борьбу нелегальной иммиграции, в недрах которой нередко встречаются носители идей националистического и религиозного экстремизма, члены международных террористических группировок.

Чтобы решить эту проблему, Европейскому Союзу придется балансировать между экономическими потребностями и соображениями безопасности с поправкой на гуманитарные требования, которые традиционно предъявляются к Европе как к одному из самых процветающих и цивилизованных регионов планеты. А значит важнейшие инструменты государственной политики, к числу которых, безусловно, относится иммиграционная сфера, должны быть гибкими и вариативными, допускающими рестрикции и принуждение селективно, т. е. только к тем, кто нарушает «правила проживания», устанавливаемые законом. В этом случае основы толерантного сосуществования различных народов и культур, традиционно согласующиеся в Европе с теорией и практикой демократии, не только не будут ущемлены, но могут быть творчески развиты на фоне бурно протекающих глобализационных процессов в мире.

Опыт ЕС, демонстрирующего пример разработки и внедрения эффективных технологий и процедур в области иммиграционной политики, учитывающих фактор появления новых нетрадиционных угроз и рисков глобально-

го развития, но в то же время не затрагивающих базовые демократические ценности, безусловно, мог бы найти применение в практике деятельности российского государства и других стран евразийского (постсоветского) пространства. С другой стороны, важным аспектом проблемы является то, что скорейшее нахождение консенсуса между Россией и ЕС по вопросу либерализации визовой политики и в перспективе отмене визового режима для граждан обеих сторон, могло бы существенно ослабить давление иммиграционных потоков на Европу из «нежелательных» регионов мира, и позволило бы решить задачу обмена трудовыми ресурсами со странами ЕврАзЭС с помощью механизмов, не приводящих к необратимым демографическим и социокультурным изменениям.

Литература

1. Хартия Европейского Союза об основных правах, подписанная 7 декабря 2000 г. в Ницце. – Изд-во Представительства Европейского Союза в России, 2005. – 22 с.
2. Eurostat. Asylum and Managed Migration 2014 [Электронный ресурс]. URL: //http://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения 24.11.2015).
3. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division/International Migration. Annual Monitoring Global population Trends (2014). – UN publ.: New York, 2014.

**УДК 821.161.1
27:271:276**

Лопин Р.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия*

ВЕРА КАК ИСТОЧНИК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА РУССКОГО ДУХОВНОГО ПИСАТЕЛЯ С.А. НИЛУСА (К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Аннотация: Статья посвящена жизни и творчеству духовного писателя С.А. Нилуса, занявшего в истории русской литературы начала XX века особое, значимое место. Став для одних творцом прозы, свойственной духовной традиции русской литературы, для других – историческим свидетельством уходящей ортодоксальной эпохи, для третьих – одиозной в политизированной окраске личностью. В ней дается краткий обзор пути духовного становления С.А. Нилуса, нашедшего отражение в его творчестве как традиционного для русской культуры мировоззрения.

Ключевые слова: вера, культура, русская литература, история, православие, святость, творчество.

BELIEF AS THE SOURCE OF LIFE AND WORKS OF THE RUSSIAN SPIRITUAL WRITER S.A. NILUS (TO THE QUESTION OF NATIONAL IDENTITY)

Annotation: Article is devoted to life and works of the spiritual writer S.A. Nilus who has occupied the special, significant place in the history of the Russian literature of the beginning of the 20th century. For one people he became the creator of prose which was peculiar to spiritual tradition of the Russian literature. For other people he became a historical evidence of orthodoxy. For the third people he became the politized personality. In article the short review in which it is told about spiritual formation of S.A. Nilus is given. It has found reflection in his creativity which has outlook, traditional for the Russian culture.

Keywords: belief, culture, Russian literature, history, Orthodoxy, sanctity, creativity.

Сергей Александрович Нилус – писатель искренне верующий, проповедующий красоту и любовь православной России, открывший «Великую Дивеевскую тайну» Серафима Саровского, тот автор, работы которого прочитывались современными ему старцами, чья книга «Великое в малом» находилась на столе царской семьи с момента ее издания до трагического 1918 года [2, 318-320], опубликовавший скандальные «протоколы», невинно обвиненный в фальсификации документов и сектантстве, столь далеко от православия, чьи книги не раз переиздавались, за хранение которых после Октябрьского переворота люди расстреливались [1, с. 224-226]. Писатель, гонимый и унижаемый большевиками в последние годы жизни, но оставшийся и умерший в 1929 году на своей Родине, в России, принимавший с достоинством все лишения, возлагая все в своей жизни на волю Божью, писатель, труды которого благословил Св. Праведный Иоанн Кронштадтский. Сегодня имя С.А. Нилуса носит литературная премия, которая вручается современным авторам «за литературные труды, в которых выявляется историческая правда о прошлом России» [3, с.10].

Жизнь и творчество С.А. Нилуса – это еще одна богатейшая и значимая страница русской истории и культуры, духовной словесности начала XX века, малоизвестная и еще не оцененная современным взглядом историков, культурологов, литературоведов и мыслителей, интересующихся отечественным наследием.

С.А. Нилус по своему происхождению грек, родился 28 августа 1862 года в Москве на Патриарших прудах, в семье крупных землевладельцев. Семья его, как и вся окружающая ее среда, была охвачена духом образованной и ориентированной на западное, по своей сути богоборческое, просвещение интеллигенции того времени, т.е. материализмом и крайним либерализмом.

«Конечно, твердая пища разговоров политической окраски мало способствовала развитию во мне – религиозных, как тогда говорили, мечтаний, и я рос в совершенном отчуждении от церкви», – пишет С.А. Нилус в своей автобиографической части книги «Великое в малом», отмечая то, что безбожное его воспитание имело свои плоды и по мере его возрастания. Уроку «Закона Божьего» он обучался как неизбежности неумолимой программы гимназии и во весь гимназический курс изучал его скверно, да и молитв он не знал, и в церковь заходил лишь случайно [4, с. 17]. Принимал участие в отвратительных «оргиях» студенчества, в которых человек теряет, по его мнению, не только образ Божий, но и свой человеческий [5, с. 29].

Перед выпускными экзаменами (IV класс гимназии), в тревоге за успех их окончания, А.С. Нилус дал обет пойти, как он выражался, к «Троице-Сергию» и «перекреститься» там «обеими руками и ногами», то есть усердно помолиться Преп. Сергию об успешном окончании гимназии. Условием для выполнения этого обещания был успех на экзаменах. Экзамены были сданы, потом закончена гимназия, пройден университет, но обете он не вспоминал, не думал, да и не придавал ему никакого серьезного значения [4, с.19]. Позже с ним произошли следующие события, которым он впоследствии предавал большое значение. По окончании университета на Кавказе, где он служил судебным следователем, произошел случай, заставивший его вспомнить о ранее данной клятве. С.А. Нилус на полном скаку упал с лошади на камни. Такое падение, по его мнению, не могло не быть роковым. И только чудом он обошелся легкими ушибами. И тем бы все и ограничилось, если бы он тут же, вскоре не вспомнил о невыполненном обете [4, с. 21].

Прошли годы, он вернулся в свое имение Орловской губернии, но его сердце уже не было по-прежнему спокойно – беспокоили мысли о клятвенном преступлении. Там он был избран крестьянами в церковные старосты и по этому случаю говел (постился) Великим постом. Давно не постившись и не причащаясь, по-другому сказать, не придерживаясь естественной жизни христианской, после причастия он почувствовал себя «точно обновленным, каким-то более жизнерадостным: душа испытывала что-то давно знакомое, родное; больше того, – что-то такое необъяснимо-сладкое и вместе с тем торжественное» [4, с. 22]. С этого момента С.А. Нилус стал ощущать потребность духовной жизни. Наконец он исполняет свой обет и посещает Троице-Сергиеву Лавру. Чувства, с которыми он вернулся из Лавры, были наполнены неземной теплоты, полны смирения, любви к постигнутому Богу, покорности Его святой воле. Ему казалось, что это была вера глубокая и бесповоротная.

Однако и на этот раз совершившееся в душе С.А. Нилуса не было его окончательным стоянием в вере. Слабость человеческая, не способная противостать страстям, самостоятельно искала спасения и заступничества силы Божьей. С.А. Нилус, больной физически и страдая духовными недугами слабоверия, отправляется за укреплением своего духа к известному духов-

нику того времени, ныне прославленному в лике святых, Святому Праведному Иоанну Кронштадтскому.

«Это было за всю мою жизнь первое истинное покаяние, – пишет С.А. Нилус, – Впервые я всем существом своим постиг значение духовника, как свидетеля этого великого Таинства, свидетеля, сокрушающего благодатью Божьей в корне зло гордости греха и гордости человеческого самолюбия». После этого покаяния он осознал себя окончательно верующим и православным [4, с. 42-43]. «Общение с церковью, по возможности непрестанное таинство исповеди, принимаемое с верой и душой обращенной, сочетание со Христом в страшном и вместе таком благодатном таинстве Причащения, – все это стало такой потребностью, без которой и сама жизнь кажется не жизнью» [4, с. 45].

Миросозерцание С.А. Нилуса, как отмечает товарищ обер-прокурор Священного Синода князь Н.Д. Жевахов, получает иное содержание и направление. В жизни С.А. Нилуса кончилось «мучительное томление» его духа, успокоилась «исстрадавшаяся» и «тоскующая душа». С.А. Нилус «нашел свое призвание и занялся литературой». «Таково уж свойство русского духа, натуры русского человека, способного умирать в одиночку, но не способного в одиночку спастись!» – пишет Н.Д. Жевахов. И далее: «...воскреснув духовно, Нилус ринулся спасать косневших во мраке духовного невежества своих близких, делиться с ними своими духовными приобретениями, пробуждать их заснувшую веру и совесть» [1, с. 214].

Отражавшие внутренние переживания С.А. Нилуса, его любовь к Богу, его работы с высоким религиозным настроением и чувством заняли совершенно особое место в русской литературе. С.А. Нилус пишет: «Непонятное стало ясным, когда в исканиях истины я обращался к матери Церкви: от нее, от духа ее я получил свое возрождение в жизнь новую, от нее приобрел разумение земного и горняго в тех пределах, которые доступны ограниченному уму человеческому и моему, в частности. Тайна за тайной стали открываться моей человеческой немощи, в которой совершилась великая сила Божья, и только в этой силе великой я и познал, что мир и вся еже в мире, – бывшее, настоящее и будущее, – могут быть уяснены и постигнуты во всей сущности только при свете Божественного Откровения и тех, кто жизнь свою посвятил ему на служение в духе и истине, в преподобии и правде» [4, с. 338-339].

Весь этот духовный опыт С.А. Нилус изложил с большим талантом и красотой в своей книге «Великое в малом». Ничего не выдумывая и лишь повествуя о своих переживаниях и тех тайнах, открывшихся ему, по его мнению, явно по воле Божьей, он доносит до читателя тот мир, в котором прибывает душа человеческая со Христом.

Рассказывая о своем физическом исцелении, силой веры в угодника Божьего Преподобного Серафима Саровского при паломничестве в Саров, С.А. Нилус открывает величие торжества и святости православных монастырей. Подвиг личного смирения и ревностной любви к святому, столь чудесно просиявшему на земле русской, свои чувства, вынесенные из пребы-

вания в монастыре, он характеризует так: «Точно новая струя новой жизни была влита во все мои жилы – далекая юность, казалось, вернулась вновь. “Что будет потом? Стал ли я здоров по вере своей?” – я не задавался такими вопросами. Я просто радовался и любил отца Серафима, как любят врача, которому удается мгновенно уталить нестерпимую, жгучую боль в ту минуту, когда эта боль прекращается. Эта пламенная любовь, которою внезапно загорелось мое сердце, эта радость любви по вере – не были ли они моим окончательным выздоровлением, которое без всякого сравнения важнее всякого телесного исцеления?» [4, с.82]. Эта любовь к Преподобному Серафиму будет пронесена через всю жизнь С.А. Нилуса с чувством небесного покровительства святого [6, с. 161], которое давало С.А. Нилусу силы и спасение, да и указывало дорогу к Вечности.

В 1903 году С.А. Нилус публикует записки духовного сына и почитателя Преподобного Серафима Саровского, Николая Александровича Мотовилова. В них он открывает ранее неизвестную «Тайну Дивеевскую» – пророчества о судьбе российской и поучения о стяжании Духа Святого, данного Серафимом Саровским Н.А. Мотовиллову, да и само жизнеописание Николая Александровича.

В 1905 году, разорившись, С.А. Нилус покидает свое имение Золотарево и уезжает в Петербург. Там он поступает на государственную службу чиновника, встречает Елену Александровну Озерову, с которой 5 февраля 1906 года был заключен брак – союз, не имеющий под собой никакой плотской основы, а являвшийся соединением двух душ, явно стремившихся к познанию и укреплению любви Божьей. Но и это не успокаивало его искавшую богопонимания творческую личность. Он постепенно отдаляется от «мира сего» и становится взыскателем «града Небесного». С.А. и Е.А. Нилусы, отказавшись от соблазнов столичной жизни, оставляют Петербург. О решении покинуть Петербург С.А. Нилус впоследствии вспоминает: «Помолились мы с женой у иконы Царицы Небесной Казанской и решили уехать из Петербурга куда глаза глядят... Взяли мы билеты по железной дороге до Твери, а в конторе пароходства «Самолет» – от Твери по Волге до Нижнего, и направили свой путь через Нижний – Арзамас в Саров и Дивеев к Серафиму Преподобному, от которого я столько чудес и милости на своем веку видел» [5, с. 188-189].

В пути своем С.А. Нилусу вновь довелось встретиться с отцом Иоанном Кронштадтским. Знаменательна и беседа, состоявшаяся с ним, укрепившая в начинаниях трудов своих С.А. Нилуса. Он описывает этот диалог таким образом:

«– Пиши, я люблю все, что ты пишешь.

– Для кого же писать? – возразил было я, – Кому же теперь читать такие писания?

– Бог благословит, – ответил отец Иоанн, – и читать, и покупать будут» [4, с. 10-11].

Таково было благословение высоко почитаемого подвижника русской Церкви, определившего дальнейший путь С.А. Нилуса. «Мал мой труд, но

велико почило на нем благословение», – отметил С.А. Нилус значимость такого покровительства святого своим трудам [4, с. 11]. Свое третье издание книги «Великое в малом» (1911 г.) С.А. Нилус посвящает «с чувством благоговейной признательности» Иоанну Кронштадтскому.

Так путь его исканий успокоения и приюта духовного под покровительством Пр. Серафима привел С.А. и Е.А. Нилусов в Оптину пустынь. Радость, воцарившаяся в душе С.А. Нилуса, превосходила своими эмоциями: «Я не мог в досталь надышаться ее воздухом, благоуханием ее святыни, налюбоваться на красоту ее соснового бора, наслушаться ласкающего шепота тихоструйных, омутистых вод заманчивой красавицы Жиздры, отражающей зеркалом своей глубины бездонную глубину Оптинского неба... О, красота моя Оптинская! О, мир, о, тишина, о, безмятежие и неприходящая слава Духа Божия, почивающая над святыней твоего монашеского духа, установленного и утвержденного молитвенными воздыханиями твоих великих основателей! ... О, благословенная моя Оптина!» [5, с. 157]. Там, в Оптиной, в сентябре 1907 года поселились С.А. и Е.А. Нилусы. «Отвели мне старцы усадьбу около монастырской ограды, с домом, со всеми угодьями, и сказали: «Живи с Богом до времени. Если мы соберемся издавать Оптиные листки и книжки, ты нам в этом поможешь; а пока живи себе с Богом около нас: у нас хорошо, тихо» [5, с. 1].

С.А. Нилус в Оптиной пустыни приступает к разбору старых скитских рукописей – той жемчужины, хранившейся в архивах монастыря, которая увидела свет в работах писателя, явившая миру красоту и величие подвига монашеского духа, скрытого до поры стенами монастырскими и открытого для укрепления народной веры накануне тяжких испытаний. Благодаря пребыванию в Оптиной Пустыни С.А. Нилус издает следующие книги: «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом». С 1 января 1909 года начинает ежедневные записи пребывания и общения в Оптиной наиболее, с его точки зрения, важные и могущие послужить укреплению веры читателя события, составленные в виде дневника, который вышел отдельной книгой в 1916 году под названием «На берегу Божьей реки».

Любителю отмечать знаменья времени суждено было отправиться далее по своим мытарствам по русской земле. По распоряжению Синода, воспретившему мирским лицам жить в Оптиной, С.А. и Е.А. Нилусы в 1912 году покидают Оптину пустынь и отправляются на Валдай.

Поселившись у Иверского монастыря, об истории которого он писал в 1908 году, в очерке «Сказание о Чудотворной иконе Божией матери ее иверского явления и о Чудотворной ея иконе Иверской, что в Богородичном Иверском Валдайском монастыре Новгородской епархии», продолжает работать над своими записями, ведя аскетический образ жизни, проникнутый любовью к Богу и угодникам его. Там С.А. и Е.А. Нилусы прожили до самой революции, после которой переехали на Полтавщину. Не захотевший покидать свою Родину и уповавший на волю Божию, переживший гонения, «раскулачивание», доносы и аресты, С.А. Нилус продолжал работать над второй частью своего дневника, прочими статьями.

Здоровье С.А. Нилуса было надломлено нервными стрессами, связанными с арестами и постоянными гонениями, гнетущей борьбой за существование. Последний год своей жизни С.А. Нилус проживал у приютивших его семью почитателей творчества его Смирновых в селе Крутец, Александровского уезда, Владимирской области. В комнате, в которой жил С.А. Нилус, был образ им любимого Преподобного Серафима Саровского, где Пр. Серафим изображен согбенным с палочкой. С.А. Нилус как-то сказал: «Вот батюшка идет с палочкой и указывает мне дорогу. Куда он приведет меня, там я и буду» [7, с. 411].

Н.Д. Жевахов так описывает последний день жизни С.А. Нилуса: «1 января 1920 года С.А. Нилус, перемогая себя, с великим трудом отправился в церковь, где удостоился причастия Святых Тайн. По возвращении домой его постиг обморок, после которого он с трудом пришел в себя. В 5 часов по полудни, в тот самый момент, когда начали звонить ко всенощной по случаю памяти Преподобного Серафима Саровского, обморок повторился, и С.А. Нилус скончался» [1, 233]. Остановилось сердце славно потрудившееся на прославление Преподобного. Душа же, явно ведомая угодником Серафимом, отправилась в вечность, пребывая до последнего чувства в любви к Богу.

Столь замечательна в искренней вере жизнь писателя, воплотившего видимое и прочувствованное в своем творчестве, писателя, впитавшего в себя культурно-историческое духовное наследие России, неся его в своем слове, адресованном внимательному читателю, с любовью воспринимающему это наследие как свое родное.

Литература

1. Жевахов Н.Д. Сергей Александрович Нилус // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 211-234.
2. Император Николай II читает С.А. Нилуса // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 318-321.
3. Любомудров А.М. Сергей Александрович Нилус // Нилус С.А. Полное собрание сочинений: В 5 т. Т.1. / Общ. ред. А.Н. Стрижев. – М.: Великий Градь, 2014. – С.5-10.
4. Нилус С.А. Великое в малом. – Новосибирск: «БЛАГОВЕСТ», 1994. – 544 с.
5. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч.1. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. – 322 с.
6. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч.2. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – 204 с.
7. Смирнова-Орлова М.В. Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 402-417.

Мальцева Н.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия***МАТЕМАТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ КАК ОСНОВА
УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯЗЫКА НАУКИ: «PRO ET CONTRA»**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности математического стиля мышления как универсального языка науки для создания единого семантического пространства межкультурных и межнациональных коммуникаций. Автор показывает, что в настоящее время формирование научного стиля мышления является весьма актуальной задачей, причем, наиболее эффективно это возможно с помощью постижения математики. В то же время, несмотря на внешнюю схожесть формального языка математики, его внутреннее содержание, идентификация математических терминов остается неповторимой и уникальной для каждой культуры. Поэтому для взаимопонимания и осуществления полноценной коммуникации необходимо изначально унифицировать математические понятия и уже на основе этого осуществлять продуктивный диалог.

Ключевые слова: идентичность, культура, математика, стиль мышления, язык.

**THE MATHEMATICAL STYLE OF THINKING AS THE BASIS OF
THE UNIVERSAL LANGUAGE OF SCIENCE: «PRO ET CONTRA»**

Annotation. The article discusses possibilities of a mathematical style of thinking as a universal scientific language for creating a unified semantic space for intercultural and interethnic communications. The author shows that nowadays formation of a scientific style of thinking is a critical challenge which can be most adequately met by means of mathematics. Yet, despite the external similarity of the formal language of mathematics, its internal content and identification of mathematical terms are still unique and intrinsic to a specific culture. Therefore, for mutual understanding and a valid communication it is essential firstly to unify the mathematical concepts and only afterwards engage, on this basis, in a fruitful dialogue.

Keywords: identity, culture, mathematics, the style of thinking, language.

Проблемы языковой и культурной идентичности наиболее ярко проявляются в межкультурных и межнациональных коммуникациях. Условия жизни и деятельности любого народа, его культура, история формируют систему особенностей, свойственных именно данному народу. В процессе социализации человек овладевает языком, моделями поведения, нормами и правилами общения. На почве родной культуры вырастает личность, которая сознательно или бессознательно усваивает ее традиции и ценности. Однако

существует такая область знания, которая не зависит ни от языка, ни от культуры, ни от мировоззрения субъекта. Такой областью знания является наука – по своей сути объективная и однозначная. Как отмечает Б.Л. Яшин, «наука представляет собой в определённой мере универсальный для всего человечества способ познания. И вместе с его результатом, являясь общепризнанной системой знания, не может не быть интерсубъективной, общезначимой» [10].

Однако в то же время она – «особый способ человеческого отношения к миру, а потому её нельзя рассматривать вне пространственно-временной целостности бытия человека и общества» [10]. Даже внутри одной области знания существуют свои специфические особенности и свои «диалекты». Так, физик-ядерщик, и физик-спектрометрист могут говорить «на разных языках» и не понимать друг друга. А если рассматривать отдельные научные дисциплины, то перенос терминов из одной области знания в другую приводит к коллизиям и непониманию.

Так, например, термин «толерантность» впервые ввел в употребление английский иммунолог П. Медавэр в 1952 году. Это понятие обозначало ослабление иммунологической реакции организма на введение в него чужеродных генов, степень восприимчивости человеческого организма к пересаженным органам, принятие чужеродных трансплантатов [8]. В настоящее время данный термин прочно прижился в социально-политических науках и обозначает терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. «В английском языке толерантность означает способность и готовность воспринимать любую вещь или личность без протеста. В то же самое время во французском языке это слово означает уважение свободы другого человека, того, как он мыслит, как себя ведет, а так же его религиозных и политических взглядов. В Китае быть толерантным означает проявлять великодушие к другим людям. А вот для арабов это сострадание, прощение, расположенность, терпение» [7].

Еще один пример, подчеркивающий сложность понимания и восприятия информации связан с толкованием научных текстов, когда один и тот же термин в разное время и в разных картинах мира означал принципиально различные смыслы. Так, под термином «атом» Демокрит понимал некую неделимую частицу, совокупность которых, объединяясь друг с другом, создают все многообразие мира. В XIX веке атом отождествлялся с химическим элементом, и считалось, что он не делится на составные части. Однако в 1897 году молодой английский физик Дж. Дж. Томсон открыл электрон, и стало ясно, что термин «атом» не соответствует реальности, поскольку имеет составные части. Тем не менее, термин в науке сохранился, и исследователям необходимо помнить, что атом Демокрита и атом в современном научном понимании далеко не одно и то же.

На уровне обыденного сознания проблема терминов проявляется еще ярче, поскольку люди, не занимающиеся научными изысканиями, непосредственно далеко не всегда знают изначальное происхождение терминов и соответственно неверно интерпретируют исторические тексты и научные открытия наших дней.

Как отмечается в работе К.К. Колина, суть проблемы состоит в том, что мировоззрение подавляющего большинства людей не отражает современных достижений науки и не соответствует объективной реальности проявления природных законов в повседневной жизнедеятельности. «Они не успевают психологически перестроиться в соответствии со все более ускоряющимся темпом жизни и новыми условиями своего существования» [3, с. 75]. Поэтому не случайно Г.Ф. Михайлишина подчеркивает, что «современное общество все больше осознает необходимость формирования у людей нового целостного миропонимания и научного мировоззрения, которые были бы адекватны последним достижениям фундаментальной науки. Науки о природе не только обеспечивают развитие технологий, но и развивают менталитет людей, в частности, формируют особый тип научного мышления, дефицит которого остро ощущается в современном обществе» [4, с. 83].

В связи этим в настоящее время формирование научного стиля мышления молодого поколения является весьма актуальной задачей, причем, по мнению В.С. Абатурова, наиболее эффективно это возможно с помощью постижения математики [1, с. 233]. Ведь еще М.В. Ломоносов писал, что математика полезна тем, что она ум в порядок приводит. Причем речь здесь должна идти не только о конкретных знаниях, но и о математической культуре в целом, которая, как считают Ю.К. Чернов и С.А. Крылов, «значительно шире, чем просто система математических знаний, умений и навыков» [9, с. 32]. На основе математической культуры складывается математический стиль мышления, которому, согласно Е.Н. Базайкиной и А.Н. Ростовцева, присущи свои специфические особенности, формирующиеся «при обучении математике – это склонности к анализу, синтезу, сравнению, абстракции, конкретизации и обобщению, а также к гибкости, вариативности, критичности, пространственности мышления. Уникальность математического мышления состоит в том, что оно обобщает черты, которые в той или иной степени присущи определенному виду творческих способностей» [2, с. 102]. Другими словами, математический стиль мышления, открывает внутренние резервы сознания, способствует более эффективному раскрытию творческого потенциала личности [6, с. 132]. Вместе с тем, несмотря на универсальность внешнего математического языка, и на объективное отражение окружающей реальности формальными средствами, для каждой культуры внутреннее содержание, интерпретация, идентификация математических понятий остается неповторимой и уникальной.

Очень наглядно высказанный тезис аргументирует Б.Л. Яшин, подчеркивая, что «математика запечатлевает в себе разное отношение людей, принадлежащих к разным культурам, к миру вещей» [10]. Семантической единицей математики являются числа, которые существуют лишь в сознании людей. Однако понимание чисел в разных культурах существенно отличается друг от друга. А значит, существует не один мир чисел, а несколько. Каждый из этих миров зависит от той культуры, в которой этот мир создан. Каждый из этих числовых миров – западноевропейский, индийский, арабский, античный и т. д. – уникален по своей сущности. Каждый из них является своеобраз-

разным выражением чувствования и понимания окружающего мира природы. Каждый из них соответствует одной и только одной культуре. «Поэтому математика, с этой точки зрения, не единственна. Существует несколько математик» [10]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все эти отличия являются в большей степени внешней формой выражения, в то время, как внутреннее содержание остается неизменным. Так, например, С.И. Некрасов приводит семь формулировок второго начала термодинамики [5, с. 33], каждая из которых по-разному выражается математически. Между тем содержательно все эти формулировки тождественны. Для описания атомного ядра используются две абсолютно разные математические модели: капельная модель, которая легко объясняет распад тяжелых ядер; и оболочечная модель, просто обосновывающая синтез легких. В то же время единой модели атомного ядра, которая объясняла бы оба этих процесса, не существует. Если даже в физике имеется такое разнообразие, то что же говорить о различных культурах. Форма выражения объективных математических знаний будет зависеть и от уровня развития культуры, и от природных условий, и от менталитета.

В заключении необходимо отметить, что перевести все научные достижения на математический язык не представляется возможным – всегда будет оставаться своеобразная идентичность отдельных народов или групп людей. Поэтому для взаимопонимания и осуществления полноценной коммуникации необходимо использовать не только математический стиль мышления, но и общечеловеческие понятия и ценности, которые могут быть универсальными для любой культуры.

Литература

1. Абатурова В.С. Математическое моделирование в обучении математике как средство формирования научного стиля мышления школьников // Математический форум (Итоги науки. Юг России). – 2014. – Т. 8. – № 2. – С. 231-242.
2. Базайкина Е.Н., Ростовцев А.Н. Формирование математической культуры учащихся // Технологическое образование и устойчивое развитие региона. – 2011. – Т. 2. – № 1-1 (6). – С. 101-104.
3. Колин К.К. Информационная цивилизация. – М.: ИПИ РАН, 2002. – 112 с.
4. Михайлишина Г.Ф. Постнеклассическая физика как основа современного стиля мышления // Наука и школа. – 2010. – № 3. – С. 82-84.
5. Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Пеньков В.Е. Современные парадигмы эволюционных процессов. – М., 2007. – 98 с.
6. Пеньков В.Е. Инновационные подходы к раскрытию творческого потенциала учащихся // Управление инновациями: теория, методология, практика. – 2015. – № 12. – С. 128-132.
7. Разные страны – разное понимание [Электронный ресурс] URL: <http://glamius.ru/otnosheniya/psihologiya/chto-oznachaet-tolerantnost> (Дата последнего обращения 23.04.2016).

8. Разумова А.М. Толерантность - медицинский термин. Специфика [Электронный ресурс] URL: <http://fb.ru/article/134764/tolerantnost---meditsinskiy-termin-spetsifika> (Дата последнего обращения 23.04.2016).
9. Чернова Ю.К., Крылова С.А. Математическая культура и формирование ее составляющих в процессе обучения / под науч. ред. В. В. Щипанова. – Тольятти: ТолПИ, 2001. – 172 с.
10. Яшин Б.Л. Математика как разнообразие способов количественного восприятия мира [Электронный ресурс] URL: <http://www.evestnik-gou.ru/Articles/Doc/326> (Дата последнего обращения 23.04.2016).

УДК 1:316

Орлов М.О.

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

АУТЕНТИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМА ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ*

Аннотация. Статья раскрывает одну из актуальных задач, стоящих в настоящее время перед Русской Православной Церковью, которой является выработка определенного формата дискурсивного взаимодействия церковных структур и средств массовой информации, который обеспечит устойчивое присутствие необходимых элементов аутентичного христианского учения и церковной жизни в медиапространстве. Для этого требуется вдумчивое и опирающееся на церковный (в том числе пастырский) опыт использование коммуникативных и коммуникационных технологий. При этом использование средств массовой информации предполагает в первую очередь формирование такого стиля общения с представителями СМИ, которое будет учитывать специфику их профессионального и жизненного опыта, духовные потребности журналистов.

Ключевые слова: православная традиция; христианство и общество; философские проблемы журналистики и СМИ; дискурс.

THE AUTHENTICITY OF THE ORTHODOX TRADITION AND THE PROBLEM OF THE JOURNALISTIC DISCOURSE: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Annotation. The article reveals one of the most pressing challenges currently facing the Russian Orthodox Church, which is the development of a certain format

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-12009.

discursive interaction of church structures and the media, which will provide a steady presence necessary elements of an authentic Christian doctrine and life of the Church in the media. This requires thoughtful and relying on the church (including pastoral) experience of the use of communication and communication technologies. The use of the media involves first the formation of this style of communication with the media, which will take into account the specificity of their professional and life experience, and spiritual needs of journalists.

Key words: Orthodox tradition; Christianity and society; philosophical problems of journalism and the media; discourse.

Вся специфика информационной миссии в рамках аутентичной православной традиции требует личного подхода к представителям средств массовой информации, видения в них не инструментов для подготовки текстов и сюжетов, а актуальных или потенциальных сторонников Церкви и посредников, через которых весть о христианских ценностях доходит до многочисленных групп населения – потребителей информации, предлагаемой СМИ.

Вообще, «правильное» общение с людьми – это технология, которой за отдельную плату обучают на всевозможных многочисленных специальных семинарах. Основой для всевозможных навыков «успешного» общения является стремление к достижению личного успеха путем манипулирования окружающими. Особой эффективности в освоении навыков манипулятивного общения достигли проповедники разнообразных нетрадиционных религиозных течений, кратко говоря – сект. Они мастерски создают «теплую дружескую обстановку», уделяют человеку то внимание, которое ему необходимо, укрепляют эмоциональную привязанность к себе со стороны своих приверженцев. В сектантской общине порой действительно «интересно», жизнь оказывается насыщенной, «пасторы» общины могут ярко и убедительно рассказать о своей жизни «со Христом». Маргинальное положение секты требует от её лидеров действительной эффективности и динамичности, чтобы сохранить свою «долю на рынке» среди конкурирующих собратьев, ищущих тех, кому традиционные конфессии не смогли уделить достаточного внимания в их жизненных поисках и проблемах.

Разумеется, как любой верующий должен быть далек от всякого стремления к манипулированию окружающими, так и работник церковной пресс-службы в своём общении с журналистами должен избегать сомнительных «технологий общения», направленных на эмоциональный «подкуп» журналиста. Находясь в определенной зависимости от журналистов, можно поддаться соблазну желая понравиться им, найти общие мирские интересы и увлечения, разжалобить рассказами о тяжести церковного служения, взывать к их совести и патриотическим чувствам либо, в утрированном варианте, напугать страшными загробными муками, если тот будет писать о Церкви «неправильно». Однако, «подкупая» таким образом представителя СМИ, происходит разрушение идентичности православной традиции.

Безусловно, работник епархиальной пресс-службы должен видеть в каждом журналисте в первую очередь живого человека, которого необходи-

мо постараться «приобрести» для Христа, но делать это необходимо ради самого человека, а не ради обретения послушного и удобного партнера в своей профессиональной деятельности. Журналисты для верующего, работающего в церковной пресс-службе, это все-таки не те, кого надо «склонить», «убедить», «завоевать». Как и во всей аутентичной традиции Православной Церкви, так и в медиа-служении, информационной миссии не может быть места утилитарному подходу к человеческой личности и принципам «практической целесообразности», но может быть только желание духовного спасения каждой личности. Работникам церковных пресс-служб надлежит хранить трезвость восприятия, чтобы постоянно анализировать мотивы своих действий и отсекал все формы самообмана и подмены целей Церкви своими личными интересами.

Задача информационной миссии присутствия Церкви – показать красоту аутентичной церковной жизни внешнему миру посредством СМИ и потому в первую очередь самим представителям СМИ как информационному посреднику между Церковью и внешним миром. Вообще, показать жизнь в Православной Церкви так, чтобы она предстала интересной для современного человека, возможно при наличии как профессионализма, так и художественного таланта со стороны работника пресс-службы. Если же второе отсутствует, то здесь союзником для пресс-службы выступает талантливый журналист. В своей профессиональной сфере работник пресс-службы может быть всего лишь усердным исполнителем, «не хватающим звезд с неба», но в общении с журналистом он выступает как носитель всей глубины церковного опыта и должен раскрыть этот опыт всей своей личностью. В сотрудничестве между церковной пресс-службой и СМИ обе стороны выступают в качестве посредников: и если журналисты доводят до потребителей информации новости о событиях в церковной жизни, то работники пресс-служб в свою очередь переводят восприятие самих журналистов от того, что они воспринимают как «инфоповод», к внутреннему содержанию церковной жизни [1, с. 344].

Реализация такой посреднической функции со стороны представителей церковных пресс-служб требует отчетливого понимания тех, по отношению к кому эта посредническая функция осуществляется. Раскрывая перед журналистом содержание церковной жизни, необходимо понимать специфику его жизненного и профессионального опыта. Поэтому рассмотрим подробнее: кто он, журналист?

Практика показывает, что в журналистике работают люди, либо относящиеся к молодежи, либо посвятившие себя этой сфере с молодого возраста. Случаи, когда профессиональным журналистом становится человек, до этого работавший в другой отрасли, крайне редки. Человек может совершать горизонтальные и вертикальные перемещения в масс-медиа, переходить из издания в издание, поэтапно быть редактором, корреспондентом, обозревателем и т.д., но весь его профессиональный опыт будет вращаться вокруг «торговли» словами и новостями. В силу профессии журналист, как правило, обладает широким кругозором и осведомленностью о событиях и процессах в разных

сферах жизни, но ему вряд ли когда-то приходилось нести ответственность за их реализацию. Задача журналиста (вернее, хорошего журналиста) – ознакомиться с чужим опытом и найти правильные и интересные слова, чтобы с этим опытом могли ознакомиться читатели и зрители.

Советская журналистика характеризовалась специализацией тем, на которые готовили публикации работники газетных редакций. Одни специализировались на уборке урожая, другие – на успехах в освоении космоса. В настоящее время такая специализация в силу объективных причин в значительной степени утрачена. Слишком много появилось направлений, а старые не всегда продолжают вызывать интерес у публики. Поэтому к «церковной тематике» могут обращаться люди, которые в ней ничего не понимают, и не имеют ни времени, ни желания, чтобы самостоятельно в неё вникнуть. У журналиста имеется свой план работы, определяемой редакцией издания, телеканала или информационного портала. Та же редакция определяет и общую направленность работы, «политику», целью которой является пробуждение максимального интереса со стороны целевой аудитории. Поэтому журналист, особенно начинающий, может задать вопрос, который человеку, укоренному в церковной культуре, может показаться глупым, неприличным и т.д.

Вообще, в церковной жизни человеку внешнему, как правило, разобратся сложнее, чем в каких-то иных специальных областях. Повседневная практика взаимодействия Церкви с внешним миром полна столкновениями с такого рода барьерами, иногда объяснимыми неудачным воспитанием, иногда не объяснимым ничем, кроме внутренней гордости и боязни сделать что-то не так и потому показаться кому-то смешным. Кроме того, большое влияние на человека оказывают поддерживаемые средствами массовой информации стереотипы (впрочем, с развитием блогосферы винить только СМИ в распространении различных предрассудков и сплетен уже не совсем правильно), перед которыми уязвимы и сами представители СМИ. Поскольку стереотипы являются своего рода убеждениями, только искаженными и не основанными на реальности, наличие стереотипов у журналиста при всей удручающей их неадекватности в то же время показывает, что всё-таки мы имеем дело с человеком, способным к обладанию какими-то убеждениями, а не равнодушным имморалистом. В данном случае уместно вспомнить многочисленные рассуждения современного философа С. Жижека, неоднократно приводящего ту мысль, что циник, смеющийся над ценностями, тем самым признает их реальность и значимость, в том числе для себя [2, с. 64] (пускай и в негативном отношении). Конечно, в идеальном журналистском сознании не должно быть стереотипов, но они тем не менее присутствуют. И здесь работники епархиальных пресс-служб, являются ли они священнослужителями или мирянами, обладают ли художественными дарованиями, или выполняют техническую работу, одинаково должны проявлять определенную деликатность и не смеяться над журналистами, не обижать их, пускай в некоторой тонкой и неявной форме. Данный тезис может показаться слишком очевидным, но убеждение, что это «журналисты нас обижают» и «это нам надо как-

то за себя постоять» слишком распространено в церковном медиа-сообществе, чтобы не превратиться в один из барьеров между Церковью и СМИ. Очень часто представителям церковных пресс-служб не хватает смирения осознать, что на самом деле мы сами их очень часто обижаем, и даже не замечаем того.

Одной из главной предпосылкой возникновения и существования предрассудков и стереотипов является боязнь «спросить о...». Соответственно, главным средством борьбы с существующими в журналистском сообществе предрассудков является не обличения этих заблуждений, а готовность в любое время ответить на любой вопрос. Такая готовность отвечать на все вопросы приводит к тому, что журналисты действительно станут много и часто обращаться в пресс-службу с самыми разными вопросами. Далеко не все вопросы могут быть интересными, глубокими, далеко не все просьбы о комментариях могут быть, что называется, по адресу. Но открытость церковных пресс-служб после многих лет отсутствия должного взаимодействия позволит в итоге увидеть в Церкви институт, с которым можно общаться, установить какие-то человеческие отношения, сломать лед, преодолеть барьер, подружиться, наконец.

Следующим шагом, направленным на минимизацию негативного влияния отсутствия специализации журналистов, является предложение редакторам СМИ, с которыми установлено первичное взаимопонимание, выделить отдельного журналиста для освещения церковных мероприятий и событий. Естественно, что человеку, который разбирается в той или иной области, гораздо легче писать на конкретную тему, разбираться в церковной жизни, осмысленно о ней говорить, писать, задавать интересные для Церкви и для общества вопросы.

Вернемся к изучению специфики журналистского дискурса и практики. Профессиональный успех журналиста, как правило, зависит не от того, какую тему он освещает, а от того, насколько хорошо и интересно он её осветил, нашел ли он сюжет, который «выстрелит», т.е. привлечет внимание широких масс [3]. Взгляд журналиста на любое событие можно сравнить с интерфейсом какой-то программы – ограниченным жесткими рамками «формата», интересующимся только какой-то конкретной стороной объекта и содержащим набор инструментов, чтобы осуществить необходимые манипуляции для получения конечного результата, – новости, которая будет «играть». Типичный пример: присутствуя на богослужении, фотограф или видеооператор видит не событие молитвы, а удачные ракурсы и точки, открывающие эти ракурсы. Поэтому представителям Церкви необходимо учитывать этот первоначальный «только профессиональный» интерес к Церкви и понимать свою задачу превращения данного интереса в личностный. А с учетом того, что взгляд профессионального журналиста – это сконцентрированный взгляд тысяч его читателей или зрителей, то реализация этой задачи будет означать нахождение той актуальной форма информационной миссии присутствия Церкви, которая может привлечь к Церкви множество людей.

Поскольку журналист приходит в Церковь не «для себя», а «для читателя (зрителя)», нужно также помнить, что в своем репортаже он тоже будет приспосабливаться к читательскому языку, запросам, интересам – как правило, довольно поверхностным и не ориентированным лишь на «ознакомление» с материалом, особенно негативным. Поэтому всегда необходимо помнить, что негативную информацию о Церкви всегда легче подать в средствах массовой информации, и она гарантированно привлечет внимание широкой публики. Работник епархиальной пресс-службы не должен разделять иллюзию, что антирелигиозная пропаганда в нашем обществе исчезла: она стала из грубо-административной манипулятивно-изоцированной, опирающейся на порожденное современным западным обществом повсеместное наступление на христианство и его ценности.

С учетом изложенной специфики журналистской работы представитель епархиальной пресс-службы должен в первую очередь проявить профессионализм и оказать поддержку журналисту в грамотном освещении того, что для журналиста является «информационным поводом». Первой целью такого рабочего взаимодействия должно стать формирование у журналиста профессионального доверия к работнику Церкви. Бесперебойное и отлаженное функционирование пресс-службы, своевременные ответы на журналистские вопросы должны убедить представителей СМИ, что в Церкви они имеют дело с такими же профессионалами, которые понимают их цели и всегда готовы помочь в подготовке конечного продукта – статьи, интервью, репортажи и т.д.

Однако, стремясь к профессионализму в работе пресс-службы, важно избежать крайности превращения именно в «профессионалов» – людей, занимающихся своим делом ради материальных или социальных выгод. Если журналист будет видеть в церковных работниках людей, профессионально-отстраненно относящихся к содержанию «информационных поводов», – подлинных членов Церкви, а наемников, – то по-настоящему человеческий контакт с ним установлен так и не будет. В соответствии со Священным Писанием, внутри Церкви любой «профессионал» должен быть «непрофессионалом», носить свой дар, талант и умения «в глиняном сосуде», не идентифицировать себя со своим профессионализмом. Тем более важно сохранять внутреннюю дистанцию по отношению к профессионализму в медийной среде, зная, с какими искушениями связан такой «профессионализм», особенно в «пиаре». Отстраняясь от своей, желательной безупречной, медийной работы, работник епархиальной пресс-службы должен открывать свое сердце опять-таки человеческой, а не профессиональной «стороне» журналиста.

Подведем итоги. Основной опасностью, которую следует избегать при реализации информационной миссии присутствия Церкви, является желание манипулировать ими «в интересах Церкви» либо видеть в них аналогичных манипуляторов. Для работников епархиальных пресс-служб, особенно имеющих священник сан, журналист является прежде всего человеком, призванным ко спасению. Понимание специфичных черт профессионального и жизненного опыта журналиста – суженное понимание собственной ответ-

ственности, отсутствие специализации и зачастую поверхностное понимание церковной жизни, взгляд на любое событие с точки зрения «интересности» для потребителя информации, – должно быть опорой в общении с журналистом. В ходе выстраивания взаимоотношений с представителями СМИ рекомендуется реализовать практику постоянной открытости для любых вопросов со стороны журналистов, просить редакции СМИ закрепить конкретных журналистов для работы с епархией, и пытаться превратить профессиональный интерес журналистов к Церкви в личностный. В своем служении представитель церковной пресс-службы должен проявлять профессионализм, одновременно дистанцируясь от профессионального мира светских СМИ и стремясь навстречу его человеческому содержанию. Личностный интерес журналиста к Церкви не будет возможен без внимания представителя церковной пресс-службы к личности самого журналиста.

Литература

1. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово Предстоятеля (2009-2011). Собрание трудов. Серия I. Том 1. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. – 462 с.
2. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. – М.: Издательство «Европа», 2012. — 272 с.
3. Орлов М.О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов: социально-политическая сфера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Т. 9. – № 1. – С. 34-40.

УДК 298.9

Раевский А.Н.

*Преподаватель кафедры философии религии
и религиоведения ИФИСПН ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия*

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕЛИГИИ

Аннотация: Данная статья посвящена особой формирующейся религиозной идентичности, не принимающей догм традиционной религии и ограничений институализированных малых религиозных групп. Эта особая идентичность рассматривается в соотнесении с культовой средой.

Ключевые слова: нетрадиционная религия, НРД, культовая среда, религиозная идентичность

RELIGIOUS IDENTITY OUTSIDE INSTITUTIONAL RELIGION

Annotation. The theme of this article is to review particularly that emerging religious identity does not accept the dogmas of traditional religion and institutional-

ized limitations of small religious groups. This distinctive identity is to be seen in correlation with the cult milieu.

Keywords: non-traditional religion, NRM, Cultic Milieu, religious identity

В современном Российском обществе, на наш взгляд, наблюдаются внешне противоречащие друг другу процессы: с одной стороны, это стагнация институциональной нетрадиционной религиозности, с другой, развитие личной, внеинституциональной религиозности. Одной из причин, способствующих развитию новых религий в таком ключе, на наш взгляд, является особая формирующаяся религиозная идентичность, не принимающая догм традиционной религии и ограничения институализированными малыми религиозными группами.

Конечно, данные процессы протекают по-разному в зависимости от региона и культуры. К примеру, согласно исследованиям Линды Вудхед, Великобритания является одной из стран, в которой христианское большинство все ближе к тому, чтобы уступить место так называемому «нерелигиозному большинству». Но при этом общество не становится светским – только четверть из опрошенных группой исследователей под руководством Вудхед уверены, что нет Бога. Многие из не соотносящих себя ни с какой религией верят в Бога – 17%, 25% практикуют духовные практики в частном порядке, вне общины и никто из них не руководствуется мнением религиозных лидеров [1].

В России же за последние 25 лет христианство, прежде всего, православие, показывает значительный рост, в то время как число нетрадиционных для России религиозных организаций за последние 15 лет по крайней мере не растет. Недолгий период «Бума» или рассвета НРД, продлившийся меньше 10 лет, сменился фазой стагнации: группы, ранее открывавшие десятки новых просветительских центров в год, стали терять приверженцев. Новая нетрадиционная религиозность проиграла в очень важном пункте: в нашем обществе в отношении религиозных меньшинств стал преобладать нейтрально-негативный настрой. Средства массовой информации стали все больше обращаться к негативному образу сектантов. Гуру и лидеры групп рисовались в средствах массовой информации как в лучшем случае заинтересованные лишь в деньгах новообращенных, а в худшем – готовые приносить в жертву своих адептов.

Сергей Филатов еще 13 лет назад отметил, что последние годы и события «опровергли предположение о том, что Россия станет чем-то вроде заповедника нетрадиционных религиозных организаций, так называемых «новых религиозных движений» (НРД). <...> почти все они, достигнув в середине 90-х гг. весьма скромных успехов, начали стагнировать и терять последователей. Общее число их также, в сравнении с Западом, невелико. Даже завышенные оценки Миссионерского отдела РПЦ не превышают числа в 100 организаций (большинство из которых состоит из нескольких десятков человек)». [4]. Но интерес к эзотерике, оккультизму, различным модернизирован-

ным восточным духовным практикам сохраняется в нашей стране в неинституализированной среде.

Философско-теоретическое и методологическое осмысление данных тенденций потребовало формирования особого понятийного аппарата в современном религиоведении. Понятие «культовая среда» (*cult milieu*), иногда переводимое на русский язык как «оккультная среда», еще не устоялось в отечественном религиоведении, хотя целый ряд исследователей – Марат Штерин, Юрий Рыжков и др. – упоминают о нем. Данное определение было введено Колин Кэмпбел [5] для лучшего описания феномена появления и исчезновения новых культов. Культовая среда рассматривается как совокупность девиантных систем верований, практик, взаимодействующих групп, институтов, индивидуумов, а также средств коммуникации. Для нее характерно постоянно поглощать «умирающие» культы и воспроизводить на их месте новые. Также культовая среда, с точки зрения Колин Кэмпбел, включает коллективы, сообщества, отдельных людей и средства коммуникации, связанные с этими представлениями. В них кроме прочего входят оккультные и магические практики, спиритуализм и мистицизм, исцеление верой и интерес к потерянными цивилизациям, «новое мышление» и вера в инопланетян. Дольше всего в культовой среде продолжают жить журналы, периодические издания, книги, брошюры, лекции, демонстрации и неофициальные встречи, посредством которых ее верования и практики распространяются.

Культовая среда не является единственным и общепринятым обозначением таких групп, схожим является «аудиторные культы» Р. Старка и В. С. Бэйнбрайта, но в рамках данной статьи не хотелось бы вдаваться в методологические подробности разграничения терминологии.

В российском конфессиональном религиоведении сложилась традиция переводить данный термин как «оккультная среда» (возможно вслед за А. Дворкиным) и говорить прежде всего об опасностях культовой среды. Исследователи отмечают, что в современной России коннотат термина «Секта» является резко негативным. Использование достаточно нейтрального термина новые религиозные движения (НРД), обусловлено, в том числе, и закрепившимся стереотипом об опасности сект и культов.

Как мы знаем, в исламе, в условиях гонения на шиитские секты, сформировался принцип «такия» – благоразумного скрывания своей веры. Конечно, в нашем обществе никто не будет побивать камнями за вступление в общество сторожевой башни, но вот репутационные потери, вплоть до необходимости смены места работы, возможны. Схожим образом, как показывает практика, реагируют на вступление в малую религиозную группу и родственники индивида: зачастую после присоединения к тем же свидетелям Иеговы, родители и родственники пытаются отвести человека к психиатру, или в центр борьбы с алкогольной и наркотической зависимостью. Интересно, что во времена М. Вебера, выступившим основателем парадигмы «церковь-секта», сектанты наоборот могли иметь преимущество при устройстве на работу, т.к. принадлежность к секте демонстрировало их моральные каче-

ства, и требования кальвинистских (реформационных) сект были достаточно строгими.

Если обратиться к российской действительности, то перспективы дальнейшего развития новых религиозных движений сложно определимы. «Неустойчивость положения новых религиозных движений в России не позволяет применить инерционный метод их прогнозирования» [1, с. 421]. С точки зрения И.Я. Кантерова, многое зависит от властей и СМИ. Но это положение дел не относится к культовой среде, так как она в значительной меньшей степени поддается государственному регулированию.

Если институциональное НРД можно запретить, то вносить тысячи книг, фильмов и аудиодисков, являющихся «топливом» для культовой среды, в список запрещенных намного сложнее. Аналогичная ситуация складывается и со СМИ, способными предать огласке скандальные действия той или иной группы, поднять панику по поводу какой-то одной организации или конкретной личности. Но поток литературы, посвященной духовности, множество курсов и практик, записанных на DVD-диски, продолжают свой оборот на «рынке духовных товаров». Рыжов Ю.В. смотрит на перспективы новой религиозности весьма оптимистично. По его мнению, «что же касается собственно новой религиозности, то она ввиду своей аморфности и плюралистичности (точнее, полистилистичности - "множественности индивидуальных миров"), сможет видоизменяться и существовать при любом варианте развития культуры и общества». [3]

Действительно, мы наблюдаем судебные процессы по запрету журналов и книг институализированных групп, без оглядки на их типологию и происхождение: литература христианских групп из-за рубежа, к примеру, уже упомянутых Свидетелей Иеговы, будет запрещена по тем же причинам, по которым под запрет попадет журнал отечественных Инглингов близких к неоязычеству и нью-эйджу.

Журналы и медиа-продукты, составляющие питательную основу культовой среды, в отличие от ситуации с публикациями конкретных НРД (сектам), не ограничены рамками убеждения конкретного коллектива, и, как правило, открыты. И как следствие этого, с точки зрения Колин Кэмпбел, человек, «вступивший» в культовую среду, зачастую проходит путь через большое количество верований и религиозных движений внутри культовой среды. И тут перед нами возникает вопрос: ведет ли эта всеядность к размыванию границ религиозной идентичности? На наш взгляд, вовсе не обязательно. В стремлении к опыту переживания сверхъестественного, решению проблем со здоровьем, проблем с зависимостью, проблем в личной жизни появляется еще один уровень – дистанцирование от крайне обособленных групп.

И на наш взгляд, это важный фактор – идентичность («я не сектант») – зачастую препятствует вступлению человека в институализированное новое религиозное движение. Большинство даже состоящих в небольших религиозных группах будут обозначать себя как приверженцы деноминации либо говорить «я христианин», не уточняя принадлежности к конкретной группе. Но при этом это никак не ограничивает его от вхождения в культовую среду

и взаимодействия с клиентурными культурами. Поэтому, на наш взгляд, в обществе и наблюдаются уже упомянутые внешне противоречащие друг другу процессы – стагнация институциональной нетрадиционной религиозности, с одной стороны, и развитие культовой среды – с другой.

Как назвать такой вид идентичности? Согласия между религиоведами и культурологами до сих пор нет. Некоторые авторы относят всех сопричастных к культовой среде к движению нью-эйдж. Другие считают наименование нью-эйдж неким устаревшим конструктом религиоведов. Изначально так характеризовали группы, ожидающие пришествия нового века в 60-70, после распада большинства этих групп наименование стали использовать едва ли не ко всем новым религиозным движениям. И более верным видят использовать наименование «искатели». Речь идет о позиции С. Сатклифа. По мнению последнего, следует отказаться от использования термина нью-эйдж для обозначения феномена современной духовности, ибо это движение при данном подходе выступает лишь как эмблема тех религиозных организаций «искателей духовности», которые существовали в 60–х – 90-х годах, в силу чего подобная эмблема должна быть подвергнута деконструкции. [6]

Сатклиф разделяет «искателей духовности» на 3 основные категории: единичных искателей, последовательно меняющих своих ориентиры, и искателей, придерживающихся множественных ориентиров. Если такие общины, как Финдхорн. Это общины людей, выбравших свой духовный путь один раз и неукоснительно следующие ему, то есть последователи классических институциональных новых религиозных движений, о стагнации которых мы уже упомянули. В «классическом» нью-эйдж преобладали искатели, менявшие свои представления. В современной альтернативной духовности, по мнению Сатклифа, преобладают искатели, примыкающие к различным традициям одновременно.

Можно ли говорить о некоей идентичности «искателя духовности», «нью-эйджера», как потребителя так называемого рынка духовных товаров, человека, дистанцирующегося от традиционных и нетрадиционных религиозных групп? На наш взгляд, можно, и нужно – уже упомянутая Линда Вудхед защищает позицию «none-religion» (из не соотносящих себя ни с какой религией), к «none»-ам проявляют интерес многие социологи религии. Очевидно, такие исследования актуальны и для нашей страны, где также формируется прослойка Российских «none»-ов, избегающих любых групп, ограничивающих личную свободу.

Литература

1. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 472 с.
2. Медведева К.С. О социологии религии в Великобритании. Заметки с конференции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 5. – С. 177-182.

3. Рыжов Ю.В. *Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве.* – М.: Смысл, 2006. – 328 с.
4. Филатов С. Б. *Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России.* – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 488 с.
5. Campbell C. *The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain.* - London: SCM Press, 1972. – Vol. 5. – P.119-136.
6. Sutcliffe S. *Children of the New Age: a history of spiritual practices.* – NY.: Routledge, 2003. – 290 p.

УДК 316.334.3

Сапрыка В.А., Травин Р.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы иерархии идентичностей в российско-украинском пограничье, а также процесс формирования идентичности в приграничных регионах РФ и Украины, как в ретроспективе с момента распада СССР, так и в настоящее время, с учетом новых политических реалий. Кроме того, анализируются условия, в которых этот процесс протекает.

Ключевые слова: идентичность, российско-украинское пограничье, цивилизационная идентичность, региональная идентичность

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION IDENTITY IN RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLANDS

Annotation: The article is focus on the questions of hierarchy of identities in Russian-Ukrainian Borderlands. The process of identity formation in border regions of the Russian Federation and Ukraine, as in retrospect since the demise of the Soviet Union, and currently, given the new political realities is considered in the article. Furthermore, the text analyzed the conditions in which this process occurs.

Key words: identity, Russian-Ukrainian Borderlands, civilization identity, regional identity

Распад Советского Союза и демонтаж идентификационной системы, существовавшей в его рамках, повлекли за собой целый ряд фундаментальных изменений в структуре и менталитете социумов всех постсоветских стран. Больше всего этот процесс повлиял на развитие социального ланд-

шафта приграничных регионов, которые оказались на фронтире новых государственных образований.

Глубокая трансформация произошла как в массовом, так и в элитарном сознании жителей постсоветских стран. Характерной чертой этой трансформации стала частичная либо тотальная дезориентация, из-за чего все постсоветские страны столкнулись с историческим вызовом – острой необходимостью поиска аксиологической системы координат осуществления коренных, качественных изменений практически всех структурных элементов социума. [1, с.17-18]. Это привело к процессам формирования новых идентичностей в постсоветских государствах, которые зачастую были призваны искусственно заменить возникший социально-нравственный вакуум. В этой связи, актуализируется изучение процессов формирования идентичностей, как на цивилизационном, государственном, так и на региональном уровнях.

В целом же, коллективная идентичность представляет собой психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе/общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения «свой/чужой» для данной группы [2, с. 122]. Идентичность проявляется в языке, в определении себя гражданином государства, в идентификации себя с определенной группой носителей определенной веры, культуры, гражданства [3, с. 75]. Виды коллективной идентичности можно определять по множеству критериев. Человек может идентифицировать себя с семьей, кругом друзей, трудовым коллективом, территориальным образованием, этносом, культурой, нацией. Более того, как правило, каждый индивид имеет целую группу идентичностей, т.е. соотносит с себя сразу с несколькими сообществами одновременно.

На наш взгляд, среди наиболее значимых видов идентичностей следует выделить цивилизационную идентичность.

Каждая сложившаяся цивилизация тяготеет, во-первых, к выраженным формам самосознания; во-вторых, она соотносит себя и свои особенности с окружающими ее смежными или родственными цивилизациями; наконец, в-третьих, она стремится проецировать свои достижения и проблемы в целом на весь мир и на глобальную культуру.

Таким образом, любую цивилизационную идентичность можно представить состоящей из трех основных компонентов: менталитета цивилизации, ее локалитета и глобалитета [4, с. 283].

Менталитет фиксирует обращенность данной локальной цивилизации к ее ценностно-смысловому своеобразию.

Локалитет – это способность цивилизации собственными (этническими, социальными, религиозными, художественно-эстетическими и др.) средствами репрезентировать мировую культуру в своем конкретном локусе.

Глобалитет указывает в свою очередь на вклад локальной цивилизации во всемирную культуру, на порожденные ею общезначимые ценности.

Менталитет, глобалитет и локалитет той или иной цивилизации – это три стороны (границы) одного явления, тесно взаимосвязанные, но практически

не совпадающие между собой. Взаимоотношения между ними внутри каждой конкретной культуры (в структуре ее цивилизационной идентичности) носят диалогический характер.

В некоторых случаях один из модусов может умножаться и варьироваться (например, у одной культуры может быть несколько локалитетов: у русской культуры их два – славянский и евразийский, а у американской – четыре: евроатлантический, афроамериканский, латиноамериканский и мезоамериканский). В иных случаях другой из модусов цивилизации – глобалитет – может вообще отсутствовать (например, у народов, находящихся на первобытной стадии развития или не имеющих собственной государственности). Однако и в том, и в другом случае цивилизационная идентичность остается трехсоставной (даже если один из компонентов плюралистичен, а другой – отсутствует).

Каждая цивилизация стремится при контакте с другой вычитать в ней «свое» (и интерпретировать ее по преимуществу в этом ключе, тем самым «осваивая» ее собственными ментальными средствами) и, напротив, отторгнуть «чужое» (соответственно отчуждая его, дискредитируя, вытесняя или замещая его «своим»). [4, с. 285].

При этом, важно определить уровни идентичности, а также место цивилизационной идентичности в общей структуре идентификации. Например, таким образом, как это предложено в таблице [5, с. 50].

Таблица.

Иерархия территориальной, политической и этнической идентичностей

Уровень идентичности	Территориальная идентичность	Политическая идентичность	Этническая идентичность
Верхний	Наднациональная (цивилизационная)		Метаэтническая
	Национальная	Государственная	Собственно Этническая
Средний	Региональная		Субэтническая
Нижний	Локальная		Этнографическая

Цивилизационная идентичность является, таким образом, идентичностью самого высокого уровня, современная Украина служит хрестоматийным примером справедливости этого утверждения.

Так еще С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» отмечал, «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий» [6, с. 255].

География электоральных предпочтений жителей Украины служит ярким свидетельством доминирования цивилизационной идентичности [7]. На всех выборах очень четко прослеживается поддержка политических проектов жителями украинских макрорегионов исходя из их цивилизационной ориентации (праздники, герои, языковой вопрос, участие в наднациональных межгосударственных объединениях).

Также, подтверждение данному тезису мы можем видеть в рамках конфликта на Донбассе, когда на обеих противоборствующих сторонах воюют люди с одной и той же этнической и региональной идентичностью, но с разной цивилизационной. Одни тяготеют к Православной (восточнославянской) цивилизации, другие к Западной.

Представляется, при этом, что на фоне обострения цивилизационного конфликта на Украине и четкой самоидентификации наиболее политизированной части общества в его рамках, можно ожидать роста значимости идентичностей более низкого порядка у людей нежелающих в этом конфликте участвовать. Речь в первую очередь о региональной идентичности.

В то же время в стабильных государствах, таких как Российская Федерация, безусловно доминирующими остаются идентичности высшего порядка – цивилизационная или государственная.

При этом представляется, что и в России есть предпосылки для роста значения региональной идентичности. Так, например, в прогнозе относительно перспектив развития коммуникационной среды, Российской ассоциации по связям с общественностью, отмечается, в том числе, усиление влияния локальных и региональных субъектов, рост их коммуникативной активности, который будет сопровождаться повышением интереса общественности к региональной повестке [8]. Упомянутое возрастание интереса граждан к региональной повестке будет, по всей видимости, связано с ростом значения региональной идентичности в РФ.

Рассматривая вопросы формирования идентичности жителей приграничных регионов России и Украины следует учитывать ряд аспектов, приведем наиболее значимые из них на наш взгляд:

Во-первых, процесс формирования новых идентичностей неразрывно связан с деконструкцией старых, примером чему является активный процесс десоветизации в материальном и символическом отношении, который начался после распада СССР и выразился в изменении всех базовых элементов идентичности.

Во-вторых, ключевым фактором, предопределяющим трансформацию постсоветской идентичности, выступила глобализация. Благодаря ей повысилась степень «доступности» различных идентификационных паттернов, а в совокупности с деконструкцией старой советской идентичности и в поиске новой, она наложила серьёзный отпечаток на постсоветскую культурно-цивилизационную идентификацию российского общества.

В-третьих, распад СССР привел к появлению феномена «новых границ», когда формальные границы превратились в серьёзные барьеры, в т. ч. и для межгосударственной коммуникации населения. Страны постсоветского пространства оказались частично оторваны от центральной республики СССР – Российской СФСР, что повлекло изменение культурно-цивилизационных идентичностей новообразованных стран. Кроме того, «новые границы» оказали влияние и на идентичность приграничных регионов, установив барьеры для давно сложившихся и устоявшихся связей между их жителями.

В то же время необходимо отметить, что для российско-украинского приграничья характерны такие факторы, как сравнительно непродолжительное существование границ, появившихся после распада Советского Союза, а также до недавнего времени достаточно низкая степень их барьерности, а во-вторых, историческая общность приграничных территорий России и Украины, так Белгородская и Харьковская область практически целиком входили в состав единого исторического региона – Слободской Украины, обладающего собственными культурными традициями и идентичностью [9].

Сегодня же в приграничных областях РФ и Украины формируются разнонаправленные и неоднозначные по социальным последствиям модели идентичности, в основе которых лежат существенно различающиеся ценностные паттерны.

Во-первых, паттерны, возрождающие ценности и смыслы традиционных национальных культур, в том числе современные, заполняющие многочисленные лакуны в традиционных культурах;

Во-вторых, воспроизводящие ценностно-смысловые комплексы относительно недавнего советского прошлого;

В-третьих, репрезентирующие разнообразные по своему содержанию субкультуры, возникающие и распространяющиеся как отражение специфических статусов социальных групп.

В-четвертых, паттерны, в основе которых лежат представления, выкристаллизовавшиеся под воздействием глобальных процессов, в том числе процессов наднациональной интеграции (ЕС, ЕАЭС), тотального роста влияния современных информационно-коммуникационных технологий [10].

В качестве особого класса социокультурных идентичностей могут выступать квазиидентичности, утверждающиеся на основе намеренного или непроизвольного искажения представлений о себе и контрагентах, неадекватной маркировки последних с использованием исторически сложившихся или возникших под воздействием новых реалий стереотипов.

Среди наиболее значимых условий, в которых сегодня идет процесс формирования идентичности в приграничных регионах РФ и Украины:

1. Социокультурные традиции, которые определяют доминирующий тип социального поведения человека и в наибольшей степени воздействуют на его ценности и цели, которые в значительной степени «задаются» опытом прошлых поколений. Этот опыт определяет само отношение к объектам идентичности.

2. Социальная макросреда. Российское и украинское общество сегодня представляет собой специфический вариант общества всеобщего риска. Изучая его, специалисты уделяют внимание преимущественно социально-экономическим, политическим и техногенным аспектам риска. [11, с. 26].

В обществе риска мы вынуждены фиксировать очередной кризис рациональности. Происходит формирование иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно осуществлять анализ и прогнозирование, опираясь на логику научного познания.

3. Социальная микросреда. На диспозиции человека оказывают существенное воздействие качество и уровень его жизни, степень интеграции в референтное окружение, чрез которое транслируются ценностные паттерны. Идентификация в данном контексте должна рассматриваться как продукт повседневной жизнедеятельности личности, одна из характеристик ее жизненного уклада.

4. Политические процессы. На формирование культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах оказывают несомненное влияние внутривнутриполитические и внешнеполитические условия.

В свою очередь, среди внутривнутриполитических следует выделить институциональные, личностные. Внутривнутриполитические институциональные процессы выражаются в действиях политических институтов, реализуемых как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Государство, политические партии, общественные объединения, средства массовой информации и религиозные формирования выступают в данном случае генераторами идентичности, социальными субъектами, регулирующими процессы идентификации. Наряду с политическими институтами в качестве таковых выступают лидеры общественного мнения.

Вневнополитические условия также целесообразно разделить на несколько групп. Прежде всего, это геополитические условия, определяющиеся статусом и ролью приграничных регионов в мировой политике; институциональные, связанные с влиянием иностранных государств и международных организаций; личностные, реализующиеся посредством влияния знаковых фигур мировой политики и общественных деятелей.

Таким образом, процесс формирования идентичности в российско-украинском приграничье находится в активной фазе, наиболее остро этот процесс будет происходить на территориях с максимально близкими идентичностями, таких как приграничные регионы Российской Федерации и Украины, где население имеет сходные ценности и общую культуру, сложившуюся в рамках одного цивилизационного вектора развития. Более того, события последних двух лет внесли в него значительные коррективы, которые еще только предстоит изучить с использованием прикладных междисциплинарных методов.

Литература:

1. Коровникова Н.А. Постсоветская идентичность: к определению проблемного поля. // Современные евразийские исследования. – Саратов, 2014. – Вып.1. – С. 17-20.
2. Крупкин П.Л. Россия и Современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. – М.: Флинта, 2010. – 568 с.
3. Кривец А.П. Идентичность современных россиян [Электронный ресурс] // Культура. Политика. Понимание (Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего): материалы III Международной научной конференции, 23-25 апреля 2015 г. Белгород – государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле». – Белгород, 2015. С.73-78..

URL:http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/meropr/detail.php?IBLOCK_ID=104&SECTION_ID=1163&ELEMENT_ID=31575.

4. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т IV.
5. Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. – Псков, 2010.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
7. Электоральная география. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/u/ukraine> (дата обращения 06.05.2016).
8. Профессиональный стандарт специалиста по связям с общественностью [Электронный ресурс]. URL: http://www.slideshare.net/raso_pr/ss-39639096 (дата обращения 06.05.2016).
9. Пастюк А.В. Фронтиры культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов России и Украины. // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Вып.4. – С. 437-440.
10. Бабинцев В. П., Реутов Е. В., Сапрыка В. А. Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества [Электронный ресурс]. URL: <http://regionsar.ru/node/1350> (дата обращения 06.05.2016).
11. Россия: риски и опасность переходного общества / Отв. ред. О.Н. Яницкий. – М.: Изд-во Института социологии РАН, – 1998. – 237 с.

УДК 81: 811.111

Тарасова М.В., Постникова С.Н.К.

*Областное государственное автономное
профессиональное образовательное учреждение
«Яковлевский педагогический колледж»*

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы глобализации английского языка. Дается обзор основным причинам его распространения. Приводятся основные области, в которых происходит заимствование английской лексики, и приводятся примеры заимствованных лексических единиц. На основе рассмотренного материала делаются выводы, что влияние английского языка на лексический состав русского языка велико. Но, несмотря на это, идентичность русского языка является неоспоримым фактом.

Ключевые слова: глобализация, лексический состав языка, заимствования.

INFLUENCE OF THE PROCESS OF ENGLISH LANGUAGE GLOBALIZATION ON THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Annotation. This article deals with the problems of globalization of the English language. It gives an survey of the main reasons of its expansion. It brings the basic areas where borrowing of the English language takes place, and there are examples of borrowed lexical units. On the basis of the considered material was made the conclusions that the influence of the English language to the lexical structure of Russian language is large. But in spite of that the identity of the Russian language is an indisputable fact.

Key words: globalization, borrowing and lexical structure of the language.

Сегодняшние процессы глобализации и трансформации, наблюдающиеся в России, нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение субъективные ощущения само идентичности человека и этносов, сформированные в рамках прежних традиций. Особенно остро это проявляется по отношению к проблеме идентичности представителей малых групп, этнических, религиозных, культурных меньшинств. Былое ощущение ими своего собственного «я», которое обеспечивалось прежними формами идентичности, пришло в упадок. Произошел разрыв в преемственности, когда разрушение одного типа идентичности необходимо должно компенсироваться идентичностью другого типа.

Непосредственное влияние на языковую идентичность русского языка оказывает его взаимодействие с другими языками мира, а особую роль в свете глобализационных процессов играет распространение английского языка.

Вторая половина XX столетия стала временем «триумфального шествия» английского языка в глобальном масштабе. Ещё в середине XIX века мало кто мог предположить, что этот язык, сложившийся из диалектов, на которых говорили германские племена, переселившиеся в Британию в раннем средневековье, станет через несколько десятилетий доминирующим в мировой экономике, науке и технике, дипломатии. [3, с. 12]

С.С. Ковалёва в качестве причин его широкого распространения упоминает простую грамматику, небольшое количество флексий, отсутствие различий между мужским, средним и женским родом. То есть английский язык в структурном отношении хорошо приспособлен для того, чтобы стать всемирным. Отмечается также «понятность» английского языка. Это объясняется тем, что английский язык развивался в постоянном контакте с другими языками. [1, с. 31] Следствием такого влияния является процесс появления большого количества заимствуемых слов, что придаёт ему некоторый космополитический характер, в котором многие видят преимущество для его использования во всемирном масштабе.

По мнению А.Э. Рыцаревой, помимо традиционных международных и языковых контактов в областях науки и техники, распространению английского языка способствует развитие Интернета, в котором языковые контакты осуществляются стихийно и намного более интенсивно [4, с. 7].

А.А. Соловьёв также говорит о том, что характерной чертой современного общества является стремительное развитие новых видов общения, порождённых техническим прогрессом: телефаксы, телешоу, телемосты. Всё это усиливает позиции английского языка как средства международного общения [6, с. 231].

В этих условиях английский язык, оказавшийся в центре мировой экономической жизни, приобрёл весьма весомое значение в мире. Конечно, наличие международного языка необходимо во многих сферах человеческой жизни, не зря учёные пытались и пытаются искусственно создать язык международного общения, чью роль в последнее время всё чаще выполняет английский язык. Возникновение большого числа международных организаций, союзов и объединений лишь способствовало этому процессу. Никогда в прошлом столько стран и народов не испытывали такой потребности в общении друг с другом. Никогда раньше не возникала такая большая потребность в универсальном языке международного общения.

Как утверждает Д. Кристалл, большую роль в распространении английского языка сыграла и политическая власть страны, говорящей на этом языке. Первые шаги по укреплению политической роли английского языка были предприняты в 1919 году – после окончания первой мировой войны. Под управление стран-победительниц были переданы прежние немецкие колонии в Африке, Азии, Океании и на Ближнем Востоке. Однако рост влияния английского языка посредством политической экспансии уже начал замедляться. В послевоенный период для него гораздо важнее было то, каким образом воспринимались в мире культурное наследие колониальной эпохи и достижения технической революции. На этом новом этапе английский язык начал проявлять себя как средство общения в быстроразвивающихся сферах деятельности, то есть в областях, которые постепенно должны были определять характер бытовой и профессиональной жизни XX века [2, с. 129].

Использование английского языка, как одного из официальных языков в работе международных организаций внесло весомый вклад в его развитие как языка международного общения. Первой международной организацией, которая предоставила английскому языку особый статус, была Лига Наций. В 1945 возникла Организация Объединённых Наций, в структуре которой английский также выполнял функцию одного из основных языков. Английский является официальным или рабочим языком на сессиях большинства других главных международных организаций, а именно Ассоциации государств Юга Восточной Азии, Совета Европы, Европейского союза, Организации североатлантического договора, Европейской ассоциации свободной торговли и так далее.

Огромное значение в распространении английского языка сыграло также развитие печатных СМИ. В середине XIX резко возросла роль крупнейших информационных агентств. В это время появляется информационное агентство Рейтер, которое обладало наиболее значительной корреспондентской сетью, по сравнению с любым из конкурирующих с ним на Европейском континенте. С возникновением в 1856 году в США информационного

агентства Нью-Йорк Ассошиэйтед Пресс большая часть мировой информации, передаваемой по телеграфу, была на английском языке.

К концу XIX века социальные и экономические факторы привели к увеличению использования рекламы. Английский язык в рекламе стал использоваться довольно рано. И истоки развития рекламного дела опять же брали своё начало в США. В Европе влияние рекламы на потребителя было гораздо меньше, чем в Америке, так как на телевидении она строго контролировалась. Однако с развитием коммерческого телевидения для рекламы наступил период захвата рынков товаров и услуг. В результате к 1972 году лишь три из тридцати крупнейших рекламных агентств мира не являлись собственностью США. Официальным языком международных рекламных организаций, таких, как Европейская ассоциация рекламных агентств, неизменно был и остаётся английский. Значительную роль играли и продолжают играть также радио- и телевидение, киноиндустрия, где США, а соответственно и английский язык имеют наибольшую долю участия. Кинематограф был одним из двух направлений сферы развлечений, появившихся в конце XIX века. Другим стала звукозапись, где с самого начала и до наших дней английский язык имел главенствующее значение.

Также одной из причин расширения значения английского языка является такое понятие как международная безопасность. Специальный аспект международной безопасности заключается в использовании языка в качестве средства управления международными транспортными сообщениями, и, прежде всего на воде и в воздухе. В 1980 году начал осуществляться проект создания международного морского английского языка. Несмотря на то, что морской английский намного беднее обычного языка, он обладает достаточной выразительностью.

Так как влияние английского языка на лексический состав русского языка имеет в настоящее время действительно глобальные масштабы

Результатом такого влияния явилось большое количество заимствованной лексики. В семантическом плане данные заимствования являются отражением особенностей нового политического устройства, называют новые государственные учреждения, должности и политические процессы. В большинстве таких заимствований можно проследить тенденцию приведения замены описательных наименований, существующих в принимаемом языке на целостные конструкции.

К данной группе можно отнести следующие слова: *брифинг, стикер, импичмент, инаугурация, лобби, наблик рилейшин, спич, спичрайтер, лидер, офис, сейшен, секьюрити, саммит* и многие другие.

Большой пласт заимствованной лексики в русском языке составляют так называемые англоамериканские реалии. Это слова обозначающие понятия, появившиеся на территории Америки и Англии и не имеющие прототипов в принимающих языках.

К таким заимствованиям можно отнести такие слова как: *гамбургер, фаст-фуд, доллар, кока-кола, бигмаг, стрит, кэб, наб, пуддинг* и т.д.

Основной лексической единицей, относящейся к англоамериканским реалиям, появившимся в русском языке довольно давно, но получившей в 90-е годы особо широкое распространение, можно считать денежную единицу США - *доллар*.

В России и других странах такому массовому использованию экзотизма *доллар*, конечно, обязано стабильно развивающейся экономике США, которая обеспечила ему в 90-х годах место международной валюты. Этот экзотизм является, пожалуй, одним из наиболее часто употребляемых заимствований английского языка.

В последние десятилетия интерес к этим понятиям всё больше возрастает. Возможно, причиной этому является улучшение жизненных условий населения европейских стран и России. Всё больше людей испытывают жажду к хорошим фильмам, музыке, вещам, всё больше людей вкладывают в это большие средства и раскручивают свой товар, всё больше людей хотят владеть свежей информацией, все эти потребности с лихвой покрывают американские кутюрье, режиссеры, художники, журналисты, бизнесмены. Америка долгое время являлась практически монополистом этой «модной» индустрии. И только сейчас другие страны, переняв многое у неё, начали развивать свои отрасли массовой культуры. Результатом этого глобализационного процесса явилось огромное количество заимствованной из английского языка лексики.

Здесь остановиться на таких англицизмах как: *хит-парад, брэнд, мейн-стрим, триллер, сиквел, вестерн, коктейль, пати, имедж, стиль, шоу, джаз, рок, попса, рэп, папарацци, диджей, пресс-релиз, масс-медиа, прайм-тайм, боди, топ* и многие другие.

В группе лексики, связанной с новыми технологиями, в настоящее время также наблюдается большой приток слов, заимствованных из английского языка. Здесь можно встретить такие заимствования как: *интерфейс, хай-тек, мультимедиа, сайт, юзер, пентий, вирус, ноутбук, on-line, e-mail, монитор, дисплей, процессор* и так далее.

Развитие высоких технологий, появление и распространение Интернета вызвали употребление большого количества англоязычных терминов в современном русском языке, что, в свою очередь, привело к активному проникновению этой терминологии в общеупотребительный состав русского языка. Слова, принадлежавшие в самом начале к профессиональной лексике программистов, всё больше используются в языке неспециалистов. Это связано с тем, что Интернет стал доступен широким слоям населения». Всё это содействовало образованию нового языкового оформления для усвоения обильного притока научно-технических новшеств, так называемого «компьютерного языка». Так, например, интернационализм *computer – компьютер*, сегодня очень широко распространён не только среди специалистов, но и в общелитературном языке. Всё более глубокое внедрение компьютеров в жизнь человека и повсеместное использование Интернета, как глобальной компьютерной сети, усиливают процесс глобализации, что в свою очередь укрепляет позиции английского языка как языка международного общения.

Всё вышесказанное указывает на то, что в последнее время русскому языку всё более трудно сохранить свою идентичность в мировом языковом пространстве. Но, не смотря на всю широту влияния английского языка и большое количество заимствованной лексики, русский язык остаётся одним из богатейших языков мира, несущим в своей общей идентичности частички идентичности тех малых народов, которые проживают на территории России.

Литература

1. Ковалёва С.С. Билингвизм как социально-коммуникативный процесс. Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – М., 2006. – 144 с.
2. Кристалл Д. Английский язык как глобальный. – М.: Москва: Весь мир, 2001. – 238 с.
3. Палажченко П.Р. Диалог культур в языковом пространстве мира. – М.: Изд-во свободная мысль, 2004. – С. 3-12.
4. Рыцарева А.Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 18с.
5. Смирнова М.В. Коммуникация в современном глобальном сообществе и проблема англоязычной экспансии // Мир психологии. – М., 2000. – №2. – С.33-38.
6. Соловьёв А.А. Eспраглиш на языковой карте мира // Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики. – М., 2003. – С. 231-232.
7. Тарасова М.В. Семантические изменения английских заимствований в русском и немецком языках в условиях глобализации. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Белгород, 2009.

УДК 101.1

Тихонов А.В.

*Южный Федеральный Университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: С ЧЕГО НАЧИНАТЬ ПОИСК?

Аннотация. От общефилософских вопросов определения идентичности, в статье происходит переход к феномену философии Платона и платонизма, которые выступают ориентиром для философской самоидентификации. Платонизм рассматривается в качестве определенного типа философского мышления, детали и содержание которого необходимо получить из обращения к учению Платона, учитывая разность его интерпретаций. В статье приведено несколько примеров, подчеркивающих существенные моменты в философии Платона.

Ключевые слова: Идентичность, Платон, платонизм, «Государство», философия.

THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE IDENTITY: WHAT IS THE START POINT FOR THE SEARCH?

Annotation. There is a transition from philosophical issues of determining identity to the phenomena of Plato's philosophy and platonism in the article, and these phenomena can be regarded as a reference point for the philosophical identity. Platonism is regarded as a certain type of philosophical thinking, the details and the content of which we need to retrieve from the appealing to the teaching of Plato itself, keeping in mind the difference of its interpretations. The article gives several examples, emphasizing the essential points of Plato's philosophy.

Key words: Identity, Plato, platonism, "Republic", philosophy.

Говорить о вопросе идентичности напрямую, вне той или иной философской проблемы или подхода, и легко и трудно одновременно. Легкость заключается в том, что в первую очередь идентичность сама по себе понимается как одинаковость, схожесть, повторяемость. Тогда достаточно просто указывать на идентичность вещей физического мира, природных и искусственных явлений и процессов разного уровня. Различая, вслед за древнегреческими философами, мир единого и мир множественности, можно говорить об идентичности осязаемых вещей, умопостигаемого мира, взятых либо порознь, либо вместе. Вслед за Платоном можно считать, что «душевное устройство человека определяется теми же принципами, какими определяется и устройство государства, принципы организации всех элементов «видимого» космоса тождественны» [2, 31]. Но в поиске и утверждении такой идентичности есть и сложность: она заключена в бессодержательности указания на идентичность вещей. Если нет различий во всем, что окружает человека, то какая в этом присутствует познавательная ценность? Пропадает сама материя исследования тех или иных явлений, если изначально исходить из поисковой установки общей одинаковости явлений. Здесь можно добавить, что не только идентичность, но и любая другая философская и культурологическая категория, взятая в таком «чистом» виде, о котором я сказал выше, попадет в такую же ситуацию бессодержательности. Рассматриваемые проблемы вот так, «напрямую», требуют для себя создание мифологем, и являются инструментарием наивного реализма, если дело не касается, конечно, религиозного сознания и опыта, или эстетического.

Как философская же категория, «идентичность» предполагает различные аспекты изучения. Она может быть представлена, как говорит об этом Стэнфордская философская энциклопедия [3], через проблемы времени и возможных миров; идентичность необходимо определить и определить также, к чему она будет применима; также она будет требовать для себя логическую обработку, выяснение критериев.

Но идентичность имеет и другое основополагающее значение – являться центром вопроса самоопределения. Меня интересует в первую очередь философское самоопределение. Я, как исследователь, с кем и с какими идеями ассоциирую свой образ мыслей, свою способность к философскому анализу? Идентичность, понимаемая как родство познающего субъекта с различными образами мысли и есть философское самоопределение познающего субъекта, а это и будет необходимым началом для философии.

Я обращаюсь к платонизму, как к такому основополагающему образу мысли. В истории философии платонизм традиционно понимается следующим образом: как непосредственное продолжение философии Платона последователями его философии либо членами его школы, как характеристика религиозного мироощущения, как парадигма философского языка, как философский метод, как тип научного мировоззрения. Я предлагаю обратиться к платонизму как к самостоятельному типу философского мышления. Определяя платонизм как тип философского мышления, под определенным углом решается проблема преемственности идей в историко-философском процессе. Также решается и общефилософская междисциплинарная проблема, связанная с местом, актуальностью и необходимостью реабилитации философского знания в целом. Также для меня решается вопрос философского самоидентифицирования: себя, как исследователя, связанного с философским знанием, я идентифицирую через платоническую традицию.

Такая работа способствует обрисовке и закреплению философских традиций: определяя платонизм как способ мысли, можно выяснять, как и у кого понимался платонизм; и тут будет присутствовать анализ преемственности, тенденций. Такую же работу можно проделывать и в отношении аристотелизма, неоплатонизма, и других философских учений. Все это способствует содержательной реабилитации философского знания, происходящей путем демонстрации своей природы, а необходимость в этом актуальна всегда.

Обратимся к познавательному аспекту учения Платона, поскольку «решающую роль в его развитии играет та мысль, что наука, стремящаяся дать закон и направление человеческой жизни, не должна останавливаться на политических и моральных рассуждениях, а должна постигнуть и установить цели человечества из общей связи миропознания» [1, 371-372]. Это значит, что философское постижение идей является процессом, связующим этическую, политическую и гносеологическую составляющие цельного человеческого существа.

Существо платонизма в познавательном аспекте можно очертить тремя идеями. Первая - это познавательное внимание к деталям сущего, «всеобъемлющий эмпиризм», что, обычно, не является часто встречающейся в комментирующей литературе характеристикой учения Платона. Вторая идея заключена в ориентировке на постижение «самости» как первичного онтологического региона, задающего цель для всего вторичного и производного. Кстати говоря, наличие понятия «самости» задает нам новое обращение к проблеме идентичности, но уже исходящее из самих диалогов Платона и его теории идей. Третья идея выражена в теоретическом отказе от неподготовленной,

односложной формулировки объектов идеального порядка. Это ярко выражено именно в ранних диалогах Платона, которые, по мнению некоторых исследователей, не имеют «конца» и четко сформулированного ответа на поставленный в диалоге вопрос.

Платон говорит о двух разных видах искусства, о двух разных видах интеллектуальной активности: быть «одержимым» («Ион») и иметь какое-либо конкретное знание. И Платоном критикуется любая попытка «одержимого», или носителя общего (а по сути – пустого) знания доказать свою значимость и убедить других в том, что ему известны все частные, конкретные знания и занятия. Такой человек не будет полезен, он не будет выразителем истины, и не должен объявлять себя знатоком. Здесь явно ощущается отголосок феномена сократовского незнания. Эта мысль Платона укрепляется в его философии в дальнейшем. В «Государстве» - философ, это тот, кто «способен все обозреть» («Государство», 537c), то есть он способен изучить все сущее; о всеохватывающем характере философии Платон говорит и в шестой книге. Философом Каллиполиса будет являться не тот, кто сосредоточился на постижении света, и не тот, кого можно назвать человеком с гуманитарным складом ума и не дружащим с математикой; философом будет тот, кто, сосредоточившись на свете, имеет возможность увидеть его во всех вещах. Философ – это тот, кто изучает все, и кто идет в процессе изучения постепенно, «диалектически», к самой его сути. Платон понимал под диалектикой диалог как логическую операцию, осуществляемую посредством вопросов и ответов и ведущую от мнения к знанию, от мира вещей к миру идей, от созерцания чувственного к созерцанию интеллектуальному, к умознанию. В позднем «Филебе» Платон говорит о том, что готовые ответы на вопросы об истине не дают возможности раскрыть природу реальности. Обобщения, отсутствие конкретного знания о вещах, могут привести к поверхностному, бессодержательному, «эристическому» рассуждению, от появления которого он предостерегает собеседника.

В диалоге «Евтифрон» мы встречаем две ситуации. Во фрагменте 5d мы читаем следующее: «разве же в любом деле благочестивое не тождественное самому себе, и, с другой стороны, разве нечестивое не противоположно всему благочестивому, самому же себе подобно, и разве не имеет оно некоей единственной идеи, выражающей нечестие для всего, что по необходимости бывает нечестивым?». Мы соглашаемся с этим. Далее, во фрагменте 6d-6e мы встречаем: «именно в силу единой идеи нечестивое является нечестивым, а благочестивое - благочестивым». Соглашаемся и с этим утверждением. Раз мы с этим соглашаемся, тогда выходит, что при определении «благочестия» как «угождения богам», с учетом того, что боги – разные и поступают по-разному, то и благочестие бывает разным, что противоречит его самождественности. Значит, нужно объединить желания богов, чтобы благочестие тогда, таким образом, удовлетворяло всем желаниям богов. Но тогда выходит, что объединяющим моментом выступают сами эти желания, и от них будет зависеть – что есть благочестие само по себе. Платоновский Сократ предлагает ввести понятие «справедливое», и связывает с этим поняти-

ем благочестие; и оно будет частью справедливого вообще. Но какой частью? Той, которая угодна богам. А о желании богов мы уже говорили. Круг таким образом замкнулся, и это означает, что мы столкнулись со сложностью определения «благочестия» как идеи.

О самоидентичности есть очень важное положение в «Государстве». Платон провозглашает: «философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут» (484b). Познание «вечно тождественного самому себе» - есть познание идеального бытия, поскольку «самость», «самоидентичность» всегда присутствует в диалогах Платона, когда речь идет об идеальном бытии.

Я еще указал выше третью идею Платона – его протест против односложного выражения идеальных явлений. У Платона постижение идей не предполагает их быструю и непосредственную познаваемость, их полную раскрываемость для участников диалога. Ценность занятия философией, как это подчеркивается в ранних диалогах Платона, заключается не в предоставлении какого-то конкретного знания об идеях, а в созидании правильной познавательной установки, что, кстати, сразу поднимает вопрос о защите этой установки от софистики и ораторского искусства. Идеи следует постигать, но необходимо понимать, что реальность идей не поддается первичному анализу. Начиная прямо с «Апологии Сократа», Платон утверждает, что никакого готового знания он не мог обещать ни одному из своих учеников, поскольку само знание не может быть сразу данным. И поэтому все обвинения против Сократа – вымышлены и надуманны.

Литература

1. Виндельбанд В. Платон // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. – М.: «Юрист», 1995. – С. 364-508.
2. Тихонов А.В. Раздел 1.2. Античная философия // Основы философии. Учебник для студентов-бакалавров нефилософских специальностей / ред. В.Д. Бакулова, А.А. Кириллова. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. – С.23-44.
3. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford University, 2005.

Федорова М.М.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия*

ПОНЯТИЕ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена становлению современного понятия традиции, способного стать основой для формирования идентификационных процессов. Показано, что понятие традиции прошло длительный путь формирования от идеологического оформления возврата к «золотому веку» Старого порядка к взвешенно философской рефлексии над вписанностью человеческого бытия в историю. Постоянное натяжение между истиной и традицией как легитимирующими инстанциями человеческого общежития создавало то проблемное поле, в котором разворачивалось современное осмысление идентичности.

Ключевые слова: традиция, легитимация, истина, диалог традиций

THE CONCEPT OF TRADITION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Annotation. Article is devoted to shaping of the modern concept of tradition capable to become a basis for formation of identification processes. There is shown that the concept of tradition has passed a long way of formation starting from ideological forming of return to "Golden Age" of the Old regime to deliberately philosophical reflection over inclusiveness of human being in history. The constant tension between truth and traditions as the legitimating instances of human community created that problem field in which the modern judgment of identity developed.

Keywords: tradition, legitimation, truth, dialogue of traditions

Мировые глобализационные процессы последних десятилетий привели к размыванию классических идентификационных ориентиров и сложившегося в эпоху Модерна представления о государстве-нации. Вместе с тем можно констатировать и кризис универсалистских идей, предполагавших, что западная цивилизация являет собой магистральный путь развития, своеобразный «образец» или «модель», вобравшую в себя сущностные черты, на которые только и может опираться человеческое общежитие. Не случайно поэтому проблема идентичности в самом широком смысловом спектре – очень часто речь идет о социокультурной, политической, исторической, цивилизационной и т.п. идентичностях – оказывается в центре внимания обществоведов, размышляющих о путях развития современного общества.

«Современный мир, если судить о нем поверхностно, – пишет К. Касториадис, – доводит или пытается довести рационализацию до своего предела и, следовательно, разрешает себе презирать – или рассматривать с почтительным любопытством – странные обычаи, изобретения и воображаемые представления существовавших до него обществ. Как это ни парадоксально, но в результате этой крайней «рационализации» жизнь современного мира обнаруживает настолько высокую степень подчиненности воображаемому, что в этом она не имеет себе равных ни в одной архаичной или исторической культуре» [6, с.175]. Изменяются лишь механизмы репрезентации идей и смыслов, составляющих основу идентичности. Совершенно очевидно, что любые общественные трансформации приносят новые, не существовавшие ранее измерения, придают новые качества и вместе с тем новые импульсы для развития процессов самоидентификации социальных акторов. Складывается несколько парадоксальная ситуация: внешне идентификационная логика и логика глобализации противоречат друг другу, однако обе эти логики, обе проблемы возникают одновременно, их артикуляция бесспорна. И в этом смысле проблема идентичности в условиях глобализации столь же «глобальна», как и сами мировые интеграционные процессы. Хотя, разумеется, было бы методологической ошибкой рассматривать идентификационные процессы только в качестве последствия действия внешних глобализационных процессов. Подтверждение тому – пример России, где к постановке в заостренной форме вопросов о собственном цивилизационном и политическом самоопределении привели в первую очередь внутренние процессы демонтажа прежнего социально-политического устройства и необходимость новой реструктуризации посттоталитарного пространства.

В России в последнее время вопросы об идентификационных процессах все чаще увязываются с осмыслением и переосмыслением исторического прошлого, именно в нем видится ключ к решению сегодняшних проблем и путей развития. И это не случайно, ибо историческое самосознание, безусловно, играет значительную роль в идентификационных процессах. «Современное социальное познание, преодолевающее субстанциализм и натурализм..., склоняется к признанию истории в качестве единственного фактора социокультурной идентичности, а, следовательно, и к отождествлению понятий «историческая идентичность» и «социокультурная идентичность». Социокультурные общности (народы, нации, социальные группы) обретают и утрачивают свою идентичность только в истории, посредством истории, через историю. В социальной философии XIX-XX вв. утверждается идея о сущностной историчности всякой социокультурной идентичности» [4, с. 5], – пишет в этой связи И.В. Демин.

Однако парадоксальность российской ситуации в этом отношении заключается в том, что во всех сегодняшних разговорах о российской традиции и традиционных ценностях – как в научном, так и в публичном дискурсе – совершенно не проясненным остается вопрос о какой традиции идет речь, равно как и само понятие традиции и его роль в становлении идентичности. Ведь ткань отечественной истории соткана из разрывов, крутых историче-

ских переломов и революционных поворотов. Отечественный политолог О.Ю. Малинова, занимавшаяся исследованием отношения к прошлому в официальной политике, пришла к выводу о том, что, несмотря на открыто декларируемый интерес к российскому прошлому, «педалируя критику прошлого и отказываясь расширять «оперативный» репертуар за счет переоценки проблемных страниц истории, властвующая элита на практике воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией»» [8, с. 251].

Совершенно очевидно, что в этих условиях вопрос о традиции является важнейшим *политическим* вопросом и требует своего изучения. Во-первых, можно ли говорить о «единстве традиции» применительно к стране, история которой несет в себе множественные разрывы и крутые повороты в социально-политическом развитии? И если да, то в чем, собственно, состоит эта традиция? Какие ценности может рассматривать сегодня средний российский гражданин в качестве «традиционных» - ценности российского имперского самосознания или моральный кодекс строителя коммунизма? И, во-вторых, вопросы более общего порядка: что такое вообще традиция как элемент политической культуры и как она работает в политическом пространстве? И главное – может ли традиция выступать в качестве основания политического проекта? Иными словами, нам предстоит рассмотреть, каким образом понятие традиции работает в политическом пространстве именно как понятие политической теории.

В качестве понятия политико-философского, приобретающего выраженные политические коннотации и призванного решать определенные политические проблемы традиция появляется в Новое время в рамках просвещенческих идеологем. В условиях распада «онтологического единства мира» (К. Мангейм) понятие традиции выступало своеобразной альтернативой человеку и его разуму в вопросе о легитимации общественно-политического порядка. Иными словами, на вопрос: если не Бог, то что может выступать основой общества и его социально-политических институтов, можно было ответить – разум или история (традиция).

В рамках естественно-правовых концепций акцент делался именно на естественных, рациональных основаниях общества. Общество – продукт договорных отношений между свободными и равными в правах индивидами; при этом сам разум, задающий закон и самому себе, и обществу, понимался в духе классических схем декартовой рациональности и кантовского априоризма. Вступающий в договор индивид контракционистских теорий – вне истории и вне культуры; его разум автономен и независим от контекста, в который погружен; такой индивид и выступает подлинным основанием политического проекта. Если же разум в своей деятельности оказывается детерминированным историческим опытом (традицией), то он утрачивает свою автономию и становится зависимым, гетерономным, и соответственно не способным к ответственному законодательству (будь то в отношении собственных поступков или всего общества в целом). Разум сам себе задает закон, он не может взять его нигде извне, повторяет И. Кант, и потому любая попытка определить этот закон с помощью факторов, внешних по отношению к сво-

бодному разуму, в том числе и с помощью исторического опыта или традиции, есть гетерономия, несвобода. К этой сфере гетерономии, именуемой Просвещением весьма емким словом «предрассудки», и был отнесен исторический опыт и традиция. Предрассудки, полагал Кант, способны только «служить помочами для бездумной толпы» [5, с.25]. Просвещенный же человек, вступивший в пору своего совершеннолетия и имеющий мужество пользоваться разумом, способен с помощью этого орудия не только подчинить себе природу, но и создать справедливый общественно-политический порядок, предварительно подготовив и расчистив для этого почву от предрассудков, этих «заблуждений своего детства, своей родины», по словам Кондорсе [7, с. 14].

Другой полюс формирования политических смыслов понятия традиции в Новое время связан с возникновением мощного антипросвещенческого и консервативного в своей основе течения романтизма. Это была принципиально иная политическая онтология, центральное место в которой занимал уже не свободный индивид, конструирующий свой общественно-политический мир с помощью разума, но история, воспринимаемая с позиций «индивидуальных исторических целостностей» [1, с. 152-153]. В рамках этой концепции прошлое воспринималось, по справедливому замечанию К. Манхейма, не как что-то уходящее, а как «интегральная часть жизни, не только воспоминание, но интенсивное переживание чего-то, что еще существует и утрата чего является пока только угрозой» [9, с. 633]. Традиция здесь выступает как своеобразный нормативный или даже сакральный порядок, в рамках которого истина – дочь опыта и времени в противоположность революционному безумству, пытающемуся создать новое общество на основе предписаний вневременного разума. На самом же деле, доказывают консерваторы, разуму вовсе не чужды предрассудки – заключенное в них ядро истины приобретает ценность принципа сохранения как общества, так и индивида. «Вместо того чтобы отбросить все наши старые предрассудки или стыдиться их, мы их нежно любим, потому что они предрассудки; и чем они старше и чем шире их влияние, тем больше наша привязанность. Мы боимся предоставить людям жить и действовать только своим собственным умом... Предрассудки полезны, в них сконцентрированы вечные истины и добро...» [2, с. 51]. Однако следует заметить, что защита Берком сообщества в противовес индивиду, специфического и уникального – в противовес универсальному не превращают его в слепого сторонника всего того, что несет в себе история и традиция. Задолго до теоретиков консервативной революции он утверждал, что история соткана из различных, порой разнонаправленных традиций; она не представляет собой единого целого и богата самыми различными и противоречивыми уроками. Для консерваторов рубежа XVIII-XIX вв., равно как и для их последователей век спустя, следование традиции означало лишь правильный выбор в нелегких политических условиях, сохранение политической стабильности общества. Речь шла не столько о восстановлении старого порядка, сколько Порядка как такового, природного человеческого качества, «иного порядка вещей», направленного на политиче-

ское созидание, а не на разрушение. Прошлое, традиция при этом воспринимается не просто как нечто пережитое и утраченное, но как своеобразный символ, модель или архетип, несущий в себе мощный заряд притягательности.

Новые политические смыслы проблема традиции обрела в связи с радикальным изменением философской «оптики» в целом на рубеже XIX-XX вв., когда, благодаря усилиям философии жизни и экзистенциальной философии, «познавательное отношение расширилось... до более изначального жизненного отношения, в которое первое оказывается включенным» [10, с. 27]. Соответственно изменился и сам смысл историзма, и его отношение к политическому мышлению. Эта философия подвергла жесткой критике само основание эпистемологической модели истории Нового времени – субъект-объектное отношение к действительности и его центральное звено – трансцендентальный субъект как незыблемую исходную точку всякой рефлексии о конечном и временном, позицию абсолютного наблюдателя. Целостный субъект экзистенциальной философии живет в конкретном историческом промежутке времени, в конкретной точке пространства и мыслит, исходя из этой точки в пространственно-временной системе координат, из особой экзистенциальной и хронотопической ситуации. Историчность, таким образом, относится к сфере человеческого существования – причем существования не в качестве познающего мир (и соответственно выявляющего в этом мире причинные и иные связи) субъекта, а в качестве субъекта практического, т.е. понимающего, действующего, страдающего. В действительности не история принадлежит нам, но мы принадлежим истории, скажет позднее Гадамер [3, с. 329].

В рамках этой системы эпистемологический статус истории заменен на онтологический, сфера же практического действия (к которой как раз и относится политика) является первичной и основополагающей, что запрещает рассматривать действие как простое применение теоретического знания к действительности. А практическая сфера нуждается в знании, глубоко укорененном в опыте. Так возникает модель практического разума (*phronesis*), способная принять во внимание ту глобальную ситуацию, в которой призван действовать индивид, отказавшийся от универсалистских претензий теоретического разума, выстраивающего иерархический порядок ценностей.

Однако в рамках новых политико-философских концепций, рожденных рефлексией над трагическим опытом XX столетия, главное натяжение разум/традиция в значительной мере сохраняется, хотя оба полюса дилеммы в значительной степени подвергаются переосмыслению. При этом политическая философия XX века – при всем разнообразии ее течений, методологических подходов и идеологических принципов – исходит из одной общей констатации реальности кризиса, имеющего две взаимосвязанные стороны: кризиса рациональности и кризиса совместного бытия людей в рамках сообщества. Это заставило крупнейших политических мыслителей эпохи обратиться к анализу самих оснований политического и философского проекта модерна в двух его измерениях: с одной стороны, была поставлена под сомнение иде-

ал прогресса – прогресса научно-технического, но одновременно и, быть может, в первую очередь прогресса морального и социального, т.е. идей, лежащих в основании демократии, определяемой как режим, наиболее адекватный для народа, обретшего всю полноту своих рациональных способностей; с другой стороны – не меньшие сомнения вызывала и рожденная модерном идея свободы и счастья, обретение которых было отнесено к приватной сфере, выведенной из-под воздействия политики и государства. Именно под этим углом зрения и рассматривалась дилемма разум/традиция, возникшая в недрах политического проекта модерна, и подвергавшаяся радикальному переосмыслению в XX веке. Фактически обширные дискуссии на эту тему можно свести к одному – главному – вопросу, вопросу о статусе политического в современную эпоху, о степени его автономии по отношению к другим сферам социальной жизни и к знанию, и в конечном счете к вопросу о типе рациональности, с которой мы имеем дело, когда рассуждаем о вещах политических.

Здесь можно выделить две линии, сложившиеся в западной философии XX века, представляющие разное отношение к проблеме традиции и по-разному пытающиеся разрешить известную нам дилемму разум/традиция, хотя обе части этой дилеммы в обоих направлениях претерпели существенное изменение. Первое из этих направлений представлено феноменологией и философской герменевтикой (и соответственно такими именами, как Х. Арендт, Г.-Г., Гадамер, П. Рикер и др.). Для этих мыслителей традиция предстает той нормой, которая задает закон человеческого общежития. «...Без традиции, которая выбирает и наделяет именем, которая признает и сохраняет, которая указывает, где находятся сокровища и какова их цена, невозможно, кажется, никакая длительность во времени и, следовательно, проще говоря, невозможно ни прошлое, ни будущее, а только вечное становление мира и в нем – биологический цикл живых существ» [11, с. 14], – пишет Ханна Арендт. Традиция для нее – это сила, передающая нам общее символическое наследие, и это передаваемое наследие есть сама материя *здравого смысла*, выступающего основой нашей способности суждения в согласии с другими, в *консенсусе*, без которого невозможен *праксис*, общее действие и сущность любой политики. Второе же направление, представленное в первую очередь философией Й. Хабермаса, утверждает обратное: норма человеческого общежития – не в авторитете традиции, а в истине рефлексии. Тот факт, полагает Хабермас, что политика принадлежит к области практики (и в этом он солидарен с Х. Арендт), вовсе не говорит о том, что политика не связана с истиной. Неверно, что практика не может иметь ничего общего с познанием, так как она опирается на мнения и заблуждения, формируемые силой традиции. Сущность знания – это единства разума и интереса, союз разума и воли. Рационализация мнений и убеждений носит практический характер, и принцип практического разума выражается в универсализации – через публичные дискуссии и рациональную аргументацию – интересов, непосредственно выраженных в мнениях и убеждениях. Арендтовское противопоставление авторитета консенсуса и традиции истине разума – ложно, по его мнению. Для

него в политике истина разума – это не теоретическая объективная истина, но истина практическая и intersубъективная. Хабермас считает, аргументация (сочетающая в себе критический принцип саморефлексии и практический принцип рационализации) способна превратить мнение в знание, так как она заставляет мнения конфронтировать между собой; intersубъективность, о которой у него идет речь, опосредована не только языком, но и логической силой аргументов. Для Арендт же эта сила – не сила аргументации, но сила символов, унаследованных традицией, каковыми являются *topoi* здравого смысла.

Сконструированная Арендт модель традиции в ее отношении к разуму, истине и политике была в значительной степени скорректирована дальнейшим развитием герменевтики. Г.-Г. Гадамеру противоположность истина/авторитет, разум/традиция, критика/предрассудки, Просвещение/Модерн представляется ложной. С его точки зрения, Арендт не ищет преодоления этих противоположностей, а лишь переворачивает их значение: для нее в порядке легитимности авторитет традиции утверждается в противовес истине разума. Как и Арендт, Гадамер утверждает приоритет «предрассудков» над критикой, традиции – над рефлексией, языка над истиной, и у нее этот приоритет означает обусловленность (предрассудки обуславливают критику и т.п.).

Таким образом, мы можем констатировать, что в ходе этих дискуссий удалось в значительной мере сгладить остроту изначально заложенного в понятии традиции консервативного идеологического смысла, сделать это понятие более оперативным для анализа целого комплекса связанных с идентичностью проблем как культурологического, так и политического характера. Однако же изначальное натяжение между двумя полюсами оставалось, угрожая перерастанию концепций в традиционализм либо абстрактный субстанциализм. Ведь если невозможно беспредпосылочное мышление, мышление, не связанное с уже присутствующими в культуре явлениями символического порядка, без языка живого, полного и глубокого, но и благодаря этой полноте и глубине «непрозрачного», то и универсальность, являющаяся целью любой рефлексии, будет ограничена этими символическими явлениями. Иными словами, исследователь, идущий этим путем, попадает в сложную и амбивалентную ситуацию, когда сам принцип, открывающий нам объект исследования, оказывается принципом ограничения исследования, если не вообще закрытости.

Французский философ Поль Рикер предложил иную логику прочтения этой проблемы и попытался превратить очень смутное и рыхлое понятие традиции в фундаментальный концепт, одно из базовых и первичных понятий, лежащий в основе ответственного мышления об истории и политике. Для него говорить о традиции вовсе не означает быть традиционалистом, напротив это означает рефлексию об условиях возможности самого широкого мышления, обогащенного новыми символическими возможностями.

В рассуждениях о культуре и традиции, говорит Рикер, очень велик риск предположения, что традиция представляет собой особую форму «про-

граммирования» поведения тех, кто этой традиции принадлежит (я спонтанно предполагаю, что моя культура и моя традиция предшествуют мне, я испытываю по отношению к ним чувство долга: я должен следовать обычаям и нормам, принятым в рамках данной традиции и т.п.). Соответственно передо мной встает вопрос, как выстраивать свое поведение: послушное следование традиции или предательство (в том случае, если я что-то в этой традиции не приемлю)? Рикер убежден, что это ложная альтернатива, порожденная субстанциалистской иллюзией, потому что нужно не сакрализировать Традицию, а наоборот сопротивляться традиционализму и защищать идею о том, что традиция является *моей традицией* только вместе со мной, моим присутствием и мироощущением. Я вместе с другими интерпретирую эту традицию в рамках той культуры, которой я принадлежу, тех конкретных исторических, политических и т.п. условий, которых я живу, и тем самым изменяю традицию. Иными словами, усвоение традиции возможно только через ее изменение (в том числе и на институциональном уровне), трансформацию, причем не только в плане содержания, но и, что особенно важно, трансформацию символических артикуляций, препятствующую развитию застойных явлений.

Для развития идей культуры и идентичности эти положения, высказанные еще в ранней работе Поля Рикера «Конечность и виновность» (1960) [см.: 12], имеют огромное значение. Они означают, что никакая культура или идентичность не может быть выше или лучше другой. Поэтому нужно отказаться от идеи превращения универсальности в некий общий горизонт; напротив, следует подчеркивать конституирующую множественность культур и помнить, что универсальность проявляется всегда в локальном, в перспективе всегда особой культуры и идентичности. «Моя» культура и «моя идентичность», в которой и посредством которой я имею представление об универсальном не защищена от рисков изменения, но, с другой стороны, она способна превратить эти риски в шанс на изменение.

В воображении традиционалиста традиция существует как некий данный внешний фактор, не позволяющий свернуть в сторону от предлагаемого пути развития. В отличие от традиционализма Рикер предлагает относиться к традиции не как к повторению идентичного, но как к развитию; следование традиции означает не собирание памятников прошлого, а открытие новых контекстов ее прочтения. Традиция – не дарохранительница, не вместилище не зависящей от нас Истины, чьи строгие каноны мы должны безоговорочно принять. Она связана не только с прошлым, но и с будущим, поскольку постоянно изменяется, то постепенно, то через мутации и бифуркации. Традиция не существует без того, как мы ее принимаем и воспринимаем, а, следовательно, интерпретируем. Без этого традиция превращается в вырожденную идеологию, основу для бесплодного консенсуса.

На протяжении всего своего творчества Рикер не раз возвращается к проблеме традиции, всякий раз обогащая это понятие новыми смыслами, всякий раз дистанцируясь от традиционализма, который он усматривает даже в герменевтике традиций Гадамера. В работе «Время и рассказ» именно с

этой целью он вводит тройное различие смыслов, заложенных в понятии традиции, полагая, что этот подход позволит ему обосновать возможность политического действия, связанного с действенно-историческим сознанием как альтернативой «сознания суверенного, прозрачного для самого себя и властителя смысла» [13, с. 318].

Рикер предлагает различать три смысла понятия «традиция», представляющих три различных употребления этого термина в философском контексте. Первый из них он обозначает как «традициональность» и понимает под этим термином внутреннюю диалектику пространства опыта, образуемую, с одной стороны, переживаемым нами воздействием прошлого на нас и, с другой – осуществляемым нами самими восприятием прошлого. Это понятие соответствует у Гадамера понятию временной дистанции, обозначающей не просто некий интервал, отделяющий нас от исторического события, но процесс опосредования целой цепочкой интерпретаций наследия прошлого. На этом уровне анализа понятие традиции остается еще формальным и связанным с дилеммой непреодолимости/отсутствия дистанции между нами и нашим прошлым.

На втором уровне анализа традиция выступает как *традиции*. Речь здесь идет уже не просто о нашем дистанцировании от прошлого, а о том, что мы никогда не начинаем жизнь с чистого листа, мы – находимся в положении наследников, даже если хотим быть новаторами. Этот уровень тесно связан с языковыми структурами коммуникации и передачи прошлого опыта. Язык, понимаемый в самом широком смысле как все то, что «сказано, услышано и воспринято», является важнейшим институтом, который всегда предшествует нам. И соответственно традиции – это все то, что «уже сказано, передано нам посредством бесконечных цепочек интерпретаций и реинтерпретаций» [13, с. 321]. Таким образом, на этом уровне чисто формальная диалектика темпоральной дистанции наполняется диалектикой конкретного содержания передаваемого опыта. Прошлое ставит перед нами вопросы и нас самих ставит под вопрос еще до того, как мы начинаем вопрошать о прошлом.

На третьем уровне речь идет собственно о *традиции*. Именно с таким пониманием традиции связан известный спор между герменевтикой традиций и критикой идеологий, спор, порожденный в значительной мере сползанием исследования *традиций* к апологии *традиции*. Здесь переход от традиций к традиции вводит вопрос о легитимности, ведь понятие авторитета, которое Гадамер связывает с понятием традиции, выступает в качестве легитимирующей инстанции и в качестве таковой обозначает претензию на истину, требующую обоснования в публичном пространстве дискуссии.

Таким образом, мы видим, что понятие традиции как одно из важнейших понятий современной политико-культурной теории идентичности – понятие развивающееся и эволюционирующее, артикулированное с целым комплексом политико-философских и философско-исторических концептов. Как мы видим, политические смыслы понятия традиции постепенно смещались от идеологического оформления возврата к «золотому веку» Старого порядка к взвешенно философской рефлексии над вписанностью челове-

ского бытия в историю. Постоянное натяжение между истиной и традицией как легитимирующими инстанциями человеческого общежития создавало то проблемное поле, в котором разворачивалось в том числе и осмысление идентичности. Надо констатировать, что и сегодня этот вопрос далек от своего разрешения.

Сегодня очень часто говорят о кризисе исторического сознания, выражающегося, в частности, в отсутствии идеалов будущего, горизонт ожидания которого зачастую лишен всякого позитивного содержания или вырождается в бесплодную утопию. Такое положение ведет в первую очередь к обеднению восприятия настоящего, которое оказывается лишенным главного – способности порождать инициативу вмешательства в ход вещей – и сводится к банальному культу потребительства и отсутствию гражданской ответственности, составляющей основу любой идентичности. Забвению предается тот факт, что любая нация, любая человеческая общность создается прежде всего стремлением жить сообща, своеобразным символическим договором, составляющим основу любой социальной связи. А это стремление с совместной гражданской жизни невозможно, в свою очередь, без опоры на традицию, которая не должна восприниматься как некие безжизненные осадочные отложения, перед которыми одни преклоняются, а другие предпочитают предавать забвению. Говорить о традиции сегодня означает говорить о самом широком прагматическом мышлении, свободном от сакрализации образцов прошлого, мышлении, открытом для обогащения прошлого новыми смыслами и символическими значениями, открываемыми в диалоге культур и традиций.

Литература

1. Аркан Ю.Л. Очерки социальной философии романтизма. Из истории немецкой консервативно-романтической мысли. – СПб.: Наука, 2003. – 380 с.
2. Берк Э. Размышления о революции во Франции. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с.
3. Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основные черты философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 667 с.
4. Демин И.В. Проблема исторической идентичности в постметафизической философии истории / Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. – 2(18), 2015. – С. 3-18.
5. Кант И. Что такое просвещение // Кант И. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.
6. Кастириадис К. Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис, 2003. – 480 с.
7. Кондорсе Ж.-А. Эскиз картины прогресса человеческого разума. – М.: Гос.соц.-эк. изд., 1936. – 265 с.
8. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 421 с.
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 693 с.

10. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – 284 с.
11. Arendt H. Between Past and Future. – N-Y: Penguin Classics, 1967. – 298 p.
12. Ricoeur P. Philosophie de la volonte. II. Finitude et Culpabilite. 2. La Symbolique du mal. – Paris, 1960.
13. Ricoeur P. Le temps et le recit. – Seuil, 1983. – 319 p.

УДК 339.94-029:1(477-04:470+571)

Черномаз П.А.

*Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина, г. Харьков, Украина*

К ПОНИМАНИЮ ДУХОВНЫХ ПРИЧИН СОВРЕМЕННОГО СОСОЯНИЯ УКРАИНСКО-РОССИЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Рассмотрено развитие украинско-российского трансграничного сотрудничества на примере еврорегиона «Слобожанщина». Определены глубинные причины обострения украинско-российских отношений в свете духовного кризиса в обществе.

Ключевые слова: украинско-российские отношения; трансграничное сотрудничество; еврорегион «Слобожанщина»; духовный кризис.

TO UNDERSTAND THE SPIRITUAL CAUSES OF THE CURRENT STATE OF UKRAINIAN-RUSSIAN CROSS-BORDER COOPERATION

Annotation. Considered the development of Ukrainian-Russian cross-border cooperation on the example of the Euroregion Slobozhanschina. Identified the root causes of aggravation of Ukrainian-Russian relations in the light of the spiritual crisis in society.

Keywords: Ukrainian-Russian relations; cross-border cooperation; Euroregion Slobozhanschina; spiritual crisis.

Распад СССР привел к созданию «новых границ», вызвав необходимость организации трансграничного сотрудничества сопредельных регионов бывших республик, ставших государствами. В результате как феномен возникло украинско-российское трансграничное сотрудничество.

Для сплочения и единения населения приграничных территорий учеными Харьковского национально университета имени В.Н. Каразина в 1997 г. было предложено воплотить в жизнь приграничья России и Украины основанную на положениях Мадридской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве форму еврорегиона «Слобожанщина» (в составе Белгородской и Харьковской областей), выступившего в роли катализатора про-

цессов украинско-российского трансграничного сотрудничества [7, 9]. По его примеру в приграничной полосе Украины и России сформировался каркас трансграничных объединений, в основе которых лежат соглашения между расположенными по обе стороны границы территориальными органами власти и самоуправления. В этот каркас, кроме «Слобожанщины», вошли евро-регионы «Днепр», «Ярославна» и «Донбасс».

Хочется подчеркнуть, что еврорегион – это форма трансграничного сотрудничества, возникшая в послевоенной Европе и закреплённая в европейском законодательстве, позволяющая реализовывать на практике содержание трансграничного сотрудничества – улучшение взаимодействия органов управления приграничных регионов для решения совместных задач с целью повышения благосостояния населения за счет совместных действий во всех сферах жизнедеятельности (экономическая, социальная, экологическая и др.). При дискуссионности термина «еврорегион» важны суть, которую он отражает, и наработанный опыт. Вполне возможна замена названия «еврорегион» на «регион трансграничного сотрудничества» или какой-либо дугой термин.

Развитие еврорегионов на просторах Европы позволило гармонизировать взаимоотношения населения стран в приграничных территориях и впоследствии – снять многие барьеры, созданные на границах. Причем часто граница разделяла один народ, имеющий общую историю и духовное единство, что актуально для украинско-российского сотрудничества [10]. Наглядным примером может служить регион Эльзас, лежащий на границе Германии и Франции. Долгие годы эти государства боролись за господство над данной территорией, что приводило для ее населения к трагическим последствиям вплоть до вовлечения в военные конфликты. Сегодня же на территории Эльзаса действует новая форма трансграничного объединения – европейская группа территориального сотрудничества EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau», реализующая многие совместные проекты.

За время существования еврорегиона «Слобожанщина» (учрежден 7 ноября 2003 г.) были налажены деловые отношения между Белгородской областной Думой и Харьковским областным советом, в частности создана междепутатская группа, члены которой обменивались информацией, обсуждали вопросы улучшения взаимодействия регионов. Получили развитие научно-образовательные проекты, такие как Школа межрегионального приграничного сотрудничества с проведением трансграничных стратегических дебатов среди студентов и молодых ученых на базе Белгородского государственного университета и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. По инициативе местных органов власти для жителей приграничья был введен упрощенный режим пересечения границы через местные пункты пропуска без оформления миграционной карты. Предпринята попытка согласования областных программ трансграничного сотрудничества, принятых Белгородской областной думой и Харьковским областным советом.

Однако украинско-российское трансграничное сотрудничество не смогло заработать на полную силу и показать такую же эффективность, как в странах ЕС. Причин тому множество. Выделим основные препятствия, кото-

рые помешали раскрытию потенциала еврорегиона «Слобожанщина» в украинско-российском трансграничном сотрудничестве [9]:

1. Отсутствие четкой государственной региональной политики, подкрепленной финансированием, с приоритетом приграничного сотрудничества.

2. Отсутствие отработанного механизма согласованного совместного украинско-российского стратегического планирования в трансграничном сотрудничестве.
3. Отсутствие специальных инструментов финансирования (не был создан российско-украинский фонд развития трансграничного сотрудничества по примеру Европейского фонда регионального развития).

4. Не была обеспечена конкурсность и прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов.

5. Не создана действенная (работающая, а не формальная) институциональная структура органов трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы). Обострение украинско-российских отношений в 2014 г., обоюдная информационная война и эскалация конфликта привели к тому, что пострадали человеческие отношения, а приграничные с Россией территории Украины превратились в своеобразное «яблоко раздора». Апофеозом стал военный конфликт на юго-востоке Украины с его страшными и непоправимыми последствиями для людей, втянутых в противостояние.

Трансграничному сотрудничеству были брошены вызовы, ведущие к разрыву уже налаженных связей и к перспективе отчуждения. Если раньше Украина и Россия шаг за шагом шли к сокращению препон на границе, то сегодня идет движение в противоположном направлении. Перестал действовать упрощенный режим пересечения границы, закрыты местные пункты пропуска, а на межгосударственных пунктах скапливаются значительные потоки транспорта. Граница становится серьезным препятствием для населения приграничья.

Таким образом, возникшие украинско-российские политические противоречия ведут к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. И если не наладить двусторонний политический диалог, то это существенно усугубит кризис в Украине, особенно в приграничных с РФ регионах.

Все это побуждает к размышлениям не только о видимых последствиях, но и о глубинных причинах происходящего.

Эти причины уже были обрисованы нами, и они остаются неизменными: истоки нынешнего кризисного состояния общества лежат в духовной сфере [5, 8]. Кризис украинско-российских отношений отражает состояние духовного страдания славяно-православного суперэтноса – православия и призванной к сохранению духовности в народе православной Церкви. Сегодня для многих людей и в Украине, и в России, считающих себя православными христианами, православная вера превратилась в определенную форму с присущими обрядами, но с выхолощенным содержанием.

Можно вполне согласиться с архиепископом Горловским и Славянским Митрофаном, который во время проповеди в Успенской Святогорской Лавре произнес следующие слова: «...если бы для всех нас, которые крещены в православной вере, христианство было на первом месте, никогда бы войны не было». Этот неутешительный вывод архиепископ Митрофан обосновал следующим образом: «Вопрос, который задают каждому священнослужителю: как может быть так, что единоверные христиане друг на друга подняли руку? Ведь, если вспомнить, ещё три года назад мы вместе праздновали Пасху и Рождество, причащались, исповедовались, вместе в храме молились. Но сегодня – друг другу враги. И все христиане. Что же произошло? Всё очень просто. Христиане – это не те, кто ходит на службу, не те, кто крестик на себе носит и не те, кто соблюдает обычаи и обряды. Христиане – это те, кто своё христианское звание ставит на первое место... Христиане никогда не откажутся от своего христианства, всегда будут следовать за своей совестью, смотреть на заповеди Божии и спрашивать себя: „А угодно ли Богу то, что я делаю?“» [1].

Христианство – религия любви, война – концентрация ненависти. Угодна ли Богу война? Вопрос риторический. Тем не менее, есть много людей, обосновывающих необходимость войны, называя себя православными христианами и приводя примеры из Библии и отечественной истории.

Именно к таким христианам относятся слова выдающегося православного подвижника XIX в. святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867): «Плотские люди, привязанные всею душою к земной жизни, знакомые с Законом Божиим поверхностно, по букве..., чуждые Закону Божию по духу, по сердцу, по жизни, по делам своим...» [2].

Святитель Игнатий вслед за святыми отцами Церкви ставит четкое различие между человеком «духовным» и человеком «плотским». В духовном человеке, благодаря прикладываемым подвижническим усилиям для исполнения Божиих заповедей, действует Святой Дух, который руководствует человеком в его поступках. И это делает его христианином. Плотской же человек руководствуется прежде всего действующими в нем страстями, при этом может считать себя христианином, будучи далеким от Бога.

Как говорил преподобный Антоний Великий: «Истинно блажен тот, кто бодрствует над собою и исполняет заповеди Господа нашего Иисуса Христа: он сподобится истинного разума, исходящего от Господа». И добавлял: «Некоторые измождали тела свои постом и прочими телесными подвигами, но пребыли далекими (устраненными) от Бога, потому что не имели духовного разума» [3].

Об этом же свидетельствовал святитель Григорий Палама: «Если ум не внимает божественным заповедям вооружившего его Владыки, то он сражается с ближним, свирепствует против сородичей, неистовствует на тех, кто не соглашается с его безумными желаниями, и – увы! – человек становится человекоубийцей...» [4, с. 101].

Поэтому сегодня очень важно, куда направляет свои силы и энергию каждый человек: на созидание или разрушение, ибо только духовное возрож-

дение общества на основе повышения уровня духовности каждого человека путем личного совершенствования может изменить направленность общества от деградации к развитию и стать основой выхода из духовного, социально-экономического и политического кризиса [6].

Важен духовный подвиг каждого христианина, который предполагает прежде всего приложение усилий для соблюдения Божиих заповедей через каждодневную борьбу со страстями и покаяние (то есть изменение образа мыслей) при нарушении заповедей. Без подвижничества нет духовного совершенствования. Цель православной духовности в предельном смысле – единение человека с Богом, то есть обожение человека, по словам Христа: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Только таким путем можно достичь высшей степени духовности. Для ее достижения, по учению святых отцов православия, человек должен пройти два предыдущих этапа духовного становления – очищение сердца от страстей и просвещение ума Божественной благодатью [4, с. 38-67]. Поэтому обожение как высшая степень духовного совершенства достигается лишь немногими подвижниками – святыми. Тем не менее, идти путем духовного совершенствования и стремиться достичь этой высочайшей степени духовности следует каждому христианину.

Литература

1. В день памяти 40 мучеников Севастийских архиепископ Митрофан принял участие в богослужении в Успенской Святогорской лавре // Горловская и Славянская епархия: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://gorlovka-eparhia.com.ua/v-den-40-muchenikov-sevastiijskih-arhiepiskop-mitrofan-prinyal-uchastie-v-bogosluzhenii-v-uspenskoj-svyatogorskoj-lavre/> (дата обращения 24.04.2016).
2. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетическая проповедь / свт. Игнатий (Брянчанинов) [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/asketicheskaya_propoved/41#sel=14:1,14:32 (дата обращения 24.04.2016).
3. Игнатий (Брянчанинов), свт. Отечник / свт. Игнатий (Брянчанинов). [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/otechnik/ (дата обращения 24.04.2016).
4. Иерофей (Влахос), митр. Православная духовность: Пер. с новогреч. / митр. Иерофей (Влахос). – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 136 с.
5. Черномаз П.А. Духовный кризис современного общества: причины и путь выхода // Православный ученый в современном мире. Духовно-нравственная культура и цели российского образования: новации, преемственность, мировоззренческие парадигмы: Матер. III Междунар. науч.-практ. конф., 16 окт. 2014 г., Свято-Троицкая Сергиева лавра. – Воронеж: «ИСТОКИ», 2014. – Т. 2. – С. 92-97.

6. Черномаз П.А. Роль духовного возрождения в преодолении негативных тенденций развития мирового хозяйства [Электронный ресурс] // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: Матер. III междунар. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2010. – Ч. 1. – С. 149-157. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5252> (дата обращения 24.04.2016).
7. Черномаз П.А. Роль еврорегиона «Слобожанщина» в развитии украинско-российского трансграничного сотрудничества // Современные проблемы социально-экономического развития России: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2012. – С. 142-146.
8. Черномаз П.А. Современное состояние украинско-российских отношений как отражение духовного кризиса // Социальная экономика. – 2014. – Вып. 48. – № 1-2. – С. 182-186.
9. Черномаз П.А. Трансграничное сотрудничество в украинско-российских отношениях (на примере еврорегиона «Слобожанщина») // Экономическое взаимодействие стран–членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2015. – С. 144-156.
10. Черномаз П.А. Укрепление духовного единства населения приграничных территорий – важная задача еврорегиона «Слобожанщина» // Евангелие в контексте современной культуры: Матер. I Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 9-13.

УДК 159.9:316.6
355.01: 659.4
32.019.5/ 32.019.57

Чистов В.В., Ауталипова У.И.
*Казахский государственный женский
педагогический университет, г.Алматы, Казахстан*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрено влияние целенаправленной пропагандистской деятельности СМИ, направленной на формирование общественного мнения и определенных мировоззренческих позиций людей с целью получения определенного выигрыша в материальной или политической сфере, что может быть расценено в современном мире как «информационная война». Усиление влияния социальных сетей Интернета и совершенствование компьютерных технологий способствуют качественно новому саморазвитию личности в т.ч. детей, подростков и молодежи под влиянием информационного прессинга.

Ключевые слова: пропаганда СМИ, мировоззрение, информационная война, социальные сети Интернета, компьютерные технологии, развитие личности.

INFORMATION WARS OF MODERN TIME

Annotation. The article considers the influence of purposive propaganda Mass media in organization of public opinion and certain people worldview in order to obtain the certain gain in material or political sphere, which can be called in the modern world as the "information war". Growing influence of the Internet social networks and improvement of computer technologies promote qualitatively new self-development of personality including children, teenagers and young people, under the influence of pressure information.

Keywords: propaganda of MASS-MEDIA, world view, information war, social networks of the Internet, computer technologies, development of personality.

Период перестройки общества, начавшийся 30 лет назад, коренным образом повлиял на мировоззренческие позиции многих народов бывшего СССР и, особенно, на становление подрастающего поколения. Политика демократизации общества и пропаганда качественно нового образа жизни, постоянно отражающаяся в СМИ и, особенно, в социальных сетях Интернета, открыла необычайно большие возможности для расширения информационного поля и усиления целенаправленного влияния на сознание граждан.

В современную эпоху XXI столетия мир вступил в новую информационную цивилизацию, когда развитие высоких и тонких технологий позволяет проникать во все сферы человеческой деятельности. В современном мире господство над информационным пространством становится определяющим. Появилась реальная возможность общения и приобщения к культуре других стран, в первую очередь, примеру США, путем визуального восприятия и реальных контактов в социальных сетях Интернета. «Взаимодействие персональных компьютеров с телекоммуникационными сетями дало информационным технологиям невиданные ранее возможности, способствуя тем самым теперь уже иному саморазвитию личности» [3]. Средства массовой информации становятся сегодня одним из важнейших и влиятельных источников воспитания и развития подрастающего поколения и молодежи. Они становятся серьезными каналами трансляции новых смыслов, образов, моделей поведения.

Установлено, что физиологической особенностью мозга, является стрессовая впечатлительность, т.е, всё, что связано с сильными эмоциями и переживаниями, накрепко запечатлевается в нашем сознании, в нашей памяти и долго ещё подсознательно напоминает об отрицательном, выбивая из колеи. Ужас, вызванный, к примеру, катастрофой, крушением пассажирского самолёта и другая аналогичная информация о терактах, авариях, жертвах – порождает исключительно сильные стрессовые эмоции, которые оставляют неизгладимые впечатления. И если потом, несколькими неделями позже, когда пик эмоций уже пройден и появятся какие-то сомнения в предъявленных обвинениях участникам трагедии, едва ли кто-то примет эту информацию за

правду. Эти сообщения уже не будут так массово влиять на сознание, как те обвинения, которые были в первый момент, когда все были растеряны под влиянием сильнейшего стресса.

Явные и скрытые целенаправленные воздействия СМИ с целью получения определенного выигрыша в материальной или политической сфере понимаются в современном мире как информационные войны. Современная информационно-сетевая война предусматривает проведение комплекса мероприятий, направленных на создание атмосферы бездуховности и безнравственности, что автоматически создает благоприятную среду для стрессовой, а порой и конфликтной обстановки и даёт возможность манипулировать общественным мнением и политической ориентацией социальных групп. Это часто связано со стремлением к дестабилизации политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания атмосферы недоверия и подозрительности; провоцирования социальных, политических, национальных и религиозных столкновений; инициирование массовых протестных акций, забастовок, массовых беспорядков. Так, нагнетание страха о наличии химического оружия в Ираке, распространение заведомо ложной информации о нем способствовали захвату страны. Аналогичный сценарий через некоторое время повторился в Ливии и Сирии. Так СМИ в угоду чьим-то интересам разоряют до состояния нищеты ранее процветающие государства.

Сегодня информационная война уже идёт в просторах интернета – новой реальности. Здесь создаются события, которых не было на самом деле, но уже трудно отличить правду от лжи. Ныне выросло целое поколение молодёжи, воспитанное на западных ценностях и получившее образование в западном духе. Амбиции таких людей уже не могут быть удовлетворены в традиционном обществе, поэтому, как только возникает такая возможность, они охотно начинают работать на его разрушение, даже рискуя своими жизнями. Фактически, правительства, которые не могут предложить прослойке такой молодёжи западные права и западные стандарты жизни, очень быстро оказываются в неустойчивом положении. Речь скорее идет о некой картинке желаемого устройства государства, пропагандирующими цивилизованную жизнь на Западе через СМИ. Притягательность ее настолько сильна, что заставляет многих недовольных отказаться от текущей жизни и эмигрировать, несмотря на трудности, в западные страны, либо начинать сопротивление и перманентную гражданскую войну, как это ныне происходит в Украине. К примеру, люди, близкие по менталитету, начинают видеть одну и ту же ситуацию в совершенно противоположном свете в результате попытки «столкнуть лбами когда-то братские народы», решить свои проблемы с разговорами о демократии и свободном выборе каждого народа с помощью толпы.

Подавляющая часть населения страны даже не подозревает, что подвергаясь информационной атаке, они могут подсознательно «идейно» помогать провокаторам.

Таким образом, информационная война, проводимая с помощью глобальной сети Интернет, включает в себя сбор компрометирующих данных,

пропаганду определенных идей, манипулирование информацией, дезинформация в кибервойне. Всё это воздействует на сознание людей через каналы коммуникации с целью повлиять на систему их ценностей и изменить поведение людей, их способ мышления, а порой лишить способности сопротивляться и думать. В ряде случаев бесконтрольные СМИ подталкивают людей к тому, чтобы они думали, что навязанные им мнения сделаны ими самостоятельно, т.е. в тактике информационной войны манипуляторы сознанием лишь подталкивают к желаемым действиям, используя предрассудки и суеверия, ненавязчиво придавая им определенный эмоциональный окрас. Довольно часто они злоупотребляют статистикой и создают напряженность, ищут скрытый смысл в информации, приводят подходящие высказывания экспертов. Звуковой и видеоряд воздействуют на подсознание как легкий транс, ведет к снижению критичности, запугивая тем, что могло быть и хуже.

Информационная война ставит целью разрушить прежние моральные установки общества, замещая их принципами, навязанными СМИ по заказу определенных лиц. После этого информационного прессинга возврат к прежнему состоянию общества почти невозможен, поскольку под влиянием СМИ люди уже добровольно встраиваются в новые структуры развития. Корпорации, осуществляющие контроль или владеющие определенными СМИ, ныне могут целенаправленно пропагандировать любые идеалы и манипулировать сознанием личности, запугивать происшествиями, что можно охарактеризовать как определенное информационное насилие над психикой, т.к. современный человек живет сегодня в информационном пространстве, ежедневно черпая сведения из прессы, радио- и телепередач, социальных сетей. Он получает самую свежую информацию со всех концов планеты, но только ту, которую сознательно поставляют ему представители СМИ. О возрастающей роли печати, радио и телевидения Интернета в общественной жизни страны свидетельствуют их бурный рост, распространенность и доступность. Печатное слово, телевизионные передачи и Интернет проникают ныне в любую социальную среду и способны производить весьма сильные впечатления, особенно влияя на развитие, поведение и сознание подростков и молодёжи. Обладая возможностью в кратчайшие сроки достигнуть самых отдаленных районов, социальные сети становятся одной из наиболее распространенных, доступных и популярных форм информирования и развлечений. Простой гражданин готов к потреблению любой информации. А если она ещё и преподнесена грамотно, когда даётся 99 % правды, и всего 1% того, что необходимо сказать для пользы тех, кто ведёт трансляцию, то ненавязчивый сравнительный анализ уже направлен на выводы о преимуществе другой системы ценностей.

Как отмечает Л.А.Мясникова, «вместо предсказанного Д.Беллом общества информационной свободы формируется общество с жесткой сетевой несвободой, где знание все в большей степени само становится товаром, способствующим отчуждению человека от человека» [3]. Современные СМИ вытесняют непосредственные живые контакты, заменяя их телевизором и компьютером и умело используют слабости человеческой психики.

Российский психолог И.С.Кон отмечал, что средства массовой информации – «чрезвычайно важный институт социализации». Их значение быстро растет и «существует угроза избыточного, всеядного потребления телевизионной и прочей массовой культуры, что отрицательно сказывается на развитии творческих потенций, индивидуальности и социальной активности личности» [4].

Следует также заметить, что сцены насилия в средствах массовой информации, которые практически ежедневно показывают различные телевизионные каналы, демонстрируя проявления агрессивности, провоцируют к подобным действиям. Дети часто начинают отождествлять себя с суперменами и ассоциируют враждебную персону с жертвой агрессии из фильма. Особенно сильно влияние фильмов на рост агрессивных настроений у раздражительной личности. Коммунисты Казахстана настойчиво борются за запрет подобных фильмов и передач, растлевающих подрастающее поколение. Операторы сетей тщательно мониторят информацию Интернета на предмет соблюдения всего массива законодательства, т.к. стали появляться религиозно направленные выпады, пропагандирующие создание исламского государства. Однако подобные попытки строго пресекаются. Одна из самых актуальных проблем – это информационная безопасность, которая находится на первом месте по своей значимости. Подобная реализация государственной информационной политики проводится на всех уровнях. Так, в настоящее время внесены изменения в уголовный кодекс Казахстана и усилена ответственность за клевету, распространение заведомо ложных слухов, пропаганду иного образа жизни, не соответствующего нашей конституции; закрыты оппозиционные газеты, «Ассанди Таймс» и «Правдивая газета». Несмотря на свободу слова, запрещены отдельные религиозные организации, пропагандирующие создание свободного мусульманского государства, подрывающие устои нашего светского общества. В Республике разработан закон, запрещающий использовать смартфоны во время работы госслужащих, а зарубежным вещателям транслировать асоциальную рекламу и призывать к оказанию помощи боевикам в Сирии.

Таким образом, блокируя информационную войну, сегодня, мы своевременно предотвращаем любые попытки формирования негативного общественного мнения через социальные сети Интернета, предупреждая информационно-смысловой удар дезориентировки людей; информационно-эмоциональный, - нарушающий способность к адекватному восприятию, провоцирующий раздражительность; информационно-нравственный – деформирующий в человеке прежние нормативные этические представления о добре и зле; и информационно-исторический удар, приводящий к манкурству, стремлению к тому, чтобы человек забывал свои корни, как американцы, перестроившись на новые веяния современного мира.

Литература

1. Кон И.С. Социология личности. – М.: Просвещение, 1997. – 142 с.

2. Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 12.
3. Рубчевский К. В. СМИ и проблема развития личности // Философия и общество, 2006. – № 1. – С. 117-131.
4. Самохвалова В. И. Глобальный мир как пространство современных информационных войн // Философия и общество. – 2011. – № 3. – С. 54-73.

УДК 159.9:316.6
37.034: 37.037.4
37.013.78+317.8

Чистов В.В., Ибрагимова А.Д.
*Казахский государственный женский
педагогический университет, г.Алматы, Казахстан*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕССИНГ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье прослежены негативные аспекты влияния СМИ на личностные развития детей и подростков. Особо отмечено влияние информационных и социальных сетей Интернета, а также рекламы, общения и компьютерных игр, отрицательно влияющих на психику и здоровье подрастающего поколения; приведены данные экспериментальных исследований по изучению факторов риска, способствующих формированию аддикции и девиантного поведения.

Ключевые слова: информационные и социальные сети, Интернет, подрастающее поколение, личностное развитие, аддикция, девиантное поведение.

PSYCHOLOGICAL PRESSING OF MASS-MEDIA ON THE FORMATION OF PERSONALITY

Annotation. The article traced the negative aspects of media influence on the formation of personality, development of children and adolescents. Particularly noted the impact of information and social networks of the Internet, as well as advertising, communication and computer games, adversely affecting the psyche and health of the younger generation; shows the data of experimental studies on the risk factors that contribute to the formation of addiction and deviant behavior.

Keywords: informative and social networks of the Internet, rising generation, personality development, addiction, deviant behaviour.

Одной из наиболее распространенных, доступных и популярных форм информирования и развлечений, а также воспитания подрастающего поколения в современном обществе давно уже стали средства массовой информации, активно влияющие на духовное развитие детей и подростков, их пове-

дение и сознание. Особенность нынешней эпохи характеризуется наличием высоких и тонких технологий и огромного количества Интернет информации, касающейся практически всех сфер человеческой деятельности. Укрепление роли СМИ в результате информатизации коммуникативной составляющей социальных отношений существенно отражается и на специфике развития личности в современную эпоху. Телевидение сделало влияние СМИ более действенным, эффективным, а эпоха Интернета дала возможность приобщиться к культуре общества (его информационному богатству), знакомиться с культурой других стран путем визуального восприятия и социальных контактов в сети. Взаимодействие персональных компьютеров с телекоммуникационными сетями дало развитие информационным технологиям с невиданными ранее возможностями, открыв доступ к мировым информационным ресурсам, активно влияющим на развитие личности.

С каждым днем возрастает влияние средств массовой информации на процесс социализации и формирования мировоззрения подрастающего поколения. СМИ, нередко заменяя родителей, дают результаты, которые не всегда легко удается даже предусмотреть. В этой связи в сложных условиях социально-экономических процессов, происходящих в обществе, в последние 15–20 лет, заметно уменьшились воспитательные функции семьи и школы. Сейчас воспитательные функции берет на себя телевидение и еще в большей мере Интернет, где есть абсолютно всё. Общение родителей с детьми уходит на второй план, ибо современный Интернет способен удовлетворить любые духовные потребности, дать наставления и рекомендации. Суть Интернета: это – общение между отдельными людьми и целыми нациями без вмешательства каких-либо авторитетов. Сеть Интернета уже объединила десятки миллионов человек, более сотни стран и полностью изменила процессы распространения и восприятия информации. Виртуальная реальность интернета способствует стиранию границ и сокращению расстояний, ликвидирует преграды между культурами, становится не менее явственной, чем окружающий нас материальный мир. Это способствует тому, что всё большее количество людей и, особенно, школьников и молодежи, предпочитают виртуальное общение в сети – реальному, обретая там возможность для самореализации себя и находя ответы на все интересующие вопросы. В виртуальном мире каждый чувствует себя полностью свободным и независимым, ему легче реализовать свои мечты, осуществлять определенные взаимоотношения. Порой виртуальность даже более привлекательна, т.к. в ней человек может оставаться инкогнито, осуществляя свою насущную потребность в общении, приукрашать себя, а также давать рекламу, совершать сделки и многое другое. «В сети легко влюбляются, ссорятся, обмениваются мнениями и впечатлениями, радуются и волнуются, рекламируют и реализуют товар. Возможно также и общение по интересам, т.к. в социальных сетях всегда можно найти людей, имеющих созвучные взгляды и желания, подключиться к беседе через Интернет и принять участие в вебсеминарах (веб-конференциях) онлайн» [4, с.129].

Видный психолог России А.А.Бодалев подчеркивает, что «вне общения друг с другом не может быть процессов труда, учения, игры, работы средств

массовой информации» [1]. Следовательно, можно рассматривать СМИ как вид специфического общения, чрезвычайно необходимый, особенно в школьном и студенческом возрасте.

В среднем, дети начинают самостоятельно пользоваться соцсетями с 10 лет. Постепенно время, проведенное подростком в сети, увеличивается. По результатам анкетного опроса, проведенного нами, время, проводимое детьми за компьютером в 50% случаев, составляет не менее двух часов в день, а у взрослых может достигать 4 и более часов в сутки. По нашим данным, 10% подростков способны находиться онлайн до 12 часов в сутки. При этом 80% родителей уверены, что знают, чем их дети занимаются в Интернете, хотя у детей противоположное мнение: они убеждены, что их родители вряд ли догадаются, чем они занимаются в сети и какую информацию получают [6]. Большинство подростков с доверием относятся к советам ровесников на сайтах, и в первую очередь обращаются за советом к ним, а не к родителям. А это, порой, может привести к необратимым последствиям, например, к суициду. Кроме всего прочего, излишняя увлеченность электронным общением приводит к снижению иммунитета, сердечно-сосудистым заболеваниям, душевной дисгармонии, раздражительности, повышенной утомляемости, снижению остроты зрения, что в последнее время также стало беспокоить родителей.

Дети, из-за отсутствия у них полного сознания границ реальности, все события, которые происходят перед их глазами в сети или на телеэкране, воспринимают как настоящие. Убийство и насилие не вызывают уже у них чувства страха или отвращения, потому что в результате привыкания к такой информации увиденное на экране становится для них не только реальным, но и естественным. Сейчас даже дошкольники смотрят телевизор в среднем по четыре часа в день и часто видят случаи насильственной смерти, не пугаясь ее [5]. Повышенный интерес детей к проявлениям агрессии в фильмах и компьютерных играх, равно как и страх перед ними, часто становится причиной возникновения психологических отклонений и девиантного поведения. Так, если дети приходят в восторг от фильмов с убийствами и реками крови, то это указывает на формирование в них жестокости. Школьнику хочется быть таким же сильным, как и те герои боевиков и компьютерных игр. Безжалостный ребенок, отрубая головы драконам и динозаврам на экране компьютера, позже так же безжалостен и к сверстникам, которые не соответствуют его идеалу, т.к. привычные чувства уже искажены и ребенок получает удовольствие не столько от меткого удара и оскорбления, как от собственной вседозволенности. Ребенок часто эти телевизионные схемы воспринимает как план для подражания в реальной жизни и у него постепенно формируется криминальный стиль мышления. Если обидели — то должен уничтожить обидчика.

Так, широкий резонанс получило убийство девятилетней Ани Ткаченко, найденной в одном из водоемов в Караганде. Оказалось, что школьницу убили ее же подруги-пятиклассницы из-за куклы. Как показала экспертиза, смерть Ани наступила от утопления. Однако суд, заслушав откровенные при-

знания девочек об издевательствах над бывшей подругой принял решение отправить Каролину и Кристину на год в специнтернат, а третью девочку, участвующую в убийстве, даже не вызвали в суд, а лишь поставили на учет в полиции, т.к. ей всего было 10 лет.

Данные социологического исследования О.Ю.Дроздова показывают, что 58% молодежи стремится копировать поведение телегероев, большей частью из иностранных фильмов, а 37,3% молодежи вообще готовы совершить противоправные действия, копируя телегероев [3, с.7].

Исследованиями В.И.Ролинского установлено, что «уровень преступности в любой стране возрастает после телепередач с элементами насилия и агрессии» [9, с.34].

В целях бизнеса и продвижения своей продукции на мировом рынке, СМИ умело используют психологическую реакцию, обуславливающую повышенную подверженность внешним экстраординарным воздействиям в результате проводимых целенаправленных манипуляций. Атмосфера телерынка наполнена насильниками, убийцами, и другими персонажами, общение с которыми никогда не выбрали бы в реальной жизни. А дети все это видят на экранах телевизора и Интернета. У детей подсознание еще не защищено здравым смыслом и жизненным опытом, позволяющим разграничивать реальное и условное. Экран телевизора с насилием мира взрослых заменил бабушек и мам, чтение, приобщение к подлинной культуре. Отсюда рост эмоциональных и психических расстройств, депрессий, подростковых самоубийств, немотивированной жестокости у детей.

В западных мультфильмах, которые заняли практически весь рынок этой продукции, происходит фиксация на агрессии. Многократное повторение сцен садизма, где герой мультфильма причиняет боль друг другу, вызывает у детей выработку соответствующих моделей поведения. Дети часто пытаются повторять то, что видят на экранах, что является следствием идентификации. Идентифицируя себя с персонажем, поведение, которого никак на экране не наказывается, а наоборот поощряется, дети ему подражают и усваивают его агрессивные модели поведения. Еще в 1970 году А. Бандура отмечал, что «одна телевизионная модель может стать предметом подражания для миллионов» [8, с.53].

. Дети не могут поставить себя на место того ребенка, которому они наносят ущерб, т.к. родители их этому не научили, а мультфильмы, наоборот, показали, как «прикольно» наносить боль другому существу или человеку, как это показано в популярном мультфильме «Том и Джерри» [5].

Современное телевидение и Интернет для привлечения внимания широкой публики и получения больших прибылей от рекламы склонно транслировать насильственные или эротические сюжеты, пробуждая самые низкие инстинкты человека.

Как показывают исследования А.Е.Войскунского, для подростков Интернет даёт «преобладание, радости, азарта и заинтересованности; у молодежи появляются «сосредоточенность, волнение и беспокойство», а в более зрелом возрасте возможны «неуверенность, растерянность, страх» [2].

Негативное влияние СМИ на развитие детей подтверждают многие специалисты. Современные масс медиа деформируют и меняют психику ребенка, воздействуя в основном на воображение, давая новые установки и модели поведения. Из виртуального мира в детское сознание врываются ложные и опасные ценности: «культура силы» и агрессии, что приводит к гиперактивности детей.

По данным О.Р.Маслова, Е.Е.Прониной, «компьютерной зависимости подвержены лишь лица, неуверенные в себе, стеснительные, испытывающие трудности в общении и имеющие низкую самооценку» [7, с.221-225], а также легко внушаемые и доверчивые.

По данным Янг, Интернет-зависимые используют Интернет «для получения социальной поддержки (за счет принадлежности к определенной социальной группе: участия в чате или телеконференции); сексуального удовлетворения; возможности «творения персоны», вызывая тем самым определенную реакцию окружающих, получения признания» [10, с. 24]. По мнению Янг, «будучи включенными в виртуальную группу, Интернет - зависимые становятся способными высказываться более свободно и независимо обо всем, хотя в реальной жизни они не могут позволить себе высказывать аналогичные мнения, даже своим близким» [10, с. 29].

Казахстанские психологи Э.В.Исхакова и М.Макавеева считают компьютерную зависимость «одной из форм аддиктивного поведения, которое характеризуется стремлением уйти от повседневности методом трансформации собственного эмоционально-психического настроения и относят ее к «специфической эмоциональной наркомании, вызванной техническими средствами» [6, с.68].

С целью профилактики негативного влияния СМИ с учащимися педколледжа г.Алматы был проведен диспут о достоверности информационного пространства и необходимости формировать умение дифференцировать и критически осмысливать получаемую информацию.

На основе вышесказанного можно заключить, что СМИ – это сильнейший проводник социализации подрастающего поколения, который всегда должен быть контролируем. И именно родители в первую очередь должны осуществлять постоянный контроль за тем, что смотрит ребенок, в какие игры он играет. Спонтанное использование СМИ отрывает человека от живого общения и может формировать замкнутость либо агрессивность. Следовательно, Интернет и телевидение не должны поглощать настолько, чтоб отрывать от реальности и нормальных взаимоотношений с окружающими, а использоваться лишь при реальной необходимости с конкретной целью, не отнимая много времени от реального общения.

Литература

1. Бодалев А.А. Межличностное общение и определяющие его факторы // Общение и формирование личности школьника. – М., 1987. – С. 9.

2. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. – М., 2000.– С. 100-131.
3. Дроздов О.Ю. Соціально-психологічні фактори динаміки агресивної поведінки молоді. Автореферат дис... канд. психол. наук. – К., 2003. 23 с.
4. Ибрагимова А.Д. Влияние Интернета на культуру и стиль семейной жизни // Материалы V Международной научно-практической конференции «Социально-психологические проблемы современной семьи» – Армавир: АГПУ, 2015. – С.129-133.
5. Косьяненко В. Дети делают то, что видят: воздействие современных СМИ на детей и подростков. – М., 2009.
6. Макавеева М., Исхакова Э.В. Психологические особенности возникновения компьютерной зависимости в подростковом возрасте // Вестник Казгосженпу. Серия Психология. – 2011. – № 6.
7. Маслов О.Р., Пронина Е.Е. Психика и реальность: типология виртуальности. //Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте. – М., 1998.
8. Филатова О. Г. Социология массовой коммуникации. – М., 2007.
9. Филлипов О. Негативное влияние СМИ на развитие детей. – М., 2008.
10. Янг К.С. Диагноз - интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – № 2.

УДК 32. 32.019.5

Шевченко Г.В., Нозимова И.А.

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 20 с УИОП»,
г.Старый Оскол, Россия*

ИНФОРМАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОПАСНОСТИ

Аннотация. Информация является очень действенным механизмом, который не только используется политиками, но и сама может манипулировать их сознанием и действиями, что очень опасно. Современный мир не может существовать без информационных технологий. Развитие информационных сетей усиливает мощь информационного оружия.

Ключевые слова: информация, компьютерные технологии, «информационная война», средства массовой информации.

INFORMATION AS A MECHANISM OF INTERACTION AND HAZARDS

Annotation Information is a very efficacious mechanism which is used not only by politicians but it can manipulate itself their consciousness and actions, and it is very dangerous. The modern world cannot be without information technologies.

The development of information system strengthens the power of information weapon.

Key words: information, computer technologies, «information war», mass medium.

В настоящее время человечество имеет дело с принципиально новой идеей распространения информации – компьютерными технологиями. Особенно это касается сети Интернет, которая более склонна к трансляции иррациональности, так как заряжена значительно эмоциональнее, требует меньше знаний, больше объясняет для широкого круга людей и легче усваивается.

Новые информационные технологии стали играть ключевую роль в создании предпосылок демократического общества, опирающегося на мнения и суждения народа. Они широко внедрились в сферу политики, качественно видоизменили и сломали старые стереотипы и установки поведения, модели взаимоотношений.

Сегодня именно Интернет действует на основе стандартных соглашений о способах обмена информацией и единой системы адресации.

Информационное воздействие существовало всегда. Мифы, содержащие информацию о жестокости правителей, подрывали моральные устои и дух противника. Соответствующая система воспитания, идеология поддерживали психологические установки на сопротивление. Развитие информационных сетей усиливает мощь информационного оружия, увеличивает общий объём информационных потоков, оказывая влияние на мировоззрение людей. В 1991 году США была проведена операция «Буря в пустыне», в которой новые информационные технологии использовались как средство ведения боевых действий. Тогда же в политический язык был введён термин «информационная война». Само это понятие является многоплановым. Существует несколько определений информационных войн. По определению Н.И.Панарина, информационная война – это «комплексное совместное применение сил и средств информационной и вооружённой борьбы». По другому определению: «информационная война – это коммуникативная технология по воздействию на информацию и информационные системы противника с целью достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии, при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем» [5].

Кроме того, информационная война – это действия, принимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации; это активные методы трансляции информационного пространства; это определённая система (концепция) навязывания модели мира, которая обеспечивает желаемые типы поведения. В информационной войне можно выделить три основных этапа: 1) определение целей (зачем она нужна и что необходимо получить в результате); 2) определение стратегии, которая должна учитывать четыре базовых компонента коммуникационной технологии: подготовку сообщения, определение канала коммуникации и целевой

аудитории, на которую ориентировано сообщение, выбор коммуникатора; 3) составление плана тактических мероприятий. Необходимо различать два основных направления ведения информационных войн: непосредственно информационное и психологическое. В первом случае объектом воздействия становятся компьютеры и информационные системы, во втором – индивидуальное и массовое сознание.

В ходе информационной войны необходимо планировать собственные ресурсы и ресурсы противника с учётом следующих факторов: распределение кампании во времени и пространстве; наличие собственной материально – технической базы; возможность привлечения высококвалифицированных специалистов; наличие соответствующей финансовой базы; доступ к средствам массовой информации.

Выделяют основные формы ведения информационной войны: радио-электронная борьба, средства электронной разведки и наведения, нанесения удалённых точечных ударов с воздуха, психотропная война, борьба с хакерами и т.д. Поле действия информационной войны разнообразно:

- инфраструктура систем жизнеобеспечения государств (телекоммуникационные сети, банковская система, электронные сети);
- промышленный шпионаж;
- электронное вмешательство в командование и управление военными объектами;
- всемирная компьютерная сеть Интернет.

Получается, что информационная война представляет собой специфическую форму конфликта, в которой происходят прямые атаки на информационные системы для воздействия на знания или предположения противника. В информационных войнах телевидение, содержание его передач представляют главный инструмент. Привлекательный мир телевизионных развлечений и фантазий стал сегодня самым главным элементом человеческого быта. Максимально ослаблена сила когда-то неприкосновенных институтов: семьи, церкви, профсоюза, армии и в первую очередь – государства информационного давления со стороны СМИ.

Западные элиты, обладающие и контролирующие глобальные СМИ, имеют все возможности для контроля над человеческими эмоциями и нравственными взглядами, для тонкого формирования политических убеждений людей в соответствии с собственными интересами и целями. Методика всегда одна и та же: используются ложь и дезинформация, цель – изменить сознание той стороны, против которой ведётся информационная борьба. 90% рекламы на российских каналах – это иностранная реклама, которая оплачивается иностранными государствами или транснациональными корпорациями. В критические моменты времени, по сути, идёт косвенное управление государственными российскими телеканалами со стороны наших оппонентов.

Ведение информационной войны предполагает применение различных рычагов влияния и манипулирования массовым сознанием. Человеку сегодня нужно уметь самостоятельно отличать правдивую информацию от разного

рода провокаций. Доверие к разного рода информации, появляющейся в сети, неоднозначно, так как сегодня любая новость подаётся в разных источниках в потоке определённых мнений, фактов, комментариев. Поэтому сложно бывает сформировать своё собственное отношение к ней.

Главная задача в настоящее время заключается не в уничтожении живой силы, а подрыв целей, взглядов и мировоззрения населения, разоружения социума и создание новой модели мира, а также расстановки сил как внутри государств, так и в системе международных отношений. Трагедия России в 20 веке состоит в том, что она дважды проигрывала внутренние информационные войны, внутреннюю идейную борьбу, когда объектом нападения было собственное государство, собственная история и собственная страна. России больше нельзя проигрывать информационные войны. Во всех странах, в которых имеются российские экономические, энергетические или политические интересы, нужно отыскать форму и способы, которыми пророссийские компании и предприниматели приобретали бы в собственность отдельные радиостанции и телевизионные каналы, газеты и журналы. Необходимо также научиться общаться по-современному с местными журналистами, организовывать для них интересные семинары в привлекательных местах России и тому подобное. У русского народа много достоинств, но иногда эти достоинства оборачиваются обратной стороной. Наша надмирность, духовность, открытость, умение воспринимать мировые проблемы, что характерно для русской души, оборачивается легковерием, лёгким соблазном. Русского человека легко соблазнить чудом. Нужно извлечь уроки из нашей собственной истории. Важной проблемой является и то, что общество очень уязвимо, когда нет договорённостей по базовым ценностям. За последние годы сделано чрезвычайно много для восстановления духа государственности и роли государства. Тем не менее, в сознании людей, в массе населения нет ощущения ценности государства, ценности того, что наше социальное бытие зависит от крепости государства. Поэтому остро стоит проблема воспитания, формирования у населения чувства государственности. Решения труднейших проблем, перед которыми стоит человечество – от энергетических до экологических, от экономических до общественно-политических, от культурных до религиозных – могут быть найдены только двумя способами. Один – мирный, он подразумевает демонтаж американской империи и создание новой цивилизации. Второй путь, к сожалению, это путь военных столкновений с возможностью ограниченного или глобального применения ядерного оружия.

Задача поддержания информационного паритета в мире стоит сегодня также остро, как и сохранение баланса военных арсеналов в конце 20 века. Новая роль России в мире делает для нашей страны непозволительной роскошью пренебрежение информационной составляющей как политики, так и войны. Информационные ресурсы сегодня – это ресурсы стратегического назначения, не менее важные, чем силы ядерного сдерживания. Третья мировая война уже идёт на экранах телевизоров, на газетных страницах, в Интернете, в головах и сердцах людей. Сегодня нужны не только военные базы, но информационные форпосты в ключевых регионах мира. От способностей

России вести успешные информационные войны во многом будут зависеть судьбоносные решения. Но нужно представлять себе совершенно ясно, что если страна выходит на международную арену просто как игрок, как один из многих, то она не имеет никакой твёрдой поддержки. Нужно избрать либо социальную справедливость, либо эффективность в экономике, либо нечто такое, ради чего, как говорил в своё время Лютер: «Здесь я стою и не могу иначе». Иначе говоря, избрать нечто твёрдое – то, за что сражаются миллионы, что является в мировой политике настоящей ценностью. Без этого вести информационную войну или даже оборону, просто бессмысленно.

Важной является работа на опережение противника, обеспечение информационного превосходства. Главным инструментом информационного воздействия является новость. В американском военном словаре терминов (1965г) говорится, что «новость – это нарушение нормы, которое всегда является асимметричным». Значит, успешность информационного оружия заключена в степени его асимметричности. Асимметричные информационные действия имеют больше шансов на успех, так как им нельзя противопоставить логично обоснованный ответ, поэтому асимметричность становится единственно возможным вариантом в случае столкновения с более сильным противником. Развитие информационного пространства и его главного института – средств массовой информации (СМИ) - способствует распространению терроризма и других крайне опасных явлений. СМИ используют такие механизмы, как «эффект заражения», «спираль насилия», «эффект CNN», которые корректируют процесс принятия решений властью. Использование «эффекта заражения» способствует привлечению внимания огромной аудитории; «спираль насилия» повышает уровень общественной толерантности к насилию. Для СМИ характерным признаком является погоня за сенсацией, которая повышает внимание к террористам и делает их своего рода героями, общество привыкает к насилию, что в свою очередь и вызывает «спираль насилия». «Эффект CNN» отражает взаимодействие СМИ и власти.

Освещая события и лишая правительства манёвра и времени, формируя в общественном сознании ожидаемую линию поведения, СМИ становятся «политическим двигателем». СМИ действуют хотя и поверхностно, но быстрее; передавая информацию по всему миру, лишают правительство такого фактора, как конфиденциальность информации. Формируя ожидаемую линию поведения, отсекают возможность использования пространства для манёвра. С помощью американского новостного канала CNN формируется как оппозиционное мировоззрение, так и мировоззрение элит различных государств. Правительства, стремясь «успеть» за СМИ, принимают поспешные решения, наносящие ущерб обществу и взаимоотношениям с другими государствами. СМИ объединяют общие черты и способы передачи информации, например, навешивают ярлыки, которые создают определённые рамки восприятия событий (правитель-тиран, страна-агрессор, страны-террористы).

В последние годы значение информационных войн неуклонно возрастает, при этом их главными особенностями можно считать отсутствие видимых разрушений и постепенное, незаметное внедрение во все сферы обще-

ственно-политической жизни. СМИ превратились в «первую власть», от которой во многом зависят происходящие в мире геополитические изменения.

Информация является очень действенным механизмом, который не только используется политиками, но и сам может манипулировать их сознанием и действиями, что очень опасно. Современный мир не может существовать без информационных технологий. Все заявления и попытки властей ввести цензуру в интернет - пространстве нереальны, поэтому огромное значение приобретают механизмы взаимодействия между государствами: умение и желание вести переговоры, обсуждая в этом процессе возникающие проблемы, поиск компромиссов, формирование нетерпимости к насилию в различных его проявлениях, ответственность СМИ, а также научное, культурное, экономическое сотрудничество.

Информационные сети могут как снизить уровень агрессии, так и создать более благоприятные условия для того, чтобы мирным путём разрешить возникающие проблемы.

Современному человеку нужно уметь самостоятельно ориентироваться в разнообразных информационных потоках и учиться критически воспринимать, перепроверять любую информацию.

Литература

1. Журавлёв Д.А. СМИ и терроризм. // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 5.
2. Почепцов Г.Г. Как «переключают народы». Психологические/ информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке. – Киев, 1998. – 80 с.
3. Расторгуев С.П. *Философия информационной войны*. – М.: Вузовская книга, МПСИ, 2003. – 468 с.
4. *Философские изыскания: Московско-Петербургский сборник. Выпуск 2/ под ред. В.В. Миронова* – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 312 с.
5. Швец Д.А. *Информационное управление как технология обеспечения информационной безопасности*. Сб. «Массовая коммуникация и массовое сознание». – М.: МГИМО, 2003.

Шип Н.А.

*Киевский национальный торгово-экономический
Университет, Киев, Украина***ДУХОВНО-ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СЛАВЯН –
ГЛАВНЫЙ ПОСТУЛАТ РАННЕГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА**

Аннотация. Проанализирована историография проблемы и богословское обоснование духовно-православной идентичности славян; показана историческая обусловленность учения славянофилов, актуальность его исследования в эпоху глобализации во избежание политического истолкования.

Ключевые слова: идентичность (духовно-православная), Восток-Запад, славяне, славянофилы, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский.

**SPIRITUALLY-ORTHODOX IDENTITY of SLAVS -
MAIN POSTULATE OF EARLY SLAVOPHIL**

Annotation. Analys is performed on historiography problem and theological justification of the spiritually Orthodox Slavic identity; historical conditionality of Slavophile doctrine and relevance of its research in the era of globalization are shown to avoid political interpretation.

Key words: identity (spiritually Orthodox), East-West, the Slavs, the Slavophiles. A. Khomyakov, I. Kireevskii.

В эпоху глобализации проблема идентичности в широком понимании становится особенно актуальной, будоражащей мысли многих ученых и сознательных граждан современного мира. Это связано со сложностью и противоречивостью процесса, сопровождаемого взаимосвязанностью всех сфер общественной жизни: экономической, политической, культурной, образовательной, религиозной и т. д. Параллельно наблюдается противодействие всеобщей интернационализации. В таких условиях уместно говорить об альтернативе: воспринимать/отрицать ли в целом исторически обусловленный процесс или же находить компромиссное решение. Еще в начале XX в. академик В.И. Вернадский отмечал, что глобализация является следствием эволюции планеты, предвидел движение народов к сближению во всемирном масштабе. В настоящее время задача человечества состоит в том, чтобы контролировать этот процесс и действовать сообразно историческим, национальным интересам каждого его участника. Ведь абсолютно понятно, что глобализация нивелирует традиционные идентичности, связанные с этносом, нацией, государством, религией. Поскольку в условиях глобализации имеет место тенденция преодоления национальных границ, существует опасность размывания национальной идентичности, утраты ощущения традиционных связей, определенных ценностей и ориентиров, т.е. самоидентификации. Это сравнимо с поня-

тием кризиса идентичности в обществе риска, которым является капитализм, в том числе наш, современный. Такое явление понимается, как "несоответствие критериев самоидентификации новому порядку вещей, как распад представлений о том, чем являются люди и страны" [17, с. 47]. В условиях глобализации и антиглобализации возникают различного рода локальные идентичности. Их основой является историческая память, на которой конструируется политика идентичности и воображаемое будущее, что естественно побуждает к поискам философского и конкретно-исторического его обоснования [17, с. 47].

Поэтому нами предпринята попытка ретроспективно показать локальный аспект проблемы, определив предметом научного анализа православие – как сакральный фактор идентичности славян. Оно является наиболее общим и характерным признаком славянства в историческом прошлом и настоящем. Цель данного исследования – апелляция к прошлому не во имя его реанимации, а во имя глубокого философского осмысления и учета уроков истории в современной общественно-политической жизни. В географическом отношении презентабельными в данном отношении есть восточные и южные славяне, в общем культурном наследии которых имеется литературное и общественное движение предреформенных десятилетий XIX в. в России, получившее название «славянофильство». Тогда в процессе формирования наций и борьбы угнетенных народов за освобождение от иноземных завоевателей с повестки дня не сходили вопросы всеславянского единства. Эти и другие на самом деле вопросы находились в поле зрения ранних идеологов славянофильства, которые пытались решить их при помощи православно-богословского вероучения.

Обращением к православию, как стержню славянской идентичности, наука обязана ранним славянофилам А.С. Хомякову и И.В. Киреевскому, концепцию которых модифицировали и углубляли их единомышленники и последователи. Уже тогда славянофильские идеи вызвали полемику, в которой отражен широкий диапазон их научного анализа и публицистических интерпретаций. Укажем фрагментарно наиболее характерные из них. Например, А. Пыпин, А. Градовский на основании всестороннего изучения философско-исторической концепции идеологов славянофильства отмечали, что общественно-национальный вопрос ими подчинялся религиозному. А. Градовский в публичной лекции о славянофилах (март 1873 г. в С.-Петербурге) оценивал их влияние на сознание определенного круга людей, даже предвидя таковое на будущие поколения россиян. Он не выступал апологетом их учения, но критиковал, выделяя те элементы, которые, по его мнению, не должны погибнуть [3, с. 218]. Идея всеславянского единства глубоко рассматривается в монографии Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», которая принадлежит к славянофильской литературной школе, а на самом деле – это особое учение Данилевского, так сказать, «данилевщина», включающая в себя славянофильство, а не наоборот» [4, с. XXV]. Вскоре книга стала бестселлером и, по существу, своеобразной программой русского панславизма [16, с.86-90]. Хомякову – главному идеологу славянофильства посвятил свое исследование

Н. Бердяев. «Основной интерес Хомякова, - считал он, - оправдать миссию славянства и стоящей во главе России» [1, с. 175]. Хомяков пытался обосновать миссию России тем, что есть, якобы, «тайна рождения русской души, как христианской по преимуществу» [1, с.177]. Критическую оценку славянофильской идеологии находим у В. Соловьева [13]. Украинскую историографию славянофильства/украинофильства представляют Н. Костомаров, М. Драгоманов, Н. Петров, И. Дзюба. В 80-е гг. XIX в. эту тему затрагивал К. Устиянович, поведавший непростой путь трансформации своих убеждений от сторонника до противника славянофильства [14].

Славянофильские идеи отражались в сочинениях преподавателей и студентов Киевской духовной академии (И.И. Малышевского, В.З. Завитневича, воспитанников из южнославянских стран А. Майеранова, Милоша Сталетича Анжелковича, Станко Ивановича, С. Димитриевича и др.) [19]. Так, Завитневич (уроженец Беларуси) создал поистине уникальное произведение, составляющее 1728 страниц, что превышает написанное самим Хомяковым по философии [7, с.25]. Киевский ученый констатирует: «Славяне являются особым культурно-историческим типом, пронизанным особенными духовными началами. Выразитель этих начал – *православная вера...*» [5, с.812]. Он подчеркивал взаимосвязь общечеловеческих и народных начал, не исключая влияния внешних факторов на этнокультурное развитие при условии их «переработки согласно особенностей народного духа». Завитневич, как и Хомяков, отмечал, что помимо Москвы не менее важную роль в общественной жизни России играют Харьков и Киев [5, с.757-460, 800]. По замечанию Завитневича, в характеристике исторического развития человечества Хомяков отдавал приоритет просвещению, в основе которого лежала религия. Разделяя в целом славянофильскую идеологию, Завитневич, в отличие от Хомякова, не считал православие главным двигателем этого процесса применительно к древним славянам, поставив на первое место борьбу за выживание, определение территориальных границ, защиту от внешних врагов. В данном случае главную роль играли физиологический и внешний факторы, а позже – духовное просвещение [5, с. 668, 670-672]. Как видим, в данном вопросе Завитневич методологически признавал первоосновой социального развития не идеальное, а материальное.

Противоречивую трактовку славянофильских идей отмечает российский исследователь Ю. Янковский. Например, восхваление России, по его мнению, «на практике приводило к усилению национально-освободительного движения подвластных народов: поляки хотят быть поляками, малороссияне малороссиянами»... [20, с.123]. Вследствие распада СССР, углубления интеграционных процессов интерес к славянофильству приобретает не только теоретический, но и практический смысл. Всемирно известный славист, профессор истории в университете Нотр Дам (США) Анджей Валицкий в своем капитальном исследовании под названием "В плену консервативной утопии" раскрывает генезис славянофильства XIX в. как целостной системы общественно-философской мысли, которая оказалась живой и в настоящее время [2]. *В ней также имеются сюжеты о церковно-*

православной идентичности славян. Актуальность исследования вопросов православной идентичности славян подтверждается неослабевающим интересом к ним историков, богословов, философов, филологов, которые изучают проблемы современного состояния православия в славянском мире. Свидетельством тому служат публикации в журналах, издаваемых духовными учебными заведениями, монографии, защищенные диссертации, конференции. В частности, в конференции, проходившей в Киеве в июне 2011 г., принимали участие представители Украины, России, Сербии и Молдовы [9]. В фольклорно-этнографическом аспекте эта тема разрабатывается учеными Беларуси, фиксирующими близость славян в христианской вере при сохранении национальных особенностей [11]. В новейшее время, как и прежде, в характеристике и оценках славянофильства присутствует плюрализм, иногда, к сожалению, обусловленный не научно-объективным подходом, а национальным фактором, политической ориентацией, конфессиональной принадлежностью.

Избегая крайностей, попытаемся кратко (учитывая ограниченный объем данной публикации) охарактеризовать некоторые дискуссионные постулаты славянофилов. Православную идентичность славян они выдвигали главным аргументом в пользу создания всеславянского союза. Другими словами, православная составляющая выступает определяющим фактором всеславянского единства, в котором главная роль принадлежит русскому народу. Эта идея базировалась на теологических преданиях. Не вдаваясь в выяснение сути верховной истины, что является предметом богословия, отметим лишь те моменты, которые использовались ими, приписывая эту истину православию. По мнению И. Киреевского, Запад пребывает в упадке, убедившись, что высшая истина находится вне его диалектического процесса, следовательно, Она заложена в православно-славянском мире [10, с. 259]. Исходя из этого априорного суждения, славянофилы положили в основу своей теологической доктрины мысль о противоположности западного и восточного миров. И. Киреевский объяснял возникновение общественного быта Европы борьбой двух враждебных племен – завоевателей и завоеванных, а также теми "случайными условиями, которыми наружно кончились споры враждующих, несоразмерных сил". В противоположность этому в Россию проникало Христианство без затруднений. "Чистому влиянию его учения на внутреннюю и общественную жизнь человека Словенский мир не представлял тех неодолимых препятствий, какие оно находило в сомкнутой образованности мира классического и в односторонней образованности народов Западных. Во многом даже племенные особенности Словенского быта помогали успешному осуществлению Христианских начал" [8, с. 17-18]. Следовательно, христианское умственное семя упало на благодатную славянскую землю, где проросло и дало свои духовные плоды. А. Пыпин называл И. Киреевского одним из наиболее благоразумных славянофилов, который в данном вопросе проявлял некоторую лояльность, считая, что не только Запад должен возвратиться к восточному обряду, но и России не надо отказываться от того, что уже восприняла от Запада [10, с. 266]. Киреевский также отрицал возмож-

ность "перемещения прошлого в новое, отжившего в живущее", поскольку это было бы подобно перестановке колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина" [8, с.67]. Он желал, чтобы высшие начала Православной Церкви наполнили убеждения всех сословий, и, «господствуя над просвещением Европейским и не вытесняя его, но напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие» [8, с.67-68]. Он постулировал идею о великой роли России в цивилизационном процессе в противовес гегелевскому утверждению, где славянам отводилась роль пассивных наблюдателей.

Наибольшее потрудился над религиозной платформой славянофильства А.С. Хомяков. Его богословские трактаты отличаются строгой логичностью, суть которых в апологии православия, теологическом доказательстве несостоятельности западной (католической, протестантской) церкви. По религиозным вопросам Хомяков рассуждал свободно, выражая свои мысли в категорическом тоне. Теологическую систему он и его единомышленники считали крепкой, имеющей превосходство над другими, и не воспринимали возражений тех, кто не разделял их взглядов. А.Н. Муравьев (и не только) в своих воспоминаниях подчеркивал эту черту характера Хомякова, с которым он познакомился в Яссах во время Русско-турецкой войны (1828-1829 гг.). Тогда молодой армейский гусар на шумных вечеринках был неумолимым спорщиком. Не было предмета, по которому он не вступал бы в полемику. Превосходная память, начитанность,- отмечал Муравьев,- обеспечивали ему победу в дебатах. "Так велико было его искусство в диалектике, что один и тот же предмет он мог защищать с двух противоположных сторон, и белое делалось у него черным, а черное белым. Это дало ему возможность и впоследствии выдерживать трудные словопрения с раскольниками на Кремлевской площади, где никто не мог его одолеть" [6, с. 15]. Мы и позже поддерживали связь, однако, "славянофильское направление нас разделило, поскольку я не сочувствовал слишком резкому его направлению и не всегда соглашался с его богословскими взглядами, в каких мне тогда казалось, что не было достаточно церковных оснований, несмотря на то, что все было православно" [6, с. 16].

В дискуссиях на богословские темы Хомяков избегал политики: "Православный христианин, я предоставляю римским клирикам право бесчестить религиозные вопросы внесением в них политических соображений" [15, с. 181]. Славянофилов упрекали во враждебном отношении к полякам. Полемизируя с иезуитом О. Гагариным, Хомяков опровергает мнение "будто Русским противно латинство потому, что они считают его за одно с полонизмом, а полонизм считают за синоним революционной идеи. Но ведь уверять, что мы (т. е. народ) к религиозным соображениям примешиваем какое-либо национальное соперничество, это более чем невежество: это безумие!". [15, с. 175].

Идентифицируя православие и славянство, эти мыслители полагали, что «славянское не-православное не есть истинно славянское, что для будущего славянского единства необходимо и присоединение славян латинского и других вероисповеданий к восточному православию. Славяне католики,

униаты, протестанты составляют раскол тем больше прискорбный, что с заблуждением теологическим он объединяет заблуждение национальное» [10, с.280-281]. В данном случае просматривается религиозная исключительность во взглядах славянофилов, в частности гиперболизация особенности греко-славянского православного мира, главным представителем которого есть русский народ, неизменно хранящий Вселенское предание. Восточная Церковь, оставаясь верною учению Апостолов, "внутренним общением объединяющая верующих настоящего времени и избранных минувших веков, распространяющая благодать своих молитв на грядущие поколения, которые в свою очередь будут молиться за своих предшественников, - Церковь зовет в свои объятия все народы и, в полноте несомненного упования, ожидает пришествия своего Спасителя", - подчеркивал Хомяков [15, с. 225].

Написанное им во время Крымской войны 1853-56 гг. обращение к читателям и собратям не утратило своего гуманистического смысла до настоящего времени. Несмотря на политические агитации, кровопролитные войны, социальное брожение, кажущееся преобладание материальных интересов, - отмечал он, - "наш век есть время мысли, и по этой самой причине ему суждено иметь на будущность человечества влияние сильное. Конечно, общественные страсти могут возмущать ясность мысли; грубая сила может на время подавлять ее, но страсти притупляются и затихают, грубая сила надламывается или утомляется, а мысль переживает их и продолжает свое нескончаемое дело, ибо она от Бога" [15, с. 160]. Н.И. Сагарда, выступая в Полтавской духовной семинарии 11 мая 1902 г. (День памяти свв. Кирилла и Мефодия) с речью «Славянофильство и его идеалы», озвучил свое мнение по поводу единения славян. Он рассматривал его через призму национального образования, идеалом которого есть общечеловеческие ценности, базирующиеся на моральных заповедях православия [12, с. 6-7].

До настоящего времени не поставлена точка в исторической оценке славянофилов. Они заслужили внимания своим патриотизмом, хотя практического смысла он не приобрел. Идея православной идентичности славян, основанная на идеалистическо - романтической почве, не имела целостности, оставаясь умственным плодом отдельных мыслителей, близких по мировоззрению. Следовательно, деятельность ранних славянофилов имела, так сказать, подготовительный философско-теоретический характер, который со временем у некоторых из них, а также их последователей наполняется практическим содержанием. Противоречивость взглядов славянофилов, акцентирование внимания на религиозном компоненте в жизни общества, идеализация православия, теологическое обоснование идеи всеславянства во главе с Россией создавали почву для критики, а иным – для формирования внешне- и внутривосточной доктрины российской империи. В заключение напомним слова В. Соловьева: «Не придавай преувеличенного значения научным знаниям; ибо наука всегда имеет две неизбежные границы: в предвзятых мнениях ученых и в неполноте научного материала [13, с. 64].

Нами затронуты две проблемы: глобализация и православная идентичность славян, необходимость теоретического и практического решения кото-

рых неоспорима. Перед ученым сообществом стоит ответственная задача по унификации понятийного аппарата, определению сущности западноевропейских ценностей, цивилизации вообще, идентичности, что могло бы способствовать естественно-эволюционному процессу глобализации. При этом необходимо категорически избегать эксплуатации исторического прошлого, в том числе славянофильской идеологии, для обоснования каких-либо претензий - территориальных, материальных, духовных к другим народам, навязывания им своих культурных, моральных, религиозных, идеологических ценностей.

Литература

1. Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912.
2. Валіцький А. В полоні консервативної утопії: Структура і видозміни російського слов'янофільства/Переклад з польської В. Моренець. К., 1998.
3. Градовский А. Национальный вопрос в теории и в литературе. Спб., 1873.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 5-е изд. Спб., 1895.
5. Завитневич В.З. Алексей Степанович Хомяков. Т. I. Кн. 1. Молодые годы, общественная и научно-историческая деятельность Хомякова. К., 1902.
6. Знакомство с русскими поэтами. К., 1871.
7. Каменский З.А. Философия славянофилов. Иван Киреевский. Алексей Хомяков. Спб., 2003.
8. Киреевский И. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. (Из «Московского Сборника». М., 1852.
9. Православ'я – цивілізаційний стрижень слов'янського світу. Збірник наукових праць. К., 2011.
10. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. Спб., 1873.
11. Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. У 2-х ч. Ч. 1. Мінск., 2006.
12. Сагарда М.И. Славянофильство и его идеалы (Речь, произнесенная в актовом зале Полтавской духовной семинарии 11 мая – в день памяти свв. Первоучителей Кирилла и Мефодия). Полтава. 1902.
13. Соловьев В. Духовные основы жизни. 1882-1884. Фототипич. изд-е. – Брюссель, 1982.
14. Устиянович К. Раевский М.Ф. и Российский панславизм. – Львов. 1884.
15. Хомяков А.С. Сочинения богословские. Изд. 5-е. – Спб., 1995.
16. Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М., 1986.
17. Черниенко В.А. Кризис идентичности в обществе риска/В.А. Черниенко//Освіта, культура та мистецтво в добу цивілізаційної глобалізації: Матеріали міжнародної наукової конференції. – Харків, 22-23 листопада 2007 р. X., 2007.

18. Шапошников Л.Е. Идеология славянофильства и современное православие. – М., 1985.
19. Шип Н.А. Ідея всеслов'янської духовно-православної єдності у творах викладачів і студентів Київської духовної академії/Н.А. Шип//Рукописна та книжкова спадщина України. Вип.17. – К., 2013. – С.25 -54.
20. Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840 – 1850-х годов. – М., 1981.

**Материалы IV Симпозиума
молодых ученых
«Культура, философия, политика
в социальном опыте 20-21 столетия»**

Аболмасов С.И.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК МЕТОД ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме экстремизма. Автор рассматривает экстремизм как часть протестного поведения граждан. В статье делается попытка объяснить феномен экстремизма как крайнего метода протеста людей. Рассматриваются основные виды экстремистского поведения.

Ключевые слова: экстремизм, протестное поведение, терроризм, радикализм.

EXTREMISM AS A METHOD OF PROTEST BEHAVIOR

Annotation. The article is devoted to the extremism problem. The author considers extremism as a part of the citizens' protest behavior. In the article an attempt to explain extremism phenomenon as an extreme method of a protest of people is made. Main types of extremist behavior are considered.

Key words: extremism, protest behavior, terrorism, radicalism.

Проблема экстремизма все более остро встает перед нашей страной. Каждый, кто смотрит новости, мог заметить, как журналисты явно указывают на организации, запрещенные на территории Российской Федерации. Это опасение более чем обосновано – в период глобализации и быстрых коммуникаций распространение экстремистских организаций может быть чересчур быстрым. Исключительная опасность исходит от международных террористических организаций, которые за счет представительства в разных странах могут иметь разные каналы финансирования. Однако, с другой стороны, государство как политическая система может злоупотреблять борьбой с экстремизмом и терроризмом. После разоблачений Э. Сноудена и Д. Ассанжа, когда американские спецслужбы, борясь с терроризмом, сами нарушали закон, разгорелась дискуссия о том, до каких пределов можно доходить с целью защиты общества от терроризма и экстремизма. В российской информационной среде популярно утверждение, что под видом борьбы с терроризмом американские спецслужбы следят за своими гражданами. Главной же целью такой слежки является предупреждение и нейтрализация на ранних этапах протестной активности. И действительно, связь между протестным поведением населения и экстремизмом есть, однако, как это соотносится, необходимо разобраться.

Политический протест – это вид политического участия, выражающийся в проявлении отрицательного отношения к политической системе в целом или к ее отдельным элементам, принимаемым решениям, нормам, организованных масс. Причиной такого выражения протеста является недовольство нынешним положением. Это еще называется теорией относительной депривации, то есть субъективным чувством недовольства по отношению к своему настоящему [1, с. 58-162]. Игнорирование такого рода протестов политической системой ведет неизбежно к нарастанию причин протестного поведения граждан. В итоге, рано или поздно такая ситуация выльется в социальный взрыв. А ценностям в открытой, демонстративной форме. В целом протестное поведение, как и политическое, выступает в двух видах. Конвенциональные, то есть регулируемые законом, или, как еще принято называть, – легальные. Это могут быть действия, как отдельных людей, так и поскольку население разочаровалось в возможности законным способом изменить положение, то есть призвать власти к реформам, то больше появляется сторонников насильственных действий.

Экстремизм относится к неконвенциональным протестным действиям. Это действия, которые противоречат нормам права. В свою очередь такие протестные действия могут носить как насильственный (терроризм, экстремизм), так и ненасильственный (демонстрации, митинги, пикеты, голодовки) характер. Строго говоря, грань между протестным поведением и экстремизмом очень тонка. С одной стороны, политический протест может быть неотъемлемой частью демократического общества. Однако если политическая система оставляет без должного внимания эти процессы, последние быстро или медленно, но верно перетекают в стадию неконвенциональных действий [7].

В итоге получается, что экстремизм – это составная часть протестного поведения граждан. Необходимо разобраться в самом экстремизме – каких видов он бывает, и самое главное, чем он вызван к жизни, почему в каких-то странах его много, в каких-то мало, а где-то и совсем нет.

Экстремизм, в переводе с латинского, означает приверженность к крайним взглядам, мерам и действиям (обычно в политике). В дословном понимании, экстремизм есть не что иное, как крайнее проявление чего-либо: действий, высказываний, взглядов и т.п. [4]. Казалось бы, в крайностях нет ничего опасного. Ведь в демократическом обществе приемлемо наличие самых разных точек зрения, и каждая по отношению к некоторым другим являются крайними. Однако суть экстремистов раскрывается в их деятельности, именно в этом и заключается их опасность. Поведение экстремистов не вписывается в законные рамки, как правило, нарушает конституционные нормы. Если рассматривать законы РФ, то там тоже дается определение экстремизма как деятельности. Сущностной чертой же экстремизма является склонность решения проблем правового, политического, социального, экономического, идеологического, этнического характера не принятыми в обществе способами, методами и средствами.

Принято считать, что экстремисты не приемлют демократических ценностей, также им чужда терпимость.

Из-за неопределенности понятия экстремизм выделяют разные его виды [5]. В зависимости от направленности можно четко выделить политический экстремизм. Это понимается как угроза безопасности государства. Политические экстремисты отвергают существующую законность и своими действиями стремятся подорвать существование неприятной им политической системы. Экстремистские организации, целью которых является политическая система, могут сочетать как мирные способы борьбы, так и прибегать к террористическим актам. Основной целью террористических атак являются представители силовых ведомств политической системы. Также такие силы стремятся использовать обычные мирные протесты в своих целях. Именно в толпе легче всего подстрекать к всеобщему мятежу, к переходу к силовым действиям. Экстремистские организации, имеющие политическую направленность, условно можно разделить по идеологическому признаку на «правый» и «левый». Европа переживала волну левого экстремизма в 60е-70е годы прошлого века. Особенно знамениты «Фракция Красной Армии», действовавшая в ФРГ, и «Красные Бригады» в Италии. Объектами нападения этих группировок часто становились банки, ограбления преподносились как экспроприация. Частыми были похищения видных чиновников; леворадикалы устраивали взрывы в офисах правых партий. Тысячи молодых людей состояли и активно участвовали в леворадикальном движении в Европе. Во многом они были вдохновлены романтизированным образом Эрнесто Че Гевары. Латинская Америка в этот же период так же, как и Европа, испытывала на себе деятельность различных леворадикальных организаций. Придумывались различные концепции партизанской войны с государственными службами. Можно сказать, весь период холодной войны идеологическое противостояние двух основных центров силы США и СССР выплескивалось наружу в виде гражданских противостояний в странах третьего мира. Степень радикальности тех или иных политических сил зависела от их близости к властной структуре. После окончания холодной войны идеологическое противостояние перешло с международного уровня на региональный. Идеологический тренд в экстремистской деятельности уже в начале нашего столетия, сменился религиозным. Прежде всего, это связано с активной внешней политикой США на ближнем востоке, что способствовало радикализации исламского населения.

Религиозный экстремизм очень тесно связан с национальным фактором: так, чеченским сепаратистам очень активно помогали зарубежные исламистские группировки. Однако религия более гибкая в плане распространения, чем и пользуются религиозные экстремисты. Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или жестком противоборстве в рамках одной конфессии. В собственно конфессиональной среде он может носить как внутриконфессиональный, так и межконфессиональный характер. Особую опасность представляет

религиозная война. Это столкновение в прямом смысле на смерть. Как видно из практики нашего столетия, религиозные экстремисты ставят целью запугать мирное население. Точным ударам по военным, полицейским или госслужащим религиозные фанатики предпочтут теракты в метро, вокзалах, общественном транспорте. По большей части это психологический удар, который вносит сомнение в обществе, также это, скорее, признак слабости самих террористов. Особую опасность представляют именно религиозные фанатики: они не жалеют своих жизней. В мировоззрение почти каждого религиозного человека закладывается понятие души, которая дает возможность жить вне материального мира. Из-за этого – такое огромное количество смертников, которые убеждены, что, принося себя в жертву, они будут развлекаться в «загробной жизни». Именно эта вера в жизнь после смерти, придает религиозному экстремизму абсолютно разрушительный характер. Если политико-идеологический экстремист стремится разрушить систему с целью установления новой, то религиозный фанатизм материальное отодвигает на второй план, или же отрицает вовсе. Известны случаи массовых самоубийств сектантских групп.

В особый вид экстремизма можно выделить национально-этнический экстремизм. Главной его целью являются другие этносы, народы, нации. Такой экстремизм органически связан с бытовым расизмом и шовинизмом. С психологической точки зрения, люди чаще замечают более успешных людей другой национальности и переносят это на всех представителей этой же национальности. В итоге общая зависть в кризисные периоды играет роковую роль, стереотипы выходят на передний план, все это может вылиться в погромы. Рост численности и популярности националистических партий иногда приводит их к власти, тогда может осуществляться политика государственного экстремизма (дискриминация других народов), самым ярким примером был период нацистской Германии. Этнонациональный экстремизм может приводить и к сепаратизму отдельных народов, как было в российско-чеченском конфликте. Если политический экстремизм направлен на политические институты или политических функционеров, то этнические экстремисты могут прибегать к истреблению всех других этносов, то есть жертвами становятся по факту рождения в другой этно-национальной группе. Если говорить о случаях религиозно-этнических конфликтов, то для каждого отдельного случая главенство религиозного или этнического фактора будет разным.

В целом это три самые общие разновидности экстремизма; в свою очередь, они могут дальше делиться на более узкие подвиды. Однако основными останутся политико-идеологический, этнонациональный, религиозный, также может происходить и смешение этих видов: в основном, сочетаются религиозный и этнический экстремизм [5]. Также можно заметить, что экстремистскими методами могут пользоваться и страны – члены ООН. В этом случае их противникам, как бы их ни называли, будь то экстремисты или террористы, это играет на руку, их насилие в этом случае выглядит оправдано. Также мы не можем не вспомнить как одни и те же лица

сначала объявлялись всеобщим злом и террористами, однако после побед и свержений старых порядков, они сами себя объявляли революционерами, а соседним странам приходилось мириться с новой силой. В итоге можно констатировать, что экстремизм лишь метод, с помощью которого разрушаются старые порядки и системы, и этим же методом преобразуются общественные и политические системы, приводятся в соответствие с мировоззренческой концепцией. В условиях глобализации мы можем наблюдать как внутренние проблемы, разногласия, противостояния одной отдельно взятой страны, находят отклик и реакцию у различных международных организаций, стран соседей, военных блоков. Поддержка или влияние на тех или иных экстремистов, стала одним из важнейших элементов внешнеполитического курса огромного количества стран.

Избавляться от экстремизма жесткими методами – то же самое, что и самим проводить политику экстремизма, может быть надежным лишь на непродолжительный период. Конечно, самой главной профилактикой должна быть экономическая успешность граждан. Остальное – дело политической системы; она должна быть гибкой и обязательно на демократической основе, с развитыми представительными институтами. Немаловажную роль играет и изначальное положение страны. Многонациональной и многоконфессиональной стране, какой и является РФ, необходимо приложить определенные усилия для достижения стабильности, нежели мононациональным государствам. Из этого положения могут выходить по-разному, либо, отбрасывая все национальные и конфессиональные аспекты, пропагандируя мультикультурализм и светскость, тем самым давая меньше шансов для разжигания религиозного или национального экстремизма. При этом политическая система должна быть динамичной и открытой. Однако во многих традиционных обществах отбросить религиозный и этнический аспекты невозможно. Тогда многие прибегают к разделению сфер влияния, и здесь можно привести пример Ливана, где в парламенте обязательно присутствуют квоты для представителей различных конфессий и народов [3]. Также можно вспомнить, что для такого рода традиционных обществ решать проблемы силой не является чем-то противоестественным. Установления баланса сил между кланами, общинами, племенами может положить начало формированию мирных отношений, однако вряд ли такое состояние будет длиться вечно.

Литература

1. Гозман Л.Я. Шестопад Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс». –1996.
2. Ефанова Е. В. Политический экстремизм и протестная активность молодежи России [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-ekstremizm-i-protestnaya-aktivnost-molodyozhi-rossii> (дата обращения: 11.03.2016).

3. Ливан [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/encyclopedia/country/Л/livan> (дата обращения 25.03.2016).
4. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. – Издание 4-е, исправ. и доп. – Тамбов, 2012.
5. Фельде В.Г. Виды экстремизма и типы его субъектов [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vidy-ekstremizma-i-tipy-ego-subektov> (дата обращения: 26.03.2016)
6. Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности».
7. Черемисина О.А. Истоки идеологии экстремизма [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoki-ideologii-ekstremizma> (дата обращения: 15.03.2016).

УДК 316.752

Баранцева И. А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Туркина В.Г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЯН

Аннотация. в данной статье на примере российского общества рассматривается влияние культурного наследия на особенности процесса становления и развития национального самосознания. Автор вносит предложение о включении в структуру культурного наследия субъекта – человека. Рассмотрена особенность сохранения российского единства. Сделан вывод, что в основе российского национального самосознания лежит общая духовная культура, которая непосредственно складывается из культурного наследия страны. Объекты, которые наследуются и передаются из опыта прошлого, несут в себе историческую память, благодаря которой происходит формирование национального самосознания индивида. В конечном итоге, это способствует ценностному развитию общества в целом.

Ключевые слова: Россия, наследие, самосознание, традиция, единство.

CULTURAL HERITAGE AS A CONDITION OF FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF RUSSIANS

Abstract. In this article the impact of cultural heritage features of the process of formation and development of national identity is examined through the example of the Russian society. The author proposes the inclusion in the structure of the cultural heritage of the subject – a person. Consider the features of the preservation of Russian unity. It is concluded that the basis of the Russian national identity is the common spiritual culture, which consists of the country's cultural heritage.

Objects that are inherited and transmitted from the past carry the historical memory through which the formation of the national consciousness of the individual. This ultimately contributes to the valuation development of the society as a whole.

Key words: Russia, heritage, identity, tradition, unity.

Идея консервации и передачи культурного наследия является важным компонентом в формировании национального самосознания россиян и в последнее время выступает одной из самых важных задач нашего общества на государственном уровне. С чем это связано? Для начала стоит разобраться, с чего же начинается национальное самосознание. Для ответа на этот вопрос мы обращаемся к своим корням, заглядывая в прошлое, оценивая не одно прошедшее десятилетие. Национальное самосознание – это связующий компонент определенной нации. Единение людей и осознание индивидом причастности себя к окружающему пространству, другим людям, и обществу в целом, происходит за счет таких составляющих как: традиции, нормы, правила, принятые в конкретной нации. [8, с. 51]. В свою очередь, культурное наследие способно наиболее полно отразить эти составляющие.

Национальное самосознание – это отнюдь не врожденное качество. Как показывает психология, первые признаки национального самосознания у людей начинают появляться в подростковом возрасте. В данный период, приходит осознание себя не только как объекта и творца каких-либо действий, но и как малой части общества, к которому человек относится [1, с. 42].

Национальное самосознание и поиск идентичности, языковые и культурные составляющие напрямую зависят от народов, проживающих на территории РФ. Поэтому немаловажным моментом в процессе становления национального самосознания является проблема сохранения российского единства, для решения которой каждый год в России принято отмечать День народного единства, дабы напомнить обществу: вместе мы сила! Ведь из истории праздника мы помним, как во времена смуты русский народ объединил свои силы, чтобы противостоять польским захватчикам и освободить Москву. Но благодаря чему произошло это сплочение? Если снова обратиться к истории, то мы увидим, как патриарх Гермоген, восклицая: «Пора положить душу свою за Дом Пресвятой Богородицы!», подтолкнул людей к такому патриотическому действию, воскресил память людей, заставляя задуматься о русской земле, что с ней будет, и кому по праву она должна принадлежать. И кто, как не мы, русские, сможем постоять за свою землю, за церковь и за свой дом?! Прежде всего, этот пример, показывает, как осознание и отождествление русским народом себя, как единой общности, способно противостоять любым нападкам извне. Таким образом, в основе российского самосознания, лежит общая духовная культура, которая непосредственно складывается из культурного наследия страны.

Понятие «Культурное наследие» выступает как феноменологическая категория, в которой отражены итоги передачи в обществе отдельных

объектов прошлого. То есть, это понятие помогает нам различать то, что можно наследовать и передавать последующим поколениям. Данное понятие непосредственно имеет связь с традицией. В. Дильтей по этому поводу писал: «... постоянный повтор определенных достижений индивидуумов, приводит, в конечном счете, к ряду обобщений, которые, в свою очередь, и составляют традицию, опыт жизни лежит в основе всего, что мы называем обычаем, традицией» [4, с. 218]. Таким образом, традиция несет в себе умение, которое общество, закладывает в нее в данный момент и транслирует этот опыт последующим поколениям.

Так, рассуждая на тему традиции, Г. Гегель писал: «...наше общество, так или иначе обязано своим существованием традиции, которая аккумулировала и транслировала нам всё, что сделали наши потомки» [3, с. 218]. Но почему так важно обращение к традиции и культурному наследию в целом? Те объекты, которые передаются нам из опыта прошлого, несут в себе историческую память, благодаря которой происходит формирование самосознания индивида. В конечном итоге, это способствует культурному развитию общества в целом. Поэтому само сохранение культурного наследия стратегически важно на сегодняшний день для нашего общества.

В структуру культурного наследия необходимо включить субъект – человека. Любая социокультурная система в своей структуре не обходится без индивида. Так и культурное наследие без индивида не представляет смысла. Именно люди «оживляют» объекты культурного характера, вкладывая в них определенный смысл и при этом придавая им значимость. Индивид выступает в роли элемента внутренней и внешней структуры культурного наследия.

Индивид является творцом и создателем объектов культурного наследия. Признак – обладание творческим потенциалом. Это могут быть как единичные представители, историко-культурные персоналии (живописцы, композиторы, архитекторы, авторы и создатели художественных произведений), так и анонимные, неизвестные авторы – представители народа (фольклор, народная музыка, народное творчество и т.д.) [5, с. 23].

Индивид – транслятор и популяризатор культурного наследия. Эту функцию в России осуществляют волонтеры, общественные организации, СМИ, государственные учреждения и социальные институты, специализирующиеся на сохраняющей деятельности.

Индивид – «хранитель» культурного наследия. Общественные учреждения, занимающиеся охраной культурного достояния охватывают уровни от высших государственных органов управления и контроля (профильное министерство, государственные инспекции, спецуправления в значительных культурных центрах) до наиболее простых, культурных единиц, каковыми являются, в основном, усадебные и исторические комплексы, центры национальных культур. К инструментам управления, в области охраны культурного наследия принято относить культурные институты (музеи, НИИ, библиотеки, архивы).

Индивид является «оценщиком» культурного наследия. Осуществляя культурный отбор, он выполняет аксиологическую функцию. Отбор происходит в соответствии с культурными стандартами, предпочтениями, нормами, идеалами, то есть ценностями того или иного исторического периода страны.

Обращение к культурному наследию, к прошлому опыту, к давно забытым событиям дают нам возможность более точно оценить то время, в котором мы живем. [5, с. 27]. Культурное наследие создает в российском обществе чувство культурной идентичности, формирует культурно-историческую память и ощущение исторической преемственности субъекта.

Человек не только активно действующее существо, но и существо, претерпевающее все изменения. Человек обладает интеллектом, в этом его особенность. Сегодня много говорят об искусственном интеллекте, но нас интересует интеллект как способность мышления предвидеть события, предсказать результаты собственных действий, анализировать и оценивать свою принадлежность к российскому обществу, принимать решения, сообразуясь со своими представлениями об окружающем мире [6, с. 112]. Так, интеллект – это качество самого субъекта, сформировавшееся в течение длительного процесса эволюции, позволяющее с определенной точностью предвидеть события будущего, прогнозировать их, предвосхищать их последствия. Как известно, настоящее притягивает будущее, а события, происходящие сегодня, в будущем будут зависеть от прошлого. Действует принцип наследственности. В данном случае, будущее не просто «притягивается», «предвосхищается», а создается настоящим. В этом – особенность интеллекта субъекта, его способности к целеполаганию. Предвидение будущего, желание знать и предвосхитить свою судьбу – одна из древнейших забот человечества [2, с. 85].

На сегодняшний день, все больше наблюдается тенденция потери российским обществом национального самосознания. Начало этому процессу положил распад СССР, когда поиск идентичности стал актуальной проблемой для всего русского народа.

Печальная картина наблюдается в обществе за последние десять лет: молодежь категорически не желает принимать, а уж тем более жить по определенным установкам, отрицая опыт прошлых лет. А ведь в юношеском возрасте процесс становления национального самосознания только начинается. Именно в это время молодые люди «ищут себя», свою дорогу в жизни, соотносят себя обществом. Молодежь – это наше будущее. Поэтому для российского общества так важна проблема становления национального самосознания.

Чем больше современное российское общество ищет попытки отойти от прошлого, тем сильнее оно пытается обнаружить свое национальное самосознание в настоящем. Не находя этого, стремится заново сконструировать то время, в котором чувствовало себя наиболее целостно, испытывало удовлетворение потребности в личностной самоидентификации, обращаясь к прошлому опыту. Именно обращение к культурному наследию

прошлого дает возможность индивиду и российскому обществу в целом устойчивые поведенческие направления, личностную целостность, и преемственность [6, с. 138-140].

По словам Д. Лихачева, долг, который стоит перед всем человечеством, заключается в сохранении, бережном отношении к культурному наследию, памяти и их передаче будущему поколению. Он делает важный акцент на том, что люди заботятся о сохранении окружающей среды, тратя на это силы и огромные средства, забывая о сохранении среды культурной. Ведь именно культурная среда обогащает общество духовно. [1, с. 23]. По его мнению, человек, сознательно отказывающийся от опыта прошлого, отказывается от культуры. С. Крейн утверждал, что в такие моменты не нужно пытаться навязать людям исторические факты: интерес к ним достаточно сильно будет снижен, и личной вовлеченности индивида в происшедшее событие не будет. Он отводит истории роль консерватора, основная задача которой – сберечь прошлое, тем самым, помогая людям более полно ощущать чувство национального самосознания [6, с. 24].

Д. Лихачев придавал объектам культурного наследия и памятным местам особый сакральный смысл. «Восстановить утраченный памятник культуры невозможно, ибо это уже разрушенная память, лишенная фактов. Ведь места, хранящие в себе память о прошлом, притягивают к себе людей необъяснимым образом» [1, с. 24].

По мнению немецкого мыслителя Й. Рюзена, в моменты общественного кризиса культурное наследие выступает ориентиром во временном пространстве. В обществе пробуждается историческое сознание, призывающее обратиться к опыту прошлых лет, к культурному наследию, при этом оно помогает осознать людям свое национальное самосознание, в полной мере. Так, память о Великой Отечественной войне жива в нас до сих пор, благодаря объектам культурного наследия: ветеранам, памятникам, музейным инсталляциям. Й. Рюзен писал: «...боль во время утраты, побуждает человека посмотреть на мир другими глазами, переосмыслив настоящее, мысленно вернувшись к прошлому, выбрав для себя иные ценностные ориентиры» [7, с. 51].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в основе российского национального самосознания лежит общая духовная культура, которая, непосредственно складывается из культурного наследия страны. Объекты, которые наследуются и передаются из опыта прошлого, несут в себе историческую память. С ее помощью происходит формирование национального самосознания индивида. В конечном итоге, это способствует ценностному развитию общества. Поэтому сохранение культурного наследия стратегически важно на сегодняшний день для российского общества.

Литература

- 1 Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность: Философские размышления о жизненных проблемах / В.С. Библер. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- 2 Выжлецов Г.В. Аксиология культуры монография / Г.В. Выжлецов. СПб., 1996. – 152 с.
- 3 Гегель Г. Философия истории: философия от античности до современности / Г. Гегель. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг». 2003. – Т. 9. – 886 с.
- 4 Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в мировоззренческих системах / пер. Г.А. Котляра и С.И. Гессена / Культурология XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – 703 с.
- 5 Каган М.С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа / М.С. Каган. М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
- 6 Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
- 7 Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 7. – М., 2001. С. 392.
- 8 Степун Ф.А. Мысли о России: философия от античности до современности / Ф.А. Степун. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг», 2003. – Т. 9. – 630 с.

УДК 316.728

Белых М.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Ряпухина В.Н.

СЕРБСКАЯ КАФАНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Аннотация. Цель данной работы состоит в рассмотрении сербской кафаны как социокультурного института, выполняющего ряд важных общественных функций – политических, экономических, культурных и социальных. Подробно анализируется понятие «кафана» и присущие ему характеристики – социокультурный институт, городской феномен, третье место. Описываются выполняемые кафанами функции. Ставится вопрос о дальнейшем существовании данного социокультурного института в Сербии.

Ключевые слова: Сербская культура; культура повседневности; социокультурный институт; кафана; третье место.

THE KAFANA OF SERBIA AS A SOCIOCULTURAL INSTITUTION

Annotation. The purpose of the article is to review the Serbian kafana as a sociocultural institution that performs a number of important public functions – political, economic, cultural and social. The concept of kafanas and its specific features (a kafana as a sociocultural institution, an urban phenomenon, the third place) are analyzed. The functions of kafanas are described. The article touches upon the issue of the future existence of kafanas in Serbia.

Key words: Serbian culture; culture of everyday life; sociocultural institution; kafana; the third place.

Во время широкого развития глобализационных процессов, когда национальная культура ставится под сомнение и возникает вопрос о создании единой унифицированной культурной среды, важно и необходимо пытаться сохранить свою самобытность. Вопросы национального самосознания и идентичности в разных аспектах рассматриваются в рамках истории, социологии, психологии, культурологии, социологии культуры; социологии, истории, культурологии повседневности и эстетики повседневности.

В настоящее время изменяется статус повседневности в исследованиях, происходит смещение акцента с фиксации нерелевантных повторяющихся в быту действий человека на осознание и анализ роли сакрального. Сегодня такая постановка проблемы важна в связи с вытеснением из культуры повседневности сакрального и превращением повседневности «в пошлую обыденность» [3, с. 369].

В ходе современных социокультурных процессов условия жизни людей постоянно меняются, приходят в противоречия с устойчивыми традиционными структурами, и именно указанная константа сохраняет основные стержневые позиции, гибко поддерживая сложные пресуппозиции старого и нового. В силу этого в культуре повседневности наиболее отчетливо видны социальные трансформации, имплицитно и эксплицитно отражается специфика общества. Кроме того, сама амбивалентность культуры повседневности делает ее наиболее устойчивой к тем изменениям, которые проникают во все сферы общества и культуру.

Без обращения к культуре повседневности невозможно понять и те инновации, которые формируются в современной культуре. Современные социальные процессы настолько динамичны, что трансформируют самые консервативные метанавыки предмета исследования, порождая их дихотомичность.

В наше время, в эпоху быстро развивающихся унифицирующих глобализационных процессов, этническое своеобразие народов в материально-бытовой сфере постепенно стирается. Однако в области пищи этнографическая специфика сохраняется несравненно более продолжительно, нежели в других сферах материальной культуры (одежда, выбор и дизайн жилища, и пр.). С.А. Арутюнов пишет, что эта стойкость

традиции пищевого предпочтения делает их изучение важным источником знаний в области этнической истории народов [4, с. 5].

Теоретическое осмысление культуры повседневности на уровне философских и культурологических представлений началось относительно недавно, хотя эмпирическое представление об этом феномене сложилось гораздо раньше. Одной из наук, имеющих более чем полуторавековой опыт изучения повседневной жизни, является историография. Дальнейшие исследования последовательно раскрывались в рамках истории повседневности, социологии повседневности, семиотики истории и семиотики культуры, эстетики повседневности и культурологии.

Повседневность различных слоев мирового общества представляется одной из наиболее интересных, но малоизученных проблем. У истоков изучения стоят такие ученые, как Г. Гердер, Я. Буркхардт, Г. Вейс, Э. Тэйлор, Й. Хейзинга, А.Л. Крёбер, Э. Сепиро и др. Дальнейшее изучение культуры и истории повседневности в различных аспектах продолжили как отечественные, так и зарубежные ученые: Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, К. Гирц, М.С. Каган, Г.С. Кнабе, Ю.М. Лотман, А.Я. Гуревич, В.Д. Лелеко и др.

Что касается изучения истории и культуры повседневности Сербии, то здесь вплоть до XVIII века не существовало серьезных научных исследований в области истории народа. Все сведения о происхождении и культуре сербов хранились в устной традиции и фрагментарных агиографических трудах.

Первое серьезное исследование П. Юлинца «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» было опубликовано в 1765 году в Венеции. Более полные и точные сведения представлены в четырехтомном труде Й. Ранча – «История разных славянских народов, особенно болгар, хорватов и сербов». В тот же период переводится с немецкого обзор «Краткая королевств Сербии, Рашки, Боснии и Рамы история».

К следующему витку изучения истории и культуры сербского народа относятся работы В. Чоровича, С.М. Чирковича, А.А. Турилова и др. В СССР после окончания Великой Отечественной войны резко возрос интерес к вопросам истории и культуры славянских народов. Научное изучение этой проблематики было сосредоточено в комплексном Институте славяноведения Академии наук СССР, Московском и Петербургском университетах. Исследованиями славянских народов занимались С.К. Богоявленский, Н.И. Кравцов, В.Г. Карасев, С.А. Никитин и др.

Кафана как социокультурный институт в разных аспектах рассматривается в работах таких сербских исследователей, как Б. Нушич, С. Вуйович, Д. Стоянович, А. Фотич, В. Голубович, Д. Джорджевич и др. Поднимается вопрос о создании специальной отрасли знания, нацеленной на изучение кафан – кафанология. Следует отметить, что вопросы сербской истории и культуры в целом и проблематика сербских кафан все еще не нашли должного распространения в научной практике. На данный момент не

существует ни одного исследования данного социокультурного института на русском языке.

Кафана в Сербии и на Балканах занимает особое положение, но ее влияние распространилось и на другие пограничные области. Практически каждая страна или регион имеют свой особенный социокультурный институт. Сложно представить себе Соединенное Королевство без пабов, Италию без бистро, Францию без маленьких уютных кафе и Грецию без таверн. Так же сложно воспринимать сербскую культуру, не принимая во внимание феномен механ и кафан. Последние по праву называют «сердцем» и «душой» Сербии [12].

Кафана представляет собой пространство для неформального общения, социализации, развлечений в сельской, пригородной и городской местности, уже начиная с XVIII века. Предлагая специфический способ общения, кафаны – именно те места, где люди проводят время за разговором, чтением свежей прессы, прослушиванием музыки и радиотрансляций, просмотром телепередач за кофе или другими холодными и горячими напитками [5, с. 994]. Кто знает, как много раз в художественных произведениях, в мемуарах, в историографических и социологических изысканиях исследователи говорят о том, что кафаны являются «сердцем и душой» страны.

Д. Джорджевич говорит о том, что кафана представляет собой социальный институт, социологическую лабораторию, относится к так называемым «третьим местам» [2, с. 25]. Термин «третье место» был введен в 1989 г. социологом города Р. Ольденбургом как противоположность двум другим типам пространства – домашнему и рабочему. К ключевым признакам третьего места, по мнению автора, можно отнести: демократичность; доступность (желательно – шаговая); простая и непринужденная обстановка; скромное меню; наличие завсегдатаев; комфортность, неформальность [2, с. 36].

К третьим местам Р. Ольденбург относит пространства, предлагающие уют вне дома и новые интересные контакты вне работы. Уже давно подобные заведения стали центрами культурной жизни, местом для социализации и неформального общения. Так, сербские кафаны тоже могут быть названы «третьими местами», так как они не противоречат ключевым признакам, предложенным Р. Ольденбургом.

Кроме того, кафаны называют особым феноменом, отражающим и концентрирующим городскую культуру [6, с. 372]. С. Вуйович предлагает рассматривать кафаны по аналогии с городом, который в некоторых источниках называют социологической лабораторией на микроуровне [5, с. 868]. В Стэнфордской энциклопедии по философии говорится о том, что термин «социальный институт» имеет несколько размытые рамки. В социологии данный термин используется для обозначения сложных социальных форм, которые воспроизводят себя – правительство, семья, университет, больница, бизнес-корпорация, правовая система [14]. М.И. Найдорф под социальными (или социокультурными) институтами понимает устойчивые общественные структуры, которые регулируют

взаимодействие людей, объединенных ради совместного исполнения ими той или иной социально значимой функции [1, с. 86].

Само понятие «кафана» происходит от турецкого слова «kahvehane» (кофейня, кофехауз), которое, в свою очередь происходит от персидского термина «qahveh-khaneh» (соединение арабского «qahve» (кофе) и персидского «khane» (дом)). Таким образом, кафана дословно переводится как «место, где пьют кофе» [13, с. 14]. Термин варьируется в соседних странах: в Македонии – kafeana, в Хорватии – kavana, в Боснии – kafana/kahvana, в Албании – kafene/kafehane.

В настоящее время в Сербии, понятие «кафана» аналогично используется для названия любого неофициального пункта питания или закуской, где подают блюда традиционной кухни, а также некоторые другие классические блюда. Сербы часто шутят, что не существует точного и полного определения кафаны, есть ровно столько определений, сколько и людей, пытающихся сказать, что же такое кафана.

Наряду с термином кафана, широко используется в смежном значении слово «механа». В книге «Казуј крчмо Церимо: периферијска кафана и околo ње» Д. Джорджевич отождествляет понятие «механа» со словами гостиница, постоялый двор [8, с. 273]. Дословно, механа – это место, где пьют вино («меу» - напиток, вино; и «хане» – дом, место) [6, с. 994]. В отличие от кафаны, механы располагались в городах и деревнях вдоль дороги. В соответствии с Положением о механах от 1860 года, подобное место должно было иметь – в зависимости от категории – пять, четыре или три спальни, кухню, отдельную комнату для хранения продуктов и конюшню.

Будучи комплексным явлением, кафана выполняет ряд функций. В. Арсеньевич пишет, что в настоящее время кафаны начинают терять одну важную функцию – медитативную, которая отражает дух спокойствия и сдержанности и присущую первым кафанам умиротворенную атмосферу.

Очевидно значение и важность кафаны в **политической сфере**. Современная политическая ситуация, либеральные политические принципы, растущее различие между государственной и частной сферами жизни делают кафаны социально-политическим институтом по преимуществу (par excellence). Д. Стоянович пишет, что именно кафана была первым учреждением, в котором стал возможен относительно свободный обмен мнениями, где существовали условия для свободных политических дебатов и дискуссий [10, 265].

В Европе XVII и XVIII веков кафаны сыграли значительную политическую роль, особенно во Франции и Англии. К примеру, А. Фотич пишет, что использование кафаны как общественного пространства для открытой и свободной критики государства в Англии во второй половине XVII века сыграло существенную роль в зарождении западного гражданского общества [11, с. 280].

Для Сербии кафаны внесли свой вклад в политическую историю страны. К примеру, именно в кафане «Велика пивара» проходила Святоандрејевска скупщина 1858 года – ключевое событие сербской

истории. По итогам работы скупщины были ограничены prerogative Государственного совета, вся полнота власти передана скупщине. Князь Александр был смещен, к власти вернулся Милош Обренович. Режим уставобранителей пал [10, 265]. Другая кафана «Српска круна» принимала в своих стенах конференцию представителей стран-гарантов, во время которой было подписано мирное соглашение между сербскими и турецкими войсками после инцидента на Чукур чесми 1862 г.

Другой важной сферой общества, в которой кафаны занимают значительное место, выступает **экономическая сфера**. Кафаны являлись первыми местами, где заключались деловые и торговые соглашения и союзы. Неудивительно, что кафаны первоначально открывались в торговых и рабочих районах, как это было в случае с базарами, рынками, которые также выполняли существенную экономическую роль.

Кафаны получали особое одобрение властей, так как продавали, кроме кофе, балканские товары, соль, прочие мелочи и даже кустарные товары и продукты. В свое время кафаны выступали в роли бирж. Они становились постоянными местами обитания работников определенных профессий, которые в своем роде ангажировали кафану. Так появлялись кафаны плотников, художников, кузнецов, маляров и др. Так известны кафана «Таково» и «Уједињење» – фондовые биржи; кафана «Чокот» – винодельческая фондовая биржа и пр.

Третьей важной сферой общественной жизни, история которой однозначно показывает влияние кафан на сербский народ, является культурная жизнь граждан. А. Фотич утверждает, что кафаны представляли собой идеальные места, в которых за чашкой кофе собиралась местная культурная элита [11, с. 277]. Известные сербские писатели В. Илич, Дж. Якшич, С. Сремац и Б. Нушич писали свои произведения и приходили за вдохновением именно в кафану.

Первые театральные спектакли и концерты классической музыки, первый кинотеатр, первые культурные выставки и литературные вечера проходили в сербских кафанах. Кафана «Коларац» была главным штабом «альтернативной сцены». Исследователь кафан, Нушич указывает, что первая сербская опера была исполнена 8 ноября 1840 г. в кафане «Крагујевац» [9, 227]. Первый фильм тоже был продемонстрирован в кафане. Это произошло в 1896 г. в кафане «Золотой крест», уже спустя полгода после кинодемонстрации братьев Люмьер в Париже [7, 145].

Четвертой важной сферой жизни, и, по мнению Милены Станоевич, самой главной является социальная сфера. Ключевую роль в формировании и развитии общества в Белграде играла кафана «Грађанска касина», основанная в 1869 г. Она имела огромное значение для культурной жизни города и общества в целом, здесь проводились модные концерты, выступления и развлечения. «Грађанска касина» в течение многих лет заменяла собой современный Народный университет, потому что поддерживали регулярные лекции во всех областях науки и жизни [9, 193-194]. Здесь же произошла первая встреча организации «Красный крест» в 1876 г., а затем в 1880 году

состоялось первое собрание Ассоциации сербских журналистов. Также «Грађанска касина» имела собственную обширную библиотеку [7, 116].

Не только ассоциации создавались на базе кафан, там же издавались некоторые газеты. Кафаны сыграли важную роль и в сфере образования. На основе имеющихся данных, мы узнаем, что первые уроки музыки и танцев состоялись в кафанах. Фотич цитирует слова одного из членов английского королевского общества: «Одним из важных общественных институтов в конце XVII века являлись кафаны, которые наравне с университетами способствовали распространению знаний» [11, 278]. Иногда кафаны называли даже the penny universities – «копеечные университеты», подчеркивая открытость и доступность кафан как источника знаний. Б. Нушич пишет о том, что в кафане «Рајић» располагалась музыкальная школа, а в кафане «Црногорца» находилась школа рабочих.

Социальная и культурная жизнь Сербии не мыслима без кафаны, общественного и городского феномена. Именно она стала фундаментом для формирования политического, гражданского, культурного и научного общества Сербии. Сербские кафаны ощутили огромное влияние Востока из-за череды турецких завоеваний на Балканах. Они также претерпели изменения, идущие с Запада, особенно после обретения государственного суверенитета. Этот симбиоз восточных и западных традиций помог данному социокультурному институту обрести свою специфику и занять особое положение в истории и культуре Сербии.

Жизнь не может противостоять власти времени. Многие из кафан были разрушены или потеряли свое былое значение. Будущее кафан как социокультурных институтов все еще туманно: получат ли они свое перерождение или же останутся историческим фактом и памятью народа – покажет только время. Неоспоримой и неизменной остается только их колоссальная роль в сербской культуре, которую кафана трансформировала и одновременно сама подвергалась изменению.

Литература

1. Найдорф М.И. Очерки современной массовой культуры / М.И. Найдорф. – Одесса: ВМВ, 2013. – 267 с.
2. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
3. Румянцев О.К. Мир повседневности / О.К. Румянцев / Теоретическая культурология. – М.-Екатеринбург, 2005. – С. 369-378.
4. Хмельное и иное: напитки народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина – М.: Наука, 2008. – 488 с.
5. Вујовић С. Феномен кафане и модернизација – Фрагменти о европском, балканском кафанском животу / С. Вујовић / Часопис за друштвене науке. – № 3. – 010. – С. 867-891.

6. Голубовић В. О настанку и називима механа и кафана старог Београда / В. Голубовић / Часопис за друштвене науке. – № 3. 2010. – С. 994-1010.
7. Ђукић З.Д. Хотели и кафане у Београду у XIX веку / З.Д. Ђукић. – Београд: Музеј града Београда, 1988. – 205 с
8. Ђорђевић Д.Б. Казуј крчмо Џеримо: Периферијска кафана и околосте / Д.Б. Ђорђевић – Београд: Službeni glasnik. – 287 с.
9. Нушић Б. Из полупрошлости / Б. Нушић. – Београд: Геца Кон, 1935. – 204 с.
10. Стојановић Д. Калдрма и асфалт – урбанизација и европеизација / Д. Стојановић. – Београда 1890-1914. – Београд: Чигоја штампа, 2009. – 406 с.
11. Фотић А. (Не)спорно уживање: појава кафе и дувана у: А. Фотић (прир.) / Приватни живот у српским земљама у освит модерног доба, – Београд: Clio, 2005.
12. Vodinelić A. Kafane su bile duše grada / A.Vodinelić. – poslato: Mart 08, 2011, 05:27:03 pm. [Електронни ресурс]. – URL: <http://www.riznicasrpska.net/muzika/index.php?topic=628.0> (дата обраћања 26.11.2015).
13. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / P. Skok. – Štamparski zavod – OGNJEN PRIČA, Zagreb, 1988. – 700 s.
14. Stanford Encyclopedia of Philosophy. – First published Thu Jan 4, 2007; substantive revision Tue Feb 8, 2011. [Електронни ресурс]. – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/social-institutions/> (дата обраћања 26.11.2015).

УДК 140.8

Булатова А.Р.

*Национални истраживачки универзитет
«Висша школа економики», г. Москва, Русија
Научни руководитељ – Жукова О.А*

К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ РОССИИ: МЕССИАНСКОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГО НАРОДА В ФИЛОСОФИИ Н.БЕРДЯЕВА

Аннотација. В статье исследуется онтология «творчества лучшей жизни» Николая Александровича Бердяева (1874 – 1948) – одного из крупнейших представителей религиозного экзистенциализма. По Бердяеву, творческий прорыв как призвание к духовной жизни всегда обращен к миру и другим людям, к обществу и «метаистории». В этом смысле его мессианская идея о русском народе обязывает не только к индивидуальной, но и к коллективной духовной работе, становясь своеобразным проектом новой христианизации культуры. Реконструировать философию новой духовности Н.А. Бердяева на сегодняшнем этапе представляется важным как в целях развития национального самосознания (стабилизации русского христианского мира и

преодоления раскола в национальном самосознании), так и для актуализации наследия русской мысли.

Ключевые слова: русская идея, мессианизм, православие, эсхатология, ценности, глобализация, культура, нация

TO THE NATIONAL PURPOSE: MESSIANIC CONSCIENCE OF RUSSIAN NATION IN NICHOLAS BERDYAEV'S PHILOSOPHY

Annotation. The article observes Nicholas Berdyaev's (1874-1948) ontology of "creativity for better life". Berdyaev is considered as one of the most influential representatives of religious existentialism. According to Berdyaev, creative breakthrough as a calling to spiritual life is always directed to the world and other people, to the society and "metahistory". In such sense, his messianic idea about Russian nation commits not only to individual spiritual work but to a general one, becoming a specific project of culture's Christianization. It is important nowadays to reconstruct Berdyaev's philosophy of new spirituality for developing nation's self-awareness (stabilizing Russian Christian community and coping with schism in nation's self-awareness), and actualizing the heritage of Russian thought.

Key words: "Russian idea", salvation, Orthodox Church, eschatology, values, globalization, culture, nation

Важным для современного этапа развития философии представляется обращение к жизнеспособным культурным и политическим программам, которые были предложены русскими философами в контексте интеллектуального диалога России и Европы. Не менее значимо и формирование социального запроса на тип творческой личности. В этом поиске идеи Н.А. Бердяева могут быть полезны.

Как подчеркивают современные исследователи, интеллектуальное наследие Николая Бердяева, апологета свободы и культуры, с его манифестом трансцендирующих жизненных целей, может оказаться продуктивной формой выхода из кризиса метафизического сознания современности [10, с. 37-51].

Осознание этого кризиса чрезвычайно важно в свете того, что истощение духовных и культурных стержней чревато рисками заката цивилизации – это показывает опыт всемирной истории [8].

Особым потенциалом обладает мысль Бердяева о роли эсхатологически-мессианского сознания в преодолении духовного кризиса: «Я продолжаю думать, что изменения и улучшения в России могут произойти лишь от внутренних процессов в русском народе. Так я думал и 25 лет тому назад и очень расхохотался с большей частью эмиграции» [4]. В этой мысли философа заключалась убежденность в том, что в переломную историческую эпоху каждый русский несет возросшую духовную ответственность за Россию, как и каждый православный – за судьбу Церкви, нежели чем в мирное время. И эта способность к жертве, к духовному

горению – единственный путь к спасению в периоды испытаний, считал Бердяев.

Национальное самосознание в России на рубеже XIX-XX вв. с присущим «историческим нигилизмом» испытало деструктивное влияние социально-политических катастроф и духовных кризисов. Бердяев был убежден, что религиозно-философское течение начала XX века, вынесшее на своих плечах трудную работу преодоления старого интеллигентского мирозерцания, поставило с большой остротой значимые для далекого будущего и для вечности проблемы.

Мало у кого из мыслителей можно найти столько надежды и веры в Россию, в собственный народ, столь теплых и подробных описаний русской души, несмотря на полярные противоположности и прочие «грехи», о которых упоминал Бердяев, подчеркивая разительное отличие от души западноевропейской с ее рациональной затверделостью [2].

Бердяев связывал апокалиптическую по своей настроенности и устремленности русскую душу с бесконечными равнинами русской земли, обусловивших отсутствие спокойной уверенности и твердости, «без надрыва и истерии» в нашем национальном сознании: русский человек во власти своей природы, во власти стихии.

Современные исследователи относят Бердяева к «русским мессианистам» эмиграции, считавшим, что Россия укажет выход из духовного тупика, в который завела Запад гуманистическая и рационалистическая традиция. В данном контексте важным представляется обращение к проблеме русской идеи, как она была сформулирована Бердяевым – «духовной квинтэссенции русской жизни соединившейся с его собственными духовными устремлениями» [11, с. 47-59].

По Бердяеву, русская мысль, русские искания начала XIX в. и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа – религиозного по своему типу и по своей душевной структуре, ставящего любовь и соборность выше справедливости.

Конец существующего мира и рождение мира нового философ связывал с грядущей персоналистической революцией как эсхатологически-экзистенциальным выходом к трансценденции [9, с. 101-113]. С горечью он вынужден был признать, что мечтательный утопизм XIX столетия, пройдя через эсхатологические ожидания, сменился в России тоталитарной утопией века XX. Вместе с тем он никогда не оставляет оптимизма относительно будущего и «новой России» [4].

Разрушительными для русского самосознания стали гегемония коммунистической идеологии, а в последующем – радикальная деидеологизация 90х гг. двадцатого столетия. Ныне исконные ценности любви и кенотизма оказались во многом забытыми, вытесненными идеями индивидуализма, личного успеха, конкурентоспособности, защиты прав и свобод отдельного человека – идеями, несовместимыми с самим

коммунитарным и антииндивидуалистическим духом русской идеи, о котором писал Бердяев.

Не прекращающиеся дискуссии о русской национальной идее в настоящее время обостряются возрастающей глобализацией и информационно-телекоммуникационным прогрессом, на фоне чего такие институты как Православная Церковь испытывают серьезные препятствия в укреплении идеологии христианских ценностей и православной культуры. Призывы Церкви заглушаются информационным шумом популярных средств массовой коммуникации. Более того, в современной России остаются проблемы доверия к церковным институтам как среди широких слоев населения, так и среди политических элит, творческой интеллигенции, научного сообщества.

Очевидно, что проповедуемых высшим духовенством традиционных евангельских ценностей, как и напоминаний о великих исторических победах русского народа, явно недостаточно для духовного сплочения нации, проявления той самой соборности, о которой писал славянофил Хомяков, и которую ценил Бердяев. Вместо веры в русского человека и в свою страну, Россия сегодня погружена в коллективную апатию, отчаяние и пассивность относительно объединяющей идеи.

Несомненно, что в условиях нынешнего экономического спада нам не миновать усиления данной тенденции, хотя и в периоды общего финансового благополучия подобные дискуссии оставались актуальными: без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация – так считали лучшие умы России (к примеру, Достоевский).

«Творчество лучшей жизни», которое Бердяев строго отделял от понятия «творчество совершенной культуры», должно было стать кредо каждой личности, коллектива и русской нации в целом, разрешив проблему отношений между гениальностью и святостью, между творчеством и спасением, что не под силу «старому христианскому сознанию», утверждал философ [6].

Данный тезис подтверждают наблюдения некоторых современных исследователей: Бердяев-социалист и Бердяев-идеалист восстал против одного и того же – против нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни. Вместо локомотива Церковь стала препятствием для духовного совершенствования человека и общества – она оказалась жертвой явления, которое философ впоследствии назовет объективацией, отчуждением духа [12].

В то же время Бердяев, испытавший влияние славянофилов, утверждал, что вероисповедание закладывает глубинные основы национального народного сознания и что русские определяются православием. Национальная идея России носит исключительно религиозный характер, и русский народ христианский по преимуществу – это показали многие русские мыслители и художники. Бердяев был глубоко убежден: миссия России – сохранить истинное христианство, православие [3].

Важно подчеркнуть, что в силу своеобразной интерпретации философии истории Бердяевым, эсхатологическая сторона христианства представлялась ему вечной и возвышающейся над социологической символикой. В эсхатологичности, устремленности к концу, как отмечал философ, состоит отличие русского православия от западного христианства [1].

В связи с вышесказанным сложно не заметить иную тенденцию в современной России – отсутствие религиозной напряженности личности, отсутствие ощущения «конца века», апокалиптических настроений, столь свойственных русской душе и русскому ренессансу начала XX столетия.

Трудно сказать, что подавляющая часть населения (самые разные классы) в современной России испытывает жажду духовного творческого прорыва в метаисторию: скорее, наоборот – оно стремится найти успокоение в Боге, в самосовершенствовании, с уклоном в монофизитство или же йогу, где нет дерзновенного созидательного акта и личности перед Богом – «Христом Грядущим», по Бердяеву [6].

В ином варианте наши современники тяготеют к мессианизму «страдальческому», упоению своей богооставленностью [9, с. 101-113]. Бердяев все время как бы пытается отстраниться от «официального русского мессианизма»: он верит в жизнеспособность иного мессианизма, «связанного с русскими странниками и искателями Града Божьего и правды Божьей» [6].

Значительно больше оптимизма и веры в творческий активизм личности, в будущее, и надежды о русском народе внушают философские размышления Бердяева о смысле истории, которую он видел в эсхатологической перспективе. Пробудившийся на историософической проблеме, мессианизм почти так же характерен для русского народа, как и для народа еврейского, считал Бердяев. В этой связи в «Русской идее» его волнует вопрос о том, что замыслил Творец о России, духовная мощь которой еще далеко не реализована.

В то, что русский народ еще скажет свое слово миру, верили русские мыслители XIX в., размышляя о судьбе России; об этом размышляла на фоне мирового кризиса культура Западная Европа.

В поздней работе «Самопознание» Бердяев с горечью скажет о «разочаровании, связанном с судьбами не только Европы, но и всего человечества и всего этого мира». Вместе с тем он признавал, что сам горячо любил Россию, «хотя и странною любовью», и верил в великую, универсалистическую миссию русского народа в силу нашего эсхатологического характера. И утешение он связывал с благой вестью о наступлении Царства Божьего, с верой в существование иного порядка бытия, который должен означать полное преображение этого мира. В концепте «русской идеи» философа раскрывается связь творческого дерзновения личности и коммюнитарности, свойственной русским. Таким образом, эсхатологический вектор русской души устремлен ко всеобщему спасению [3].

Бердяев считал, что многое в мире ранее уготовляло зарождение сознания о том, что творчество – последнее откровение Св. Троицы. Он был убежден, что это и будет означать свершившийся космически-антропологический поворот, в котором русский народ сыграет ключевую роль.

Надежду о совершении великой миссии русского народа философ сохранял на протяжении всего творческого периода, несмотря на катастрофические потрясения своей эпохи. Эта надежда подкреплялась его глубоким философским опытом: русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли. Он верил, что русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему – Новому Иерусалиму, отнюдь не оторванному от русской земли и для которого необходима, братство людей.

Понимание христианства как откровения Бога в истории через творческий подъем человека-микрокосма, где «в стихии свободы христианской таинственно соединяется индивидуально-неповторимое с универсально-всеобщим» [7], может стать выходом к возникновению в мире новой духовности, к спасению человека в происходящих космических и социальных процессах.

Бердяеву были чужды попытки определить Россию как государство Запада или Востока, поскольку в центре его историософии было царство духа, не знающего национально-расовых и географических границ. В этом состояла его самобытная интуиция о философии и смысле истории как философии духа, духовной жизни человечества. Бердяев был убежден, что миссия России – быть Востоко-Западом, соединительницей двух миров, поставив с чрезвычайной остротой вопрос отношения религиозного сознания к творчеству и культуре [6].

Особо значимой, на наш взгляд, является мысль Бердяева о том, что русская душа берет на себя *бремя мировой ответственности*. Русскую и западную культуры объединяет наследие эллинизма, но в отличие европейца гениальность русского правдолюбца в ином: он хочет радикального преобразования жизни, спасения мира [6].

Литература

1. Бердяев Н.А. Евразийство [Электронный ресурс]. / «Евразийский вестник». Книга IV. Берлин, 1925. – URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/evrazis.html> (дата обращения: 10.03.2016)
2. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. [Электронный ресурс]. – Прага, 1923, изд-во YMCA-PRESS. – URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/> (дата обращения: 16.03.2016)
3. Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1946_037_00.html__ (дата обращения: 17.03.2016)

4. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). [Электронный ресурс]. – URL: <http://vehi.net/berdyaev/samopoznanie/index.html> (дата обращения: 20.03.2016)
5. Бердяев Н.А. Свободная церковь и собор [Электронный ресурс]. / “Народоправство” – 1917. – № 7. – С. 4-6. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn050.htm> (дата обращения: 21.03.2016)
6. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/tvorch/> (дата обращения: 21.03.2016)
7. Бердяев Н. А. Церковная смута и свобода совести / Путь. – 1926. – № 5. – С.42-54
8. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс]. / Вопросы философии. – 2011 – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения: 11.03.2016).
9. Гранин Р.С. Кризис духовной культуры серебряного века в эсхатологической перспективе Николая Бердяева / Соловьевские исследования. – Вып. 1 (41). – 2014. С.101-113
10. Жукова О. А. Философия новой духовности: творческий манифест Николая Бердяева / Философские науки. – 2014. – № 4. – С. 37-51.
11. Маслин М.А. Классики русской идеи: Владимир Соловьев и Николай Бердяев. Соловьевские исследования. – Вып. 1 (41). – 2014. – С. 47-59
12. Черняев А. Проповедник теократической революции против государственной Церкви [Электронный ресурс]. / НГ-Религии. – 19 марта 2014. – URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2014-03-19/5_berdiaev.html (дата обращения: 10.03.2016)

УДК 32.09.51

Воротынцева Д.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Мальцева Н.Н.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КАК ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Информационно-коммуникативные системы вошли в нашу жизнь не так давно. Информация в корне меняет способ и технику ведения боевых действий. Более того, она постепенно вытесняет их с политической и социальной арены. В рамках технологической революции возникло понятие «информационная война». Это совершенно новый вид войны. Война, направленная не на физическое устранение оппонента, но на его моральное и нравственное разложение. Каковы психологические механизмы действия «ин-

формационного оружия»? Действительно ли в век технологий информация стала самым опасным оружием?

Ключевые слова: информационно-коммуникативные системы, информационная эпоха, информационная война, информационное противоборство, психологическое воздействие, информационно-психологическое противоборство, информационная среда, информационная атака.

INFORMATION WARS AS A PHENOMENON OF PSYCHOLOGICAL IMPACT

Annotation. Information and communication system came into our life not so long ago. Information is fundamentally changing the method and technique of warfare. Moreover, it is gradually replacing them from the political and social arena. Within the framework of the technological revolution the concept of “information war” appeared. This is a completely new kind of war. A war, aimed not at the physical elimination of the opponent, but on his moral and ethical decay. What are the psychological mechanisms of the action of “information weapons”? Is it true that in the age of technology information has become the most dangerous weapon?

Key words: information and communication systems, information age, information war, information confrontation, psychological impact, information-psychological confrontation, information environment, information attack.

*«-Что, думаешь, убило больше всего людей за всю историю?
Не взрывчатка, не яды, а информация».
(с) Сугии Хикару*

С наступлением XXI века мир начал меняться до неузнаваемости: появились лазеры, новейшие медикаменты, мобильные телефоны, плазменные телевизоры, сеть Интернет, а главное – более совершенное оружие. И здесь мы говорим отнюдь не о танках или ракетных комплексах (хотя эти орудия, несомненно, достойны отдельного подробного описания), – здесь мы говорим об информационно-коммуникативных системах. Они вошли в нашу жизнь не так давно, но глубоко укоренились в ней, изменили наше восприятие окружающего мира. Информация в корне меняет способ и технику ведения боевых действий. Более того, – она постепенно вытесняет их с политической и социальной арены.

Современное политическое, социальное и экономическое положение в мире постоянно меняется: в одних странах ведутся боевые действия посредством оружия технического, в других (и таких стран, на наш взгляд, большинство) боевые действия ведутся с помощью информации. Интересно отметить то, какое название некоторые обозреватели дали подобному положению дел: «Третья мировая, информационно-психологическая война» [4].

Технологическая революция последних лет привела к появлению специального термина – «информационная эпоха». В рамках этого понятия появилось еще одно, более опасное – «информационная война». И если под

первым термином мы подразумеваем исторический период, в который человеческое общество осуществляет свою деятельность «в рамках теоретической парадигмы, определяемой информационными коммуникативными технологиями, которые базируются на электронике и генной инженерии» [1], то под термином «информационная война» понимается как комплексная стратегия достижения информационного превосходства при противоборстве в конфликте путем воздействия на информационную среду противника при одновременном обеспечении безопасности собственной информационной среды [2]. Таким образом, речь идет об информационном противоборстве, которое представляет собой вид социального противодействия, информационное воздействие на оппонента (противника) с целью искажения восприятия и понимания им складывающейся ситуации, вынуждающее его принимать ошибочные решения [2].

Существует 2 вида информационного противоборства:

- Информационно–техническое, где главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы;
- Информационно–психологическое, где главными объектами является система принятия экономических решений, политических решений, а также система формирования общественного мнения.

Психологическое воздействие – это воздействие на психическое состояние, чувства, мысли и поступки других людей с помощью исключительно психологических средств [1].

Получается, информационно-психологическое противоборство представляет собой психологическое воздействие на массы противника (или оппонента) исключительно при помощи информационных средств. Такое противоборство может осуществляться на различных уровнях, как в мирное, так и в военное время, в любой сфере (будь то информационная или духовная). Информационно-психологическое воздействие может работать как в военных кругах, так и в социальных.

Сюда, например, можно приписать распространение агитационных листовок, сбрасывавшихся с самолетов во времена Второй Мировой войны. Особенное влияние таких средств заключается в их распространенности, преимущественной простоте видимого исполнения (при сложном плане воздействия), а также в принудительности и повсеместности воздействия (к распространению листовок прилагалась громкая трансляция аудиозаписи). Если говорить конкретно о военных действиях, то здесь далеко не последнюю роль играл страх. Все эти особенности в своей сумме оказывают внушающее воздействие на массы.

Стоит особо отметить, что одним из общих свойств человеческой массы является необыкновенная податливость внушению. Она постоянно находится в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает всякое внушение [5]. Таким образом, в зависимости от внушаемой информации (разумеется, здесь нужно упомянуть несколько немаловажных факторов: ее источник, качество и количество), существует вполне реальная возможность

направлять развитие политических, экономических и общественных отношений в определенном русле.

Обращаясь к примеру истории, стоит процитировать статью С.А. Зелинского, известного российского психолога, писателя, публициста. Он пишет: «Хорошо известна директива 1945 года Алена Даллеса (директора ЦРУ) в отношении СССР: *«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России, — писал А. Даллес. — ...Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:*

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

...наша цель — свержение Советской власти... Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима» [6].

Интересно, что в 1946 году на СССР по приказу И.В. Сталина опустился «железный занавес», который подразумевал под собой политику, проводимую в годы «холодной войны», направленную на прекращение всех культурных, научных, информационных и др. контактов с Западом [2].

На этом примере ярко прослеживается система действий, направленных на обеспечение безопасности внутренней информационной среды внутри определенной страны, четко вписывающаяся в рамки определения информационной войны. Здесь можно увидеть механизм, посредством которого правительство жестко ограничило поступление возможной вредоносной информации со стороны Запада. К тому же подобные действия вполне могут представлять собой не только механизм защиты, но и нападения: ведь такой изоляцией СССР не только оградил себя от информации извне, но и ограничил ее выход за пределы страны, обеспечив за границе «информационное голодание», которое вполне закономерно вызвало резкий рост состояния тревоги у Запада. Ведь страна, оказавшаяся попросту «закрытой» от глаз внешнего мира, оказалась и непредсказуемой в своих действиях. Немаловажным здесь оказалось и влияние экономического фактора: тогда как за фактическим отсутствием импорта товара, отечественные производители СССР стали активно наращивать объемы производства, заграничные производители стали их терять по простой причине снижения объема экспорта. Падение дохода от экспорта не могло не встревожить власти стран Запада, но вместо попыток наладить контакт, Запад выбрал антагонистическую позицию по отношению к СССР.

Интересным моментом психологического воздействия оказалось и выступление Н.С. Хрущева на сессии ООН 23 сентября 1960 года, когда он в

пылу выступления снял с ноги ботинок и с жаром стал бить им по трибуне, крича американской делегации: «Я вам покажу кузькину мать!».

Подобного рода экспрессивное выступление повлекло за собой массу обсуждений как в кругах политических, так и в СМИ. Несколько дней американские журналисты пытались выяснить значение словосочетания «Кузькина мать», не имея ни малейших сомнений в агрессивности высказывания.

Естественно, подобное поведение было закономерно воспринято в качестве угрозы и своего рода провокационного воздействия. Ведь человек, проявляющий такую экспрессию на выступлении в ООН в присутствии представителей нескольких стран, может оказаться еще более непредсказуемым на поле боя.

Далее следует снова привести высказывание С.А. Зелинского, дабы не нарушить хронологию событий: *«Мы не можем победить Советский Союз в обычной войне, – сказал Джон Кеннеди в 1961 году при вступлении в должность президента США. – Это неприступная крепость. Мы можем победить Советский Союз только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандой, экономикой»* [3].

В этой цитате ярко прослеживается открытая агрессия в сторону страны-противника. Даже более того – здесь подчеркивается явная угроза, провокация на ответные действия и заявление о том, что собственные меры противодействия готовы к применению.

Интересно провести параллель с разразившимся в октябре 1962 года Карибским кризисом, характеризовавшимся обострением отношений между СССР и США, поставившим мир перед угрозой ядерной войны между сверхдержавами [2]. Причиной разгоревшегося конфликта, как известно, стало тайное размещение на Кубе советских ракет по приказу Н.С. Хрущева, предположительно с целью уравнивания ядерного превосходства США. Так, получается, что тайные действия СССР в ответ на открытую угрозу со стороны США повлекли бурю негодования и открытый вооруженный конфликт. К счастью, стороны смогли прийти к соглашению и предотвратить катастрофу.

Если затрагивать события недавнего времени, то касательно темы информационной войны стоит упомянуть нашумевшую историю с международным социальным сетевым проектом «Викиликс». Как известно, сайт был запущен в 2006 году и занимался преимущественно публикацией и «анализом документов, ставших доступными в виду утечки информации официальных источников» [6]. В ноябре 2009 года по вине «Викиликс» случилась, как считается, самая масштабная утечка секретной информации в истории США. Советник президента по национальной безопасности Джеймс Джонс тогда заявил: «Публикация этих данных подвергает дополнительной угрозе жизни военных и безопасности страны в целом». После серии публикаций, куда входила дипломатическая переписка США, военные сведения, сведения о ракетах и многое другое, на создателя «Викиликс» – Джулиана Ассанжа была объявлена самая настоящая охота.

Здесь же стоит привести и другой, не менее яркий пример: история бывшего технического сотрудника ЦРУ и АНБ США Э. Сноудена, который в

2013 году раскрыл СМИ засекреченную информацию. После этих событий Э. Сноуден также подвергся преследованию со стороны правительства США.

Чем же оказались так опасны эти люди? В чем же заключается их вина? В предоставлении в свободное пользование самого ценного и самого опасного оружия современности – информации, обладатель которой с легкостью может защитить собственные информационные ресурсы, а главное – получит значительное превосходство в политическом и экономическом плане. Как говорится, «кто владеет информацией, тот владеет миром».

Таким образом, анализируя приведенные примеры, стоит особо подчеркнуть значимость информации как оружия в мировых политических, социальных, военных и экономических отношениях. К тому же это оружие постоянно развивается, дополняется и совершенствуется, соответственно, представляя все большую и большую опасность. Но, что еще важнее, постоянно развивается и психологическая техника как воздействий и манипуляций, так и противостоянию им. Здесь стоит упомянуть о ставшем популярным направлении НЛП – нейролингвистического программирования, которое позволяет моделировать успешность переговорной деятельности.

Получается, противодействие информационным атакам представляет собой актуальную комплексную задачу, включающую в себя применение политических, социально-экономических, правовых, лингвистических, психологических и др. мер. Следовательно, формирование и совершенствование грамотной государственной политики в сфере противодействия информационно-психологическим воздействиям должно стать одним из важнейших этапов на пути к созданию надежных систем обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Литература

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б.М. Бим-Бада – М.: Большая Российская энциклопедия., 2009. – 527 с.
2. Грицанов А.А. Социология: энциклопедия / А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко – М.: Эксмо, 2003. – 653с.
3. Зелинский С.А. Информационно-психологические войны (современные психотехники манипулирования) [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org/lib/zln3.htm> (Дата последнего обращения: 21.03.2016)
4. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья Мировая (информационно-психологическая) война. – М., 1999.
5. Райгородский Д.Я. Психология масс. Хрестоматия / под ред. Д.Я Райгородского – Самара: Изд. Дом БАХРАХ-М, 2010. – 592 с.
6. WikiLeaks на русском [Электронный ресурс]. – URL: <http://wikileaksorg.blogspot.ru/2010/11/wikileaks.html> (Дата последнего обращения: 21.03. 2016).

Глущенко Г.Ю.,
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет,
г. Волгоград, Россия
Научный руководитель – Федулов И.Н.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЛГОГРАДА: МЕЖДУ СССР И ПРАВОСЛАВИЕМ

Аннотация. Целью статьи является изучение работы исторической памяти в самом широком смысле, и исторической политики в области памяти в частности в современной России, на локальном уровне. На примере города Волгограда делается попытка объяснить сущность современной исторической политики, понять и проанализировать изменения исторического сознания и видения истории, как идет складывание современной российской идентичности и ментальности. Показано, какую роль в строительстве новой идентичности, как на локальном, так и на общероссийском уровне играет советское наследие и православие как важная основа современной идентичности страны, как ими преодолеваются существенные противоречия.

Ключевые слова: историческое сознание, память, общество, идентичность, опыт, травма.

THE IDENTITY OF VOLGOGRAD: BETWEEN THE USSR AND ORTHODOXY

Annotation. The purpose of the article is studying of work of historical memory in the broadest sense, and historical policy in the field of memory in particular in modern Russia, at the local level. Through the example of the city of Volgograd an attempt to explain essence of modern historical policy, to understand and analyze changes of historical consciousness and vision of history as there is a folding of modern Russian identity and mentality is made. The role that the Soviet heritage and Orthodoxy as an important basis of modern identity of the country play in the construction of new identity both on the local and on the all-Russian level, is shown, as well as their overcoming essential contradictions.

Key words: historical consciousness, memory, society, identity, experience, trauma.

Целью нашего исследования является попытка охарактеризовать идентичность современного города Волгограда как города находящегося между двумя идентичностями, как города с двумя идентичностями. В самом широком смысле это будет попыткой показать, как может выстраиваться новая идентичность как России в универсальном смысле, так и на

прикладном уровне, на уровне города, региона. Современная Россия оказалась в ситуации краха советской истории-памяти, что породило ряд, до сих пор, продолжающихся тенденций в историческом сознании и восприятии истории:

1) Крах универсальной советской истории-памяти, идентичности, а соответственно и исторического сознания «как совокупности взглядов, представлений, чувств и настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого, в которой, в свою очередь, совмещены три модуса времени, сопряжение которых в состоянии перевести статику воспоминания и созерцания в динамические формы» [7, с. 38-62].

2) Разрыв связи времен. Прошлое стало туманно, будущее непонятно. И есть только один модус времени, в котором мы можем познать себя – а именно настоящее.

3) Коммеморацию, то есть самопознание, регистрацию себя, своего индивидуального и коллективного, исторического опыта посредством определенных мест памяти, праздников, ритуалов и архивов [4].

Мы можем говорить об изменении соотношения исторического сознания и памяти. При рассмотрении данного вопроса необходимо провести выделение двух уровней коллективной памяти с целью лучше объяснить, каким образом работает коллективная память. Мы выделяем два уровня памяти: первичную память – воплощающую в себе прошлое, непосредственно вошедшее в пространство повседневной жизни, и вторичную память – содержащую прошлое, данное нам в виде восприятия [8, с. 183-190]. Поэтому мы можем говорить о том, что исторические факты не существуют автономно от концептуальных конструкций, воплощенных в способах или видах исторического сознания, наиболее удобная классификация которых, создана немецким историком Йорном Рюзеном [7, с. 38-62].

1) Традиционалистский тип – тип, занимающийся изучением происхождения и воспроизводства различных обязанностей, ритуалов, действий.

2) Экземплярный тип – тип исторического сознания, фиксирующий опыт прошлого в виде случаев, представляющих и воплощающих правила темпоральных изменений человеческого поведения.

3) Критический тип – тип сознания, призывающий предоставить свидетельства, разрывающие идентичность и проблематизирующие современные ценности и образы жизни.

4) Генетический тип – вид исторического сознания, предполагающий интеграцию чужого опыта в собственные структуры жизни.

Здесь важно отметить, что историческое сознание, становится жизнеспособным в ситуации разрыва, перелома, разрушения сложившихся форм бытия. Говоря о восприятии прошлого в современной России, можно сделать вывод о том, что мы находимся в ситуации «травматического кризиса» – в состоянии, в котором мы пытаемся совместно преодолеть некие общие травмы (сталинизм, политические репрессии), и преобразовать ее в

историю [4]. И одновременно мы находимся в ситуации нормального кризиса – то есть вписывания кризисного события в архетип или в традицию, посредством истории и памяти.

В связи с этим перед нами встает проблема исторического опыта современной России как пространства, в котором происходит столкновение целей и задач, поставленных историческими акторами. Мы сталкиваемся с той проблемой, согласно которой видеть наше общее прошлое возможно только тогда, когда, как можно увидеть на примере нашей страны, стабильность настоящего поставлена под сомнение, а будущее неопределенно и многовариантно. Поэтому в современной ситуации важно осмысление прошлого опыта именно в виде культурной ценности, через призму исторической политики в области памяти. Данная политика своими действиями как бы подает нам сигнал, что важно в прошлом опыте для нашей самоидентификации и солидаризации, а что неважно и поэтому необходимо пересмотреть через призму травмы и кризиса и вписать в историю.

Историческая политика современной Российской Федерации в целях преодоления коллективных и исторических травм и поиска новой идентичности строит новую идентичность как гармоническую совокупность наиболее важных, максимально отрезанных от своего политического контекста событий различных периодов истории России. При минимальном приближении ясно, что наиболее важными основами для построения и обоснования новой идентичности современной России являются победа в Великой Отечественной Войне, которая в коллективной памяти накладывается и на победы в других войнах, и православие как сущностная основа российской ментальности.

По мнению Марии Ферретти [10], победа в войне представляется для нас наиболее важным событием современной истории, предметом национальной гордости, символом единства, и, поэтому можно выделить три аспекта памяти, связанных с войной:

1) Идея восстановления мощи России, после революционных и постреволюционных периодов в истории, что связано с рывком страны совершенных в предвоенный период.

2) Героизм советского народа, представляющего собой неразрывное, однородное единство (на один пьедестал встают и регулярные части, и добровольцы, и партизаны, и труженики тыла, командиры, простые солдаты)

3) Образ врага, причем не просто внешнего врага, но врага угрожающего нашей идентичности и памяти.

Процесс обоснования православия как основы российской ментальности и идентичности многогранен. Во-первых, делается упор на древность русского православия с помощью аккумуляции данных «Повести Временных лет». В частности, упоминаются самоидентификация славян с потомками Иафета, сына Ноя «от племени Иафета – так называемые норики, которые и есть славяне», легенда о приходе сюда апостола Андрея

Первозванного – «И взойдя на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру» [5]. Так же приводятся данные о существовании на территории Крыма Готской епархии, находившейся «именно у Босфора, или Черного моря, следовательно, бесспорно на нынешней земле Русской» [6; 7].

Во-вторых, подчеркивается государствообразующая роль православия. Православие предстает не просто как цивилизационный выбор, но именно как государственный выбор, выбор власти. То есть подчеркивается, что православие это в первую очередь государственный выбор, преемственность от Византии. Так же идет попытка продвижения доктрины министра народного просвещения Российской империи С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», выделяющей православие как одну из основ существования России: «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России «...» имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность» [9]. Также активно репрезентируются объединяющая деятельность церкви в период раздробленности Руси и усобиц русских князей, в период золотоордынского нашествия, и в период Смуты.

На примере Волгограда мы можем наблюдать два процесса. Первый процесс характеризуется коммеморацией советского опыта и памяти о Сталинградской битве. Второй процесс можно назвать возвращением к ортодоксии через маргинальность, а именно попыткой превращения Волгограда в один из центров православия. Эти два процесса, выступают и в единстве, и по отдельности, имеют свои как положительные, так и отрицательные стороны.

Характеризуя процесс обоснования советской идентичности Волгограда, следует отметить, что память о войне накладывается на память о «городе-заводе». Что приводит к замещению памяти о «Сталинграде-Волгограде» как о «городе-заводе», памятью о войне, о «Сталинграде-Волгограде», как о городе – победителе, городе-герое. Что активно поддерживается работой поисковых групп, архивов и музеев, символическими актами перезахоронения праха В. Зайцева и праха маршала СССР В.И. Чуйкова на Мамаевом Кургане, реконструкция самого Мамаевского Кургана, различными акциями, в частности «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк». В тоже время эти акции вызывают странные ощущения. Из-за процесса замещения не поддерживается память о «Сталинграде-Волгограде», как о «городе-заводе», во время тяжелейшей для города битвы, ковавшего танки для Победы. Совершенно непонятной выглядит с точки зрения определенного количества горожан байк-шоу с участием ведущим рок- и метал-групп, посвященное памяти 23 августа. Напомним, что 23 августа 1942 года начались бомбардировки города немецкими «люфтваффе», что делает данную акцию в контексте исторической памяти о Сталинградской битве в высшей степени странной. Так же вызывают недоумения в памяти переименование города в

Сталинград, что может вызвать споры и даже перспективы раскола в обществе в связи с преодолением последствий сталинизма.

В сложившихся непростых условиях для осознания волгоградцами собственной идентичности, парадоксальным образом набирает силу неожиданная тенденция репрезентации Волгограда как одного из центров православия. Мы рассматриваем ее как реакцию на подавление и маргинализацию православными своей идентичности в советский период. Этот маргинальный опыт, успешно преодолевающий себя, может стать традиционным опытом памяти. Маргинальность, в данной связи, является важным объектом для изучения, представляя собой совокупность важных подавляемых памятей, исторических опытов, кризисов и идентичностей. Крах советского дискурса дал шанс маргинальным идентичностям и памятям, которые требуют изучения, актуализации и осмысления их опыта.

Следуя поставленной цели превращения Волгограда в сознании масс в «Центр Православия» в Поволжье (и шире в России), представители Волгоградской епархии основательно поработали над всеми известными историческими мифами старого Царицына, формируя, преемственность, переходящую от Царицына к Сталинграду и Волгограду. Для этой цели в 2003 году была выпущена книга «Храмы Царицына, Сталинграда, Волгограда».

В качестве обоснования православной идентичности города в этой книге избираются два пути. Первый – это обоснование древности православия на Волгоградской земле. Так приводится упоминание «церкви прихода» в Царицыне, в хронике монахов-кармелитов путешествовавших здесь в 1606-1607 годах. Здесь же сведения о том, что в 1681-1682 годах Царицын мог стать центром епархии [2, с. 9, 13]. Так же важную роль здесь играет легенда, согласно которой на территории региона находилась одна из столиц Золотой Орды, а, следовательно могли находиться и храмы Сарайской епархии, занимавшей всю Южную Русь между Днепром и Волгой. Так же идет обоснование православной идентичности города исходя из памяти почитаемых царицынских купцов, Царицыне как о «русском Чикаго» и связанным с этим пиком строительства церквей в конце XIX-начале XX веков [1, с. 157].

Второй путь – обоснование православной идентичности города через упоминание о трепетном отношении к храмам Царицына монарших особ. Это упоминания о Никитской церкви в Бекетовке, построенная по велению фаворита Елизаветы Петровны, князя Бекетова, «первая Церковь во имя Иоанна Предтечи» якобы построенная по приказу Иоанна Грозного, а так же факты о посещении ряда церквей Петром Первым. Так же упомянуты строительство кафедрального Александро-Невского собора в честь спасения царской семьи при крушении царского поезда в Горках, и строительство на народные деньги в 1912 году крупнейшего на тот момент монастыря Юга России, а именно Свято-Духовского мужского монастыря [1, с. 160-161; 2, 176, 186-188].

Волгоградская епархия пытается преодолеть маргинальность православия в контексте его обоснования как второй, равноценной идентичности, наряду с советской. Для этого активно продвигается легенда об основании Царицына на месте небольшой крепости, в которой останавливался Александр Невский, по пути в Орду. С основания города в 1589 году князь был объявлен его покровителем. Стоит отметить, что фигура Александра Невского, является знаковой для обоснования двойственной идентичности города. Фигура Александра Невского устраивает всех. С одной стороны, он выступает как защитник православия и православных земель, чему способствует легенда о том, что Тевтонские рыцари везли с собой буллу папы, о повсеместном католическом крещении русских земель. С другой стороны, Александр Невский выступает в качестве символа русского воина, православного по вероисповеданию, символа единства народа и примера для него. Не следует забывать о том, что Александр Невский был упомянут, наряду с другими историческими персонажами, в знаменитой речи И.В. Сталина, посвященной нападению Германии на СССР и начинающейся словами «Братья и сестры». Также следует отметить участие епархии в жизни советского государства в трудные периоды (оказание помощи голодающим в 1922-ом году, сбор денег (131 тысяча рублей) на восстановление города и на танковые колонны) [2, с. 35].

Так же епархия проявляет терпимое отношение к советским памятникам, воздвигнутым на месте храмов в советский период (Площадь Ленина на месте Никольского храма, памятник летчику Хользунову на месте Троицкой церкви). Неконфликтное продвижение необходимости восстановления ряда наиболее старейших храмов города (храм Иоанна Предтечи на Центральной Набережной), и возвращения значительной части Свято-Духова монастыря в ведение епархии. Заслугой епархии, в данной связи, является обеспечение церковью функции почитания памяти погибших участников Сталинградской битвы, что ознаменовалось строительством храма Всех Святых на Мамаевом кургане с 2000 по 2003 год [2, 207-208]. Символическое значение этого процесса состоит в том, что епархия пытается показать свое единство с народом, и представить российский народ вообще и русское воинство в частности как воинство именно христианское православное.

Но процесс обоснования православной идентичности города Волгограда имеет и свои трудности. В первую очередь это проблемы вписания ряда храмов в архитектуру города, противодействия ортодоксальных коммунистов (в ситуации храма на Мамаевом Кургане, и храма возле музея-заповедника «Сталинградская битва»), а также проблема забвения ряда событий важных для этих процессов. Так памятник первому воеводе Царицына Засекину имеет только материальное значение, но не функциональное и, тем более, символическое. Не находят отклика и памятники поставленные рядом с храмом Иоанна Предтечи – памятник казаку, и памятник Петру и Февронии как попытки православного ответа 8-му марта и 14-му февраля. Так же вызывает споры реконструкция

кафедрального собора. С одной стороны, он находится в символическом месте, но с другой возникает проблема нехватки парковых зон в миллионном городе. Существует также проблема повода, по которому был построен храм: память о чудесном спасении семьи Александра Третьего во время крушения царского поезда в Горках [2, с. 176]. Для города, основной идентичностью которого все же является революционно-советская идентичность, это выглядит странным.

Таким образом, можно говорить о том, что в Волгограде в настоящее время активно поддерживается в качестве основной советская идентичность, связанная с подвигом города во время Великой Отечественной Войны. С другой стороны идет процесс преодоления маргинальности православной идентичности города: православие пытается вернуться к ортодоксии через маргинальность. Можно также сделать вывод о том, что оба этих процесса, несмотря на указанные выше проблемы, идут весьма активно. Достаточно мягко обращаясь с исторической памятью Царицына и Сталинграда, православие встраивается в современную жизнь города, преодолевая свою маргинальность, несмотря на ряд противоречий и трудностей, существующих в скрытом, латентном виде. Эти противоречия, которые мы охарактеризуем можно охарактеризовать как «нормальный» и «травматический кризис», требуют своего дальнейшего преодоления на пути вписания в историю и культурную жизнь города.

Литература

1. Аргасцева С.А., Гуренко Л.В., Жорова Е.П. и др. Свод историко-архитектурного наследия Царицына-Сталинграда-Волгограда (1589-2004 гг.). – Волгоград: Издательство «Панорама». 2004 г. – 240 с. – С. 157-165.
2. Иванов С.М., Супрун В.И. Православие на волгоградской земле: храмы Царицына-Сталинграда-Волгограда. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2003. 240 с. – С. 9, 13, 35, 176, 186-188, 207-208.
3. Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994-1996. – URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/435711/>. – Цит. по URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/435753/>
4. Нора П. Всемирное торжество памяти / Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – Цит. по URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
5. «Повесть временных лет». – Цит. по URL: <http://old-russian.chat.ru/01povest.htm>
6. Православная Энциклопедия. – Цит. по URL: <http://www.pravenc.ru/text/543737.html>
7. Рюзен И. Кризис, травма и идентичность / «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 38–62.
8. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / Вестник Томского

государственного университета. – Серия «История». – 2013 г. – № 1(21) – с. 183-190

9. Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. Оп.: Река времен. – Вып. 1. – М.: Эллис Лак; Река времен, 1995.

10. Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему/ Неприкосновенный запас, 2005. – № 2-3 (40-41). – Цит. по URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fere8.html>

**УДК 396.11
396.9**

Гудова О.С.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Гукова И. Н.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН

Аннотация. В статье рассматривается проблема освещения в научной литературе женского политического участия. Если проследить тенденцию влияния женщин на политическую жизнь и определения роли женщины в ней, то можно сказать, что она была не однозначна и менялась с течением времени. Так начиная с античности и почти до нового времени, роль женщины сводилась к минимуму, и лишь к XX в. женщины получают доступ к политическим ресурсам, и проблема гендерного разрыва в политических предпочтениях либо утрачивает актуальность, либо получает иной смысл.

Ключевые слова: политическое участие женщин; теории феминизма; гендерный подход.

CONCEPTUAL BASES OF WOMEN'S POLITICAL PARTICIPATION

Annotation. The article considers problem of lighting women's political participation in the scientific literature. If we trace the trend of women's influence in political life and the definition of the role of women in it, we can say that it has not been straightforward and has changed over time. So from the antiquity almost to modern times, the role of women had been reduced to a minimum, and only to the XX century women have had access to political resources, that's why the problem of the gender gap in political preferences has either lost relevance, or received a different meaning.

Key words: women's political participation; feminist theory; gender mainstreaming.

В современной научной литературе политическое участие определяется как действие, совершаемое людьми, гражданами определенного государства с целью оказания воздействия на политику государства или на выбор лиц, занимающих государственные должности. Политическое участие имеет лишь одного субъекта – личность, что отличается от политической деятельности. Основными субъектами политического участия обычно выступают индивиды, социальные и религиозные объединения и т. д. По своему масштабу оно может выражаться на уровне местной, федеральной, региональной политики. Политическое участие может осуществляться прямым и косвенным, всеобщим и ограниченным, легальным, регулируемым законом и неконвенциональным т.е. незаконным. В настоящее время женщина является полноправным участником политических отношений в современном мире. В современном мире представители женского пола обладают идентичными правами, как и представители мужского. Соответственно, женщина вправе занимать любые государственные должности, имеет возможность участвовать в выборах, отстаивать свою точку зрения политической сфере. Она не должна зависеть от кого либо, отца, мужа и т.д. Но так было не всегда. Данное исследование – это попытка осветить весь ход развития и изменений правового статуса женщин в политической культуре.

Роль женщин в политической жизни описывается еще античными философами и историками. Аристотель, к примеру, отдавал предпочтение мужскому полу не потому, что считал представителей женского пола не способными к решению политических вопросов, а потому, что у женщины нет времени заниматься политическими и общественными вопросами, в силу насыщенности бытовых проблем и обязанностей. Женщине отводилась второстепенная роль. Эта мысль прослеживается у многих авторов данного времени. Подъем недовольства и очертания борьбы за свои права возникает в ярко окрашенной форме лишь с приходом XIX века. Возникают феминистические течения и встают вопросы об обделенности женского пола в политической жизни. Что же касается современности и конца XX века, то политическая роль женщин значительно усилилась. И этот процесс затронул все страны без исключения. Все чаще представители женского пола занимают на ответственные государственные должности, где от решения данных вопросов зависит жизнь всего государства. То, что женщины занимают самые высокие посты в государстве и руководящие должности в различных министерствах, является важной тенденцией. Возможность политического участия женщин становится возможным не только в странах Европы. Однако все же возникают препятствия для женщин в участии в мировой политике. Современная политическая ситуация в мировой политике должна быть отредактирована и модернизирована. Это обуславливает актуальность проводимого нами исследования. В зависимости от того, как изменялся статус женщины в политической культуре, изменялись и акценты научных работ по вопросам женского политического участия. В 50-е – 60-е годы принадлежность к определенному полу рассматривалась как одна из

главных причин, определяющих политическое поведение. Женское участие в политической жизни не было особой проблемой для научных исследований. Обращаясь к работам М. Дюверже – французского ученого, занимающегося вопросами политического участия, – мы можем проследить меньшую политическую активность женщин, и первопричиной этого явления выступают в первую очередь психологические факторы. [7, с. 1-2]. Исследователь выявляет ряд причин, которые указывают на то, что женщины большей степени, чем мужчины привержены традиционными ценностями и наиболее консервативным взглядам. Также выявлялась связь между поведением, обусловленным природными особенностями и политической активностью, деятельностью. Подразумевается природная психологическая устойчивость и присущая во многом мужчинам агрессивность и умение отстаивать свои интересы в политической сфере. Если следовать этому утверждению, то женщины изначально биологически не предрасположены к самостоятельным политическим решениям и, следовательно, должны разделять мнение мужчин относительно данной сферы, соглашаясь со всем, что им предложат, не имея возможности возражать.

Таким образом, даже голосование представителей мужского пола и женского трактуются по-разному. Выбор мужчин объясняют глубинным или поверхностным, но пониманием политических процессов, а выбор женщины характеризуется сиюминутным чувственным порывом. Следует вывод, что женщины больше подвержены эмоциям и меньше вникают в сущность самих политических процессов [5, с. 2-3].

В 1970-е годы многие исследователи начали проявлять интерес к проблеме взаимовлияния пола и политики. Под влиянием феминистского движения и расширения участия женщин в различных вопросах на своих предприятиях и организациях намного большее количество женщин стали интересоваться своими правами и проявлять политическое участие. Актуальность исследований все более смещалась на разделы политической социализации, социальные и экономические проблемы. В эти годы не только происходит процентное пополнение женщин в политике, но и существенно изменяется женское политическое поведение, изменяется отношение ко многим вопросам, которые раньше считались личными, частными. Это такие темы как разводы, решения, принимаемые женщинами относительно рождения детей, семейное насилие и разделение труда в семье. Это стало намного больше, чем раньше обсуждаться в обществе. Ранее довольно запрещаемые темы начали появляться в политической повестке дня. Один из лозунгов женского движения «личное - это общественное» означал критику либерального разделения личной (частной) и общественной (публичной) сфер общества. Обхождение женского мнением из некоторых аспектов общественной сферы, в частности, труда и политики означает тенденцию к исключению из политики "женских" вопросов в принципе. Такая политика была названа феминистками патриархальной. В 80-е годы в некоторой степени сформировались характеристики и истоки причин низкого уровня представительства женщин в политике [2, с. 5-6]. Среди наиболее значимых

факторов политического участия указывались политическая социализация, структурные и ситуационные (биографические) факторы. Попытаемся рассмотреть влияние каждой совокупности факторов на политическое участие женщин. Разная политическая социализация направляет мужчин и женщин на разные уровни, различное отношение к политике и деятельностной активности в принципе. Как мы выяснили, политическая сфера во многом считается не совсем подходящей для направления жизненных сил женщины. В процессе взросления и адаптации в обществе чаще всего поощряется независимое, уверенное поведение мальчиков, ориентируемое на достижение целей, и лояльное, скромное поведение девочек, которое в большей степени направлено на заботу об окружающих людях. «В детстве мальчику говорят, что когда он вырастет, то сможет однажды стать президентом, а девочка может надеяться на то, чтобы выйти замуж за мужчину, который однажды станет президентом» [4, с. 2-3]. Даже после пересмотра представлений о гендерных ролях в 70-е годы, политика оставалась той сферой, где разные роли женщины приходят в максимальное противоречие друг с другом. Политически активная женщина «должна прийти к осознанию себя как личности, которая разрешает противоречие между убеждением в собственной политической эффективности и общественным представлением о том, что никакая женщина не может достичь достаточного (для политика) уровня компетентности» [7, с. 15-16]. Мужчина работает в политической сфере чаще всего ради своей карьеры. В политической сфере так же, как зачастую и в семье, мужчина ориентируется на внешние задачи, поставленные перед ним. Женщины, которые занимаются политикой или являются активными политическими деятелями, намного меньше ориентируются на карьеру, они адресуют свою деятельность на внутренние задачи системы, обеспечивая объединение ее составляющих. Следующий блок причин составляют структурные факторы участия, т.е. те факторы, которые связаны с социальной структурой общества. Среди них выделяются неравномерное распределение ресурсов, которыми пользуются мужчины и женщины в политике. Выявленное гендерной системой неравенство в образовании, материальных благах, опыте работы и наличии определенных навыков приводит к тому, что женщины меньше представлены в ресурсных слоях общества, из которых происходит приток кадров в политику, следовательно, их возможности на увеличение политического участия снижены в сравнении с мужской половиной человечества. Женщины часто приходят в политику из образовательной сферы и медицины, то есть, изначально обладая меньшим политическим опытом и навыками, чем мужчины [12, с. 157]. В последнее время, однако, эта тенденция изменяется, значительно возросло количество женщин, получающих юридическое, экономическое и управленческое образование, а также возрастает процент женщин, которые занимаются предпринимательством и возглавляют крупные корпорации, следовательно, их управленческий и политический опыт возрастает. Третий блок составляют ситуационные или биографические факторы. Они связаны с индивидуальными особенностями жизненного пути

каждой женщины в современном мире. Даже сейчас в современном обществе женщины в большей степени ответственны за благополучие семейного очага и решение бытовых проблем, и именно поэтому они не имеют достаточного времени и сил для того, чтобы в полной мере иметь возможность посвящать себя политической деятельности. Женщины даже если и приходят в политику, то это происходит гораздо позже в сравнении с мужчинами, так как изначально они посвящают себя семье и детям. Это, конечно, не означает, что мужчины не испытывают конфликта между политической карьерой и семейной жизнью, мужчины в большей степени могут, занимаются политикой, несмотря на конфликт, а женщины из-за такого конфликта чаще всего отказываются от политической карьеры. Исследователи сообщают, что женщины гораздо реже, чем мужчины удовлетворяют свои политические намерения [9, с. 7-8]. Кроме этих трех блоков факторов, авторы указываются также на такие причины низкого политического участия женщин как дискриминация, препятствующая их политической активности. Она проявляется в нежелании предоставить женщинам ключевые политические посты, так и в нежелании избирателей голосовать за женщин. Но также оговаривается, что в настоящее время электорат, и мужчины, занимающиеся политикой, становятся более лояльно настроенными по отношению к женщинам, стремящихся реализовать себя в политической сфере [1, с. 15]. Изменение теоретических подходов по изучению вопросов женского политического участия связаны с изменением положения женщины в обществе во всех сферах общества. В 50-е – 60-е годы гендерные отличия объяснялись как различия по половому признаку. Термин «гендер» еще не был воспринят и понят в полной мере в научном сообществе. Роли, зависевшие от пола, определялись как биологически обусловленные и четко выстроенные. Следуя такому пониманию, гендерные отличия никогда не смогут привести к гендерному равенству. Пример этого феномена выступает незащищенность женщины, её физическая слабость. В 70-е годы возникают новые подходы к рассмотрению данных вопросов гендерно-нейтральный и гендерно-чувствительный подход. Гендерно-нейтральный подход основан на принципах гендерного равенства и отсутствия гендерных различий. Идеологически он связан с либеральным направлением женского движения. Гендерно-чувствительный подход подчеркивает сочетание как гендерного равенства так гендерных отличий. Он связан с более радикальной частью женских движений. Определенный актуалистический перевес в рассмотренных нами научных исследованиях изначально был связан с гендерно-нейтральным подходом, так как был необходим аргументированный ответ на вопросы, которые беспокоили общество. Вопросы разного уровня, но все они объединялись более низкими позициями женщин в политике. Делая вывод по рассмотренным исследованиям гендерно-нейтрального подхода можно сказать, что более всего он был популярен в Скандинавских странах. Практически все исследователи признавали, что влияние ситуационных и структурных факторов таково, что у женщин гораздо меньше возможностей и ресурсов

для реализации себя в политической деятельности. Так, к примеру, в некоторых западных странах образованность женщин ниже, чем у мужчин, они меньше интересуются политическими процессами, их повседневная жизнь оттесняет политические интересы. Если они участвуют в политике, то обычно отвечают за маргинальные области: образование, здравоохранение, социальную политику. В конце XX века количество политических ресурсов, имеющихся в распоряжении женщин, увеличилось; в некоторых структурах возможности женского участия стали даже выше чем у мужчин [6, с. 40-42]. В связи с этим методологические акценты приблизились к гендерно-чувствительному подходу, ученые начали ставить перед собой задачи выяснения, особенностей принятия женских решений политической сфере и разницы в мышлении женщин и мужчин относительно одной политической ситуации [10, с. 16]. После избрания в США, на президентских выборах в 1980 г. Рональда Рейгана, в американском феминистском дискурсе стало частое использование понятие «гендерного разрыва» (gender gap). Это понятие отражает наличие непреодолимых гендерно-обусловленных различий в политическом участии, партийных предпочтениях и голосовании мужчин и женщин [8, с. 45-46]. Оно было призвано не только закрепить, но и пояснить тот факт, что женщины стали менее часто в поддерживают консервативную политику, нежели мужчины. Было признано, что женщины обладают особыми интересами в совмещении роли матери и высококвалифицированного профессионала, в связи с этим они более уязвимы при трудоустройстве, более чувствительны к социальной политике, и в следствии этого имеют особые политические взгляды. Этим объясняется склонность к голосованию за социал-демократические и социалистические партии. Если раньше женщины были склонны более часто голосовать за правые партии, которые ориентируются, в частности, на традиционные ценности и роль семьи, то теперь они поддерживают левых. Социальная защита соотносится не с институтом семьи, а с государством. Гендерные расхождения в позиции на проблемы окружающей среды, социальной жизни и внешней политики стали трактоваться как следствие исторических и культурных различных ролей мужчины и женщины [5, с. 12-13]. В трактовке гендерно-чувствительного подхода к ранее представленным вопросам о доступности возможностей политического участия добавились проблемы об особых интересах женщин в политике, о различных ожиданиях по отношению к женщинам и мужчинам в политической культуре. Если следовать аргументации, рассмотренных нами трудов, то интересы женщин, заключались в требовании неприемлемости дискриминации, защите политических и социальных благ [11, с. 55-58]. Вместе с тем, в государствах, где проводится политика равных правовых возможностей для мужчин и женщин, где повышение уровня образованности и участия в получении ресурсов равняет между собой в гендерном отношении, женщин и мужчин. Все в равной степени имеют доступ к политическим ресурсам, проблематика гендерного разрыва в политических предпочтениях либо становится не актуальной [3, с. 8], либо получает другой смысл.

Таким образом, к середине 90-х годов XX в. по проблеме политического участия женщин, был обозначен тезис о наличии гендерного разрыва, при отсутствии маргинализации женщин в политической сфере. В сферу исследовательских работ также стала включаться проблема различия в политическом участии представителей женского пола, принадлежащих к различным социальным, национальным и этническим группам.

Литература

1. Carnaghan E. & Bahry, D. Political Attitudes and the Gender Gap in the USSR // *Comparative Politics*. 1990. V.22. N.4.
2. Chapman J. *Politics, Feminism and the Reformation of Gender*. / L: Routledge. 1993.
3. Conover P. J. Feminism and Gender Gap / *Journal of Politics*. 1988. V.50. N.4.
4. Costantini E. Political Women and Political Ambition: Closing the Gender Gap / *American Journal of Political Science*. 1990. V.34. N.3. Pp.741-770.
5. Bookman A. & Morgan, S. (Eds.) *Women and the Politics of Empowerment*. Philadelphia: Temple University Press. 1988.
6. Duverger M. *The Political Role of Women*. Paris, UNESCO. 1955.
7. Genovese M., ed. *Woman as National Leaders*. Newbury Park: Sage. 1993.
8. Giddens A. *Sociology*. Polity Press. 1989.
9. Haavio-Mannila E. et al. (Eds.) *Unfinished Democracy*. Oxford: Pergamon Press. 1985.
10. Helblom M. 1987. *Women and Power in American Politics*. Washington: American Political Science Association.
11. Здравомыслова Е.А. Темкина А.А Case-study: проблемы политического участия в гендерном измерении [Электронный ресурс]. СПб. – 1994. – URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/zdrd-2.htm> (дата обращения 01.04.2016)
12. Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24876674> (дата обращения 24.03.2016)

Двойников А.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье представлен взгляд на сложившуюся в настоящее время архитектуру международных отношений и те последствия, которая она порождает. Автор осмысливает роль и место Российской Федерации в системе международных отношений. С помощью анализа ряда ключевых событий, произошедших за последнее время, делается вывод о возрождении России, как ключевого игрока на мировой арене. Опираясь на фактологический материал, дается оценка существующих проблем, стоящих перед мировым сообществом, и предлагается заслуживающий внимания вариант их решения.

Ключевые слова: Международные отношения, международное право, новый мировой порядок, великие державы, коллективное управление, баланс интересов, многополюсный мир, глобальные проблемы современности, глобализация.

THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER: RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Annotation. This article provides a look at the current moment in the architecture of international relations and the consequences that it generates. The author reflects on the role and position of Russia in the system of international relations. By analyzing a number of key events that have occurred in recent years, it reveals the revival of Russia as a key actor on the world stage. Based on factual material, an assessment of the problems facing the world community is given and a noteworthy variant of solving them is proposed.

Key words: international relations, international law, new world order, great powers, collective management, the balance of interests, multipolar world, global problems, globalization.

Второе десятилетие XXI века отличается стремительными изменениями в сфере международных отношений. Глобализация дала возможность государствам Азии, используя все ее преимущества, за короткие сроки увеличить свой экономический, военный и технологический потенциал, что привело к появлению в АТР мощных центров влияния на мировую политику. На наших глазах вырисовываются контуры нового мирового порядка. Идея «конца истории» Ф. Фукуямы [8] и «гегемонии

США» З. Бжежинского [3] не получила развития. Идея глобализации о «наращивании сотрудничества в различных сферах между членами международного сообщества, складывании на этой основе режимов зависимости и взаимозависимости при уважении национальных интересов» [3] была извращена западным сообществом, подчинившим ее себе, что привело к «экспансии в торговой, финансовой, технологической, производственной областях, подавляя национальные интересы» [3]. Мировое сообщество, в наиболее широком смысле этого слова, не приняло концепцию преобладания либерально-капиталистической модели развития общества под руководством и наставлениями евро-атлантического объединения.

Появились новые центры силы, возродились старые, которые на некоторое время потеряли свои позиции, но восстановили влияние. К таким странам мы относим и Российскую Федерацию. Россия, проведя несколько десятилетий в тени, после воссоединения с Крымом и операцией ВКС РФ в Сирии, ставшими символами возвращения былой мощи и могущества государства, снова становится одной из ведущих держав, ставящей перед собой и способной решать самые сложные и амбициозные задачи. Со времен Петра Великого, который «выдвинул Россию в разряд ведущих государств» [4], РФ занимала ведущие позиции на мировой арене. «С тех пор с Россией уже не могут не считаться, ни один серьезный вопрос невозможно решить без учета российского мнения» [4].

Доминирующие на данном историческом временном отрезке страны пытаются сохранить свои позиции, восходящие – занять свое место в системе международных отношений, соотносящееся с их потенциалом. Следует отметить, что никто из «стран-претендентов» не стремится к разрушению существующих механизмов и институтов управления мировыми процессами. Ключевое условие современного этапа международных отношений, отличающее его от биполярного противостояния прошлого века, видится не в разрушении существующего порядка, а в перераспределении влияния и соотносящихся с ним благ.

«В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансовых, экономических и информационных инструментов. Все активнее используется потенциал специальных служб» [7]. Используются «международные институты и организации, инфраструктура глобализации, как реальная, так и виртуальная» [5], технологии дестабилизации конкурентов, неконституциональные смены режимов и даже силовые вмешательства. Россию на Западе обвиняют в нарушении международных норм, в ревизионизме. Эти обвинения являются продуктом постоянно идущего противостояния и не стоит российской общественности расценивать их как личное нападение. Это так же обыденно для международных отношений, как глоток воды для человека. Россия, как один из ключевых игроков на международной арене, не стремится разрушать существующую систему. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности «Российская Федерация выстраивает международные отношения на принципах международного права, обеспечения надёжной и

равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов» [7]. Уже имеющиеся институты управления достаточны на данном историческом этапе. Необходимо лишь время от времени коррекция ключевых механизмов и акторов управления ими для стабильного и бесконфликтного развития планеты.

Россия всегда была заинтересована в развитии не только взаимовыгодного, но и равноправного торгово-экономического сотрудничества с иностранными государствами [7]. Такое сотрудничество должно учитывать многообразие существующего мира и самые разнообразные точки зрения и мнения на решение тех или иных проблем. Необходимо отказаться от убеждения, которое отражает, что «безопасный мир – это однообразный мир» [6], наилучшей и эффективной моделью управления которым является менторство и наставничество в видении мира и решении мировых проблем с точки зрения западного мира. «Французский исследователь Э. Тодд, автор известного труда «После империи. Рах Америгана – начало конца», начал его с констатации: «Соединенные Штаты становятся для мира проблемой... все больше и больше становятся фактором международного беспорядка, поддерживая везде, где могут, неопределенность и конфликты» [3].

В новейшей истории мы можем проследить к чему приводила такая точка зрения на решение мировых проблем. Ряд односторонних действий, в основании которых лежал образ действий на основе унификации мира, привел к самым негативным последствиям. Мы имеем в виду такие страны как бывшая Югославия, Ливия и Ирак и этот список можно продолжить. Югославия в процессе внешнего вторжения и ряда кровопролитных войн распалась на несколько государств, чей отдельный потенциал уступает тому, который они имели, существовав в едином государстве. Европейские исследования о миграции на и по территории ЕС показывают, что такие страны бывшей Югославии как Косово (частично признанное государственное образование, РФ не признала независимости Косово) и Албания являются одними из ведущих стран-доноров населения в более развитые страны западной Европы. По данным исследования Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), опубликованного в конце 2015 года, на долю этих двух стран приходится 20% всех лиц, ищущих убежища в странах западной Европы [9]. Низкий уровень жизни в новых независимых странах заставляет население искать лучшую жизнь вдали от Родины. Ирак и Ливия после военного вторжения и разрушения правящих режимов, балансируют на грани развала государственности, вносят свою долю в поток беженцев и являются базами и перевалочными пунктами для террористов, в том числе и ИГ (запрещенная в РФ террористическая организация). Как мы видим из этих примеров, вмешательство во внутренние дела других стран с целью их перестройки по определенному образцу не приводит к улучшению жизни населения, а, наоборот, только ухудшает ситуацию. Возникает вопрос от том, насколько эффективна, и вообще,

эффективна ли модель унификации мира по западной модели, насколько такая модель приемлема для традиционных обществ, готовы ли они к изменениям?

Нам видится, что наиболее приемлема и должна использоваться при решении конфликтных ситуаций и мировых проблем система коллективного управления, основанная на понятных правилах игры, равноправии и взаимоуважении, безопасности всех участников процесса. Когда на практике применяется принцип объединения усилий, удается добиться впечатляющих результатов. Соглашения о нераспространении ядерного оружия, соглашения по климату и экологии – яркие тому примеры. Из наиболее актуальных и находящихся на слуху проблем, решение которых было выработано в тесном взаимодействии всех заинтересованных сторон, следует отметить договор о ликвидации сирийского химического оружия, успешные переговоры по иранской ядерной программе и соглашение о перемирии в Сирии, вступившее в силу 27 февраля 2016 года. Официальный представитель генсека ООН Стефан Дюжжарик, после вступления в силу перемирия, отметил, что оно способствовало уменьшению насилия в стране [2]. На состоявшейся 24 марта 2016 года встрече Госсекретаря США Джона Керри и Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова стороны заверили друг друга в том, что «в тех областях, где у нас нет расхождений и есть общие интересы, мы хотим и будем сотрудничать на равноправной основе и основе баланса интересов» [1]. Поездки Дж. Керри в Россию носят регулярный характер, за год он приезжал трижды, что является показателем улучшения отношений между Москвой и Вашингтоном. Постоянные встречи и сверки позиций необходимы, чтобы заокеанские партнеры видели, что Россия не стремится сбросить США с лидирующих позиций на международной арене, это контрпродуктивно и невозможно в обозримом будущем. Наиболее благоприятный исход возможен, если сами США откажутся от притязаний на мировое господство, начнут выстраивать сбалансированную внешнюю политику в многополюсном мире с множеством разнообразных центров силы и займут, в силу своего опыта и лидерского потенциала, место первого среди равных. На наш взгляд, такой принцип несет в себе универсальный характер и должен лежать в основе будущей архитектуры безопасности и сотрудничества. Такую точку зрения поддержат и другие страны, не входящие в элитарный круг западных демократий, последние годы узурпировавших место судей и учителей всего остального человечества.

Стабильное существование и развитие человеческой цивилизации возможно только в том случае, если ведущие мировые державы смогут договориться о единых «правилах игры», которые нельзя будет изменить в одностороннем порядке в ущерб другой стороне. Если центры силы объединят усилия для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, а не для взаимной конфронтации между собой. Такой подход к развитию международных отношений нам кажется наиболее эффективным и благоприятным, позволяющим если и не вступить человечеству в «золотой век», то хотя бы сделать первый шаг в этом направлении.

Литература

1. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Государственным секретарем США Дж. Керри, Москва, 24 марта 2016 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2189204 (дата обращения: 24.03.2016).
2. Зеленин О. ООН подтвердила сокращение уровня насилия в Сирии в первый день перемирия [Электронный ресурс]. / ТАСС. – 2016. – 27 февраля – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2701957> (дата обращения: 28.02.2016).
3. Клепацкий Л. Деглобализация мировой системы [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13624> (дата обращения: 20.03.2016).
4. Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России / Россия в глобальной политике. – 2016. № 2. – С. 8-20.
5. Леонард М. Взаимосвязь как оружие. Новые методы противостояния и новые сверхдержавы / Россия в глобальной политике. – 2016. – № 2. – С. 86-101.
6. Право знать! Федор Лукьянов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tvc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/43684/ (дата обращения: 5.03.2016).
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 20.03.2016).
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2010. С. 56-57.
9. Is this humanitarian migration crisis different? [Электронный ресурс]. / Migration Policy Debates. – 2015. – № 7 – URL: <http://www.oecd.org/els/mig/Is-this-refugee-crisis-different.pdf> (дата обращения: 19.03.2016).

Евсюкова Н.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Туркина В.Г.

**ВЛИЯНИЕ РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГУРЗУФА В КРЫМУ**

Аннотация. В данной статье кратко рассмотрены традиции и наследие русского музыкального искусства и его влияние на культурное наследие поселка Гурзуф на южном берегу Крыма. История Гурзуфа связана с именами выдающихся деятелей искусства конца XIX – начала XX вв.: с великим русским басом Ф.И. Шаляпиным и декоратором московских императорских театров, художником К.А. Коровиным. Культурное наследие Гурзуфа, связанное с музыкальным искусством: скала Шаляпина, проект «Замок искусств» Ф.И. Шаляпина в Гурзуфе и дача К.А. Коровина «Саламбо».

Ключевые слова: русское музыкальное искусство, культурное наследие, Крым, Гурзуф, Ф.И. Шаляпин, «Замок искусств», К.А. Коровин, вилла «Саламбо».

**THE INFLUENCE OF RUSSIAN MUSICAL ART ON THE
CULTURAL HERITAGE OF GURZUF IN THE CRIMEA**

Annotation. In this article discussed the traditions and heritage of Russian musical art and its impact on the cultural heritage of the village of Gurzuf on the southern coast of Crimea are briefly discussed. The history of Gurzuf is associated with the names of prominent figures of art of the late XIX – early XX centuries: the great Russian bass F. Chaliapin and the decorator of the Moscow Imperial Theaters, painter K. Korovin. The cultural heritage of Gurzuf has a connection with the art of music: Chaliapin's rock, F. Chaliapin's project «Castle of Art» in Gurzuf and K. Korovin's villa «Salamambo».

Key words: Russian musical art, cultural heritage, Crimea, Gurzuf, F. Chaliapin, «Castle of Art», K. Korovin, villa «Salamambo».

Русская музыка – это обобщенная совокупность многовековых культурных традиций русского народа, выраженная в национальном фольклоре, духовной православной музыке и наследии композиторов классиков. Само понятие русская народная музыка берет свое начало из фольклора славян Киевской Руси. Жанр музыкального материала этого периода отличается песенной направленностью, это обусловлено простотой и доступностью в освоении материала, который передавался из «уст в уста». Часть заложенных в эту пору традиций, базирующихся на обрядовости и

имеющих языческие корни, впоследствии найдет свое отражение в профессиональной деятельности русских композиторов классиков.

Не малую роль в наследии русской музыкальной культуры сыграли сильные, глубоко уходящие во временную толщу духовные музыкальные традиции. Особенностью этого направления является высокая нравственность материала, среди которого можно выделить плачи и распевы, структурная хоральность подачи материала.

Русские композиторы в своем творчестве часто использовали эти приемы для отображения монументальности событий.

Русская классическая музыкальная культура – наследие множества русских композиторов-классиков, воплотивших свои идеи в следующих жанрах: балет, опера, симфония, концерт, сюита.

В жанре музыкального драматического искусства – русской опере драматургия воплощена средствами вокальной музыки.

Московская русская частная опера берет свое начало в 1885 году. За период своего существования у нее было много названий, но в историю она вошла как опера С.И. Мамонтова, по имени своего духовного и финансового мецената. В постановках Частной русской оперы принимал участие знаменитый русский бас – Федор Иванович Шаляпин, впервые в истории исполнивший некоторые партии из опер русских композиторов-современников.

Русская опера неотъемлемо связана с именем выдающегося русского баса, яркого представителя и носителя традиций русской вокальной школы, чей след остался в культурном наследии небольшого посёлке Гурзуф на Южном Берегу Крыма. Здесь в живописном месте, где преобладает климат близкий к средиземноморскому, все благоприятствует для творческой натуры. Именно здесь и задумал построить Ф.И. Шаляпин «Замок искусств», который должен был стать культурным эдемом по его замыслу.

Памятным местом является скала в Гурзуфе, носящая имя великого русского баса – скала Шаляпина. Именно в этом месте Ф.И. Шаляпин планировал построить свой замок искусств, обучать в нем певцов и популяризировать русскую вокальную школу и оперное искусство.

Узнав о пребывании Ф.И. Шаляпина в Гурзуфе, хозяйка одного из первых русских курортов – Суук-Су, О.М. Соловьева, приехала его навестить на даче «Саламбо», подарила корзины с цветами и с фруктами и попросила отобедать в имении Суук-Су. Федор Иванович поехал, на приеме много пел и очаровал дам [2, с. 636].

Во владения О.М. Соловьевой входила скала над гротом А.С. Пушкина, месторасположение которой понравилось Ф.И. Шаляпину, искавшему в то время земельный участок для строительства своей мечты – «Замка искусств». В просьбе великого русского певца продать эту землю хозяйка Суук-Су первоначально отказала, но затем передумала, преклоняясь перед его талантом, отдала Ф.И. Шаляпину скалу в дар.

Сам Ф.И. Шаляпин называл ее Пушкинской скалой: «Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря носящая имя Пушкина. На ней я решил построить

замок искусств. Именно замок. Я говорил себе: «Были замки у королей, у рыцарей, отчего не быть замку у артистов?» [8, с. 146]

Мечте Ф.И. Шаляпина не суждено было сбыться из-за революции 1917 года. Находясь в Париже, вдали от родины, певец долго вспоминал свою скалу: «Мечту свою я оставил в России разбитой, иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр. Я их в шутку спрашиваю: «А где он возьмет Пушкинскую скалу?» [8, с. 248]

Скала в имении Суук-Су, где в настоящее время находится международный детский лагерь «Артек», носит имя Шаляпинской скалы и возвышается над Черным морем в память о великом русском басы, в совершенстве владевшим вокальным мастерством, носителем и хранителем русских музыкальных оперных традиций. Из мечты Шаляпина сохранились лишь четыре эскиза к проекту шаляпинского «Замка искусств», которые находятся в Музее архитектуры имени Щусева. Возможно, проект «Замка искусства» Ф.И. Шаляпина воплотится, и на его скале появится обитель искусств, где будут собираться молодые дарования и творческие люди: певцы, музыканты и художники.

Ф.И. Шаляпин посетил крымскую землю по приглашению своего друга – Константина Алексеевича Коровина, с которым начал свое знакомство в Частной русской опере Мамонтова, где К.А. Коровин создавал декорации для творений русских композиторов XIX в.

Будучи не просто художником, а и декоратором музыкальных театров: Частной русской оперы и императорских театров, К.А. Коровин повлиял не только на изобразительное искусство Крыма, но и оставил «музыкальное» наследие в Гурзуфе, назвав свою дачу в честь балета по одноименному роману Г. Флобера «Саламбо», работа над которым завершилась успехом и совпала с решением построить дачу на южном берегу Крыма.

Дача «Саламбо» стала за эти годы пристанищем и творческим источником для многих деятелей искусства, здесь проводили время: И.Е. Репин, Р.И. Суриков, В.А. Серов, А.М. Горький, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Ф.И. Шаляпин. В доме было весело и оживленно от многочисленных гостей. «В Крыму, в Гурзуфе, я нашел прекрасный кусок земли у самого моря, купил его и построил дом, чудесный дом. Туда ко мне приезжали гости, мои приятели – художники, артисты, и многие все лето гостили у меня» [2, с. 620].

Работа декоратором в Московской частной русской опере под руководством С.И. Мамонтова и декоратором императорских театров Москвы, его тесная связь с русским музыкальным искусством оказали большое влияние на живопись К.А. Коровина. Влияние музыкальной драмы прослеживается в его театральных декорациях и картинах. На яркость и звучность художественной палитры, красоту уместно и правильно взятого тона и цвета влияют достижения русского музыкального искусства XIX в. и выдающихся русских композиторов, к чьим операм К.А. Коровин создавал

декорации. Эти театральные эскизы передают пластические и колористические открытия К.А. Коровина для русской живописи XX века.

Театральный мир и его герои органично сосуществовали в найденных Коровиным художественных образах, передавая атмосферу реальности театрального действия, в котором музыка, пение, танец и изобразительные средства служили воплощению общей драматургии, увлекая зрителя в прекрасный и удивительный мир музыкального театра. Драматургия музыкальных спектаклей была близка тонкой душевной организации художника. Мастерски оформленные художником декорации к театральному действию помогали создавать шедевры русского музыкального театра. Мировая премьера многих оперных и балетных постановок русских классиков музыки состоялась именно с декорациями русского импрессиониста – звук, актерская игра, костюмы и декорации, правильно подобранная цветовая палитра соединялись воедино, оказывая сильнейшее художественно-драматическое воздействие на зрителя: «Краски могут быть праздником глаза, как музыка – праздник слуха души. Глаза говорят вашей душе радость, наслаждение, краски, аккорды цветов, форм. Вот эту-то задачу я и поставил себе в декоративной живописи театра, балета и оперы. Мне хотелось, чтобы глаз зрителя тоже бы эстетически наслаждался, как ухо души – музыкой», говорил К.А. Коровин [1, с. 76]. Не случайно К.А. Коровину особенно близок Н.А. Римский-Корсаков, воплотивший в своей музыке особую русскую музыкальность, мироощущение и цвето-звуковую палитру. В его операх по-новому читаются русские сказки и предания, передан народный дух и характер.

С 1909 года К.А. Коровин создает декорации для Большого театра к постановке балета А.Ф. Арндса «Саламбо», по одноименному роману Г. Флобера. Театральные работы к балету отличает фееричность, использование интенсивного цвета, по-музыкальному звучащий колорит декораций и костюмов: «Неожиданностью форм, фонтаном цветов мне хотелось волновать глаза людей со сцены, и я видел, что я даю им радость», – позже писал мастер [1, с. 76].

Основное внимание декоратор уделил колористическому решению: костюмная линия каждый основного персонажа была выполнена в соответствующей его характеру цветовой палитре. Это помогло создать правильное настроение для каждой отдельной сцены и подчеркнуло драматическую линию произведения. Костюмы балетной труппы были новаторскими, выполнены с учетом специфики хореографической постановки, пуанты были заменены специальными сандалиями, а вместо традиционных пачек для танцоров была изготовлена специальная одежда, передающая дух исторической эпохи – в искусстве утверждался реализм.

Декорации и костюмы помогли балетмейстеру и артистам выявить трагизм романа. Цветовое решение сцен подчеркивало внутренний мир каждого героя. Характер главной героини – Саламбо передают декорации «Комната Саламбо» выполненные в розовато-лиловых тонах. Через широкое окно в декорациях комнаты, было видно темно-синее море в холодном

лунном свете – эта цветовая палитра символизировала богиню Луны Танит и ее власть над миром и людьми. Тема Мато воплощена в красных тонах и преобладает в картинах «Лагерь Мато» и «Палатка Мато».

Работа над балетом была настолько успешной, что в 1910 г. К.А. Коровина назначают на должность главного декоратора и художника-консультанта московских императорских театров.

Для художника этот год ознаменовался еще одним событием. В 1900-х годах Константин Алексеевич приобрел землю и здание старой таверны в Гурзуфе, и в 1910-1912 гг. на этом месте, он по собственному архитектурному проекту, строит дачу. Переключаясь с важным этапом в жизни художника, с его новой должностью и с работой, в которую К. А. Коровин вложил столько душевных сил и своего таланта, сроднившись с постановкой, дача получила название балета А.Ф. Арндаса «Саламбо» – настолько для художника стал судьбоносным этот спектакль. «В Крыму, в Гурзуфе, у моря, я построил себе дом в четырнадцать комнат. Дом был хороший. Когда вы просыпались, то видели розы с балкона и синее море. С террасы были видны Одалары – две большие скалы, выступающие из моря, – «пустынные скалы». На скалах этих никто не жил. Только со свистом летали стрижи. Там не было ни воды, ни растительности» – так описывает К.А. Коровин свою дачу в воспоминаниях [3, с. 651-652].

В архитектурном плане дача «Саламбо» довольно скромная. В архитектуре того времени наступила эпоха конструктивизма: коровинская дача представляет собой двухэтажное строение и отличается четкими геометрическими формами. Из небольшой, очень светлой спальни с огромными окнами открывался прекрасный вид на море и побережье.

Импрессионистская направленность живописи К.А. Коровина, залита солнечным светом и наполнена пространством. В крымских работах, созданных в период пребывания на гурзуфской вилле, преобладает натюрморт. художник часто писал розы, в комнате и на террасе на даче «Саламбо», на фоне моря и скал: «Розы» (1910-е), «Цветы и фрукты» (1911 – 1912), «Розы и фиалки» (1912), «Розы» (1912), «Розы, фрукты, вино» (1912), «Гурзуф» (1916), «Цветы. Гурзуф» 1916 г., «Натюрморт. Розы» (1916), «Розы в голубых кувшинах» (1917), «Розы» (1917), «Розы и фрукты» (1917).

«После я жил в Гурзуфе и построил себе там мастерскую. И из окна моего был виден домик у скалы, где когда-то жил Антон Павлович. Этот домик я часто воспроизводил в своих картинах. Розы... и на фоне моря интимно выделялся домик Антона Павловича. Он давал настроение далекого края, и море шумело около бедного домика, где жила душа великого писателя, плохо понятого своим временем» – писал художник в своих воспоминаниях о пребывании на гурзуфской вилле [2, с. 94]. Цветочный натюрморт сливается с пейзажем Гурзуфа в единый прекрасный образ. Синева моря и неба, золотистые южные фрукты, темно-красные, нежно-розовые и трепетные белые розы переданы художником так реалистично, что зритель может почувствовать, насколько драгоценны эти дары природы для человека.

Мастерская художника тоже светлая, просторная находилась ниже дома, сразу над пляжем и старым гурзуфским причалом. В мастерской Константина Алексеевича стояла старинная темно-красная мебель, стены были отделаны коричневым деревом. На балконе мастерской художником написано несколько известных этюдов – «Балкон в Крыму» (1910), «На террасе» (1920), «Вечер» (1917). Здесь же на протяжении 1910-1917 годов были написаны «Портрет Ф.И. Шаляпина» (1911), «Гурзуф вечером» (1912), «Пристань в Гурзуфе» (1912), «Гурзуф» (1915), «Базар цветов в Гурзуфе» (1917), «Гурзуф» (1917).

К.А. Коровин оказал существенное влияние на развитие импрессионистского направления крымской живописи. Дача «Саламбо» сейчас является Домом творчества художников им. Коровина, на его базе в 2014 г. открыт музей им. К.А. Коровина.

Литература

1. Зильберштейн И.С., Самков, В.А. Константин Коровин вспоминает... / И.С. Зильберштейн, В.А. Самков – М.: Изобразительное искусство, 1990. – 708 с.
2. Коровин К.А. То было давно... там... в России...: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. / К.А. Коровин – М.: Русский путь, 2010. – Кн. 1. – 2012. – 752 с., ил.
3. Коровин К.А. То было давно... там... в России...: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. / К.А. Коровин – М.: Русский путь, 2010. – Кн. 2. – 2012. – 848 с., ил.
4. Крымология. Электронная энциклопедия Крыма [электронный ресурс] – URL: http://krumology.info/index.php/Художники_Крыма (дата обращения: 30.04.16).
5. Носова В.В. Балерины. / В.В. Носова. / Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 633 с.
6. Петелин В.В. Жизнь Шаляпина. Триумф / В.В. Петелин – М.: Центрполиграф, 2002. – 358 с.
7. Пожарская М.Н. Русское театральное-декорационное искусство конца XIX - начала XX века. / М.Н. Пожарская – М.: Искусство, 1970 – 412 с.
8. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. / Ф.И. Шаляпин М.: Азбука-классики, 2010. – 352 с.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*
Научный руководитель – Бойко Ж.В.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационно-коммуникационных технологий как средство межкультурной коммуникации. Обозначены проблемы культурных учреждений Белгорода. Представлены современные средства информированности посетителей и преимущества использования информационно-коммуникационных технологий в сфере культуры. Проанализировано современное состояние иноязычного сервиса в Белгородской области. Выявлена необходимость в совершенствовании информационно-коммуникационных технологий, качества услуг культурных учреждений, способствующих привлечению широкого круга посетителей.
Ключевые слова: культурный туризм, культурная среда, информационно-коммуникационные технологии, межкультурная коммуникация.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Annotation. The article deals with the problem of information and communication technologies as a means of intercultural communication. Some problems of cultural institutions of Belgorod are noted. Some data about some modern means awareness of visitors and some benefits of using information and communication technologies in the field of culture are given. The current state of foreign language services in the Belgorod region is analyzed. In conclusion the author says that there are a necessity of improving information and communication technologies and the quality of cultural institutions' services that are conducive to a wide range of visitors.
Key words: cultural tourism, cultural environment, information and communication technologies, cross-cultural communication.

В настоящее время проявляется тенденция активного развития культурного туризма в России. Культурный туризм является самым популярным и массовым видом туризма, который включает посещение исторических, культурных или географических достопримечательностей. Основная цель таких путешествий – ознакомление с достопримечательностями (памятниками истории, архитектуры, искусства; природными и этническими особенностями; современной жизнью народа). Квартальнов В.А. в своем труде «Туризм» говорит о том, что культурный туризм является «одним из основных элементов туристского интереса» [4, с.

46]. На его взгляд, развитие культурной среды внутри региона является средством расширения ресурсов для привлечения туристских потоков.

В концепции Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» поясняется, что «культурная среда» сегодня становится ключевым понятием современного общества, наиболее точно характеризующим его культурную и духовную составляющую. «Культурная среда» – это, во-первых, результат всей совокупности культурной деятельности общества – прошлой и настоящей (включая инфраструктуру организаций культуры, произведения искусства); во-вторых, это институт приобщения граждан к нравственным ценностям, хранимым ею; в-третьих, это область творческой реализации духовного потенциала российских граждан, в том числе молодого поколения. В этой связи формирование и развитие культурной среды становится важнейшим условием улучшения качества жизни в Российской Федерации» [1, с. 6]. В рамках программы впервые в качестве самостоятельного направления выделяется внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу культуры и информатизация отрасли, что позволяет сформировать инновационный раздел в развитии отрасли и обеспечить научную обоснованность при реализации дальнейших мероприятий.

«Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – технологии, основная задача которых заключается в обеспечении фиксации информации, ее обработки, передачи, распространении и раскрытии» [5, с. 19]. В культуре информационно-коммуникационные технологии выполняют заложенную в самом термине функцию «осведомления», то есть аккумулируют сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах, которые уменьшают имеющуюся в них степень неполноты знаний и передаются с помощью условных сигналов и технических средств. Их применение становится неотъемлемым условием успешной работы. Известное изречение «Кто владеет информацией, тот владеет миром» особенно актуально для сферы культурного туризма, так как именно оперативность, надежность, точность, высокая скорость обработки и передачи информации во многом определяют эффективность развития этой области. Реализация этих условий возможна в рамках применения информационных компьютерных систем в межкультурной коммуникации.

Первоначально понятие «межкультурная коммуникация» было введено в 1950-х американским культурным антропологом Эдвардом Холлом в рамках разработанной им для Государственного департамента США программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов в других странах. Г. Трейгер и Э. Холл в труде «Культура и коммуникация. Модель анализа» этим понятием обозначили «идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру» [9, с.87]. В современной науке в понятие «межкультурная коммуникация» вкладывается динамическое понятие культуры (городская культура, культура организации). Мы будем

использовать понятие «межкультурная коммуникация» в классическом понимании культуры.

В связи с процессами глобализации и интенсивной миграции, исследования по межкультурной коммуникации в последнее время приобретают большую значимость. Эти процессы поднимают ряд проблем, которые напрямую связаны с деятельностью культурных учреждений и неизбежно влекут за собой поиск новых форм работы с посетителем, нетрадиционных подходов к изучению, экспонированию, популяризации материала, обмен информацией на иностранных языках в библиотеке, выставочном зале, выставочном центре, доме культуры, театре, культурном центре, галерее и музее.

В культурных учреждениях средством межкультурной коммуникации иностранных граждан выступают информационно-коммуникационные технологии. Сегодня все культурные учреждения в нашей стране имеют сайты на нескольких языках, аудиогид на иностранных языках или мобильные приложения, позволяющие информировать иноязычных граждан. Как отмечают исследователи, Россия несколько отстает от стран Европы в информационных технологиях культурной среды. Складывается ситуация, когда иностранные граждане, проживающие или просто путешествующие по России, не могут получить в достаточной мере необходимую информацию о культуре в связи с одноязычным обслуживанием. Таким образом, они остаются не интегрированными в культурную среду.

На мировом рынке место России по информационно-коммуникационным технологиям достаточно низкое. По данным «International Telecommunication Union: The ICT Development Index» 2015 года индекс развития информационно-коммуникационных технологий в России составляет – 6,91. Россия в данном списке на 45 месте. Эти показатели касаются доступа к информационно-коммуникационным технологиям, их использования, а также практического знания этих технологий населением стран, охваченных исследованием [8]. Авторы исследования подчеркивают, что уровень развития информационно-коммуникационных технологий сегодня является одним из наиболее важных показателей экономического и социального благополучия государства. Организация публикует Индекс на регулярной основе, что позволяет странам следить за изменениями во временной динамике.

Поиск путей для решения проблемы развития информационного общества наметился в Белгородской области. Свидетельством этому является государственная программа, реализуемая в настоящее время: «Развитие информационного общества в Белгородской области на 2014-2020 годы». Ее целью является «получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий» [3, с. 11]. Намечены конечные результаты государственной программы: удовлетворение граждан качеством предоставляемых услуг до 90%, пользование гражданами услуг в электронной форме до 85% и обеспечение

доступа в интернет органам исполнительной власти, местного самоуправления на 100%.

Другая государственная программа «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» направлена на «создание условий для комплексного развития культурного потенциала, сохранения культурного наследия и гармонизация культурной жизни Белгородской области». В данной программе для решения поставленных задач предлагается «внедрение новых информационно-коммуникационных технологий в деятельность библиотек, перевода информационных ресурсов в электронную форму, развитие системы обмена информацией с помощью глобальных компьютерных систем», и «создание инфраструктуры доступа населения к музейным коллекциям с использованием сети Интернет» [2, с. 9-10].

В Белгородской области активно развиваются информационно-коммуникационные технологии. Появляются мобильные приложения, аудиогиды, виртуальные выставки, сенсорные киоски, QR-коды. Однако на сегодняшний день пока еще только небольшое количество культурных учреждений могут предложить экскурсии или аудиогид на иностранных языках. Мы провели опрос мнения студенческой молодежи об использовании информационных технологий и роли информационных технологий в культурной среде. Из проведенного нами исследования, в котором участвовала студенческая молодежь Белгорода и Белгородской области, мы выяснили, какими средствами в культурных учреждениях она предпочитает пользоваться для получения информации. Из 100 опрошенных студентов – 25 % для получения информации пользовались услугами экскурсовода, 21 % – использовали книгу и интернет, заранее знакомясь с основной информацией, чтобы быть подготовленным к получению дополнительной. Использовали путеводители 11 % респондентов, столько же (11%) – мобильные приложения (персональный гид по музеям). Использовали аннотации и этикетки в зале – 11 %. Пользовались консультацией сотрудника музея, смотрителя – 8 % респондентов, а 7 % – использовали компьютер, мультимедийный киоск в зале музея, 4 % – аудиогид – плеер, и только 1 % респондентов использовали QR-код.

По результатам исследования мы видим, что в основном для получения информации в музее обращаются к экскурсоводу или используют книги и интернет, чтобы подготовиться заранее. Информационно-коммуникационные технологии в малом количестве используют при посещении культурных учреждений. Самым популярным видом из них является мобильное приложение, так как это средство более распространено в Белгородской области, нежели аудиогиды и QR-коды. Оно уже включает в себя аудиогид и основную информацию о культурном учреждении, которую может содержать QR-код. В анкетном опросе приняли участие и иностранные студенты. Основной процент ответов об использовании аудиогид-плеера, мобильного приложения, QR-кода относится к ответам иностранных студентов.

В Белгородских культурных учреждениях работают над решением вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией. На сайте музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление» уже представлена возможность перевода сайта на 13 языков и в прејскуранте обозначена возможность экскурсий для иностранных граждан. Остальные официальные сайты музеев Белгородской области данной функцией не обладают и в них не ведутся экскурсии на иностранных языках.

В Белгороде и Белгородской области используются информационно-коммуникативные технологии такие как:

1) приложения, которые размещают информацию о культуре Белгородской области (2ГИС, Культурная афиша, Go31, Klub31, QR-код, 2do2go, TopTripTip);

2) аудиогиды (Белгородский государственный литературный музей, Белгородский государственный музей народной культуры, Белгородский государственный художественный музей, Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление»);

3) виртуальные выставки (Белгородский государственный художественный музей, Выставочный зал «Родина», Белгородская государственная библиотека А.А. Лиханова).

Однако перечисленные технологии не оснащены функцией выбора иностранных языков.

Таким образом, в Белгородской области намечена тенденция развития информационного обслуживания, которая направлена на модернизацию информационно-коммуникационных технологий. Рассматриваемые технологии выступают средством межкультурной коммуникации. Помимо того, что они помогают в общении между представителями разных культур, они способствуют развитию культурного учреждения, упрощают поиск информации, привлекают внимание, создают интерактивную зону общения. Сайт культурного учреждения – это его «лицо». Необходимо совершенствовать информационно-коммуникационные технологии, качество услуг культурных учреждений для привлечения посетителей русскоязычных и иностранных туристов.

Литература

1. О Федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018 годы)»: постановление правительства РФ от 3.03.2012 г. №186 [Электронный ресурс] / СПС «Гарант» / НПП «Гарант-Сервис». (Дата обращения: 6.03.2016).
2. Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Белгородской области от 16.12.2013 №526-пп / Губернатор и Правительство Белгородской области. – URL: http://www.belregion.ru/documents/region_programms.php (дата обращения: 28.02.16).

3. Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие информационного общества в Белгородской области на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс]: постановление правительства Белгородской области от 16.12.13 №518 пп / СПС «Гарант» / НПП «Гарант-Сервис» (дата обращения: 6.03.2016).
4. Квартальнов В.А. Туризм / В.А. Квартальнов. – М., 2002. – С. 46.
5. Морозов М.А. Информационные технологии в социально-культурном сервисе и туризме. Оргтехника: учебник / М.А. Морозов, Н.С. Морозова. – М., 2004. – С. 19.
6. Министерство культуры Российской Федерации Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russiatourism.ru/news/1871/> (дата обращения: 27.03.2016)
7. Сенин В.С. Организация международного туризма / В.С. Сенин. – М., 2007. – С. 99.
8. Центр гуманитарных технологий: информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info>(дата обращения: 26.03.2016)
9. Culture as Communication: A Model and Analysis/ G.Trager,E. Hall. – New York, 1954. – С. 87.

УДК 327.51

Кобзарь Е.О.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ БЛОКА НАТО УКРАИНОЙ КАК ПЛАЦДАРМОМ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ С РОССИЕЙ

Аннотация. Как известно, информационная война, перерастающая в локальные конфликты на геополитической арене, ведется непрерывно еще с середины XX века и современный конфликт на Украине, который уже длится два с лишним года - не исключение. Данный инцидент с самого его начала, вызвал большой резонанс в сфере дипломатических и экономических взаимоотношений между Россией и странами Запада. И на данном этапе идет активная информационная война между блоком НАТО во главе с США и Российской Федерацией на территории Украины и Восточной Европы и в целом наблюдается все большая конфронтация этих сторон, чему служит примером недавняя ситуация в Сирии. Но нам стоит задуматься, какими перспективами заинтересовал данный регион США и блок НАТО, почему выбрали именно Украину как территорию, где будет проходить очередной политический кризис, а также о том, насколько оправданы действия России в данной ситуации. Целью статьи является попытка выявить самые основные

геополитические интересы блока НАТО в данном регионе и их возможные перспективы в дальнейшем.

Ключевые слова: Украина, Российская Федерация, информационная война, блок НАТО.

NATO'S INTEREST TO UKRAIN AS TO A BASE OF THE FURTHER INFORMATION AND POLITICAL STRUGGLE WITH RUSSIA

Annotation. It's well-known that the information war developing into brush wars at the geopolitical arena, goes continually from the beginning of the XX century. The contemporary conflict in the Ukraine is no exclusion. This incident drew a great response in the field of diplomatic and economic relationship between Russia and the Western countries from its very beginning. At this stage there is an active information war between the NATO coalition headed by the USA, and the Russian Federation, at the territory of Ukraine and the Eastern Europe. Overall more and more confrontation can be observed, and the recent situation in Syria can serve as an example of it. We should think, for which prospects of this region the USA and the NATO coalition are interested and why they chose Ukraine as a territory for the next economic crisis to happen. We should also think how much Russia's actions are reasonable in this situation. The object of the article is observing basic geopolitical interests of the NATO coalition in this region and their possible prospects.

Key words: Ukraine, the Russian Federation, informational war, the NATO coalition.

Вопрос о вступлении Украины в НАТО поднимался еще в 2008 году. Связано это с тем, что влияние Запада там очень сильно еще со времен распада СССР и как следствие, настроения, склоняющиеся к Западу, продолжают расти. Но в отношении Украины это все было крайне маловероятным, так как она никогда не была политически стабильным государством. Внутриполитические кризисы, разногласия сформировали репутацию этого региона как крайне нестабильного, который находится под большим риском еще большего усиления разногласий и раскола. Тому свидетельства Оранжевой революции: разные части страны выражали автономистские идеи с откровенно сепаратистским подтекстом. Результаты последних выборов в Верховную Раду (парламент Украины) наглядно выявили реальный geopolitical раскол страны. Поэтому данный факт существенно усложняет вступление Украины в Альянс.

Существует также и другая причина, по которой вступление Украины в НАТО в 2008-2009 годах было сильно затруднено. Причиной являлось сильное вмешательство России в ее экономику, большая энергетическая зависимость Украины от России и ее газовой политики, а также большой денежный долг перед Россией [2, с. 1-3]. Все эти факты в совокупности поставили под сомнение возможность вступления Украины в НАТО и влияние на нее Альянса, но это не лишило НАТО как интереса к этому

региону, так и стремления продолжать наращивание своего влияния и непосредственно близкого присутствия вблизи Украины. Ведь базы НАТО стоят в прибалтийских странах, которые давно начали сотрудничество с блоком на военном и политическом уровне. Такая близость НАТО дает им дополнительные возможности и рычаги влияния на события внутри Украины. И не стоит, конечно, сбрасывать со счетов внутренние социальные противоречия между населением страны о европеизации и слиянием с Западным миром в целом [2, с. 5-7].

Если рассматривать этот вопрос с точки зрения современных реалий и с учетом вышесказанного, то можно утверждать, что Украина только лишь подтвердила свой негласный статус «нестабильной» страны. Внутренние разногласия достигли апогея. И каковы перспективы теперь для Альянса на территории Украины? На наш взгляд, теперь они стали гораздо шире. При новой власти президента П. Порошенко советники НАТО активно ведут свою деятельность на территории новой Украины не только на дипломатическом, но и на военном уровне. Все это лишь подтверждает, что влияние НАТО усилилось.

Можно четко проследить политическую направленность Запада. Это – создание буферной зоны у российских восточных границ. Нужна она как прослойка между ЕС и Россией (государственность которой пусть и стабильна, но ее отнюдь не легкое экономическое положение и спорное место в геополитике лишь подогревают интерес к этому региону). Запад хочет видеть Украину как некий плацдарм для дальнейшего ведения политического противостояния с Россией и пользоваться Украиной как козырем в информационной войне [2, с. 10-14]. В качестве примера можно привести вооруженные конфликты в ДНР и ЛНР и активную антироссийскую пропаганду на территории самой Украины.

В последнее время вооруженная стадия противостояния на Украине затихла, но все же мелкие вооруженные стычки имеют место быть, равно как и нерегулярные обстрелы позиций ополченцев со стороны украинской армии. Однако в рядах украинской армии продолжается активная пропаганда со стороны властей и нацгвардии, которая крайне агрессивно настраивает военных против ополчения и жителей восточного региона в целом. Также ведется активная пропаганда западных СМИ, осуждающая действия ополченцев и причастность РФ к этому конфликту.

Отдельного внимания заслуживает политика президента Порошенко, которая совершенно очевидно является антироссийской по всем своим параметрам, а его порой смешные и возмутительные заявления делаются только для того, чтобы просто очернить тем или иным способом Россию, ее политику и народ. Ни для кого не секрет, что Петр Порошенко является ставленником Запада, и выполняет их четкие указания и требования, а Западу выгодно именно такое положение Украины [1, с. 71-72].

Для политических конфликтов в последние 25 лет характерна, в первую очередь, информационная составляющая, которая превалирует в локальных конфликтах и стычках. Примерами могут сложить конфликты в

Украине, Сирии, Ливии и др. [4, с. 340-344]. Но под информационной войной и локальными действиями скрываются противоречия интересов государств и их систем, элиты эти конфликты являются средством достижения целей тех или иных государств [4, с. 440-445].

В случае предполагаемого расположения на территории Украины контингента войск НАТО, создается огромная проблема и теоретическая угроза для национальной безопасности РФ на границах с Украиной. Данные границы почти не имеют защиты, там не расположены большие или стратегические военные части. Образуется большой коридор, которым в свое время могут воспользоваться. Тут можно провести аналогию с Грузией, где еще недавно складывалась подобная ситуация, но есть некоторые отличия, которые дают возможность понять, почему интерес НАТО к Украине и ее границам с Россией куда больше, чем в Грузии:

- 1) площадь самой Грузии;
- 2) маленькая протяженность российско-грузинской границы;
- 3) крайне высокая обороноспособность данного региона со стороны РФ;
- 4) более выгодные географические условия.

Если говорить о первой причине, то тут все понятно. Тотальная площадь Грузии составляет 69.700 км, а площадь Украины 603.928 км. На территории Украины может быть размещен куда более мощный и больший контингент войск нежели в Грузии [3, с. 94-99].

Вторая причина является одной из ключевых. Ведь если сравнивать, опять-таки с Грузией, то мы увидим, что длина русско-грузинской границы всего лишь 365 км, а русско-украинской 1974 км. Этот фактор показывает всю полноту простора действий на приграничных районах центральной и южной полосы России при случае, если контингент НАТО будет на территории Украины. В данную полосу входит и г.Белгород как один из важных стратегических пунктов.

Третью причину мы лопределяем как самую основную и важную, в отличие от остальных. Ведь если сравнивать с той же кавказской границей, на которой расположены самые опытные и проверенные в бою российские части (которые находятся там не столько по причине угрозы со стороны Грузии, сколько из-за самой нестабильности Северо-кавказского региона в целом), и в случае нападения Кавказский хребет является отличным природным препятствием и неким фактором сдерживания в данном регионе. Однако это не отменяет того факта, что русско-украинская граница все же практически беззащитна. По оперативным данным, там находятся только средства ПВО и стратегические части, но не боевые. Если же на территории восточной Украины будет находиться база войск НАТО, то низкий уровень защищенности российских западных границ станет первоопределяющим фактором как политической, так и военной угрозы со стороны войск Альянса.

С четвертой причиной тоже все непросто. Ландшафт Грузии весьма затрудняет расположение там войск или целой базы, чего не скажешь о

лесостепной зоне Украины, где разбить базу или расположить стратегические сооружения не составит труда. И как было уже отмечено, на данной границе нет такого большого природного препятствия как Кавказский хребет.

Еще одним весомым фактором является шаткое, если не критическое положение российской экономики на современном этапе. Ввиду активного роста добычи нефти и ее экспорта странами Ближнего Востока, цены на нефть резко упали до рекордных цифр и, как следствие, пострадала российская экономика и национальная валюта, которая потеряла свою ценность по отношению к евро и особенно доллару. Данный факт свидетельствует о том, что сокращаются бюджеты правительственных организаций и учреждений, снабжение регионов и министерств и т.д. Это ослабляет возможности РФ в противодействии и конфронтации Западу и НАТО и дает пространство для действий США и другим заинтересованным странам.

Все эти причины позволяют сделать вывод, что приоритеты НАТО по расположению своего контингента войск на территории Украины первичны, нежели в других странах-соседях России, но это скорее является утопичным высказыванием, которое имеет лишь возможную долгосрочную перспективу и планы, о реальности которых пока никто не может что-то конкретно утверждать.

Если мы говорим о перспективах НАТО на территории Украины, то их имеется достаточное количество, поскольку в геополитическом противостоянии с Россией Украину можно использовать в качестве политического и стратегического плацдарма как для информационной войны (что уже активно делается), так и для предполагаемой военной агрессии или разжигания очередного локального конфликта непосредственно на границах РФ, которые на данный момент слабо защищены.

Что касается вступления Украины в НАТО, то этого не произойдет в ближайшие 10-15 лет, как минимум. Связано это с тем, что Украина до сих пор не соответствует ряду требований для вступления в Альянс. Таким образом, на данный момент США и НАТО выгоднее, чтобы Украина не была в составе Альянса, но была под контролем влияния блока западных стран во главе с США, т.к. в таком случае Запад получает значительно большую полноту действий, нежели на территории государств-членов Альянса; ведь страны, являющиеся членами НАТО, имеют ряд привилегий и весьма строгую форму подотчетности и определенную степень огласки, что затруднит какие-либо тайные и нелегальные действия в ходе информационной войны. Также стоит отметить, что члены НАТО получают определенную форму военной автономии на своей территории, что также затруднит действия «больших политических игроков» в возможности вести скрытные действия. Таким образом в условиях нахождения Украины в статусе буферной информационной зоны они могут действовать без огласки, инкогнито, что куда выгоднее в условиях современного геополитического противостояния.

Литература

1. Андрей Коряковцев. «Заблудившаяся революция» – М., 2014. С. 54-109.
2. Екатерина Федоришина «Дайджест зарубежных СМИ: НАТО для Украины – вопрос очень дальней перспективы» – 2015. – С. 1-19.
3. Шнайдер-Детерс В. К конкретизации концепции «Большой Европы» / Полис. – 2000. – №6. – С. 94-99.
4. Сергей Кара Мурза «Манипулирование сознанием» – 2000. – С. 201-564.

УДК 398.3
316.718

Козьякова Е.Д.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*
Научный руководитель – Бойко Ж.В.

РОЛЬ ЯЗЫЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ IV-VI ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается языческий праздник, как главный элемент культуры повседневности Ранней Византии. Произведен анализ языческих празднеств ранневизантийского периода. Рассмотрена культура повседневности Ранней Византии как отражение мыслей, переживаний, мировосприятия и деятельности людей.

Ключевые слова: праздник, языческий праздник, культура повседневности, календы, брумалии, русалии.

THE ROLE OF PAGAN FESTIVALS IN THE EVERYDAY CULTURE OF THE EARLY BYZANTINE EMPIRE IN THE IV-VI CENTURIES

Annotation. The article discusses the pagan festivals as a main element of the everyday culture of the Early Byzantine Empire. The analysis of the pagan celebrations of the early Byzantine period is made. We consider the culture of everyday life as a reflection of the early Byzantine thoughts, experiences, perception of the world and human activity.

Key words: a holiday, a pagan holiday, the culture of everyday life, calendar, brumalia, the mermaids.

В разных культурах существует такой культурный феномен как праздник. С одной стороны, он представляет собой универсальное явление характерное любой культуре, а с другой – отражающий особенности мировосприятия, переживания народа, связанный с каким-либо торжеством. Придавая ему большое социокультурное значение, М.М. Бахтин отмечал, что праздник является «первичной формой человеческой культуры» [1, с. 12].

Через него можно обнаружить систему ценностей, которая свойственна тому или иному обществу. Он хранит в себе традиции и обычаи, а, следовательно, неотрывно связан с накопленным опытом и жизненным укладом предыдущего поколения. В последние десятилетия XX – начале XXI вв. «праздничная» культура оказалась в фокусе внимания мировой научной мысли, стала одной из ключевых тем как культурологических, так и исторических исследований. Это прямо обусловлено с осознанием того, что праздник играет чрезвычайно важную роль как в функционировании любой из локальных человеческих культур, так и в их мировом диалоге.

Праздничность тесно сплетается с повседневной жизнью и становится неотъемлемой ее частью. В понимании Б.В. Маркова, повседневность – это «не только мысли и переживания людей, но и деятельность, регулируемая нормами и институтами» [8, с. 27]. Так анализируя праздники, характерные той или иной культуре, можно определить уровень повседневной жизни и развитости общества, увидеть предпочтения и интересы людей, а также подверженность праздника изменениям. Как и сама общественная жизнь, которая подвержена всевозможным изменениям, так и праздничная жизнь, протекающая в отведенное людьми время, способна трансформироваться, обрастать новыми идеями, расцветать либо угасать. Согласно этому, рассмотрев некоторые метаморфозы праздничной жизни, можно проследить изменения, происходящие в повседневной жизни общества. В изучении праздника центральной проблемой становится соотношение мирского и сакрального в сфере человеческого способа бытия. Праздник – это особый период непосредственного контакта мирского и сакрального, в этом смысле он противоположен будням, когда подобного *прямого* контакта не наблюдается, что характерно всякому празднику, и сугубо светскому, и семейному, ограниченному узким кругом близких людей. На эту особенность праздника как феномена культуры обращали внимание такие мыслители как Э. Дюркгейм, М. Элиаде.

Уже в Ранней Византии праздники были достаточно разнообразными: общенародными и местными, религиозными и политическими, профессиональными и семейными, регулярными и экстраординарными, официально дозволенными и запрещенными. Рассматривая праздничную составляющую Византии IV-VI вв. сложно не заметить соседствующие с уже официально установленной религией – христианством, языческие праздники. Они играли доминирующую роль в среде византийского общества. Наиболее почитаемыми и широко празднуемыми общенародными языческими праздниками были календы, брумалии, русалии, бриты, сатурналии.

Пережитки язычества, среди разных регионов населения империи, имели как древнеэллиническое, так и местное происхождение. Они более всего ощущались в провинциях, которые позднее стали частью империи (например, некоторые армянские и грузинские земли, северо-западные районы Балкан). Так в 562 году автономия царства Лазика была упразднена византийским императором Юстинианом, и фактически превратилась в провинцию Византии. Несмотря на возникновение новых торжеств,

связанных с распространяющимся христианством, вносящим существенные изменения в мировоззрение людей, большую часть народных праздников в Византии по-прежнему занимали те, которые остались с языческих времен. В связи с модификациями в обрядах, происходило взаимопроникновение старинных языческих форм и новопривнесенных праздничных элементов.

Ранняя Византия IV-VI вв. была государством, в которой благополучно уживались христианские и языческие торжества, так как языческое миропонимание невозможно было искоренить в одночасье. В Византийской империи большое внимание уделялось наблюдениям за природой. Первые представления о культуре и природе основывались на идее вечного круговорота событий и вечного возвращения к своим истокам, а также на периодическом повторении явлений в природе и культуре. В связи с этим обстоятельством развивались и появлялись торжества напрямую связанные с теми или иными явлениями природы. Примером проявлений пережитков язычества в Византии, можно назвать празднество русалий. Русалии – весенний праздник цветов. Византийские источники говорят о том, что русалии имеют свои специфические черты, которые, в то же время, не заслоняют сходства с другими праздниками этой эпохи [2, с. 38]. Все торжества в честь русалий сопровождалось музыкой, пением и танцами. Так же следует отметить тот факт, что эмоциональная составляющая в данных празднествах была особо заметна.

В силу того, что праздник утверждает соответствия ритмов человека, общества и космоса, его становление как особого феномена культуры неразрывно связано с формированием представления о времени и тем самым с появлением календаря. Как отмечал польский ученый К. Жигульский, «счет времени, одно из величайших достижений человеческой культуры, – календарь – везде в своих истоках выступает как форма упорядочения, закрепления, заблаговременного исчисления праздничных дней и периодов» [5, 58]. Появление календаря было связано с осознанием того обстоятельства, что в потоке времени можно выделить некие основные точки, соответствующие переходу от одной стадии эволюции природы (цикл времен года) или общества к другой. Как писал М. Бахтин, «...празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с крупными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека» [1, с. 12].

В Византийской культуре появляется такой праздник как календы, который являлся отголоском языческого прошлого. Календы по-латыни – первое число каждого месяца. Они происходили от соответствующего римского праздника и в ранневизантийский период праздновались так же с 1 по 5 января. Позже, с установлением христианства, календы стали двенадцатидневными. Только позже – в VII веке, во время Шестого Вселенского Собора, календы были преданы анафеме. Однако, не смотря на этот запрет, они продолжали праздноваться народом с некоторыми изменениями. Например, василевсы пытались отделить языческие составляющие от церковных торжеств. Но традиции, которые складывались веками в народе, было тяжело уничтожить.

Празднование сопровождалось театрализованными действиями. Все по возможности наряжались. Мужчины примеряли платья в женском стиле, женщины в свою очередь – мужские. Актуальными в эту ночь были маски. Наряженные ходили от дома к дому пением и танцами, стучали в двери домов, принимали участие в праздниках, выпрашивая у посторонних подарки. Многие люди были в трактирах и тавернах, а ночью заполняли улицы городов.

Дворец превращался в ночь на 2 января своеобразной игровой площадкой. Здесь проводились «готские игры». Они представляли собой византийский карнавал, в основе которого лежали языческие ритуалы увеселений ряженых. В обязанности певцов, музыкантов в эту ночь входили хвалебные мотивы в честь василевса и его семьи. Выбирать песни и подбирать подобающий репертуар была обязанность сановников. Пение и танцы чередовались, исполнялись ряжеными и небольшим количеством «готов», которые были вооруженные мечами и щитами. Четыре «гота», скрывавшиеся под различными масками, держали щиты в левой руке, а в правой – палочки, которыми ударяли о щит, и двигались в своеобразном танце подвоенный ритм [3, с. 138]. «Готы» исполняли определенные песни, которые когда-то имели ритуальный характер, но они уже были исправленные до неузнаваемости латынью, смысл которых мало кто понимал.

Еще в IV в. в Риме январские календы, подробно описанные Либанием, представляли собой праздник значительной продолжительности, начинавшийся еще в последний день декабря (день св. Сильвестра). Из сочинений Либания «О календах» и «Описание календ» этот праздник интерпретируется уже в качестве общеимперского, хотя и сохранившего свою прежнюю продолжительность и официозность. Как и прежде, собирается сенат, новые консулы вступают в исполнение должности.

М. Бахтин раскрывает «карнавальную культуру», как обрядово-зрелищные формы и словесные произведения. Так же показывается не только карнавал, но и богатую и разнообразную народно-праздничную жизнь. Именно празднование календ наполнено карнавальностью, в которую погружаются все слои населения.

От Иоанна Лида [10., с. 67, 69] мы узнаем, что в VI в. вступление консулов в должность сопровождалось уже большими военными парадами, а у императора происходил торжественный прием чиновников, сопровождавшийся раздачей милостивых поцелуев. Эти торжественные церемонии производились 1 января. Торжественные празднества имели место 2 января. Наряду с этими праздничными действиями официального характера происходили празднования и увеселения среди народа.

Но в V и VI вв., как вытекает из упомянутых сообщений Либания и Лида, январские календы характеризовались исполнением всех тех церемоний, какие были свойственны сатурналиям. Праздник по всей империи ожидался с большим нетерпением. Наступление его сопровождалось облачением в парадное праздничное платье. Поскольку

праздник начинался в канун Нового года, то в новогоднюю ночь мало кто ложился спать. С песнями и танцами люди бродили по городу. На Новый год порталы зданий и двери жилищ украшались ветвями лавра и другой свежей зеленью, а по ночам – огнями. Повсюду были готовы праздничные столы с яствами и напитками. Люди обменивались подарками, состоявшими преимущественно из разного рода вкусных яств, идеально подходивших к праздничному столу. Иоанн Лид упоминает при этом [10, с. 69] о сохранении, при праздновании январских календ, тех социальных аспектов, какими характеризовались сатурналии и компиталии: хозяева и рабы садились за общий стол, провинившиеся во время праздника слуги не наказывались, как и на праздновании сатурналий. Хотя 4 и 5 января праздник уже шел на убыль, равенство положений господ и рабов продолжало в эти дни сохраняться.

Обычаи компиталиев тем более органично входили в обрядовость январских календ, что последние покрывали их частично во времени. В IV-V вв., по календарям Филокала и Полемиа Сильвия, начало компиталий приурочивалось к 3 января [6, с. 342]. Компиталии, как языческий праздник, был замаскирован под январские календы, сохранявшие все же достаточно официальный характер, что на какое-то время предохраняло их от полного запрета, хотя и не избавляло от нападков церковных проповедников.

Еще одно распространенное празднество – это брумалии. Брумалии – латинское по этимологии название. Слово *bruma*, прилагавшееся в латинском мире ко времени зимнего солнцестояния, то есть кратчайшего дня, а в расширительном смысле к зимнему времени вообще, прилагалось и собственно к периоду сатурналий, так как, соответственно Лиду [10, с. 151] этим именем обозначался отрезок времени от 24 ноября по 25 декабря. Однако в качестве обозначения языческого праздника *Bruma* впервые встречается на рубеже II-III столетий у Тертуллиана, где фигурирует наряду с сатурналиями и январскими календами в числе наиболее популярных празднеств [4, с. 346].

У писателей VI в. – Лида и Иоанна Малалы – не было сомнений в том, что брумалии – это византийское наименование греческих и римских языческих празднеств. Брумалии означает зимний праздник. Римляне праздновали весь период времени до прибавления дня, приветствуя друг друга, по древнему обычаю, радостными возгласами и пожеланиями: «Долгой жизни!». Горожане приносили собранные плоды, вино, оливковое масло, злаки и мед и все, что собирали с деревьев.

Празднество называли позже крониями. Оно праздновалось по ночам, потому что Кронос пребывал во тьме, ввергнутый Зевсом в Тартар, и по тем соображениям, что зерно зреет под землей. «По всему этому ясно, что брумалии – праздник, посвященный подземным богам» [10, с. 158].

Еще более «историчен» в своем описании возникновения и практики брумалии Иоанн Малала: «Брумалии основал Ромул по следующему поводу: он счел необходимым, чтобы в зимнее время, когда затихают войны, царствующий в это время царь, сенат, знать и дворцовая стража в честь этого

праздника устраивали бы пиршество. Его участников царь созывал бы по алфавиту сначала тех, чьи имена начинались на альфу, и так до последних букв алфавита. Приказал он также, чтобы сенат подобным же образом приглашал народ, и чтобы так было приглашено все войско и сверх того, кого еще захотят. Также и труппы музыкантов с утра до вечера ходили бы в те помещения, где происходили пиршества, пели там и играли, оставаясь до утра, чтобы знать, у кого им пировать завтра. Эти праздновавшие в Римской республике брумалии празднуются и поныне» [11].

Люди продолжали схоже праздновать календы и брумалии. В честь данного празднества был выработан особый ритуал. Он заключался в танцах и исполнении песен гостями с зажжёнными свечами в руках. Император даровал им золото, представители обычного населения столицы – получали серебро. Вечером, праздник был организован так же многолюдно (как и во время календ), в котором принимал участие василевс, сидя со своей семьей за отдельным столом.

Розалии были учреждены в Газе императором Маркианом в середине V в. и были одним из наиболее популярных весенних праздников пробуждения природы [3, с. 178]. Жизнеспособность и популярности этого праздника была заметна вплоть до самого конца ранневизантийского периода в истории данного региона.

Многие из языческих народных торжеств и празднеств сезонного цикла, связанных с полевыми работами, были христианизированы. Такие торжества пытались наполнить новым содержанием, но сама форма празднеств сохраняла старые формы. К таким празднествам относились торжества по случаю нового сбора винограда и летнего солнцестояния. Торжеству по поводу нового сбора винограда, по традиции сопутствовали ритуалы, в которых можно было уследить фрагменты античных Дионисий (танцы, в которых изображался сбор и отжим винограда, разнообразные игры). Впоследствии в торжество будет привнесена христианская составляющая. Так, например, будут воспеваться во время благословения специальные гимны винограда [7, с. 660].

Праздники Новогоднего цикла носили четко выраженный языческий характер и были связаны с силами природы, смехом, переодеваниями. Наиболее известным праздником такого рода в Риме были сатурналии [4, с. 340]. Упоминания о праздновании сатурналий продолжают в Византии вплоть до V в. Позднее же старое наименование этого праздника почти исчезает из литературного употребления, хотя несомненно, что эти празднества продолжали существовать, сохраняя и свой общенародный характер и связанные с ним обряды, а отчасти и тот социальный аспект, который им был присущ в римские времена. Свидетельства этому находятся в известных календарях Филокала (354 г.) и Полемиа Сильвия (448-449 гг.) [6, с. 84]. В первом из них декабрь представлен изображениями, всецело связанными с аксессуарами сатурналий – фигурой человека с факелом в руках, символизирующей праздничную ночную процессию, перед которым разбросаны на столике игральные кости.

Таким образом, рассмотренные свидетельства о праздниках в ранневизантийский период дают возможность увидеть их сложность и многогранность, их игровую и обрядово-зрелищную составляющую, а также их важную роль в деле сохранения и передачи от поколения к поколению социально значимой информации относительно главных ценностных ориентаций и норм поведения. В силу этого праздник всегда выступает как чрезвычайно важный фактор социализации. Новое миропонимание в Византии, связанное с принятием христианства не освободилось от языческих идей, которые ярко проявлялись в празднествах. Византия была преемницей праздников более ранних эпох. Само по себе сопоставление в византийской традиции русалий с брумалиями и другими аналогичными торжествами служат неопровержимым доказательством тесного смешения идейных начал. Их пришедшая исстари языческая обрядность со временем не только не угасала, а наоборот – трансформировалась и вбирала в себя все новые формы, благодаря чему плотнее укреплялась среди слоев населения.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1990. – С. 12.
2. Вин Ю.Я. Русалии: свидетельства Византийской традиции / Ю.Я. Вин. / Вестник Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 4, – Ист. – 2014. – № 2 (26). – С. 32 – 45.
3. Дашков С.Б. Императоры Византии / С.Б. Дашков. – М.: Красная площадь, АПС – книги, 1996. – 370 с.
4. Ельницкий Л.А. Византийский праздник Брумалий и римские сатурналии / Л.А. Ельницкий. / Античность и Византия. – М., 1975. – С. 340-350.
5. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога / К. Жигульский. – М., 1985. – С.58.
6. Кулаковский Ю.А. История Византии / Ю.А. Кулаковский. – Том 1. 395-518 годы. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – 492 с.
7. Культура Византии IV – первая половина VII века / под ред. З.В. Удальцовой. – М.: Наука, 1984. – 494 с.
8. Марков Б.В. Культура повседневности / Б.В. Марков. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
9. Поляковская М.А. Византия, византийцы, византилисты / М.А. Поляковская. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2003. – 432 с.
10. Joannes Lydus. Liber de mensibus. – Lewiston, 2013. – 206 p.
11. The Chronicle of John Malalas. – Melbourn, 1986. 248 p.; Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2 / Ред.-сост. Н.Н. Болгов. – Белгород, 2014. – 200 с.

Кучерова А.О.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Бойко Ж.В.

**ГОТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. В статье поднимается проблема поиска национально-культурной идентичности западноевропейского человека в XIX в. На материале исследователей и сподвижников средневековой культуры – ученых, писателей, поэтов – рассмотрена трансформация представлений о «темных веках» и последующее осознание «генетической» связи с ними.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, средние века, романтизм, готика.

**GOTHIC AS PART OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY
OF WEST EUROPEAN HUMAN**

Annotation. The article raises the problem of searching for national and cultural identity of the West European man in the XIX century. We consider the transformation of ideas about the “dark ages” and the subsequent realization of the “genetic” connection with them as exemplified in the works of researchers and associates of medieval culture (scholars, writers, poets).

Key words: national and cultural identity, the Middle Ages, Romanticism Gothic.

Одной из базовых форм идентичности (наравне с персональной) является коллективная, включающая в себя национально-культурную историческую идентичности. Главным условием ее формирования является представление об общем прошлом (память). Для западноевропейского человека таким общим прошлым в определенный период времени становится Средневековье в его наиболее ярком культурном проявлении – Готике.

В Античность и Средние века человек себя отождествлял с обществом, в котором жил и с высшими силами, которым поклонялся. Ренессанс положил начало культурной идентификации. Титаны эпохи Возрождения, такие как Рафаэль, оплакивали гибель античной культуры, считали себя ее наследниками и пытались возродить ушедшую культуру, одновременно отвергая достижения Средневековой Европы. Вплоть до эпохи романтизма, эта тенденция продолжала существовать. С XIX в. одной из проблем культуры в западноевропейских странах становится выражения национальной идентичности. Происходит смена идентификационных парадигм – «варварское» Средневековье сменяет в сознании человека Античность.

Идентичность один из важнейших культурообразующих механизмов. Появлением этого термина в научном мире мы обязаны психологу Э. Эриксону (1902-1994 гг.), который определял ее как чувство личного тождества и присутствия себя как тождества в исторической непрерывности, осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве.

Идентичность является объектом исторического становления. Человек – это не «археологический курган, где пласт идет за пластом, по мере взросления он делает свое прошлое частью всего будущего, а любую прошлую среду, с которой он взаимодействовал – частью своего настоящего окружения» [8, с. 215]. В итоге появляется историческая идентичность – связь «социализированного Я» с культурой прошлого и настоящего.

Философы-просветители критически относились к Средневековью, видя в нем ненавистный им феодализм и обскурантизм. Все что с ним связано так же попадала под жесткую критику. Ж. Ж. Руссо писал, что французские порталы готических соборов высятся позором для тех, кто имел терпение их строить. Следствием этих слов является частичное уничтожение многих памятников средневекового зодчества.

Тоска западноевропейского человека по, так называемым, «темным векам», вылилась в возникновение медиевистики, появившейся в XIX в. вместе с исторической наукой. Смена эпох повлекло за собой изменение в отношении к готическому культурному наследию. В конце XVIII начале XIX века Романтизм преодолевает Просвещение с его рациональным и моральным регоризмом. Ф. Шлегель, будучи основателем йенской школы романтизма, не смог дать лаконичное определение слова «романтик», так как оно составило более 125 листов. Однако в общих чертах он сравнил романтизм с эпическим, средневековым, психологическим и автобиографическим романом. Для него современное искусство – это органическое развитие от средневековья до наших дней, обладавшее особым смыслом, красотой и истиной, отличной от древнегреческой. Романтизм был распространен во Франции, Италии, Испании, Англии, Германии, приобретая национальные черты в каждой из этих стран. Художники и писатели-романтики выступили против застывших норм классицизма, показали историческое значение и красоту памятников искусства средневековой Европы. Впервые, средневековые здания стали восприниматься как достояние национальной культуры, а в середине XIX века архитектор Виолле-ле-Дюк прославился их реставрацией по всей Франции. Историю и материальные памятники стало привычным рассматривать не как странные и уродливые обломки темного средневековья, а как важнейший и ценнейший элемент собственной культуры.

Историк-романтик Жюль Мишле (1798-1874 гг.) автор «Истории Франции», 6 томов которой посвящены Средневековью, обществу «святой свободы». В своей работе он описывал его как духовный мир, создавший готические соборы, последние, по его мнению, наиболее длительное выражение небесных устремлений средневекового мастера. Ж. Мишле наряду с другими великими романтиками (Ф. Шеллингом, Ф. Шлегелем,

В. Гюго, И. Гете), видел в Средних веках огромную жизненную силу. Историк на протяжении всей своей жизни находился под очарованием Средневековья, которое являлось для него одновременно и детством всей европейской культуры, и чем-то «иным», загадочным, непонятным и потому притягательным.

Дж. Рескин (1819-1900 гг.), будучи влиятельным английским теоретиком искусства, описывал в своих работах с критической позиции современное общество. Воспринимая его как силу, враждебную искусству, объединившую в себе три великих начала – природу, красоту и нравственность. Современности он противопоставлял Готическое Средневековье как нравственный и духовный маяк, к которому должно стремиться. Он был убежден: величайшее искусство то, в духовном и физическом воплощении которого, проявляется чистота и возвышенность человеческого духа. Это, по его мнению, как раз и характеризовало искусство средневекового Запада. Любое великое произведение искусства создается человеком в его совокупности, его телом и духом, и прежде всего духом. То, через что выражено величие духа, только в величии духа и может быть постигнуто. Поэтому долгое время готическое искусство было непонято, и только в XIX веке люди стали приближаться к духовности Средних веков и, как следствие, смогли понять его искусство. Примат воображения – одно из характерных свойств Средних веков. Римский архитектор Ветрувий напротив считал, что искусство может изображать только то, что есть или может быть, а все то, что, будучи только плодом воображения, не существует, не может существовать, и не будет существовать. Дж. Рескин напротив, призывал возродить воображение, наиболее хрупкое и легче погибающее в отравленном воздухе XIX в. В противовес Ж.Ж. Руссо Дж. Рескин утверждал, что вся архитектура, основанная на греческих и римских образцах, (создававшаяся в течение последних трех столетий) начисто лишена жизни, добродетели, достоинства и способности творить добро. Он призывал равняться на мастеров северной готики, а затем и превзойти их в своем мастерстве.

Писатель М. Пруст (1871-1922 гг.) видел воплощение средневекового французского духа в готических соборах. Им он посвятил два своих эссе «Памяти убитых церквей» и «Смерть соборов». В статье «Смерть соборов» молодой М. Пруст призывает сохранить церкви действующими – «иначе из них уйдет жизнь». «То, что оно (правительство) сделало ради римских развалин, оно не преминет сделать ради памятников французских, ради самого высокого и оригинального воплощения гения Франции – соборов» [6,1 с. 22]. «Можно считать, что, благодаря сохранности неизменных ритуалов в католической церкви, с одной стороны, и веры в сердцах французов – с другой, соборы остаются не только прекраснейшими памятниками нашего искусства, но и единственными среди них, живущими по сей день полноценной жизнью и отвечающими той цели, ради которой они создавались» [6, с. 123].

Между написанием и изданием этих двух статей произошла первая мировая война, в ходе которой германской артиллерией был разрушен один из главных памятников готической архитектуры – Реймский собор, это произошло в сентябре 1914 г. Французская интеллигенция болезненно переживала это известие. Р. Роллан выпустил памфлет «Proaris» («В защиту алтарей») где резко обличал «варварство» германской армии. В 1918 г. вышла статья юноши Ж. Батая, будущего писателя и философа – «Собор Реймской богородицы», в которой он призывал своих соотечественников принять участие в восстановлении собора как в материальном, так и духовном плане. У О. Мандельштама есть два стихотворения посвященных готическим соборам «Notre Dame» и «Реймс – Лаон». Для поэта готический собор – символ движения, напряжения и борьбы противодействующих сил. Стихотворение «Notre Dame» вписывается в контекст литературной борьбы акмеизма с символизмом в 1913 г. А написанное в 1937г. стихотворение «Реймс – Лаон» является откликом на социально-политическую борьбу своего времени – мировые войны, революции и диктатуры. Нам известно, что Реймский собор был разрушен, но мало кто знает, что в городе Лане позже располагались немецкие сверхдальнобойные «большие берты», стрелявшие по Парижу. Помимо этого, Лан был местом знаменитой Ланской коммуны XII в., одного из первых восстаний третьего сословия против феодалов, – очень кровавого события. Два этих стихотворения, главными героями-символами которых являются готические соборы, с одной стороны, гимны культуре («Notre Dame»), ранний О. Мандельштам любил культуру со старыми историческими традициями. А с другой – природе, чистоте, незапятнанной цивилизацией («Реймс – Лаон»), поздний Мандельштам хотел культуры, которая вырастает прямо из честной природы (камня как основы готического собора). Русский поэт был очень эрудированным человеком – хорошо знал средневековую историю и культуру. Он обожал городского поэта Франсуа Вийона. Более того О. Мандельштам отождествлял себя с этим бродягой и вором, врагом государства и общества. В марте 1937 г. русский поэт написал и стихотворение, где вольный Вийон противопоставляется деспотической власти, находясь в воронежской ссылке, О. Мандельштам говорил, – «надо виλλονить», брать пример с Вийона.

Обращенность к готической эстетике во время первой мировой войны характерна для немецкого кинематографа. В 1919 г. выходит фильм «Кабинет доктора Калигари». Художники-оформители из авангардного направления «Штурм» с помощью обилия готических форм придали городу Хольштенталу (в котором происходит действие фильма) дух древности и в тоже время привычности. Считалось, что готический город больше всего подвержен метаморфозам. В 1920 г. П. Вегенер снял фильм «Голем». Для него было построено 54 дома, вдохновленных старой Прагой. Средневековая архитектура в этих фильмах олицетворяла дисгармоничный, одержимый мир, недостижимый дух спокойствия. Готика в них одновременно и мечта, и кошмар немецкого народа. Во второй половине XXвека Фелини и Антониони

пробуют создавать свои версии «Ада», а Пазолини – свои версии «Декамерона».

Отечественный медиевист и культуролог А.Я. Гуревич (1924-2006 гг.) заметил, что Средневековье не рассматривалось долго как самоценность, так как, начиная с Ренессанса и Просвещения, она предоставляла этическое алиби современности. Актуальность изучения средневековой культуры А.Я. Гуревич видел в создании в этот период человеческой индивидуальности. Именно тогда, по его мнению, было сформировано личное сознание. В XX в. с появлением тоталитарных режимов, распространением НТР, экологическими преобразованиями –наследие средневековья осознается как одно из важнейших и потому интереснейших явлений в истории человечества. В своих исследованиях он применял концепции диалога культур М.М. Бахтина: «Историческое познание представляет собой взаимодействие культур – культуры, к которой принадлежит историк, и культуры, им изучаемой. Он вопрошает памятники этой последней, превращая их тем самым в исторические источники. Поскольку история есть одна из форм самосознания общества, вопросы, которые историки задают источникам, всегда и неизменно суть вопросы, занимающие это общество. Вопрошать общество о том, что нас не волнует, невозможно. В этом смысле изучение истории воплощает в себе диалог культур» [4, с. 12].

Ж. Ле Гофф (1924 – 2014 гг.) известный медиевист и представитель третьего поколения школы «Анналов» видел в Средних веках необходимую современному миру коллективную идентичность. «Этот период – момент творения современного общества, цивилизации, умирающей или мертвой в своих традиционных крестьянских формах, но живой в созданных ею основах наших социальных и ментальных структур. Он породил город, нацию, государство, университеты, машины и мельницы, часы и время, книгу, вилку, белье, личность, сознание и, наконец, революцию» [5, с. 8]. С помощью средних веков можно лучше осознать свои корни и свою оторванность от них. «Я думаю, что постижение прошлого, доступное только профессиональному историку, не менее важно для наших современников, чем постижение материи физиком или постижение жизни биологом» [5, 10]. В октябре 1991 г. в предисловие к русскому изданию его работы «Цивилизация средневекового Запада» Ле Гофф напишет: «Мы живем среди последних материальных и интеллектуальных остатков Средневековья».

У. Эко (1932-2016 гг.) в своей статье «Средние века уже начались» описал новую тенденцию– разговоры о современности как о новом Средневековье. При этом автор сожалеет, что оно продолжает сохранять отрицательную ауру, благодаря «определенного рода культурологической публицистики возрожденческого толка». У. Эко в противовес критически настроенным апологетами «нового средневековья», утверждает, что именно в то время созрел современный западный человек, и именно в этом смысле модель Средних веков может помочь нам понять то, что происходит в наши дни: крушение Великой империи (Римской) он сравнивает с нынешним кризисом Великой Американской империи, современные микросоциумы со

средневековыми кварталами, экологический кризис с средневековым обеднением деревни и технологическим упадком. У. Эко пишет о «неокочевничестве», об американском университетском городке как монастыре, о тотальной неуверенности – апокалипсических тенденциях, как в средних веках, так и в современности. Он говорит о структуралистской логике XX в., как интеллектуальной средневековой игре, новых вагантах – хиппи, М. Мэнсоне, Че Гевара и др. Средневековье внутри всей западноевропейской культуры, и это нетрудно доказать: нужно только постараться вчитаться в окружающие нас «тексты».

Э. Эриксон отмечал, что в технотронный век нарастающей механизации и одновременно краха аристократических, культурных, национальных ценностей исследование идентичности становится стратегической задачей каждого общества. В XIX в. впервые античная традиция начала рассматриваться как чуждая французской (Ж. Мишле), английской (Дж. Рескин) и немецкой (И. Гете) культуре, ученые и писатели нашли свою истинную духовную прародину. Средневековая готика, начиная с романтиков, с помощью своих проводников – поэтов, философов, писателей, искусствоведов и историков – становится осознанной национальной ценностью, с которой идентифицирует себя и по сей день Европейский мир. Средние века вот уже два столетия ассоциируются в сознании людей с колыбелью Западноевропейской культуры. Связь с этой колыбелью невозможно нарушить, так как всегда найдутся люди способные заступиться за свою историю, свои ценности и причастность к ним. Будь то защитники готических соборов (М. Пруст, Ж. Батай), или ученые – медиевисты, понимающие, что прошлое неотъемлемая часть будущего, а сохраненное прошлое, становится основой и объяснением настоящего (Ж. Ле Гофф, У. Эко).

Литература

1. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В четырёх томах / Д. Антисери, Дж. Реале. – Санкт-Петербург, 1997. – Том 4 «От романтизма до наших дней». – 880 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Гаспаров М.Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001. – 480 с.
4. Гуревич А.Я. Избранные труды. В двух томах / А.Я. Гуревич. – М.; СПб.: «Университетская книга», 1999. – Т. 2. Средневековый мир. – 560 с.
5. Ле Гофф Ж. Другое средневековье / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2000. – 328 с.
6. Пруст М. Памяти убитых церквей / М. Пруст. – М.: DIXI, 1999. – 164 с.
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Academia, 1995. – 256 с.

8. Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Эрик Г. Эриксон. М.: – Московский философский фонд «Медиум», 1996. – 560 с.

9. Культура сквозь призму идентичности. Ответственные редакторы: Л.А. Софронова, Н.М. Филатова. – М.: Индрик, 2006. – 424 с.

УДК 323.2

Лавриненко И.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. в статье анализируются основные документы, являющиеся нормативно-правовой базой концепции регионального солидарного общества. Проводится краткий SWOT-анализ, представлены выводы о сильных и слабых сторонах концепции, а также ее возможности и риски.

Ключевые слова: региональное солидарное общество, краткий SWOT-анализ, нормативно-правовая база.

ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF REGIONAL SOLIDARITY SOCIETY (BELGOROD REGION)

Annotation. The article analyzes the main documents that are the legal basis of the concept of regional solidary society. A brief SWOT-analysis presents the conclusions of the strengths and weaknesses of the concept as well as its opportunities and threats.

Key words: regional solidarity society, brief SWOT-analysis, regulatory-legal framework.

В последние годы в России активно обсуждаются проблемы поиска национальной идеи, национальной идентичности, сформировался запрос российского общества на поиск альтернативного западному пути развития. В рамках формирования новой модели социальных взаимоотношений особенно остро стоит проблема построения общества нового типа. Как показывают исследования самоидентификации ВЦИОМ [12], в рейтинге принадлежности к наиболее близкой по духу группе на пятом месте находится региональная идентичность. Региональная идентичность – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений для поиска инновационных форм взаимодействия власти и общества. Одной из первых попыток реализации на

практике принципиально новой региональной модели взаимодействия является Концепция регионального солидарного общества, реализуемая в Белгородской области с 2011 года.

Концепция регионального солидарного общества (далее – Концепция), как проект, появилась и получила свое нормативно-правовое закрепление как альтернатива общественному развитию доминирующей западной концепции общества потребления. Основой Концепции является Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области [13], направленная на увеличение доли среднего класса в области. Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области (далее – Программа) была принята в 2003 году. Ее основная цель – формирование организационно-управленческого механизма, обеспечивающего достижение для населения Белгородской области достойного человека качества жизни и его постоянное улучшение в долгосрочной перспективе. Задачами Программы являются: минимизация угроз безопасности жизнедеятельности; осуществление целевых программ в социально-экономической сфере, способствующих развитию человеческого потенциала; утверждение в обществе норм нравственности и морали по средствам создания условий для духовного благополучия и здоровья человека.

Анализируя итоги реализации Программы, можно выделить следующие ее положительные тенденции. Положительный эффект достигнут в социально-демографическом направлении. Так, средняя ожидаемая продолжительность жизни населения Белгородской области в 2013 году составила 71,9 лет, что равнялось 102 % от среднероссийского уровня [14]. Продолжительность жизни мужчин в регионе — 66,5 лет (103 %), женщин — 77,2 лет (102 %). Женщины в среднем живут на 10,7 лет дольше, чем мужчины (94,7 % от аналогичного показателя по России). Регион находится в числе миграционно-привлекательных за счет наличия рабочих мест и высокого качества жизни населения. Среднедушевой доход в Белгородской области на январь-август 2014 года составил 23031,4 рубля. Миграционный прирост населения составил за январь-июль 2014 года 3803 человека, что на 405 человек, или на 11,9% больше, чем за январь-июль 2013 года. Показатель замещения естественной убыли населения миграционным приростом составил с начала года 140,3%.

Однако социальный эффект является скорее отрицательным. Данный показатель эффективности Программы на момент ее завершения не был достигнут. Как утверждает Чугунова Н.В.[11], на момент завершения последнего этапа Программы на доходы от трудовой деятельности живут 40% населения области и члены их семей, находящиеся на их иждивении, на пенсию – пятая часть населения, 13% населения получают пособия. Независимый Институт социальной политики отмечает, что по состоянию на 2007-2008 годы углубление внутрирегионального неравенства по уровню жизни населения и концентрации социальных преимуществ в крупных городах и пригородных районах, ухудшение состояния здоровья населения, вызванное напряженной экологической ситуацией в городах черной

металлургии, пониженный уровень образования из-за значительной доли пожилого и сельского населения. Из этого следует, что существует значительное социальное неравенство, требующее внимания со стороны государства и общества.

Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области фактически реализовала задачи по минимизации угроз безопасности жизнедеятельности и осуществлению целевых программ в социально-экономической сфере. Но не было уделено достаточного внимания утверждению в обществе норм нравственности и морали. В Программе слабо выражены духовно-нравственные консолидирующие общество элементы, не были проработаны вопросы, касающиеся духовной безопасности. Для достижения задач по формированию условий для самореализации и созданию в обществе атмосферы не только социально-экономической, но и духовной безопасности, была разработана и принята Концепция.

По мнению губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, являющегося родоначальником идеи внедрения Концепции на территории Белгородской области «Солидарное общество в понимании белгородцев – это сплоченное общество, объединенное общими позитивными целями, активной созидательной деятельностью на благо региона и Отечества... Солидарное общество является полным противопоставлением и достойной альтернативой обществу потребления. В нем человек не потребитель, не сторонний созерцатель и не объект, он созидатель, строитель, активный субъект общественной жизни» [9]. Построение солидарного общества ведет к формированию новой социально-экономической модели – более гуманной, справедливой. Взаимосвязь между формированием солидарного общества и развитием экономики определена в словах губернатора: «У нас много целей – это увеличение доходов в бюджет области, борьба с преступностью, наркоманией, строительство дорог, укрепление материальной базы здравоохранения, образования, а миссия должна быть одна, она объединяет все цели – построение солидарного общества».

Интерес к концепции регионального солидарного общества обусловлен поиском новой модели развития общества на основе солидарности, общих духовно-нравственных ориентирах, стремлении к социально-ориентированной экономике. Концепция призвана консолидировать массы, обеспечивать мобилизующую функцию за счет внедрения в повседневную жизнь принципов взаимной лояльности, ответственности, социальной поддержки. С точки зрения законодательного закрепления, концепция солидарного общества развивается в соответствии с Программой улучшения качества жизни населения Белгородской области [2], постановлением правительства Белгородской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года» [5], муниципальной программой «Муниципальное управление и развитие солидарного общества на 2015-2020 годы» [6] и др.

Комплексный анализ нормативно-правовых документов, регулирующих развитие регионального солидарного общества, позволил

выделить цели, задачи, принципы, механизмы и ожидаемые результаты реализации концепции регионального солидарного общества.

В соответствии с распоряжением губернатора [15], главной целью реализации концепции регионального солидарного общества является продвижение региона по пути улучшения качества жизни населения. К задачам Концепции можно отнести:

- создание благоприятных социально-экономических условий для инновационного экономического развития, разработки и внедрения современных технологий;

- формирование социальных сетей, органично встроенных в процесс социально-экономического развития на основе духовно-нравственных, морально-политических и культурных идей и идеалов, а также патриотических чувств граждан;

- повышение демографических показателей за счет мер поддержки семьи, повышения уровня рождаемости, снижения числа бракоразводных процессов и уровня смертности;

- обеспечение духовной безопасности за счет развития традиций духовности, культуры, массового участия в социально значимых процессах;

- обеспечение лояльности населения через участие населения в оценке эффективности и безопасности государственного управления.

К принципам регионального солидарного общества, в соответствии с распоряжением губернатора, можно отнести: научную обоснованность, системность, саморегулирование, проблемный подход, технологическая обоснованность, адресность, учет социальных последствий, инновационность, общественное участие, историческая преемственность, защищенность.

1. Под научной обоснованностью следует понимать глубокое, всестороннее изучение теоретических основ солидарного общества, а также мониторинг реального состояния региональной среды, включающий прогнозирование вариативности развития.

2. Принцип системности представляется как единство целей, средств и способов построения регионального солидарного общества. Также системность проявляется в согласованности нормативно-правовых актов, регулирующих функционирование концепции регионального солидарного общества.

3. Саморегулирование проявляется в увеличении уровня осознанной самоорганизации власти и общества путем укрепления отношений солидарности и доверия.

4. Учет интересов и потребностей как всего общества в целом, так и конкретного индивида, при разработке технолого-управленческих решений в рамках реально существующих социально-экономических проблем характеризует проблемный подход развития регионального солидарного общества.

5. Технологический подход выражается в четком формулировании целей, задач и механизмов реализации региональной политики, в способности к самоанализу всех уровней власти, умении рационально планировать необходимые для достижения результата действия.

6. Принцип адресности. Меры реализации региональной политики по построению солидарного общества должны быть направлены на конкретные социальные группы, иметь конечную цель и прозрачные механизмы реализации.

7. Учет социальных последствий выражается в прогнозировании результатов действий, производимых в социальной среде. На основании прогноза необходимо корректировать как негативные, так и позитивные эффекты.

8. Поиск новых путей решения социальных проблем отражает принцип инновационности. Наибольший потенциал ожидается в среде молодежи, как основы креативного мышления региона.

9. Принцип общественного участия предполагает вовлечение в процесс построения регионального солидарного общества всех заинтересованных групп, создание условий для открытых коммуникаций власти и общества на основе солидарности и взаимного доверия.

10. Историческая преемственность предполагает опору на опыт других регионов России, а также учет специфики региональной среды.

11. Защищенность является базовым принципом, без которого невозможно построение регионального солидарного общества. Особое внимание следует уделить духовной безопасности, как первоосновы национальной идентичности.

В качестве основного механизма реализации первого этапа Концепции в Стратегии «Формирования регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы» [1] указан ежегодный социологический мониторинг «Роза качества», в соответствии с которым предполагается корректировка Стратегии. Оценка эффективности производится по 9 показателям: удовлетворенность населения межличностными отношениями в месте проживания, удовлетворенность населения семейными отношениями, удовлетворенность населения реализацией принципа социальной справедливости, удовлетворенность населения информационной открытостью органов государственной власти, удовлетворенность населения информационной открытостью органов местного самоуправления, удовлетворенность населения безопасностью жизни, удовлетворенность населения действиями власти, уровень доверия органам государственной власти, уровень доверия органам местного самоуправления. Также приводится список мероприятий, запланированных на первый период (2011 – 2015 годы) реализации Концепции.

В выступлении губернатора Белгородской области на заседании Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе говорилось об активном использовании технологии краудсорсинга, позволяющей налаживать более эффективные

контакты между властью и обществом. Однако данная технология не была задокументирована в качестве механизма Концепции.

Ожидаемые результаты реализации Концепции можно разделить на два уровня – муниципальный и региональный. На региональном уровне обозначаются стратегические перспективы, отложенные во времени, тогда как на муниципальном уровне ожидаемые результаты носят конкретно-прикладной характер.

В соответствии с Постановлением администрации города Белгорода, к ожидаемым результатам можно отнести: улучшение качественного состава и кадрового потенциала муниципальных служащих, создание комфортной социально-экономической среды для молодежи и пенсионеров, повышение информационной открытости через освоение сети Интернет, а также улучшение имиджа города за счет развития партнерских отношений с городами-побратимами.

В соответствии со Стратегией «Формирование регионального солидарного общества», к ожидаемым результатам можно отнести: становление региональной солидарности и взаимолояльность власти и общества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепция регионального солидарного общества на данном этапе проработана недостаточно четко. Наиболее неразработанными остаются механизмы реализации Концепции. Необходимо более детально осветить принципы, связанные с ответственностью и подотчетности власти перед обществом. В целом, задачи и принципы Концепции коррелируются с заявленными целями и ожидаемыми результатами. Однако «мероприятийный» подход к реализации Концепции снижает эффективность.

Сформулированные в соответствии со Стратегией «Формирование регионального солидарного общества» цели и задачи находят свое отражение в практической деятельности власти на всех уровнях.

Например, в области прошел конкурс на разработку социальной рекламы «Ценности солидарного общества». Состоялось первое заседание Интеллектуального клуба Белгородчины, объединившее представителей духовенства, общественных организаций, бизнеса и власти, науки и культуры для обсуждения места и роли Белгородчины в славянском мире. Состоялось общее заседание Белгородского Городского земского собрания, объединившее представителей профессиональных сообществ для профессиональной и социальной экспертиза проектов решений органов местного самоуправления, создания условий для повышения качества жизни, выработки и реализации механизмов участия гражданского общества в формировании социально-экономической политики, содействие развитию солидарного общества. С целью популяризации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» был объявлен конкурс на эскиз медали «За вклад в солидарное общество» [8].

Однако данные меры являются единичными, население Белгородской области недостаточно информировано о реализуемой на территории области

Стратегии «Формирование регионального солидарного общества». По данным, приводимым С. Сергачевым [7], первым заместителем губернатора Белгородской области, 40,6 % опрошенных жителей Белгородской области что-то слышали о солидарном обществе. Лишь 37,43 % респондентов из числа тех, что слышал о реализации Концепции, оценивают идею Концепции как успешную. У населения региона нет четкого представления о том, что же такое региональное солидарное общество. Среди тех, кто имеет представление о солидарном обществе, 47,18% убеждены – это общество, объединенное общими ценностями и взаимной ответственностью его граждан; для 19,57% респондентов – общество без большого расслоения по доходам и собственности; для 13,94% – общество, обладающее высокой духовностью; 9,12% рассматривают его как общество, включающее людей одной национальности.

Таким образом, необходимо проанализировать теорию регионального солидарного общества с позиции соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз – при помощи краткого стратегического анализа (краткого SWOT-анализа).

Сила (Strength) – преимущества субъекта. К преимуществам теории регионального солидарного общества можно отнести инновационность, отражающую специфику Белгородской области. Идеологическая основа теории способна консолидировать общество, обеспечить основу для самоорганизации на всех уровнях. Имея духовно-нравственную основу, теория регионального солидарного общества является продолжением отечественной философско-политической мысли. Теория не содержит жестких идеологических рамок, ее можно классифицировать как технологию «мягкой силы» (soft power).

Слабость (Weakness) – недостатки субъекта. К недостаткам теории регионального солидарного общества можно отнести отсутствие фундаментальных исследований данной теории, а также ее созвучность с теорией солидаризма. Недостаточный уровень самоорганизации общества и склонность власти к непрозрачным механизмам управления. Также следует отметить некоторую неоднозначность восприятия обществом теории, исходящей от властных структур.

Возможности (Opportunities) – благоприятные факторы внешней среды. К благоприятным факторам развития теории регионального солидарного общества можно отнести сформированный обществом запрос на альтернативный путь развития, а также готовность обществом воспринимать идеи и ценности, предлагаемые теорией регионального солидарного общества. В рамках данной теории возможно развитие новой региональной экономической и социальной модели. Теория регионального солидарного общества минимизирует риски развития классовых, этнических и межличностных конфликтов.

Угрозы (Threats) – противодействие внешней среды. К угрозам внешней среды для теории регионального солидарного общества можно отнести опасность подлога содержания для продвижения дезинтеграционных

идей. Существенен риск декларативного использования теории властью в целях повышения рейтинга на предвыборный период.

В целом, теория регионального солидарного общества является устойчивой концепцией, отвечающей запросам власти и общества. Из-за недостаточной теоретической разработанности она может нести в себе риски двойного толкования и использования в декларативных целях.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что концепция регионального солидарного общества является логическим продолжением линии региональной власти на консолидацию общества. Концепция была разработана с целью восполнения недостаточности проработки и исполнения задачи по утверждению в обществе норм нравственности и морали в Программе улучшения качества жизни населения Белгородской области. Учитывая результаты проведенного краткого SWOT-анализа, следует обратить внимание на возможности теории регионального солидарного общества и с их помощью компенсировать возможные угрозы. Целесообразно также выделить еще одну цель Концепции – сохранение социально-политической стабильности, так как это позволит минимизировать слабости и риски концепции регионального солидарного общества.

Литература

1. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Fold.belkult.ru%2Fstat%2Ffile%2FPrikazy%2FPasport_strategii.doc&lang=ru&c=556e2a8a0c9f (дата обращения: 15.04.2015).
2. Постановление правительства Белгородской обл. от 25.01.2010 N 27-пп (ред. от 03.06.2013) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakon-region.ru/belgorodskaya-oblast/8574> (дата обращения: 16.04.2015).
3. Постановление администрации города Белгорода от 10.11.2014 N 226 «Об утверждении муниципальной программы «Муниципальное управление и развитие солидарного общества на 2015 – 2020 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.beladm.ru/upload/MP%20upravSO.doc> (дата обращения: 16.04.2015).
4. Распоряжение губернатора Белгородской обл. от 03.05.2011 N 305-р «О Концепции программы «Формирование регионального солидарного общества» [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakon-region.ru/belgorodskaya-oblast/723> (дата обращения: 16.04.2015).
5. О Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belregion.ru/region/priorities/solidarity.php> (дата обращения: 27.11.2014).

6. Постановление администрации города Белгорода от 10.11.2014 N 226 «Об утверждении муниципальной программы «Муниципальное управление и развитие солидарного общества на 2015 - 2020 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.beladm.ru/upload/MP%20upravSO.doc> (дата обращения: 16.04.2015).
7. LiveJournal, Inc. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fonar-tv.livejournal.com/4693.html> (дата обращения: 09. 04.2015).
8. Губернатор и Правительство Белгородской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belregion.ru/press/news/?ID=5944&sphrase_id=26980 (дата обращения: 10.10.2014).
9. Сайт Губернатора Белгородской области Евгения Степановича Савченко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.savchenko.ru/> (дата обращения: 12.11.2013).
10. Экономика и управленческая элита Белгородской области. ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lerc.ru/?art=26&page=4&part=articles> (дата обращения: 16. 06.2015).
11. Чугунова Н.В. Современные трансформационные процессы в уровне жизни населения белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-255803.html> (дата обращения: 16. 09.2014).
12. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы Савченко [Электронный ресурс]. – URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (дата обращения: 10.04.2015).
13. Приложение к Закону от 02 апреля 2003 года № 74 Программа улучшения качества жизни населения белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/30931272/32540935/> (дата обращения: 16.04.2015).
14. Консолидация элит — фундамент успешного развития. Эксперт Online [Электронный ресурс]. – URL: <http://expert.ru/expert/2015/25/konsolidatsiya-elit--fundament-uspeshnogo-razvitiya/> (дата обращения: 16. 06.2015).
15. Распоряжение губернатора Белгородской обл. от 03.05.2011 N 305-р «О Концепции программы “Формирование регионального солидарного общества”» [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakon-region.ru/belgorodskaya-oblast/723> (дата обращения: 16.04.2015).

Любимов С. Е.*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия*

ТВОРЧЕСТВО Н.А. БЕРДЯЕВА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ МОДУС ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье проводится идейная взаимосвязь между философским учением Н.А. Бердяева и концепциями представителей европейского экзистенциализма, такими как, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю и Габриэль Марсель. В центре внимания всех этих мыслителей находилась проблема трагичности человеческого бытия, связанная с идентификацией себя в том или ином обществе и с идентификацией себя в человеческой цивилизации как таковой. Тем не менее, учение Н.А. Бердяева идейно предшествует философии экзистенциализма, и кроме того, она создавалась в дореволюционной России, что не могло не наложить на неё определённый отпечаток. В ходе данной работы мы проанализировали самобытность учения Н.А. Бердяева и в то же время проследили его взаимосвязь с европейской философской мыслью.

Ключевые слова: культура, бытие, идентичность, самопознание, свобода.

N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHY AND EXISTENTIAL MODUS OF PHILOSOPHIZING

Annotation. This paper outlines the most essential aspects of N.A. Berdyaev's philosophy and analyzes its correlation with representatives of European existentialism such as Jean-Paul Sartre, Albert Camus and Gabriel Marcel. The tragedy of human existence is based on self identification in the society and in the human civilization per se is the center of all existentialists' attention. Moreover, N.A. Berdyaev teaching is a predecessor of European existentialism and it was created in the frames of prerevolutionary Russian. These factors imprinted on Berdyaev's philosophy. During this work we will try to analyze uniqueness of Berdyaev's philosophy and consider its correlation with European philosophical thought.

Key words: culture, being, identity, self-cognition, freedom.

Н.А. Бердяев является, без преувеличения, одним из крупнейших представителей русской философской мысли первой половины XX века. Наряду с другими выдающимися русскими мыслителями, такими, как С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, Н.О. Лосский, Бердяев был выслан в 1922 году на «Философском пароходе» прочь из России, которую он так любил. Поначалу русские мыслители, оказавшись за границей, полагали, что большевизм лишь временный политический феномен, который неизбежно придёт к своему

краху. Однако, к ужасу и разочарованию русских интеллектуалов, большевизм как идейное течение не только не утратил своей прежней силы, но и с каждым днём лишь наращивал её. Трагически переживая постреволюционные события и анализируя социальные процессы, происходившие в большевистской России, русская эмиграция стала опасаться, что возвышенная и самобытная русская культура со временем вовсе исчезнет из истории человечества, уступив место новой советской культуре, в которой христианские ценности будут навсегда вытеснены переработанными идеями диалектического материализма.

Трагедия русской культуры оказала огромное влияние на формирование и развитие русской философской мысли в XX веке. Осознавая всю опасность сложившегося положения, многие мыслители начали разрабатывать свои проекты возрождения русской культуры. Некоторые из таких проектов носили политический характер. Среди известных представителей общественной мысли России, оказавшихся в эмиграции, стоит выделить П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова, которые предлагали концепции возрождения, связанные, прежде всего, с проведением контрреволюции и реставрации монархии в России [11, с. 47]. Однако в результате обострения геополитической ситуации в Европе, вызванного усилением националистического движения в Германии, стало понятно, что контрреволюция не приведёт к спасению русской культуры, поскольку уничтожение большевиков приведёт к уничтожению России в целом, а этого русские мыслители допустить не могли.

Из-за подобных ограничений начали возникать проекты возрождения русской культуры совершенно иного рода. Смысл нового подхода заключался в том, чтобы совершить не политическую, а духовную революцию. К числу такого рода мыслителей можно отнести С.Л. Франка, Ф.А. Степуна и, конечно же, Н.А. Бердяева. Во многом, большинство подобных проектов так и остались лишь хорошо проработанными теоретическими концептами, никогда реализованными на практике. Все подобные проекты духовного возрождения обладали той или иной степенью оригинальности, однако, пожалуй, самым оригинальным и без сомнения самым значимым был именно философский проект Бердяева. Несмотря на всю свою эклектичность, именно проект Бердяева предвосхитил дальнейшее развитие мировой философии в XX веке, впервые чётко сформулировав то, что впоследствии стало идейным основанием экзистенциализма.

К тому времени, как Жан-Поль Сартр только начинал писать свои первые философские произведения («Тошнота» («La Nausée», 1938 г.)), Н.А. Бердяев уже заканчивал свой творческий путь. В связи с этим можно сказать, что он в некотором роде опередил развитие философии на целое поколение. Однако так ли это на самом деле? Действительно ли Бердяев является настолько оригинальным мыслителем или же он просто эклектик, который в своих работах просто удачно совместил элементы концепций других философов? В данной работе мы попытаемся ответить на эти вопросы, проанализировав философскую позицию Бердяева, изложенную в его работах

«Дух и реальность» (1935 г.), «Смысл творчества» (1922 г.) и «Смысл истории» (1922 г.), а затем сравнить его идеи с философскими концепциями таких представителей экзистенциальной философии, как Жан-Поль Сартр, Альбер Камю и Габриэль Марсель. В заключении же мы увидим, насколько схожа проблематика Н.А. Бердяева с экзистенциальной философией во всех её проявлениях.

Если анализировать философскую систему Н.А. Бердяева, изложенную, прежде всего, в его работе «Дух и реальность» (1935 г.), то можно выделить три главных вопроса, вокруг которых строится вся цепь дальнейших рассуждений. Первым таким вопросом является проблема личности и смысла человеческого существования, вторым – проблема соотношения личности с другими объектами материального мира, среди которых Бердяев отдельно выделяет государство, и, наконец, третьим вопросом является проблема духа и его соотношения с реальностью и человеком. Вероятно, именно последняя проблема ощущалась Бердяевым как наиболее острая, ведь не случайно именно её он выносит в название одного из своих главных философских трудов.

Соответственно, каждая из трёх каждая из трёх ключевых проблем философии Н.А. Бердяева определяется рядом взаимосвязанных вопросов. Так, проблема человека непосредственно связана с вопросом о творчестве, проблема соотношения человека с объективным миром – с вопросами о сущности окружающей нас политико-социальной реальности и сущности связей, которые соединяют всю реальность воедино, наконец, проблема духа связана вопросом о смысле истории и будущем человеческой цивилизации. На все эти вопросы Бердяев, так или иначе, отвечает на страницах своих трактатов, однако нельзя сказать, что его концепция в полной мере представляет философскую систему. С другой стороны, нельзя обвинить Бердяева и в бессистемности, ибо его размышления имеют некую структуру в отличие от многих экзистенциальных мыслителей, как, например, Габриэль Марсель.

Так, отвечая на вопрос о человеке, Бердяев отмечает, что «бытие человека весьма трагично» [1, с. 380]. Человек, будучи брошенным в этот мир, абсолютно не понимает своего истинного предназначения и потому обречён вечно прибывать в мире объективной реальности, вместо того, чтобы совершить прорыв к подлинному царству духа. Даже в случае, когда человек всё же начинает осознавать необходимость приобщения к духовной реальности, на его пути встаёт множество преград, которые он оказывается не в силах преодолеть в силу своей природной слабости. Дело в том, что, согласно Бердяеву, «прорыв к царству духа возможен только посредством творчества» [1, с. 396]. Несомненно, творчеством могут заниматься отнюдь не все, но всё же именно творчество способно освободить всё человечество из оков объективной реальности. Однако этот путь, согласно Бердяеву, таит в себе множество подводных камней, главной из которых является проблема символизации творчества.

Согласно О.А. Жуковой, Бердяев лишь «показывает онтологический смысл и пределы данного феномена [творчества], полагаемые объективацией, которую он считает смертным грехом. Однако, сосредоточившись в своем опыте построения персоналистической философии на субъекте творчества, Бердяев почти ничего не может сказать о том, что же такое само творчество» [7, с. 37]. Таким образом, проясняя механизмы творчества, в системе Бердяева нивелируется понятие творчества как такового. Однако, для него самого это не столь значимо, поскольку для него важно не прояснить суть данного феномена, а показать, как с помощью творчества можно совершить «революцию духа» и спасти человечество от неминуемой гибели.

Именно в этой связи Бердяев переходит ко второй главной проблеме – вопросу соотношения человека с объективным миром. Как уже говорилось ранее, в этом вопросе немаловажную роль играет проблематика государства. Именно государство, с точки зрения Бердяева, в том виде, в котором оно получило своё распространение по всему миру, мешает человеку посредством творчества прорваться в мир царства духа. Дело в том, что функцией любого государства является регулирование общественных отношений посредством системы социальных институтов. В свою очередь, подобное регулирование возможно только посредством обширной системы символов, которая сообщает каждому индивиду необходимый набор правил для поведения в той или иной ситуации. В целях повышения своей эффективности государство постоянно наращивает символичный аппарат, стремясь превратить в символы даже результаты творческой деятельности [1, с. 398]. Таким образом, государство, с одной стороны, выступает гарантом существования социальной реальности, без которой невозможна жизнь человека в современном мире, но с другой – своего рода тюрьмой, которая мешает человеку вырваться за пределы объективной реальности.

При своей нелюбви к государству как преграде на пути к царству духа, Бердяева ни в коем случае нельзя назвать анархистом. По словам М.Н. Громова, «Умом он понимает, что без сильной государственности стране не выжить, не удержать огромные пространства, не преодолеть эгоизм этносов, социальных слоев и регионов. Но сердце “апостола свободы” протестует и возмущается против несвободы» [6, с. 30]. Его позиция заключается скорее в том, что необходимо реформировать государство таким образом, чтобы оно помогало человеку достичь царства духа, а не уничтожить его.

Обращаясь к проблеме взаимодействия человека с окружающим миром, Бердяев формулирует два ключевых положения. Согласно его позиции, человек может относиться к миру по принципу «Я – Ты», или же по принципу «Я – Оно» [1, с. 381]. В первом случае человек видит в окружающем его мире лишь духовную составляющую во всей её полноте, он не пытается понять, из каких частей состоит мир, и вообще не выделяет в нём никаких объектов. Напротив, во втором случае, человек видит лишь объективную реальность, или, говоря иначе, «мир объектов», он пытается понять причинно-следственную связь событий и исследовать мир всеми

доступными способами [1, с. 433]. Разумеется, с точки зрения Бердяева, именно принцип «Я – Ты» ведёт к царству духа, в то время как, принцип «Я – Оно» оставляет человека в мире объектов. Проблема заключается в том, что лишь немногие живут по принципу «Я – Ты», а значит, лишь немногие могут достичь спасения и обрести царство духа. Однако Бердяев не хотел спасения избранных, и именно в целях спасения всех он разработал свой проект революции духа.

В ситуации с проблемой отношения духа и реальности ситуация ещё более трагична. Дело в том, что история человеческой цивилизации, по Бердяеву, есть «история непрекращающейся объективации духа» [1, с. 370]. Начиная с эпохи Просвещения, именно наука, а не религия является ключевым инструментом познания мира. Однако это познание основано на разделении мира на огромное количество элементов, каждый из которых превращается в объект познания. В свою очередь, объект познания под воздействием научного метода сообщает учёным информацию об окружающем нас мире. Следуя таким путём, согласно Бердяеву, можно узнать, как функционируют отдельные объекты окружающего нас мира, но с помощью науки мы никогда не сможем узнать, что есть мир как таковой.

Философская система Н. А. Бердяева глубоко эсхатологична и буквально пропитана духом мессианства. Согласно М. Н. Громову, «Эсхатология Бердяева проистекает из христианского финалистического учения о конце света и Страшном суде, событиях, которые Бердяевым интерпретируются как конец Земной истории и начало вечной, где в божественной гармонии будут сняты предшествовавшие противоречия» [6, 28]. Мессианизм же Бердяева связан с его намерением задержать наступление дня страшного суда, с той целью, чтобы подготовить к спасению как можно больше людей. Именно этой цели и служит его проект «революции духа». Стоит отметить, что данный мессианизм является весьма характерным для русской культуры в целом и впервые был сформулирован ещё в концепции «Москва – третий Рим». В данном случае, Бердяев, несомненно, выступает продолжателем данной традиции.

Таким образом, человеческое бытие, с точки зрения Бердяева, глубоко трагично. Трагедией пронизаны все уровни бытия: жизнь отдельного человека, общества и государства в целом и даже история человеческой цивилизации. В свою очередь, согласно Бердяеву, это означает, что человечеству уже давно необходимо свернуть с избранного им пути на сторону познания духа, а не его отдельно взятых элементов. Только так может обрести спасение всё человечество, а не только его отдельно взятые «избранные» представители. Такова философская система Н.А. Бердяева.

Впоследствии именно проблема человека и трагичности человеческого бытия стала центральной темой экзистенциализма. Поэтому, концепцию Бердяева с уверенностью можно назвать экзистенциалистской. Однако, вместе с тем, философия Бердяева – это экзистенциализм совершенно особого рода. Как подчеркивает М.Н. Громов, Бердяев «запомнился современникам как “пророк” и “апостол свободы”. В нем явственно

проступает библейский пафос творения, дар мистического прозрения, сочетаемый с беспощадным обличением греха и непримиримым отвращением к мерзостям мира сего, в том числе к безбожной власти и бездуховной цивилизации» [6, с. 26]. Поэтому, Бердяев не просто экзистенциальный мыслитель, а самый настоящий профетический экзистенциалист. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим взаимосвязь идей Бердяева с учениями ведущих экзистенциальных мыслителей XX века: Жан-Полем Сартром, Альбером Камю и Габриэлем Марселем.

Стоит отметить, что именно у Бердяева впервые термин «экзистенциализм» артикулирован в том смысле, который закрепился за ним в философской мысли XX века и занял прочное место в тезаурусе интеллектуальной культуры. Впоследствии многие мыслители использовали это понятие, но мало кто ссылался при этом на работы Н. А. Бердяева. Возможно, он, будучи великим эклектиком, просто выразил в этом слове мысль, которая впоследствии стала общепринятой. Но, тем не менее, нельзя сомневаться в том, что именно Бердяева можно назвать первым представителем именно экзистенциальной философии.

Более того, в данном разделе мы и вовсе покажем, что экзистенциальная философия Н.А. Бердяева в некоторых аспектах проработана гораздо детальней, чем философские концепции Сартра, Камю и Габриэля Марселя. Так, Т.А. Кузьмина отмечает, что «если каждый из мыслителей-экзистенциалистов подробнейшим образом анализирует какой-то определённый аспект человеческого бытия, то Бердяев рассматривает все эти аспекты в их тотальности и взаимосвязи друг с другом» [12, с. 91]. Таким образом, в то время как в произведениях мыслителей – экзистенциалистов мы находим лишь философские размышления, в трактатах Бердяева мы видим целую философскую систему, стремящуюся к упорядочению и логическому развитию высказываемых идей и положений.

Как следует уже из самого названия, учение экзистенциалистов направлено, прежде всего, на осмысление сущности человеческой жизни, а значит, проблема человека является первостепенной для данного философского направления. Неслучайно Жан-Поль Сартр в попытках защититься от критиков сравнивал экзистенциализм с гуманизмом в своём эссе «Экзистенциализм – это гуманизм». Центрированность на проблеме человека свойственна всем мыслителям – экзистенциалистам. Однако, в отличие от Бердяева, писавшего о человеке на страницах своих философских трактатов, экзистенциалисты предпочитали показывать особенности человеческой природы преимущественно в литературной форме. Такого подхода придерживались, прежде всего, Жан – Поль Сартр и Альбер Камю, лауреаты нобелевской премии по литературе.

В литературных произведениях Сартра и Камю, а также «метафизическом дневнике» Габриэля Марселя, отчётливо видна проблема трагичности человеческого бытия. Все они сходятся в том, что человек заброшен в этот мир и потому абсолютно не понимает своего истинного предназначения. Безусловно, человек наделён свободой воли, но, при этом он

зачастую не понимает, что с ней делать¹. Данная проблема является центральным вопросом известного романа Сартра «Тошнота» (1938 г.), где он весьма искусно и художественно убедительно показывает абсурдность человеческого существования и связанные с этим отчаяние и бессилие, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни.

Так, протагонист романа «Тошнота» пытается познать окружающий мир с помощью методов научного познания, однако, вскоре осознаёт всю беспомощность человеческого разума и приходит к иррациональному пониманию мира [14, с. 126]. В результате, герой романа замыкается в себе, теряя надежду обрести хоть какой – то смысл жизни. С помощью своего романа, Сартр, прежде всего, показывает абсурдность развития человеческой цивилизации и связанную с этим трагичность человеческого бытия. В этом контексте невозможно не вспомнить идеи Бердяева о человеке.

Бердяев формулирует принципы, практически идентичные тем, что мы находим в произведениях Сартра и других экзистенциалистов. Бердяев также показывает заброшенность человека в этот мир и связанную с этим онтологическим фактом трагичность человеческого бытия, однако его анализ данной проблемы не ограничивается лишь констатацией проблемы. Несомненно, важным компонентом философии Бердяева является также и его учение о свободе. Как пишет О.А. Жукова, «свобода в системе Бердяева оказывается превыше добра и зла, вне качественных их различий» [7, с. 45]. Свобода способна освободить человека от уз объективного мира и открыть путь в царство духа. Однако, для этого человеческую свободу нужно направить в нужное русло, которым является творчество.

Тем не менее, согласно Н.А. Бердяеву, человеческая свобода таит в себе и немало опасностей. Так, она может привести человека как в Рай, так и в Ад. Человек не осознаёт границ своей собственной свободы и потому его будущее всегда находится в опасности. Подобные взгляды на проблему человеческой свободы были характерны для многих русских мыслителей, таких как, прежде всего, Ф.М. Достоевский и И.А. Ильин [10, с. 54]. В отличие от экзистенциалистов Бердяев предлагает конкретное решение данной проблемы, которое заключается в его проекте «революции духа». Таким образом, говоря о человеке, Бердяев поднимает примерно те же проблемы, что и экзистенциалисты, однако, в отличие от них, он предлагает конкретное решение.

Если Сартр лучше прочих мыслителей описывал проблемы человеческой природы и свободы воли, то Камю лучше прочих экзистенциалистов проработал вопрос о связи отдельного человека с государством и обществом. Согласно его позиции, каждый человек постоянно находится в мире абсурда, «он подобен Сизифу, день ото дня выполняющему одну и ту же работу, которая на самом деле не имеет

¹ Отчётливей всего эта мысль была сформулирована в работе Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто».

никакого смысла» [8, с. 118]. Перестать выполнять свою работу человек также не может, ибо у государства есть набор репрессивных мер, которые с помощью насилия так или иначе заставят человека следовать установленным правилам. Данные идеи были высказаны Камю, прежде всего, в его произведении «Миф о Сизифе», где он впервые сформулировал основные принципы философии абсурда. Осознавая абсурдность человеческого бытия в рамках государства, Камю, тем не менее, не предлагал с ним бороться, а, напротив, считал, что необходимо признать его данность.

Человек слаб по своей природе и не знает своего места в этом мире, а потому действий отдельных людей, согласно Камю, будет недостаточно для изменения мира. Более того, все попытки улучшить мир, с точки зрения Камю, «всегда оканчиваются лишь эскалацией насилия и многомиллионными человеческими жертвами» [9, с. 191]. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить судьбу фашизма и сталинизма. В связи с этим, согласно Камю, «мы не должны пытаться улучшить социально-политическую реальность, нам следует лишь принять уже существующую реальность и пытаться нивелировать в ней насилие» [9, 215]. Если государство не будет опираться на насилие как инструмент политического воздействия, это и будет лучшей социальной реальностью, на которую может рассчитывать человек, согласно Камю.

В аспекте взаимосвязи человека с политико-социальной реальностью мы можем проследить уже гораздо больше различий между Н.А. Бердяевым и мыслителями – экзистенциалистами. Как отмечает Е.А. Волгин, реальность, с точки зрения Бердяева, не является абсурдной². С другой стороны, анализируя особенности социально-политической реальности, Бердяев выделяет все те же её недостатки, что и Камю. Так, он отмечает, что посредством символизации, «государство мешает человеку прорваться к царству духа и обрести подлинную свободу» [1, с. 398]. Символизация есть своего рода насилие, поскольку у человека нет выбора: принимать действующие правила или нет, поскольку в случае неподчинения на него действуют репрессивные меры воздействия. Во-вторых, в отличие от Камю, который признавал невозможность изменения социальной реальности, Бердяев такую возможность всё же видит, поскольку без государства прорыв к царству духа на уровне всего общества в целом станет полностью невозможным.

Наконец, на уровне взаимодействия человека с другими объектами материального мира, позиция Бердяева наиболее схожа со взглядами Габриэля Марселя. Причём если схожесть, прежде всего, проявлялась в общности проблематики, то в данном случае взгляды обоих мыслителей совпадают как по содержанию, так и по форме. Как мы помним, согласно Н.А. Бердяеву существует два главных отношения человека к окружающему

² В данном аспекте, разница в позициях Н.А. Бердяева и А. Камю лучше всего была показана в работе Е.А. Волгина «Экзистенциально-гуманистическая антропология Н.А. Бердяева». – М., 2003.

его миру: «Я – Ты» и «Я – Оно». Первое отношение направлено на усмотрение в окружающей реальности духовных особенностей, неделимых на составные части. В свою очередь, второе отношение направлено на усмотрение характерных особенностей объектов материального мира безотносительно к миру духовному. Габриэль Марсель практически в точности повторяет мысли Н.А. Бердяева в своей главной философской работе «Метафизический дневник» (1927 г.).

Однако, в отличие от Бердяева, считавшего отношение «Я – Оно» бесполезным для истинного познания окружающего нас мира, Марсель всё же находит в этом отношении определённую пользу. Дело в том, что согласно Габриэлю Марселю, отношения «Я – Оно» и «Я – Ты» не являются взаимоисключающими, а гармонично дополняют друг друга [13, с. 81]. В этом заключается наиболее существенное различие между позициями Н.А. Бердяева и Г. Марселя. Примечательно, что оба мыслителя, скорее всего, не были знакомы с творчеством друг друга. Данная ситуация становится ещё более оригинальной, если учитывать тот факт, что мысль о существовании двух отношений к окружающему вошла также и в основу главной философской работы крупнейшего еврейского мыслителя XX века Мартина Бубера «Я и Ты»³ (1923 г.).

В ходе данной работы мы рассмотрели основные проблемы философской концепции Н.А. Бердяева и сравнили его идеи с позициями таких мыслителей – экзистенциалистов, как Жан-Поль Сартр, Альбер Камю и Габриэль Марсель. Мы установили, что в философской системе Н.А. Бердяева присутствуют три аспекта рассмотрения проблемы трагичности человеческого бытия, выделяемые на уровне отдельного человека, на уровне общества и государства в целом, а также на уровне всей человеческой цивилизации. Все эти три уровня, так или иначе, присутствуют в учениях экзистенциалистов. Однако если в случае Бердяева они представляют собой систему, где все формы бытийственности взаимосвязаны между собой, то в случае экзистенциалистов мы обычно находим сосредоточение внимания лишь на определённых аспектах существования человека, где, помимо всего прочего, взгляды на один и тот же вопрос могут порой противоречить друг другу.

Анализируя идейную взаимосвязь между Н. А. Бердяевым и экзистенциалистами, мы установили, что высказываемые ими идеи порой схожи не только по содержанию, но также и по форме. Так, наибольшую общность можно установить между Н. А. Бердяевым и Габриэлем Марселем. Дело даже не только в том, что они сформулировали идентичные идеи по вопросу отношения человека к окружающему миру. В отличие от большинства экзистенциалистов, Габриэль Марсель был солидарен с Н. А. Бердяевым в отношении возможности и необходимости прорыва к царству

³ Подробнее см. Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993.

духа. Другие экзистенциалисты, как Сартр и Камю, не признавали даже самой возможности такого рода прорыва и видели задачу лишь в изменении существующего социально-политического порядка, либо революционным путём (Сартр), либо эволюционным (Камю).

В этом контексте у Николая Бердяева и Альбера Камю не так много точек соприкосновения. Для Бердяева был абсолютно неприемлем тот конформизм, о котором говорит Камю в отношении социально-политической реальности. Бердяев опять же видел возможность и необходимость изменения государства путём революции духа, в то время как Камю настаивал на необходимости признания данности, какой бы абсурдной она не была. Однако обоих мыслителей объединяет надежда: Бердяев верил в возможность позитивного изменения государства и общества человеческими силами, а Камю такую возможность не признавал, видя все ужасы фашизма и сталинизма, которые, по замыслу их вождей, изначально должны были привести человечество к наилучшему будущему.

В конечном счёте, Бердяев предложил конкретный выход, следуя которому всё человечество, а не какая-то его часть может обрести шанс на спасение. Конечно, его позиция является довольно утопической, однако этот утопизм в ней не чрезмерен. В концепциях Сартра и Камю мы вообще не находим никакого будущего и никакой надежды для человечества. Все они лишь подчёркивают проблемы человеческой природы и пытаются примирить его с окружающим объективным миром, даже не пытаясь вывести человека на уровень царства духа. Таким образом, концепцию Н.А. Бердяева с уверенностью можно назвать экзистенциальной. Он поднимает те же проблемы, что и мыслители – экзистенциалисты, но в отличие от них предлагает духовный и социально-культурный варианты их решения, понимая, что эти интеллектуальные усилия дают возможность будущего исторического существования как человечества в целом, так и каждого человека в отдельности.

Литература

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность. – М.: АСТ, 2011.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
3. Бердяев Н. А.. Смысл творчества. – М.: Мысль, 1990.
4. М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993.
5. Волгин Е. А. Экзистенциально-гуманистическая антропология Н. А. Бердяева. – М., 2003.
6. Громов М. Н. Апологет и пленник свободы / Философские науки. – 2014. – №4. – С. 22-36.
7. Жукова О. А. Философия новой духовности: творческий манифест Николая Бердяева / Философские науки. – 2014. – №4. – С. 37-51.
8. Камю А. Миф о Сизифе. – М.: АСТ, 2011.
9. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Радуга, 1990.

10. Кантор В. К. Бердяев о Достоевском: теодицея и свободы / Философские науки. – 2014. – №4. – С. 52-64.
11. Кара – Мурза А. А. Российский либерализм. Идеи и люди. – М.: Новое издательство, 2007.
12. Кузьмина Т. А. Экзистенциальная этика Н. А. Бердяева / Этическая мысль. – 2008. – №8. – С. 87-127
13. Марсель Г. Метафизический дневник. – М.: Наука, 2005.
14. Сартр Ж.–П. Тошнота. – М.: АСТ, 2014.
15. Сартр Ж.–П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2004.

УДК 316.77

Малыхина Н.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Ушакова С. В.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ РЕПОРТЁР»)

Аннотация. В работе рассматривается отражение процессов культурной идентификации в текстах СМИ и влияние прессы на культурную идентификацию аудитории (на примере журнала «Русский репортёр»). Выделены три ключевых аспекта репрезентации идентификации, отражаемых в СМИ: национально-этнический, социальный и религиозный, выявлена взаимосвязь между национально-этническим и религиозным параметрами идентификации, что можно рассматривать как устойчивый стереотип массового сознания.

Ключевые слова: культурная идентификация, национально-этнический аспект, самоидентификация, СМИ, религиозный аспект.

CULTURAL IDENTIFICATION OF A PERSON IN PERIODICAL PRESS (BY THE EXAMPLE OF THE MAGAZINE “RUSSIAN REPERTER”)

Annotation. The paper discusses the reflection of processes cultural identification in periodical press texts and its influence on cultural identification of the audience (by the example magazine “Russian Reporter”). Three key aspects of identification representation reflected in the media are selected: national-ethnic, social and religious. It studies interconnection between national-ethnic and religious identification aspects. It can be determined as mass consciousness stereotype.

Key words: cultural identification, national-ethnic aspect, self-identification, media, religion aspect

Проблемы идентификации личности, социально-групповой идентификации являются в настоящее время одними из самых актуальных. Человек, находясь в социуме, аккумулирующем противоречивые тенденции, оперирует множеством социально-культурных кодов. В глобальном аспекте индивид усваивает эти коды не только в семье и социальной группе, но и благодаря средствам массовой информации. В этом потоке информации он производит селекцию, подсознательно что-то усваивая, а что-то отвергая. Журналист же в этом случае предстаёт аналитиком, лицом, осуществляющим социальное познание и задающим векторы оценки действительности.

Важно различать понятия «идентификация» и «идентичность». Понятие «идентификация» является живым и актуальным процессом соотнесения индивида с различными социальными группами. Понятие «идентичность» является результатом процесса идентификации, сформировавшимся соотнесением индивида с социальной группой. А.М. Сосновская выделяет три этапа идентификации индивида. Первый – социальная категоризация: человек учится классифицировать познаваемых им людей, относя их к разным категориям на основе сходства или различия. Следующий этап – социальная идентификация: процесс отнесения себя к какой-либо категории. Завершается весь процесс полным отождествлением индивида – социальной идентичностью [14, с. 12]. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что идентичность является ключевым элементом субъективной реальности, она находится в диалектической взаимосвязи с обществом [9, с. 115].

Не менее важным является понятие «самоидентификации». Э. Гидденс выделяет десять особенностей, среди которых для целей нашей работы важен третий пункт: «рефлексивность Я непрерывна». С этих позиций самоидентификация основывается на самонаблюдении, искусство же самонаблюдения заключается в том, что индивид задает себе вопросы: как я могу использовать момент, чтобы измениться? что происходит прямо сейчас? что я думаю? что я делаю? что я чувствую? как я дышу? [10, с. 102]. Ответы на эти вопросы определяются социокультурной средой.

Ю.Н. Солонин и М.С. Каган, характеризуя понятие культурной идентификации, рассматривают ее как самоощущение человека внутри конкретной культуры. Она характеризуется субъективным чувством индивидуальной самотождественности. Индивид, погружаясь в определённые культурные традиции, начинает отождествлять себя с ними [12, с. 99].

Одним из главных факторов идентификации является национально-этнический аспект, хотя он не всегда является ведущим. Через картину мира определенного этноса индивид получает целую систему отличительных символов (эмблем, знаков, святынь, мифов, легенд, историй), обеспечивающих идентификацию [12, с. 99].

Нередко в процессе национально-этнической идентификации человек усваивает и религиозную установку, которая может измениться с течением

времени, но первоначально человек опирается все же на взгляды своих предков. Ещё в XIX веке У. Джеймс отмечал, насколько сильно религия влияет на эмоциональную природу индивида [11], оказывая влияние на формирование личности (ценностей, взглядов) и активно участвуя в процессе идентификации. С началом процессов глобализации её роль несколько уменьшилась, однако сегодня всё больше людей ответы на вопросы «кто я?», «где моё место?» находят именно в религии.

Глобальная социально-политическая ситуация характеризуется тем, что культурная идентификация играет очень большую роль: территориальные границы размываются, и более важным становится то, к какой культуре относит себя сам индивид. Так, например, в условиях миграции из стран Африки большую роль играют национально-этнический и религиозный аспекты: большой приток граждан мусульманского мира в христианскую Европу влияет на идентификацию как мигрантов, так и коренных европейцев.

Значение религии в обществе также повышается в кризисных ситуациях: в периоды войны и нестабильности человек чаще обращается к вере и церкви. Социальная идентификация также оказывает влияние на культурную идентификацию. В полярном обществе «богатые-бедные» определяющим критерием выбора культурной парадигмы является статусное различие.

Значимую роль религии в культурной идентификации личности признают и СМИ, уделяя специальное внимание религиозной принадлежности героев. Когда журналист считает необходимым показать, какую религию исповедует его герой, он сразу же даёт определенный набор фактов о нём. В большинстве случаев такие факты имеют стереотипный характер, но при этом действительно представляют собой актуальный культурный код. Но следует подчеркнуть, что СМИ, в свою очередь, также являются мощным фактором как процессов идентификации, так и выявления идентичности: сегодня именно медиа играют ведущую роль в формировании картины мира и системы ценностей как общества в целом, так и отдельного человека. Как отмечает А.М. Сосновская, создаваемые и воспроизводимые стереотипы позволяют людям быстрее ориентироваться в обществе, именно это свойство воспроизведения социальных идентичностей (чувство сходства и чувство различия) позволяет журналисту оказывать мощное влияние на аудиторию [14, с. 46].

Культурная идентификация в текстах СМИ становится релевантной в том случае, если необходимо раскрыть личность героя, позволить аудитории узнать его со всех сторон. Чаще всего такая необходимость появляется в жанрах репортажа, интервью, очерка. Их специфика требует тесного контакта с героями, а объём публикаций позволяет достаточно полно идентифицировать личность.

Для анализа мы выбрали журнал «Русский репортёр» (далее — «РР»), так как «многоголосие» его текстов способствует созданию объективной картины действительности (тираж «РР» — 168 100 экземпляров). Формат

журнала «Русский репортёр» позволяет журналистам создавать полнотекстовые материалы, в том числе идентифицировать своих героев, не упуская значимых деталей. Анализ эмпирического материала показывает, что в условиях глобализации именно религиозный фактор часто становится ведущим. В публикациях журнала очень часто можно встретить целую градацию средств религиозной идентификации героя - от тонких намёков на религиозность (описание символов, например, иконы, статуэтка Будды) до прямых вопросов журналисту своим героям. Темы, в которых журналисты используют этот фактор, также разнообразны: от культурологических (религиозные предпочтения в современной Италии в репортаже Марины Ахмедовой «Wi-fi с Богом» [3]) до общественно-политических, посвящённых, например, таким острым проблемам, как российско-украинский конфликт (интервью этой же журналистики с мэром г. Львова [8]).

Данные анализа позволяют установить типичные приемы, которые используются в СМИ для идентификации героя. Часто журналисты включают в свои тексты идентификационные признаки символического характера, понятные только носителю конкретного культурного кода. Так, «Русский репортёр», описывая детали и эпизоды крестного хода, вставляя в текст слова молитвы, идентифицирует своего читателя как носителя православной культуры [6].

Другой распространенный приём – прямой вопрос: журналист с целью идентификации героя задаёт ему вопрос о его религиозной принадлежности. В ответе героя важно всё: его отношение к церкви (когда дифференцируются понятия «верующий» и «религиозный»), его знания, связанные с религией, его мысли и мнения. В этом случае профессионализм журналиста состоит в том, чтобы правильно задать вопрос и получить ответ, раскрывающий систему ценностей героя. Так, специальный корреспондент «РР» Марина Ахмедова в репортаже нередко предпочитает задать провокационный вопрос прямо, поскольку эффект неожиданности способствует честному ответу: персонаж не произносит заранее подготовленные фразы и стремительно пытается ответить. Именно в таком процессе всплывают детали, которые в публикации позволяют идентифицировать героя. *Ср.: «Вы верующий человек? – Да-а-а, я верующий. Глубоко верующий человек. И ровно обратно пропорционально я не религиозный человек. Разница между этими состояниями понятна? Я не посещаю церковь, и я не пощусь. – Шизофрения имеет отношение к Богу? – Да, конечно. Шизофрения – это, если сказать одним предложением, заболевание головного мозга. Не пятки. А Бог у нас где находится? В головном мозге. То есть в каждом из нас Бог есть – в мозге. И душа находится в мозге стопроцентно. В голове, в голове Бог, не спорьте. Ну, это... точно. Да, сердце удивительный орган, но не такой удивительный, как мозг» [4, 26].*

В упомянутом коллективном репортаже Марины Ахмедовой, Виталия Лейбина, Ольги Тимофеевой «День Победы. На крови» [6] уделяется большое внимание религиозному аспекту идентификации, об этом говорит

даже один из подзаголовков: «Одесса: «Каин, где твой брат?!» [6, 25]. Также журналисты отмечают в своём тексте явление, которое непривычно быстро промелькнуло перед их глазами, – крестный ход. Ср.: «Из-за угла выходит разномастная колонна крестного хода. «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!» — колонна обходит дом кругом и уходит с площади» [6, 26]. Эта деталь позволяет идентифицировать аудиторию как носителя христианской культуры, которому данный обряд понятен без дополнительных пояснений. Также это упоминание «вскользь» подчёркивает дежурность, десакрализованность самого эпизода: словосочетание «разномастная колонна», форма «из-за угла» показывают, что крестный ход утратил свою сущность, а также то, что, хотя религия и тесно связана с процессом самоидентификации, однако всё чаще она имеет формальный характер, когда духовная связь человека с Богом отходит на второй план, а ее место занимает манипуляция. Авторы при помощи композиционных и лексических средств иронизируют над «мёртвым» обрядом. Другой пример, в контраст первому, действительно показывает связь человека с Богом – спасение молодого человека, который был в Доме профсоюзов в трагическую для всей Одессы ночь. Однако эта связь также имеет прагматический характер: когда трудно верить людям и властям, чаще всего обращаются к Богу. Ср.: «Меня бог три раза спас в тот день. Первый раз, когда я перестал ориентироваться в дыму и не знал, куда идти. Вторым — когда выпрыгнул с третьего этажа. И третий — когда меня хотели добить. Кто-то подбежал, перевернул меня, стоит надо мной с камнем. А второй говорит: «Этого не трогай, это мой». И поволок меня к скорой помощи» [6, 27].

Марина Ахмедова в течение последних полутора лет регулярно обращается к теме российско-украинского конфликта. В репортаже «Олени из фольги, олени имбирные», посвящённом встрече нового 2016 года в Донецке, ключевой темой является именно самоидентификация жителей. Через монологи героев и диалоги с ними журналистка показывает, как изменилась национально-культурная самоидентификация населения. Очень часто это демонстрируется через прямую речь героев: если ещё год назад было «ваше» и «наше», то сейчас эти два понятия заменились одним — «наше». Ср.: «Еще этот Эрдоган. Да его турки сместят в секунды, как только Турция начнет доходы терять. Убили **нашего** летчика!» В эти дни в общественных заведениях Донецка можно услышать, как посетители обсуждают сбитый российский СУ-24. При этом часто произносятся слова «наш летчик». И, возможно, больше, чем переход на рубль, больше, чем переход на российское телевидение, это словосочетание определяют национально-ментальную принадлежность города» [7, 29]. В этой публикации также, помимо национально-культурной идентификации, уделяется большое внимание идентификации социальной. Среди выживающих людей есть и те, которых война практически не коснулась: они продолжают ездить на дорогих машинах и ходить в дорогие рестораны. И если Россия для жителей Донбасса — «свои», то вернувшиеся назад «богачи»

для них уже «чужие». Они не пережили тяжёлый период вместе с горожанами, ценности которых кардинально изменились за это время. Для переживших войну общественное стоит выше, чем личное: водители маршруток выходят работать даже за 50-100 рублей в день, потому что это необходимо всем остальным жителям города. *Ср.: «Ну, заработал я сегодня только 100 рублей. А смысл бастовать? Нам надо республику поднимать» [7, с. 33].* Так социальный статус и социальная самоидентификация влияют на идентификацию национально-культурную. Как мы уже говорили, определяющим при выборе культурной принадлежности является статус: «богачи», вернувшиеся из Киева, гораздо дальше в культурном понимании, чем россияне, которые не отвернулись во время войны и оказывают помощь по сей день.

О возрастании роли религиозного аспекта в процессе идентификации свидетельствует обращение журналистов непосредственно к религиозной тематике. Журналистов интересует не только ментальность маргинальных зон (острый политический конфликт в Украине), но и ментальность «благополучных» регионов, например Италии. Так, в репортаже «Wi-fi с Богом» Марина Ахмедова рассказывает об итальянской семье, в которой бабушка — католичка, а внучка — последовательница шиваизма. В своём тексте корреспондент исследует причины ухода от традиционных церквей. Герои репортажа озвучивают эти причины. *Ср.: «Сколько в них лицемерия, — замечает Йоги Кришнанат. — В Ватикане нет святых, просто им принадлежит власть — не духовная, а материальная. — Медицинскую помощь они оказывают бедным африканцам только при условии, что те примут католичество, — вступает маленькая седая женщина, жена Йоги. — Это не тот способ любить людей. Поэтому католики — далеко не святые» [3, 58].* Йоги, шиваистский гуру, объясняет, почему сегодня так много атеистов: *«Сколько итальянцев приходит ко мне потому, что церковь им не дает ответа! Столько атеистов сейчас среди итальянцев! Они путают настоящую веру с Ватиканом, вот почему это происходит. А между верой и Ватиканом связи никакой нет...» [3, с. 58].* Автор материала и сами герои проводят границу между религией и верой, отмечая, что первое понятие связано больше с материальной властью, нежели с духовной. Но всё же общество нуждается в «духовной пище», поэтому и люди находятся в постоянном поиске религиозного учения, которое бы соответствовало их запросам. Заканчивает свой материал журналистка словами «Бог один» [3, с. 63], вновь повторяя слова Йоги. Марина Ахмедова подводит своих читателей именно к такому выводу и словами гуру подтверждает это. Показывая две стороны современной итальянской религиозной ситуации, она заключает, что Бог и вера есть и у внучки-шиваистки, и у бабушки-католички. Читатель, знакомясь с таким текстом, получает урок толерантности, и этот опыт не менее важен в процессах идентификации.

В репортаже Ольги Андреевой «Руку убери!» [1] мастерски демонстрируется национально-этнический аспект идентификации абхазского народа. *Ср.: Аламыс — древний поведенческий кодекс Абхазии — в истории*

этой страны играет роль примерно такую же, как конфуцианство в Китае. Здешний народ — народ воспитанный. Этикет в отношении к старшим, гостям, врагам, животным, растениям, соседям — это и есть апсуара, по-русски абхазство. Нет другой темы, о которой абхаз говорил бы с такой страстью. Быть абхазом — значит знать и чтить аламыс. Все zdeшнее население боится двух вещей — снова попасть под протекторат Грузии и потерять аламыс. В обоих случаях Абхазия исчезнет [1, с. 25]. В этом фрагменте, вводящем в проблематику текста, журналистка подчёркивает актуальность проблемы идентификации в социуме, переживающем кризис как социокультурный, так и политический. Древний кодекс Абхазии занимает такую высокую позицию в иерархии ценностей современников, что это обеспечивает самоконтроль и дисциплину в обществе, которой трудно добиться даже при помощи европейских систем законодательства. С другой стороны, аламыс же и является основой самоидентификации абхазов. Для них потеря аламыса значит исчезновение самобытности страны в целом. Ещё одна абхазская категория — пхацароп. *Ср.: Пхацароп — такая разновидность совести, когда стыдно не за себя, а за весь род, за страну. Это делает абхазов народом, с которым сложно воевать [1, с. 25].* Именно это довершает их целостность как народа. Рассказывая о таких ментальных тонкостях организации абхазского социума, журналист выполняет, помимо ознакомительной, дидактическую функцию. Ставя в пример такую освященную нравственной традицией структуру жизни Абхазии, Ольга Андреева ведет аудиторию к размышлению о роли национально-культурной самоидентификации в принципе. Однако при этом прямолинейный дидактизм в тексте отсутствует, как и должно быть в профессиональном журналистском материале.

Редакция журнала часто обращается и к жизни рядового человека в культурно-национальном многоголосии России, где проблема культурной идентификации стоит особенно остро. В репортаже «Едрит-мадрит!» Марина Ахмедова показывает жизнь страны в провинции через жизнь прибайкальского села Заречье, в котором живёт всего 380 человек. В такой глубинке, где уживаются рядом различные народы и верования, вопрос культурной идентификации возникает на подсознательном уровне. При столкновении двух религиозных систем и разных поколений (молодые буддисты и христиане более зрелого возраста) человек в ещё большей степени стремится узнать ответы на экзистенциальные вопросы, выясняя, какая религия является «истинной». *Ср.: Вот раньше говорили, что религия — опиум для народа, а теперь я смело могу сказать, что буддизм — опиум для народа... У нас Колька-алкоголик тоже, как напьется, ой-й... всю ночь под окном рычит. И пока водка в магазине не кончится, так и будет рычать. Вот я и спрашиваю: разница в чем у буддизма и алкоголизма? [5, с. 45].* Очевидно, что, с точки зрения зареченских христиан, буддизм — «вредная» религия, не соответствующая истинной нравственности.

На национально-этнический и религиозный аспекты идентификации оказывают влияние актуальные процессы миграции. Европейский человек

идентифицирует себя как гражданин мира: до недавнего «миграционного кризиса» в Германии европейцы не делили мир на «своих» и «чужих». Однако в настоящее время обстановка изменилась, вопрос идентификации стал очень остро после массовых нападений мигрантов на женщин в новогоднюю ночь в Кёльне. Репортаж «Кельнский синдром» [2] журналистка Ирина Аношина начинает с того, как на трагические события новогодней ночи отреагировала её подруга, живущая в Кёльне с двумя дочками. *Ср.: «Я думала, что моя подруга Хелена из Кельна, мать двух совершеннолетних дочерей, будет встревожена. Звоню ей и застаю в пути на главный вокзал — тот самый, где произошли скандальные события в новогоднюю ночь. Хелена едет на митинг в поддержку сирийских беженцев. Ее спокойствие поражает: — Нет, мы не боимся новых нападений. Не стоит преувеличивать масштаб произошедшего» [2, с. 10].* Так реагируют многие жительницы Германии: они спокойно идут на митинг в поддержку беженцев. Сами власти города находятся на стороне мигрантов и как будто не замечают случившегося: *«Мэр Кельна Генриетта Рекер невольно усиливает панику и успевает себя дискредитировать советом молодым женщинам скромнее одеваться и держаться с подозрительными личностями на расстоянии вытянутой руки» [2, с. 11].* Но всё же толерантность определенной части общества больше не выдерживает, их национально-этническая идентификация выходит на первый план и отделяет коренное население от «чужих» мигрантов ради безопасности. *Ср.: «В ответ на это на площадь перед Кельнским собором на одиночный пикет выходит художница Мило Муар. Выходит полностью обнаженной с плакатом, на котором написано: «Мы не добыча, даже если мы обнажены» [2, с. 11].*

В следующем репортаже о миграционном кризисе в Германии «Теряя наивность» [13] Владислав Моисеев показывает карнавал в Кёльне, который мог быть отменен из-за напряжённой обстановки. Праздник не отменили, многие женщины по-прежнему не испытывают страха и ходят ночью в мини-юбках. Чтобы показать, как журналисты в Германии идентифицируют общество, корреспондент «РР» общается с несколькими. Некоторые журналисты видят «корень зла» и считают, что ряд СМИ неправильно реагирует на это. *Ср.: «...идея состояла в том, чтобы принимать беженцев не только в Германию, но и в другие страны Евросоюза» [13, с. 37]; «Германия надеялась, что другие страны будут вести себя, как она, но этого не произошло. Мориц Гантманн говорит, что политическая тенденция последних нескольких лет как раз и состоит в том, что многие европейские государства ставят свои интересы выше интересов ЕС. Германия апеллировала к тому, что нужно вместе решать проблему. Но приверженность национальным интересам и вопрос беженцев раскалывают Евросоюз» [13, с. 38].* Тем не менее, не все журналисты способны судить здраво и винят в своих проблемах Москву и российские СМИ. Такое мнение в немецких журналистских кругах также влияет на идентификацию людей: границу между «своими» и «чужими» немецкие СМИ проводят между Европой и Россией.

Таким образом, анализ текстов СМИ позволяет сделать вывод, что СМИ, демонстрируя и сопоставляя разные примеры самоидентификации, с одной стороны, отражают актуальные социально-психологические процессы, а с другой стороны, преподают уроки толерантности, одинаково необходимые как России, так и Европе. Через текст аудитория идентифицирует себя с определёнными этническими, религиозными и социальными группами. Также, устанавливая связь с определённым социумом, аудитория вырабатывает отношение к системе ценностей, репрезентированной в журналистском тексте.

Литература

1. Андреева О. Руку убери! / «Русский репортер» – 2015. – №17-19 (392-394). – С. 24-31.
2. Аношина И. Кельнский синдром / «Русский репортёр» – 2016 – №3 (405) – С. 8-15.
3. Ахмедова М. Wi-fi с Богом / «Русский Репортёр» – 2016. – № 3 (405). – С. 56-63.
4. Ахмедова М. Донецк хочет домой. / «Русский репортер» – 2015. – №8 (384) – С. 26-31.
5. Ахмедова М. Едрит-мадрт / «Русский репортер» – 2013. – №48(326). – С. 40-47.
6. Ахмедова М., Лейбин В., Тимофеева О. День Победы на крови / «Русский репортер» – 2014. – №18(346) – С. 24-35.
7. Ахмедова М. Олени из фольги, олени имбирные / Журнал «Русский репортер» – 2016. – №1-2(403-404) – С. 28-34
8. Ахмедова М. Правда — это бог. / Журнал «Русский репортёр» – 2013. – № 50 (328) – С. 36-40
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – М. Изд. «Медиум» 1995. – URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf. Загл. с экрана. Яз. Рус.
10. Гидденс Э. Современная теоретическая социология. Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Лаб. социол.; Отв. ред. Ю. А. Кимелев; Ред.-сост. Н. Л. Полякова. – М.: ИНИОН, 1995. – 155 с.
11. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. [Электронный ресурс] – URL: <http://psylib.org.ua/books/james01/index.htm>
12. Культурология: Учебник / Под редакцией Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2007. – 566 с.
13. Моисеев В. Теряя наивность. «Русский репортёр» – 2016. – № 5 (407) – С. 32-41.
14. Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). – СПб.: Издательство «Роза мира», 2005. – 206 с.

Мишнев А.Ю.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Аннотация. В статье исследуется идеологический фундамент избирательной кампании Дональда Трампа на пост президента США. Рассматривается позиция консервативной оппозиции Трампу. Делается попытка ответить на вопрос: является ли позиция Трампа развитием консервативной мысли и реакцией республиканцев на либеральную элиту партии, или же чуждым для консервативного движения вторжением.

Ключевые слова: американский консерватизм, республиканская партия, выборы президента США, Дональд Трамп, популизм.

POLITICAL PHILOSOPHY OF DONALD J. TRUMP POLITICAL CAMPAIGN

Annotation. The ideological base of the election campaign of Donald Trump for the U.S. presidency is considered in the article. The position of conservative opposition to Trump is considered. An attempt to answer the question whether Trump's position is the development of conservative thinking and reaction of republicans to party's liberal elite, or is an invasion alien to conservative movement.

Key words: American conservatism, Republican Party, US president election, Donald J. Trump, populism.

8 ноября 2016 года в Соединенных Штатах пройдут выборы 45-го президента США. В настоящее время среди республиканцев и демократов идут предварительные голосования за кандидата от партии. И если у Демократической партии, несмотря на неожиданно эффективную кампанию Бэрни Сандерса, самопровозглашенного социалиста и независимого сенатора от Вермонта, все уже понятно – Хиллари Клинтон практически завоевала номинацию от своей партии [1], то у Республиканской партии сохраняется интрига. Хотя прошло уже больше половины гонки, у консерваторов до сих пор нет единого кандидата, который бы не только смог получить поддержку на праймериз и удовлетворить ожидания основных фракций и партийной элиты, но и проложить путь республиканцам в Белый дом. Многие политики, независимые эксперты и журналисты ставят это в вину Дональду Трампу –

эксцентричному Нью-Йоркскому миллиардеру и кандидату в президенты, чьи идеологические воззрения ставятся под сомнения.

И действительно, если смотреть на ретроспективу республиканской гонки 2015-2016 годов, то можно сказать, что борьба оказалась действительно необычной. Во-первых, из-за необычно большого количества кандидатов на предварительном этапе гонки – от партии выдвигалось 17 кандидатов. И если в предыдущие электоральные циклы тоже было достаточно претендентов на пост кандидата от Республиканской партии, никогда не имелось столь сильных перспектив на выдвижение одного кандидата из трех. Изначальные фавориты гонки, Джеб Буш, бывший успешный губернатор Флориды, сумевший заручиться поддержкой истеблишмента партии и влиятельных доноров, и Скотт Уокер, губернатор Висконсина и фаворит «Чайной партии» (Tea Party), не смогли заручиться поддержкой избирателей. Если Буш продержался до праймериза в Южной Каролине, то Уокер выбыл на начальном этапе гонки, не выдержав накала дебатов. Во-вторых, в фокусе гонки и дебатов неожиданно оказался вопрос принадлежности к партийной элите и вашингтонскому истеблишменту, что, в свою очередь, вывело в финал весьма неожиданных кандидатов. И в-третьих, Дональд Трамп – человек, который строит свою кампанию на ярких и спорных лозунгах, своем непричастии к партийной элите и на своем опыте видения бизнеса.

К окончанию праймериз республиканцы имеют трех кандидатов: самого Дональда Трампа, который лидирует как в республиканских рейтингах, так и по количеству делегатов, консервативного сенатора от Техаса Тэда Круза, значительно отстающего от фаворита по количеству делегатов, но, тем не менее, еще имеющего шанс на победу, и Джона Кейсика, губернатора Огайо, который уже не может наверстать отставание в делегатах, но продолжает оставаться в гонке в надежде на «оспариваемую конвенцию» (brokered convention).

Многим в Республиканской партии, а если точнее, в консервативном движении США не нравится сложившаяся ситуация. Некоторые, если номинантом от партии станет Трамп, готовы голосовать за Клинтон [2], другие готовы поддержать номинанта от третьей партии или не участвовать в выборах [3]. Есть и такие, которые готовы к распаду партии и созданию новой, чистой от наследия Трампа консервативной партии [4]. Что же может заставить республиканцев отказаться от кандидата от своей партии? В большинстве российских СМИ и в русскоязычных исследованиях эта тема упускается из виду. В некоторых изданиях говорится о том, что истеблишменту не нравится независимый от их влияния кандидат. Другие заявляют, что это бунт неоконсервативного крыла партии. Конечно, можно согласиться и с теми и с другими. Но, по нашему мнению, проблема не в личности Дональда Трампа и его отношениях с партией. Проблема лежит гораздо глубже, чем в вопросе электоральной привлекательности Трампа и его связях с партийной элитой. Чтобы понять истинные различия в их философии, необходимо разобраться с идеологической и философской

основой современного консервативного движения США и с идеологией Дональда Трампа.

Доминирующей идеологией современной Республиканской партии США является американский консерватизм, весьма отличный от того, что называют консерватизмом в России и даже в Европе. Генезис американской консервативной мысли проходил в условиях, кардинально отличных от эволюции европейских и даже английских институтов, и в относительной изоляции от идеологических течений. Исторически сложилось, что в истории США не было хоть сколько-нибудь значимой консервативной партии европейского образца. Все национальные политические партии США признают значимость и придерживаются республиканизма и либерализма, которые были заложены в 1776 году. Исследователь Патрик Элитт (Patrick Allitt) утверждает, что историю американского консерватизма можно проследить на протяжении всей американской истории. Так, в консервативное наследие он включает идеи, заложенные американской революцией, джефферсоновскими республиканцами, Партией вигов, Авраамом Линкольном, Южными консерваторами и «Старыми правыми», наследием «позолоченного века», а также некоторыми событиями в американской истории. Но современный американский консерватизм 21-го века начал зарождаться только в 50-60-е гг. 20-го века под влиянием консервативного журнала «National Review», антикоммунистического движения и либеральных экономистов: Милтона Фридмана, Фридриха фон Хайека, Людвиг фон Мизеса [5] и Гэнри Хэзлита. Он заключался, по словам Уильям Ф. Бакли, редактора «National Review», в стремление к ограничению власти центрального правительства, утверждению веры в естественный моральный порядок, который накладывает ограничения как на социальную инженерию большого правительства, так и волю демократического большинства [6]. Из чего следует, что консерватизмом в США принято называть, то, что в остальном мире называется либерализмом или либертарианством.

Но такая консервативная позиция смогла выйти на политическую сцену только с приходом на пост президента Рональда Рейгана. Именно он стал тем связующим звеном, которое смогло объединить разрозненных консервативных активистов, антикоммунистов, либертарианцев, неоконсерваторов, заручиться поддержкой так называемого «морального большинства». Такое объединение политических сил способствовало созданию Республиканской партии в ее современном виде, основанной на трех фундаментальных посылах: рыночной экономике и ответственном маленьком правительстве, христианских ценностях, сильной национальной обороне. Таким образом, Рональд Рейган установил стандарт консерватизма в 80-е годы который за исключением некоторых незначительных черт остается неизменным уже более 30 лет [7]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что определяющими пунктами консервативной повестки современных республиканцев являются:

- оппозиция расширению функций центрального правительства, защита федерализма;

- приверженность ценностям, заложенным в американской Конституции. Особенное внимание здесь концентрируется на 1-ой (свобода совести и религиозная свобода) и 2-ой (права на оружие) поправках;
- приверженность свободному рынку, свободной международной торговле;
- опора на иудео-христианские ценности;
- борьба с нелегальной иммиграцией;
- сильная национальная оборона, опора на традиционных союзников.

Поддержка Израиля.

Определение общих черт позиции современного американского консервативного движения дает возможность понять и определить идеологическую специфику избирательной кампании Дональда Трампа. Многие современные консервативные мыслители и политики определяют его идеологические воззрения как прогрессистские, националистические и популистские. Например, по словам консервативного радиоведущего Гленна Бэка, Дональд Трамп является опасным популистом, который обращается к худшим чертам американцев и готовит из своих сторонников «коричневорубашечников» [8]. Дэвид Боуз, исполнительный президент Института Катона, автор книги «Либертарианство: букварь» утверждает, что Трамп идет против американской традиции, выступая за нативизм и свое единоличное правление. Радиоведущий Бэн Шапиро, автор The Ben Shapiro Show, называет его лжецом и угрозой консервативному движению. Также можно отметить и других лидеров консервативной мысли, таких, как Марк Левин, Томас Соуэл, Чарльз Краутхаммер, Артур Лаффер [9], которые выступили с резкой критикой Трампа.

Сами же идеологические и философские воззрения Трампа весьма сложно определить, поскольку на протяжении всей избирательной кампании он уже несколько раз менял свои взгляды и делал противоречивые заявления. Следует также отметить, что за все время своего предыдущего участия в большой политике он успел побывать и демократом, и республиканцем, и даже недолгое время думал о выдвижении своей кандидатуры от третьей партии. Одним из источников, который может послужить для анализа политических позиций Трампа, является его президентская программа. Программа состоит из шести разделов, но наибольший интерес и важность представляют два пункта – реформа внешней торговли и иммиграционная реформа. Именно на этих аспектах своей кампании Дональд Трамп концентрирует особое внимание. Согласно программе, Трамп ставит перед собой задачу защиты американских работников и предпринимателей. Для этого вместе с вполне разумным упрощением налогового кодекса он предлагает довольно агрессивную протекционистскую политику. И как отмечают некоторые исследователи, «торговую войну с Китаем». В частности, он предлагает увеличение роли американских ВМС в Тихоокеанском и Азиатском регионах, использование ВТО с агрессивных переговорных позиций для давления на правительство КНР по ряду

вопросов, таких как валютные махинации, незаконные субсидии, защита интеллектуальной собственности. В плане иммиграционной политики Трамп заявляет о своей приверженности жесткой иммиграционной политике и называет иммиграционную реформу Шумер-Рубио «поддавками корпоративных покровителей». В частности, он предлагает построить стену на границе с Мексикой, заставив заплатить за это мексиканское правительство, выслать всех нелегальных иммигрантов, уменьшить количество виз для легальных мигрантов. Другими важными пунктами программы Трампа являются отказ от «Реформы здравоохранения и защиты пациентов» (т.н. Обамакер) и замена ее расширенной версией Медикэр. Такую реформу некоторые консервативные обозреватели уже назвали «Трампакер». Также он предлагает введение единого налога на самых богатых американцев в размере 10% с целью покрытия части государственного долга, повышение импортных пошлин и налогов на компании, которые переводят производство за рубеж [10]. При этом в решении торгового вопроса с КНР Трамп отводит огромную роль своему умению заключать сделки. Сходный подход характерен и для проблемы нелегальной иммиграции: Трамп настаивает на том, что он единственный кто может решить эту проблему.

Но проанализировав одну лишь программу Дональда Трампа нельзя получить полное понимание его идеологических воззрений. Стоит обратить внимание на его многочисленные интервью, выступления как на избирательных мероприятиях, так и на республиканских дебатах, в которых содержится богатый материал, дающий возможность более точно понять специфику идеологии избирательной кампании этого кандидата. В частности, большое беспокойство как среди консервативного, так и у либерального политического лагеря вызвало высказывание Трампа о необходимости принятия закона о клевете, который позволил бы в судебном порядке привлекать журналистов за спорные высказывания. Трамп поддержал ограничение на финансирование избирательной кампании [11], слежку за гражданами, использование пыток против террористов, выдвигал идею об убийстве родственников террористов; а когда представители министерства обороны заявили, что не станут выполнять такой приказ, сказал, что может заставить их это сделать. Также он поддержал конфискацию собственности для общественных нужд [12], что вызвало недовольство среди консервативного крыла партии. Поддержал финансирование Федерации Планирования Семьи (Planned Parenthood) [13]. Кроме многочисленных спорных высказываний Трампа, беспокойство консерваторов вызывает и его налоговый план в совокупности с нежеланием уменьшать расходы правительства [14]. Еще одним фактором, который отталкивает консерваторов, является формирующийся своеобразный культ личности Трампа; в частности, на мероприятии во Флориде сторонники Дональда Трампа приносили ему клятву верности, что является беспрецедентным для американской политики [15].

Таким образом, на основе краткого обзора программы и выступлений Дональда Трампа можно попытаться нарисовать его политический портрет и сравнить его с консервативной платформой Республиканской партии. Поскольку его идеологические воззрения по многим позициям зачастую меняются, можно выделить только основные паттерны политического мышления Трампа.

В первую очередь, можно с уверенностью сказать, что он отстаивает позиции экономического изоляционизма и протекционизма, защиты Америки как от иностранных компаний, так и от «дешевой рабочей силы». Это идет вразрез с основной платформой Республиканской партии, которая отстаивает ценности свободной торговли. Он поддерживает многочисленные правительственные социальные программы и вмешательство государства в экономику ради общественного блага. Его позиции по социальным вопросам остаются открыты. Можно также отметить его неоднозначную позицию по вопросам свободы слова и свободы личности. И хотя стоит признать, что многие его позиции на первый взгляд являются весьма консервативными, но если рассматривать обоснование той или иной позиции Трампа, то есть ее философскую подоплеку, то можно увидеть радикальное расхождение во взглядах его и консерваторов-республиканцев. У консервативных республиканцев политическая философия основывается на вере в вечные моральные принципы, которые ограничивают власть правительства и базируются на четком моральном кодексе, который относится как к видению такого политического института как государство, так и к видению человека. Эта философия никогда не апеллирует к страху или ненависти. У Д. Трампа такого морального кодекса не прослеживается, а апелляция в основном обращена к наиболее острым проблемам современной Америки. Если у консервативных республиканцев есть верность философско-политическим принципам, то Д. Трамп не имеет за собой никакой философской базы, а его риторика строится не вокруг моральных и идеологических принципов, а вокруг решения проблем. То есть его философия его избирательной кампании сугубо утилитарна. Подобные взгляды трудно назвать консервативными в ортодоксальном смысле американской философии. Конечно, риторика Трампа выглядит правой, особенно в представлении либеральных медиа США, но за его риторической завесой лежат далеко не консервативные принципы. В контексте американской философской традиции такие взгляды можно назвать популистскими [16] и неопрогрессивистскими. И поэтому не стоит удивляться, что огромная часть консервативного движения США, его интеллектуальные лидеры не только не готовы поддержать Дональда Трампа, но даже готовы активно ему противостоять если он станет номинантом от партии, рискуя при этом потерять шанс получить республиканского президента в 2016 году.

Литература

1. Election 2016 — Democratic Delegate Count/RealClearPolitics [Электронный ресурс]. – URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/democratic_delegate_count.html (дата обращения: 26.03.2016).
2. I'll Take Hillary Clinton Over Donald Trump [Электронный ресурс]. / The Federalist– URL: <http://thefederalist.com/2016/02/24/ill-take-hillary-clinton-over-donald-trump/> (дата обращения: 26.03.2016).
3. Most non-Trump GOP voters say they would consider independent candidate [Электронный ресурс]. / Fox News– URL: <http://www.foxnews.com/politics/2016/03/15/most-non-trump-gop-voters-say-would-consider-independent-candidate.html> (дата обращения: 26.03.2016).
4. Top conservatives gather to plot third-party run against Trump [Электронный ресурс]. / Politico– URL: <http://www.politico.com/story/2016/03/top-conservatives-gather-to-plot-third-party-run-against-trump-220786> (дата обращения: 26.03.2016).
5. Хьюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма. – М.: Социум, 2013. – С. 708-710.
6. Our mission Statement [Электронный ресурс / National Review]. – URL: <http://www.nationalreview.com/articles/223549/our-mission-statement/william-f-buckley-jr> (дата обращения: 20.03.2016).
7. Robert Roberts. Presidential Campaigns, Slogans, Issues, and Platforms. ABC-CLIO, 2011. – С. 672
8. Glenn Beck Calls Trump Supporters 'Brown Shirts' after Trump Crashes His Caucus Speech [Электронный ресурс]. / Breitbart– URL: <http://www.breitbart.com/2016-presidential-race/2016/02/23/glenn-beck-calls-trump-supporters-as-nazis-after-donald-trump-crashes-his-caucus-speech/> (дата обращения: 26.03.2016).
9. Conservatives against Trump [Электронный ресурс]. / National Review– URL: <http://www.nationalreview.com/article/430126/donald-trump-conservatives-oppose-nomination> (дата обращения: 26.03.2016).
10. Donald J. Trump position [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.donaldjtrump.com/positions> (дата обращения: 26.03.2016).
11. Transcript: Read the Full Text of the CNBC Republican Debate in Boulder [Электронный ресурс]. / Time. – URL: <http://time.com/4091301/republican-debate-transcript-cnbc-boulder/> (дата обращения: 25.03.2016).
12. Is Trump a Double Agent for the Left? [Электронный ресурс]./ National Review – URL: <http://www.nationalreview.com/article/420093/presidential-candidate-donald-trump-double-agent-for-left> (дата обращения: 26.03.2016).
13. Trump Earns Planned Parenthood Endorsement [Электронный ресурс]. / National Review– URL:<http://www.nationalreview.com/corner/donald-trump-planned-parenthood-federal-funding-endorsement-ian-tuttle> (дата обращения: 26.03.2016).

14. Donald Trump's false claim that his tax plan wouldn't increase the deficit [Электронный ресурс]. / Politifact– URL: <http://www.politifact.com/truth-o-meter/statements/2015/nov/05/donald-trump/donald-trumps-false-claim-his-tax-plan-wouldnt-inc/> (дата обращения: 26.03.2016).

15. Trump asks backers to swear their support, vows to broaden torture laws [Электронный ресурс]. / CNN– URL: <http://edition.cnn.com/2016/03/05/politics/donald-trump-florida-pledge-torture/> (дата обращения: 24.03.2016).

16. Trump and Sanders Break the Mold for Populist Politicians [Электронный ресурс]. / National Review – URL: <http://www.nationalreview.com/article/429087/donald-trump-bernie-sanderss-populist-politics> (дата обращения: 26.03.2016).

**УДК 324
316.334.3:324**

Мишнев А.Ю.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАТА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Аннотация. Данная статья посвящена, так называемому «феномену Трампа» в современной американской политике. Работа проведена с позиции социологического анализа данных избирателей, полученных на праймериз. В статье показано, что положение Дональда Трампа двойственно: его поддерживает относительное большинство республиканских избирателей, но при этом его сторонники зачастую не поддерживают его взгляды, и он имеет проблемы с некоторыми ключевыми группами избирателей.

Ключевые слова: выборы президента США, Дональд Трамп, избиратели, праймериз.

THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF DONALD J. TRUMP ELECTORATE

Annotation. This article is devoted to the so-called "Trump's phenomenon" in modern American politics. The research is made from a point of view of the sociological analysis of voters data received at primaries. In the article it is shown that Donald Trump's position is dubious: he is supported by relative majority of republican voters, but at the same time his supporters often do not support his views, and he has problems with some key groups of voters.

Key words: US president election, Donald J. Trump, voters, primaries.

Феномен Дональда Трампа вызывает удивление у политических экспертов и журналистов. Еще год назад никто не воспринимал Дональда Трампа как политика. Эксцентричный Нью-Йоркский миллиардер уделял больше внимания бизнесу и ведению ток-шоу со своим участием и его попытку участия в республиканской предвыборной гонке воспринимали с большим скепсисом. Его соперниками были успешные губернаторы и сенаторы с большим политическим опытом. И те, и другие имели серьезные политические связи, низовые организации и были искушены в политике. Но уже после нескольких дебатов ситуация начала меняться, журналисты уже не игнорировали Трампа, а соперники начали рассматривать его как серьезного противника. Но и тогда еще политические аналитики в США считали, что американцы не могут поддержать Трампа на выборах, а его высокие рейтинги и хорошие показатели на дебатах трактовали как временный феномен. Высокие рейтинги Трампа сравнивали с другими «политическими феноменами» электорального цикла 2011-12 года [1], такими, как Мишель Бахман и Херман Кейн, которые также имели высокие уровни поддержки на начальном этапе гонки, но не смогли сохранить ее и монетизировать в голоса избирателей. Российские исследователи и политические журналисты вообще игнорировали фигуру Дональда Трампа, концентрируя свое внимание на фигуре Джеба Буша, бывшего губернатора Флориды, который изначально считался фаворитом гонки, имел поддержку партийных активистов и щедрых доноров. Такой позиции экспертов и журналистов на раннем этапе не стоит удивляться, так как все факторы говорили против политической карьеры Дональда Трампа. Трамп – человек со спорной партийной принадлежностью. В восьмидесятые он был демократом, в 2000 году думал о выдвижении на пост президента от «партии реформ», был среди критиков Буша младшего и с 2001 до 2009 годы состоял в Демократической партии. Республиканцем же он стал только в 2012 году [2]. Он не обладал никаким политическим опытом и к тому же долгое время финансировал демократических кандидатов; был дружен с семьей Клинтонов и вел весьма экстравагантный для консервативного политика образ жизни. Уже всего этого было бы достаточно для поражения любого другого республиканского кандидата. «Масла в огонь» подливал и сам Трамп. Всю свою кампанию Трамп вел весьма эксцентрично, использовал спорные высказывания, а порой и напрямую оскорблял своих политических оппонентов, в том числе и своих однопартийцев. Дональд Трамп оскорблял мексиканцев [3], модератора дебатов Мегган Кейли [4] и уважаемого республиканского сенатора Джона МакКейна [5]. Журналисты и его политические оппоненты после каждого из таких высказываний говорили о конце «феномена Трампа». Но Дональд Трамп вопреки такому поведению или благодаря ему смог заручиться поддержкой республиканских избирателей и создать эффективную низовую структуру, которая позволила ему победить в 20 из 34 прошедших к маю 2016 г. праймериз, получить 755 делегатов [6] (46% от всех разыгранных делегатов) и солидный отрыв от своего основного конкурента Теда Круза. Политические аналитики и журналисты после таких результатов начали

воспринимать Трампа всерьёз. И если в США серьезное восприятие сопровождается испугом, непониманием и активным противодействием, то в России Трампа уже назвали победителем республиканской гонки. Например, политолог и колумнист Дмитрий Дробницкий на страницах сетевого издания «Русская Idea» называет Трампа создателем новой Республиканской партии [7].

На самом же деле поддержка Трампа не столь безоговорочна. Столь значительное превосходство в делегатах легко объясняется правилами проведения праймериз на уровне штатов, в которых победитель получает всех делегатов или солидное большинство, не набирая абсолютного большинства голосов. Если смотреть на реальную поддержку, которая может быть выражена в голосах избирателей, то преимущество Трампа уже не кажется столь внушительным. Из двадцати миллионов, проголосовавших на республиканских праймериз и кокусах, за Трампа отдали голоса лишь 8,1 миллионов человек (37%). За его ближайшего соперника Теда Круза – 6,3 миллионов или 28% избирателей [8]. Еще ни в одном штате Трампу не удалось получить более 50% голосов, то есть абсолютного большинства. Наилучшими результатами для Дональда Трампа были такие штаты как Невада (46%), Массачусетс (49%), Флорида (46%), Миссисипи (47%) и Аризона (47%) [9]. В других же штатах его поддержка колеблется в промежутках от 20 до 40%. При этом штаты, в которых Трамп выступает наилучшим образом, сложно объединить по какому-то значительному признаку. Массачусетс – городской северо-западный штат, где доминируют демократы. Аризона и Невада – географически близкие штаты со сходной демографией, при этом Аризона – традиционный бастион Республиканской партии, а Невада – колеблющийся штат. Флорида и Миссисипи – южные штаты, но Миссисипи однозначно консервативный штат, а Флорида – штат умеренный, колеблющийся. Таким образом, нельзя говорить о некой географической закономерности уровня поддержки Трампа, что само по себе является уникальным для американской политики. В предыдущих электоральных циклах у республиканских кандидатов была определенная географическая поддержка, которая легко объяснялась их политическими взглядами и фракцией, на которую они опирались. И в связи с этим вопрос о «феномене Трампа» становится еще актуальнее, попытки экспертов обратиться к традиционным моделям прогнозирования на основании электоральной географии, экстраполяции предварительных опросов и других привычных методов не дали ожидаемых результатов. Тем важнее становится вопрос о создании портрета среднего избирателя Трампа.

Одним из доступных нам методов исследования электоральной привлекательности Дональда Трампа может быть обращение к экзит-поллам. Конечно, стоит признать, что такой метод имеет свои недостатки. Во-первых, он имеет стандартную для социологических исследований погрешность, во-вторых исследование на основании экзит-поллов не учитывает тех избирателей, которые голосовали досрочно, что весьма распространено в Соединённых Штатах. Поэтому к полученным результатам стоит относиться

с большой осторожностью и не делать далеко идущих выводов без тщательного анализа. Но, тем не менее, для работы начального уровня, которая может затронуть актуальную тему и служить основой для дальнейшего более подробного исследования с применением более совершенных инструментов и большего объема анализируемой информации подойдут и такие данные. На данном этапе социологический анализ данных экзит-поллов поможет составить электоральный портрет сторонников Дональда Трампа и сравнить его с медиальным избирателем-республиканцем по штату.

Для анализа взяты данные по пяти различным штатам, праймериз в которых прошли 15 марта 2016 года. Из данных, полученных по результатам экзит-поллов компанией CNN, были выбраны восемь наиболее важных характеристик избирателей, с помощью которых можно не только определить социально-демографический портрет избирателей Трампа, но и их идеологические пристрастия. Рассмотрим характеристику избирателя Трампа, учитывая гендерные, возрастные, образовательные и иные показатели.

Таблица 1.

Гендерная стратификация избирателей

		Пол (в % от проголосовавших)	
		Мужской	Женский
Миссури [10]	Средний избиратель	52	48
	Сторонники Трампа	56	44
Флорида [11]	Средний избиратель	49	51
	Сторонники Трампа	55,5	43,5
Иллинойс [12]	Средний избиратель	50	50
	Сторонники Трампа	55	45
Северная Каролина [13]	Средний избиратель	50	50
	Сторонники Трампа	54	46
Огайо [14]	Средний избиратель	51	49
	Сторонники Трампа	56	44

На основании данных таблицы можно сделать вывод, что в анализируемых штатах, среди сторонников Трампа значительно больше мужчин. Среднее отклонение от республиканского избирателя составляет 4,9 процентных пункта.

Таблица 2.

Возрастная стратификация избирателей

		Возраст (в % от проголосовавших)			
		17-29 лет	30-44 лет	45-64 лет	От 65 лет
Миссури [10]	Средний избиратель	13	19	45	23
	Сторонники Трампа	12	15	45	27
Флорида [11]	Средний избиратель	9	17	45	29
	Сторонники Трампа	7	17	46	30
Иллинойс [12]	Средний избиратель	12	19	44	24
	Сторонники Трампа	10	15	49	26

Северная Каролина [13]	Средний избиратель	13	20	41	25
	Сторонники Трампа	10	19	46	25
Огайо [14]	Средний избиратель	12	18	48	23
	Сторонники Трампа	8	18	50	25

Исходя из анализа возрастных категорий, можно сделать вывод, что сторонников Дональда Трампа больше в категории от 45 лет. Среди категорий 17-29 лет и 30-44 лет корреляция не столь очевидна, поскольку в количественном отношении они занимают не столь значительную роль в республиканских праймериз. А это значит, что Трампа поддерживают избиратели, имеющие достаточный опыт участия в избирательных кампаниях с сформировавшимися политическими предпочтениями.

Таблица 3.

Образовательный уровень избирателей

		Уровень образования (в % от проголосовавших)			
		Среднее образование	Средне специальное образование	Высшее образование	Послевузовское образование
Миссури [10]	Средний избиратель	19	36	27	18
	Сторонники Трампа	22	42	24	12
Флорида [11]	Средний избиратель	17	31	35	17
	Сторонники Трампа	17	36	34	13
Иллинойс [12]	Средний избиратель	15	34	34	17
	Сторонники Трампа	21	38	31	9
Северная Каролина [13]	Средний избиратель	14	34	34	18
	Сторонники Трампа	18	38	30	14
Огайо [14]	Средний избиратель	17	31	34	18
	Сторонники Трампа	24	35	29	12

По уровню образования среди сторонников Трампа значительно больше тех, кто получил среднее или неполное высшее образование, так называемый «нижний средний класс». Наблюдается значительная отрицательная корреляция между уровнем поддержки Дональда Трампа и уровнем образования.

Таблица 4.

Уровень дохода избирателей

		Доход (в % от проголосовавших)		
		Менее \$50 тыс.	\$50-\$100 тыс.	\$100 тыс. и более

Миссури [10]	Средний избиратель	35	38	27
	Сторонники Трампа	36	43	20
Флорида [11]	Средний избиратель	33	32	35
	Сторонники Трампа	34	30	35
Иллинойс [12]	Средний избиратель	23	38	39
	Сторонники Трампа	27	34	39
Северная Каролина [13]	Средний избиратель	32	36	32
	Сторонники Трампа	40	31	29
Огайо [14]	Средний избиратель	30	33	36
	Сторонники Трампа	35	38	27

Наибольшая положительная корреляция наблюдается среди избирателей с доходом ниже среднего (+4%). В категории среднего класса заметной корреляции не наблюдается (от 0 до -1%). Среди проголосовавших с доходом выше \$100.000 отмечается отрицательная корреляция (-4%). Что неудивительно, так как заявления, которые делает Д. Трамп в ходе своей избирательной кампании, касаются налоговой системы, системы здравоохранения, налога на богатых, иммиграционной политики, что и является наиболее привлекательным для избирателя с низким уровнем дохода.

Таблица 5.

Место проживания избирателей

		Тип местности проживания (в % от проголосовавших)		
		Городская	Пригород	Сельская местность
Миссури [10]	Средний избиратель	13	54	33
	Сторонники Трампа	11,5	53	35
Флорида [11]	Средний избиратель	40	49	11
	Сторонники Трампа	34	56	13
Иллинойс [12]	Средний избиратель	24	58	18
	Сторонники Трампа	18	59	22
Северная Каролина [13]	Средний избиратель	34	47	19
	Сторонники Трампа	27	52	21
Огайо [14]	Средний избиратель	24	62	14
	Сторонники Трампа	26	57	16

У Трампа – четко выраженный рост поддержки в сельской местности (+2,5%) и падение в городской местности (-3%). Среди жителей пригорода наблюдаются колебания уровня поддержки Трампа.

Таблица 6.

Политические взгляды избирателей

		Политические взгляды (в % от проголосовавших)		
		Очень консервативные	Консервативные	Умеренные
Миссури [10]	Средний избиратель	37	42	19
	Сторонники Трампа	36	42	21
Флорида [11]	Средний избиратель	31	39	27

	Сторонники Трампа	33	41	25
Иллинойс [12]	Средний избиратель	26	46	25
	Сторонники Трампа	30	44	24
Северная Каролина [13]	Средний избиратель	37	42	19
	Сторонники Трампа	31	49	20
Огайо [14]	Средний избиратель	31	42	25
	Сторонники Трампа	32	46	22

Исходя из представленных данных идеологических пристрастий избирателей, нельзя сделать однозначный вывод о поддержке Трампа той или иной группой. Существующие корреляции скорее объясняются идеологической характеристикой самого штата, а не избирателей, голосующих за того или иного кандидата.

Таблица 7.

Наиболее важные вопросы для избирателей

		Наиболее важный вопрос (в % от проголосовавших)			
		Иммиграция	Экономика/рабочие места	Терроризм	Правительственные расходы
Миссури [10]	Средний избиратель	11	34	21	32
	Сторонники Трампа	17	36	20	26
Флорида [11]	Средний избиратель	12	35	22	26
	Сторонники Трампа	16	34	24	24
Иллинойс [12]	Средний избиратель	9	40	16	32
	Сторонники Трампа	17	40	17	26
Северная Каролина [13]	Средний избиратель	8	39	22	28
	Сторонники Трампа	12	42	20	26
Огайо [14]	Средний избиратель	7	39	22	29
	Сторонники Трампа	14	37	22	27

Среди сторонников Дональда Трампа наблюдается заметный рост интереса к проблеме иммиграции (+6%). Явной корреляции между уровнем поддержки Трампа и вопросами экономики и терроризма не наблюдается. В вопросах же правительственных расходов среди сторонников Трампа наблюдается отрицательная корреляция.

Таблица 8.

Наиболее важные качества кандидатов в президенты для избирателей

	Наиболее важные качества (в % от проголосовавших)			
	Электоральная	Отражает	Говорит,	Может

		привлекательность	мои взгляды	как есть	принести изменения
Миссури [10]	Средний избира- тель	10	38	20	31
	Сторонники Трампа	11	11	40	37
Флорида [11]	Средний избира- тель	10	34	23	28
	Сторонники Трампа	11	14	41	32
Иллинойс [12]	Средний избира- тель	11	38	17	31
	Сторонники Трампа	10,5	14	35	40
Северная Каролина [13]	Средний избира- тель	10	39	17	32
	Сторонники Трампа	10	10	35	45
Огайо [14]	Средний избира- тель	10	37	17	33
	Сторонники Трампа	9	10	38	42

Наибольшая корреляция наблюдается в ответах «Отражает мои взгляды» и «Говорит, как есть». Сторонники Трампа не отождествляют свои взгляды с взглядами Трампа (-25%), но при этом среди них значительное число тех, кто считает, что он «говорит, как есть» (+19%) и «Может принести изменения» (+8%).

Из представленных данных можно сделать вывод, что среднестатистическим избирателем Дональда Трампа среди избирателей-республиканцев являются преимущественно мужчины, люди без высшего образования, старше среднего возраста, с доходом ниже среднего, являющиеся жителями пригородов и сельской местности. При этом его в равной мере поддерживают представители всего идеологического спектра Республиканской партии без особенных предпочтений в той или иной группе. Вместе с тем, избирателей Трампа, по сравнению с средним республиканским избирателем, в большей степени интересуют вопросы нелегальной иммиграции и вывода рабочих мест за рубеж и в меньшей мере – вопросы финансовой ответственности и сбалансированного бюджета. При этом среди избирателей Трампа множество тех, кто не отождествляет с ним своих идеологических предпочтений, а голосует за него благодаря его предвыборной риторике, нетрадиционному политическому образу. Кроме того, сторонники Трампа в большей мере, чем сторонники других кандидатов, верят в положительные изменения, которые может принести их кандидат. Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что, несмотря на то, что кандидатура Трампа имеет высокий уровень поддержки на предварительных выборах, он далеко не абсолютен. У Трампа существуют проблемы с ключевыми электоральными группами в рамках праймериз,

такими как: избиратели с высшим образованием, женщины, молодые избиратели. Что является практически непреодолимым барьером для победы на основных выборах в ноябре 2016 года и, вероятно, заставит Дональда Трампа и его команду консультантов скорректировать предвыборную программу, нацелив ее на эти группы.

Литература

1. The media's Trump reckoning: "Everyone was wrong" [Электронный ресурс]. / Politico – URL: <http://www.politico.com/story/2016/03/donald-trump-media-response-220033> (дата обращения: 30.03.2016).
2. Bush says Trump was a Democrat longer than a Republican "in the last decade" [Электронный ресурс]. / Politifact – URL: <http://www.politifact.com/florida/statements/2015/aug/24/jeb-bush/bush-says-trump-was-democrat-longer-republican-las/> (дата обращения: 30.03.2016).
3. Donald Trump just released an epic statement raging against Mexican immigrants and "disease" [Электронный ресурс]. / Business Insider UK – URL: <http://uk.businessinsider.com/donald-trumps-epic-statement-on-mexico-2015-7?r=US&IR=T> (дата обращения: 30.03.2016).
4. Annotated transcript: The Aug. 6 GOP debate [Электронный ресурс]. / The Washington Post – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/08/06/annotated-transcript-the-aug-6-gop-debate/> (дата обращения: 30.03.2016).
5. Trump attacks McCain: "I like people who weren't captured" [Электронный ресурс]. / Politico – URL: <http://www.politico.com/story/2015/07/trump-attacks-mccain-i-like-people-who-werent-captured-120317> (дата обращения: 30.03.2016).
6. Election 2016 — Republican Delegate Count [Электронный ресурс]. / RealClearPolitics – URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/republican_delegate_count.html (дата обращения: 30.03.2016).
7. Великая Новая Партия [Электронный ресурс]. / Русская idea – URL: <http://politconservatism.ru/articles/velikaya-novaya-partiya> (дата обращения: 30.03.2016).
8. 2016 Republican Popular Vote [Электронный ресурс]. / RealClearPolitics – URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/republican_vote_count.html (дата обращения: 30.03.2016).
9. 2016 Presidential Primaries Results [Электронный ресурс / Politico]. – URL: <http://www.politico.com/2016-election/results/map/president> (дата обращения: 30.03.2016).
10. 2016 election center Missouri [Электронный ресурс]. / CNN – URL: <http://edition.cnn.com/election/primaries/polls/mo/Rep> (дата обращения: 30.03.2016).

11. 2016 election center Florida [Электронный ресурс]. / CNN– URL: <http://edition.cnn.com/election/primaries/polls/fl/Rep> (дата обращения: 30.03.2016).
12. 2016 election center Illinois [Электронный ресурс]. / CNN– URL: <http://edition.cnn.com/election/primaries/polls/il/Rep> (дата обращения: 30.03.2016).
13. 2016election center North Carolina [Электронный ресурс]. / CNN– URL: <http://edition.cnn.com/election/primaries/polls/nc/Rep> (дата обращения: 30.03.2016).
14. 2016 election center Ohio [Электронный ресурс]. / CNN– URL: <http://edition.cnn.com/election/primaries/polls/oh/Rep> (дата обращения: 30.03.2016).

УДК 316

Могилевская О.С.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Полонский А.В.

ПУБЛИЦИСТИКА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЯЧЕСЛАВ ПЬЕЦУХ

Аннотация: Статья посвящена осмыслению «русской темы» известным отечественным публицистом Вячеславом Пьецухом. Рассматриваются специфические черты, которыми этот автор наделяет образы русских людей, ценности русского мира как самобытной культурной среды. Обращается внимание на альтернативный путь развития страны, предлагаемый публицистом российскому обществу.

Ключевые слова: публицистика, национальное самосознание, культурная идентичность, русский вопрос.

PUBLICISM AND THE CULTURAL IDENTITY ISSUE: VYACHESLAV PETSUH

Annotation: The article is devoted to understanding of the “Russian theme” by the famous Russian publicist Vyacheslav Petsuh. It considers specific features that the author gives to Russian people, the value of the Russian world as a distinctive cultural environment. It gives a studying of alternative path of development which publicist offers for Russian society.

Key words: publicism, national morale, cultural identity, Russian question.

Сегодня российское общество ощущает воздействие процесса глобализации, связанных с ним стереотипов поведения и мышления. В связи с этим меняется ценностная картина мира, размываются границы между

понятиями «добро-зло», «правда-ложь», «прекрасное-безобразное», «свое-чужое». Одним из последствий такого процесса становится снижение внимания к национальным традициям и ценностям.

В противовес этому в обществе идет поиск основополагающих нравственных начал, обращение к русской духовной традиции, которая противостоит происходящим изменениям. Отечественная публицистика как «социально заряженная гуманитарная форма освоения мира» [1, с. 127] откликается на эти процессы, обращается к проблеме культурной идентичности, стремится в условиях произошедших перемен осознать особенности русского национального характера, вместе с обществом выработать национальную идею, определить дальнейший путь развития России и собственное отношение к другим культурам и системе ценностей.

Одним из известных российских писателей и публицистов, обращающихся в своем творчестве к «русской теме», является Вячеслав Алексеевич Пьецух. В данной работе мы рассмотрим его публицистику 2000-2015 гг. – периода активной общественной разработки национальной идеи и концепции культурной идентичности. В работах этих лет автор привлекает внимание аудитории к острым для нашего общества вопросам: о месте и значении России и русского наследия в общемировом культурно-историческом пространстве, о том, чем объясняется сложность и противоречивость отечественной истории и взаимоотношений нашей страны с соседями, каковы границы русского мира как особой, самобытной культурной среды и, наконец, в чем заключается загадочность русской души.

В поисках ответов на эти вопросы, публицист подчеркивает важность осознания человеком своей принадлежности к какой-либо культурной среде (имея в виду национальную культуру) и постоянного интереса к ней. В эссе «Сравнительные комментарии к пословицам русского народа» автор размышляет о глубинном смысле, историческом и философском подтексте русских пословиц и ищет их эквиваленты в культуре других народов, приводит различия в осмыслении одного и того же явления в нашем языке и других. Подчеркивая важность осознания собственной культурной идентичности, он отмечает: «...Правнук должен соображать, какого он роду-племени, кто таков по своей духовной сути... иначе не понять, кто ты в семье народов, камо грядеши и какая твоя судьба» [8].

Миру русских людей он дает название «русаки» [7] в одноименном эссе. Этим словом он обозначает тех, кто не обязательно родился и вырос в России, но непременно является носителем и наследником ее культуры, живет по ее нравственным законам, обладает особенностями русского национального характера.

Характер «русаков» публицист представляет как совокупность противоречий, совмещение несовместимого, склонность к непредсказуемому, нелогичному поведению: «...Русики не признают Горациеву «золотую середину» и любят крайности, как никто. Наши уж если пьют, то до положения риз, если воют, то до последнего человека, если любят, то до самозабвения, если проигрываются, то в прах. Та же мода у нас

наблюдается и по общественной линии: то мы существуем на положении белых рабов, и главное органично существуем, то нам подавай царство Божие на земле» [7].

Противоречивость характера персонажей публицистики Вячеслава Пьецуха проявляется в совмещении несовместимых качеств, гармоничном сосуществовании в одной душе великодушия и жадности, страха и самопожертвования, аскетизма и склонности к разгулу, воровства и богобоязненности, агрессивности и смирения. В эссе Вячеслава Пьецуха русский человек характеризуется как «находчивая бестия», ему приписываются неуравновешенность, изобретательность, творческое начало, незаурядность ума, чувство собственного достоинства. Среди неотъемлемых особенностей русского характера публицист выделяет смелость, благородство, умение любить свою Родину и жертвовать собой ради нее, - благодаря которым русский народ обрел значимость в общеевропейском масштабе: «...Кто как не мы, единственный народ на всем нашем древнем континенте, сумели привести в чувство двух навуходоносоров – Бонапарта с Гитлером, в то время как перед ними спасовали многие прочие высококультурные племена...» [7].

Вячеслав Пьецух изображает «русака» со всеми его достоинствами и недостатками, которые зачастую оправдывает: политическим устройством государства, историческими событиями, которые повлияли на мировоззрение и уклад жизни русского народа, социально-экономическим неблагополучием, искажившим моральный облик «русака»: «...Главная наша народная беда заключается в том, что частная жизнь у нас всегда переплетена с историческим процессом и почти всякая человеческая биография – это прямая история, а не жизнь. Вот у голландца, родившегося в 1910 году, только на веку и было истории, что немцы пришли, а потом ушли. У нашего же горемыки детство пало на две революции подряд, юность – на каторжную индустриализацию и зубодробительную коллективизацию, молодость – на десятилетние сроки за здорово живешь, зрелость – на самую кровопролитную войну в истории человечества, старость – на «перестройку», то есть крушение веры и всех начал» [8].

Автор стремится представить читателю портрет русского человека как можно более точно, определить как положительные, так и отрицательные его черты, так как именно в природе русского характера он видит причины беспрецедентности уклада русской жизни и самобытности отечественной культуры. Подводя итог размышлениям об особенностях русской души, публицист говорит о многогранности, неоднозначности русской души: «Тайна русского человека заключается только в том, что в нем есть все от Бога и от врага» [3].

В эссе «Русаки» публицист размышляет о том, как вместе с принятием таких реалий, как спичрайтер, менеджер, спикер в российскую действительность входят чуждые для нее ценности, как, например, умение сколачивать капитал, авантюризм, и отходят на задний план честность, порядочность и интеллигентность, на первый план выходит тип успешного

дельца, которого в русской литературе впервые представил Н.В. Гоголь в образе Чичикова. Этим новым ценностям Вячеслав Пьецух противопоставляет традиционные образы и реалии, которые занимают важное место в русском мире и которые, по мнению публициста, способны сохранить его целостность: русская деревня, отечественная история, русский язык и литература, родная культура, русская интеллигенция и русская женщина. Рассмотрим их более подробно.

Стиль публицистических произведений В. Пьецуха напоминает «философский» разговор на кухне с его переходами то к современным социальным проблемам, то к важным мировоззренческим понятиям, то к образам известных личностей, то к полемике об исторических событиях. Этот стиль подчеркивает парадоксы жизни и поведения русских людей, превращает русский способ существования в драму, а подчас и в трагикомедию.

Размышляя о современном политическом, социально-экономическом и культурном состоянии страны, он подводит итог восклицанием: «Всю Россию сердечно жаль!». По его мнению, царские времена и семьдесят лет советской власти не были для России счастливыми, но и смена политического режима и приход в страну демократических ценностей не принесли стране ожидаемого благоденствия и перемен к лучшему. Российскую действительность в своих произведениях Вячеслав Пьецух называет «грустной порой», «временем довольно подлым», а современное состояние культуры и систему общественных отношений – «гегемонией пошлого дурака», где «кроме веры, не остается фактически ничего» [4]. Смена режима и переход к рыночным отношениям, по мнению публициста, повлекли за собой смену ценностей, которая отразилась не только на межличностных, бытовых отношениях, но и в профессиональной и общественной среде: «Сейчас вместо «подлеца» во всем мире фигурирует коммерсант, посредник, специалист по работе с общественностью, парламентарий, оппозиционер, астролог, народный целитель и хиромант; в свою очередь, место подлости повсюду занимают, например, трезвый расчет, акцент на норме прибыли...» [7].

В судьбе России, породившей столь необычный народ, по мнению публициста, кроется загадка, которую он пытается разгадать, разглядеть в пути не только страны, но и всего русского мира особую миссию. История в публицистике Вячеслава Пьецуха предстает и как самостоятельный образ наряду с образами вполне реальных людей. Вводит его в текст постоянный для произведений В.А. Пьецуха герой – рассказчик, или, по словам критиков, «неспешный повествователь». Запутывая и распутывая нить своих размышлений, рассказчик обращается то к одной исторической эпохе, то к другой, проводит параллели или вовсе явно не связывает одно рассуждение с другим. Так, в эссе могут появляться образы то Ивана Грозного, то Иосифа Сталина, то Никиты Хрущева, то представителей современной «элиты» с Рублевки. Посредством этих образов автор вырисовывает русский национальный характер, который был «высечен» и «обожжен» в кузнице

истории, и который объединяет прошлое, настоящее и будущее страны, соединяет несоединимое, сочетает в себе абсурдное.

Публицист напряженно ищет общие нравственные законы, послужившие толчком для того или иного поворота в российской истории, а значит, и оказавшие влияние на непрерывно формирующееся национальное самосознание. Но поиски приводят его к заключению, что именно загадочная и необъяснимая русская душа, национальный характер становятся объединяющим началом, связующей нитью между историческим прошлым России, ее настоящим и будущим, что именно парадоксальность русского характера и есть причина сложного хода истории.

«Спасительность» русской нации по отношению к другим народам публицист видит не только в том, какой след она оставила во всемирной истории, но и в том, какой урок может преподать русская история задумавшемуся над ней читателю: «Чем сердце успокоится? Разве тем, что вот все-таки была такая великая, страшная, прекрасная, поучительная страна» [4].

Деревня в публицистике В.А. Пьецуха зачастую олицетворяет всю Россию. Она, сохранившая традиционный уклад русской жизни, национальные традиции и нравственные ценности, противопоставлена городу, вобравшему в себя негативное новое, чуждое для русской одухотворенности. Она характеризуется как «волшебное учреждение», «само человеколюбие» и «чистая благодать» [6]

Деревенская тема становится центральной в эссе В.А. Пьецуха «Новая «Буколика», или Прелести сельской жизни». Размышления публициста о ней построены на противопоставлении городу. Так он как будто дает читателю понять, что именно в деревне скрыт настоящий источник жизни: «Деревенская жизнь спасительна для физического здоровья и особенно целительна для души» [6].

Природа и деревенский быт представляются более близкими к русскому способу существования, нежели городской ритм жизни с заимствованными стереотипами поведения, единицами языка и бытовыми реалиями, он представляется как спасение от «чужого» города. «Представьте себе: раннее утро, полям вокруг края не видно, земля из-под лемеха валит жирная, как шоколадное масло, в сумке припасена на завтрак краюха домашнего хлеба, шмат сала, бутылка парного молока, и на сто пятьдесят верст кругом ни одного спичрайтера-дурака... Предчувствую: если способ существования в нашей деревне — норма, если будущее за нами, то рано или поздно московское правительство останется не у дел» [6].

Вячеслав Пьецух отмечает, что русские — «нация, живущая по преимуществу языком, и слова для нее всегда значили больше, чем самые значительные дела... То есть русский человек — прежде всего человек слова, но не в том смысле, что он не обманет, коли пообещает (и даже он скорее всего обманет!), а в том смысле, что слово для него — все» [4]. В его публицистических произведениях значительное внимание уделяется необходимости бережного отношения к слову, родному языку. «Российская

словесность, - отмечает Вячеслав Пьецух, — уникальное явление в контексте мировой культуры; ты хоть всего Стендаля прочитай, все равно не скажешь, как, в конце концов, отзовется на французской кухне пожар Москвы, а у нас из точки с запятой (между прочим, знака препинания, неизвестного в прочих языках мира) можно вывести крушение всех начал» [2].

Не случайно он пишет эссе «Забывшие слова», где главными героями становятся важные для русской культуры понятия. Размышляя в этом произведении о смысловом поле архаизмов «агитпроп», «спецбуфет», «премблюд», он ставит в один ряд с ними «честь», «порядочность», «совесть», «обхождение», «интеллигент», «родина», которые не являются устаревшими, но, с его точки зрения, теряют сегодня свою ценность в обществе, «уходят в небытие» [4], о чем автор говорит с сожалением: «...Это частица самосознания народного отрывается с кровью, и, может быть, образуется такая рана, которая не затянется никогда». [4]

В этом же эссе В.А. Пьецух посвящает целую главу теме русской интеллигенции. Говоря об условиях зарождения этого явления, описывая множество испытаний, которые пришлось претерпеть интеллигентам за всю историю России, он подчеркивает феноменальность этого явления в мировой истории, науке и культуре. Отвечая на вопрос о том, кто такой русский интеллигент, публицист иронично называет его «отпетым идеалистом», «высшей разновидностью человека разумного», «изболевшимся умницей и всезнайкой» и, наконец, явлением «наднациональным» [4].

Вячеслав Пьецух настаивает на необходимости возвращения русской литературы на гуманистические рубежи, сделавшие ее во второй половине XIX века всемирным явлением. «...У нас и первоклассных писателей так много, и писатели четвертого ряда могли бы составить славу любой национальной литературы, и мы так избыточно богаты по департаменту изящной словесности, что можем себе позволить распатронить “Душечку” в пух и прах» [5]. Ценность и назначение художественной литературы публицист видит в том, что она является средством «духового просвещения человека», «операцией на душе», способствует духовной эволюции.

Одной из главных ценностей русского мира в публицистике Вячеслава Пьецуха предстает русская культура. Она впитала в себя многовековой опыт бытования русского народа, хранит нравственные законы, вмещает величайшие гуманистические ценности.

Давая оценку современному состоянию культуры в России, Пьецух пишет, что она «развивается по убывающей, ибо квалифицированный читатель постепенно вымирает, телевидение безнаказанно дебилизирует простака, властитель дум в России давно не поэт, а думец с Охотного ряда, и, в общем, дело идет к тому, что, как сто лет назад, русак перестанет понимать фразу, если в ней больше десяти слов» [8].

Как один из способов сохранения русских традиций, русской культуры и русской нации в целом представляется интерес к родной культуре, изучение родной истории и преемственность поколений («родовая память» (В.А. Пьецух), которую нарушили современный ход истории и события XX

века: «...Насколько наша жизнь была бы благопристойней, имей мы полное представление о деяниях наших предков, каким владели выходцы из наших боярских семей, знавших свое генеалогическое древо, как «Отче наш». Ну какой отчаянный балбес пойдет в наемные убийцы, если у него прапрадед по женской линии брал Измаил и его сам Александр Васильевич Суворов как-то потрепал за молодчество по плечу?.. То есть, хочешь не хочешь, а надо держать ранжир» [8].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что Вячеслав Пьецух размышляет об истории страны и ее современности, богатстве национального языка, русской литературе и выдающихся писателях, прошлом и настоящем отечественной культуры, уникальности одного из ее явлений – интеллигенции, деревне как хранительнице народных традиций, «родовой памяти». И все же в каждом эссе он возвращается к осмыслению того, что представляет собой русский национальный характер и каково значение созданной им неповторимой культурной среды – русского мира. При этом идет речь о необходимости сохранения ценностей мира «русаков» - русской культуры, литературы, русского языка, русской деревни, интеллигенции, патриотизма. Критически отзываясь о процессах глобализации, в условиях которых оказывается и Россия, автор подчеркивает, что у страны есть свой путь развития – «способ существования» (В. Пьецух), основанный на исконно присущих ей традициях, настаивает на правомерности и необходимости их существования наряду с универсальными ценностями и нормами, которые предлагает опыт жизни в «глобальной деревне».

Литература

1. Полонский А.В. Публицистика как вид социальной деятельности: объект и предмет / Журналистика и медиаобразование-2007: – Сб. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 1-3 октября 2007 г.): в 2 т. Т. I / под ред. проф. А.П. Короченского. – Белгород: БелГУ, 2007. С. 126-129.
2. Пьецух В.А. Базаров как альбатрос [Электронный ресурс]. / Цикл «Рассказы о писателях» – URL: <http://fantlab.ru/work214687>
3. Пьецух В.А. Дневник читателя [Электронный ресурс]. – URL: http://modernlib.ru/books/pecuh_vyacheslav_alekseevich/dnevnik_chitatelya/read/
4. Пьецух В.А. Забытые слова / Сборник «Деревенские дневники» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fantlab.ru/work213612>
5. Пьецух В.А. Литературоведение против часовой стрелки / Сборник «Искусство существования» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fantlab.ru/work213618>
6. Пьецух В.А. Новая «Буколика», или Прелести сельской жизни / Сборник «Суть дела» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fantlab.ru/work331403>
7. Пьецух В.А. Русаки / Сборник «Искусство существования» [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2007/11/p4.html>

8. Пьецух В.А. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа / Сборник «Деревенские дневники» [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/8/pec.html>
9. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. Литература и теория. – М.: Издание Р. Элика, 2000

УДК 328.187:324
328.12; 328.162
32.019.52

Мусяенко С.Е.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

ВЫБОРЫ В СЕРБИИ – КУРС НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Аннотация. Статья посвящена проблематике предстоящего голосования в парламент Республики Сербия. Показано мнение людей, которые придут на избирательные участки, а также предварительные прогнозы по выборам. Основное содержание исследования составляет анализ общественного мнения граждан страны по вопросу политических предпочтений на грядущем волеизъявлении. В итоге составляется мнение – к какому политическому спектру склоняются предпочтения людей.

Ключевые слова: Сербия, выборы, парламент, опрос, рейтинг, партия.

ELECTIONS IN SERBIA – THE COURSE OF EUROPEAN INTEGRATION

Annotation. The article is about the upcoming vote in the Parliament of the Republic of Serbia. It shows the opinion of people who go to the polls, as well as preliminary forecasts for the elections. The main content of the research is the analysis of the public opinion of citizens on political preferences at the upcoming expression. As a result, we see what political spectrum people prefer.

Key words: Serbia, elections, parliament, interrogation, rating, party.

4 марта 2016 г. стартовала предвыборная кампания в Сербии. Это произошло после того, как президент страны Томислав Николич распустил Скупщину (сербский парламент). Новые выборы назначены на 24 апреля 2016 года. Премьер-министр страны Александр Вучич сказал, что «выборы будут референдумом о том, станет ли Сербия к 2020 году современной и европейской страной или вернется в прошлое, к внутренним конфликтам и плохим отношениям в регионе», а также выразил надежду на то, что страна успешно пройдет это испытание [1].

Внеочередные выборы в Сербии уже стали традицией. Те, которые состоятся 24 апреля, будут третьими за четыре года (2012, 2014, 2016). На выборах настаивал, прежде всего, премьер Вучич. Однако зачем это надо ему? Ведь он имеет большинство в парламенте и может легко провести любое решение, не оглядываясь на оппозицию. Как было сказано выше, ему необходим мандат доверия на реформы, которые приведут Сербию в Европу. Кроме того, премьер боится угасания своей популярности и поэтому спешит, надеясь ещё успеть победить.

Президент Николич накануне своего визита в Москву 9 марта 2016 года в интервью российскому агентству ТАСС назвал отношения между Россией и Сербией «исключительными» [2]. Тем не менее, движение Сербии в сторону Европейского союза очевидно и, видимо, неизбежно. По расчетам аналитиков, Сербия может стать членом ЕС уже к 2022 году [3]. Также сербский президент заявил, что Сербия никогда не пожертвует связями с Россией ради членства в Евросоюзе. Но, очевидно это или нет, Сербии придется однажды сделать выбор. Политические элиты страны очень хотят не только видеть свою страну полноправным членом ЕС, но и также сохранить особые отношения с Российской Федерацией. Как уже было отмечено, именно 24 апреля покажет, что выберут сербские граждане на парламентских выборах.

Последние парламентские выборы в Сербии прошли 16 марта 2014 года. Они были внеочередными, так как незадолго до этого, в январе, был распущен парламент страны. Это произошло после требования Сербской прогрессивной партии, которая являлась крупнейшей фракцией в правящей коалиции. Премьер-министр страны Ивица Дачич, который являлся председателем Социалистической партии, поддержал данное решение и голосование состоялось. В результате этого Сербская прогрессивная партия увеличила свое представительство в Скупщине более чем в 2 раза, а партия Дачича сумела сохранить количество своих депутатов [4].

Основным поводом для проведения этих выборов стало заявление властей о том, что они хотят «испытать волю народа» и «получить мандат легитимности» [5]. Вполне возможно, что реальная причина проведения выборов была в том, что правящая коалиция почувствовала поддержку населения в своих действиях и намеревалась увеличить свое присутствие в парламенте.

Сейчас же выборы в Скупщину могут стать самыми значимыми за период существования современной Сербии. После падения режима президента Милошевича в 2000 году страна взяла курс на интеграцию в Европейский союз. Новый президент тогда еще Югославии Воислав Коштуница активно разворачивал страну к Европе. В бытность премьер-министром Сербии в 2004-2008 годах он продолжил реформаторскую политику. Но после того как большинство стран Европы признали независимость Косово в феврале 2008 года, Коштуница в знак протеста против этого решения ушел в отставку и призвал свернуть с «европейских рельсов». Тем не менее, проевропейски настроенный президент Сербии

Борис Тадич смирился с этим, несмотря на официальные заявления и протесты тысяч людей на улицах сербских городов. Видимо, это дало о себе знать уже на выборах 2012 года, когда и парламентские, и президентские выборы выиграли бывшие члены Сербской радикальной партии (на тот момент уже Сербская прогрессивная партия). Президентом стал Томислав Николич, а в 2014 году премьер-министром стал его ближайший соратник Александр Вучич.

Для того чтобы избраться в Скупщину, партиям необходимо пройти пятипроцентный барьер на выборах [6].

Согласно результатам исследования «Faktor plusa» в январе 2016 года, выборы хотят бойкотировать 25% граждан, а 22% из них не знают, стоит ли голосовать вообще. Из тех людей, кто придет на избирательные участки, 70% точно знают, за кого будут голосовать, в то время как 30% от этого числа пока не определились с выбором. Проведенный опрос показывает, что Сербская прогрессивная партия во главе с Вучичем набирает 49,5%; 10,6% получает Социалистическая партия Сербии с Ивицей Дачичем и 6,8% достается Демократической партии, лидер которой Боян Пайтич. Пятипроцентный барьер также преодолевают Сербская радикальная партия (6%), коалиция ДПС-Двери (5,6%) и коалиция СДП-ЛДП-ЛСВ (5,2%). Вообще, по мнению людей, основными причинами по слиянию партий является желание обеспечить места в парламенте (36%), далее в качестве причин следуют сходные политические взгляды и ценностные ориентации (23%) и воздействие на граждан голосовать за конкретную коалицию (20%) [7].

Также согласно данному опросу, наибольший рейтинг и поддержка у премьер-министра Вучича, чьи слова и действия поддерживает 58% населения и не одобряет 31%. Затем идет президент Сербии Томислав Николич (26% против 45%) и заместитель премьер-министра Зорана Михайлович (26% против 2%) [8].

Около 42% респондентов поддержали бы один и тот же список на всех выборах: и на местном уровне, и на национальном уровне, что говорит о политической определенности и последовательности взглядов граждан Сербии.

Когда дело касается беженцев из различных частей мира, респонденты считают, что государство должно защищать своих граждан, а беженцев следует не принимать в стране и позволить им найти свой путь в соответствии со своими возможностями (48%). Кроме того, по их мнению, мигранты могут кратковременно остановиться на территории страны для того, чтобы идти дальше в Европу (30%), в то время как почти такое же количество респондентов считают, что они должны построить забор, как это сделала Венгрия (29%) [9].

Результаты исследований, проведенных помощниками и студентами факультета политических наук (FNP) Белградского университета, показывают, что каждый десятый житель в Сербии доверяет политикам, а

каждый пятый считает, что между политическими партиями в Сербии существуют серьезные различия.

Около 59% респондентов считают, что голосование не сможет должным образом воздействовать на лица, принимающие решения, а также не сможет повлиять на существенные изменения, и только 16% граждан удовлетворены работой парламента. Опрос также показал, что каждый пятый респондент пойдет на участок, чтобы проголосовать против всех, а не за конкретную партию. Дополнительное беспокойство вызывает также то, как они воспринимают политические партии в Сербии. Основной причиной для вступления в партию является личный интерес, так считает 84% граждан.

Хотя две трети населения не знает какой вид избирательной системы в Сербии, интересно, что три четверти (75,6%) респондентов считают, что нынешняя модель не является правильной и ее нужно изменить. При этом, принимая во внимание политическую культуру и историческое наследие Сербии, несколько удивительно, что большое количество граждан утверждают, что в рамках избирательной системы необходим механизм для поддержания или даже укрепления институциональных механизмов для защиты представленности женщин и этнических меньшинств. Одна треть респондентов (31,5%) считают, что введение специальных мер по защите меньшинств не является желательной, четверть (25,3%) считают, что количество мест должно быть обеспечено наибольшему числу национальных меньшинств, что соответствует юридическим решениям в 2004 году, по которым для них отменялся избирательный порог. Тем не менее, большинство граждан (43,2%) считают, что этого недостаточно, и что всем национальным меньшинствам должны быть гарантированы места в Ассамблее [10].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что граждане Сербии сделают свой выбор в пользу преемственности власти и поддержат курс правящей элиты. Любая интеграция – это сложный и долгий процесс, требующий поиска компромиссов, тщательного обдумывания и обсуждения политических решений. Что касается государства, сотрудничество Сербии с Европой будет продолжаться во многих аспектах. Несомненно, в сложившейся политической ситуации следующие несколько лет будут серьезным испытанием на прочность как для самого Европейского Союза, так и для идей европейской интеграции.

Если судить по ситуации на сегодняшний день, то шансов на победу у оппозиции немного. Надо учитывать, что оппозиционному лагерю так и не удалось объединиться. Фактически раскололась когда-то правящая Демократическая партия Сербии бывшего премьера Воислава Коштуницы. Не совсем понятен реальный вес Радикальной партии Воислава Шешеля, с которого Гаагский трибунал недавно снял все обвинения. Многие люди ему симпатизируют, хотя опросы свидетельствуют о том, что его рейтинг не идет в сравнение с рейтингом партии Александра Вучича и составляет по предварительным подсчетам 10-11% [11].

Так что практически можно уверенно сказать, что правящая коалиция сможет сохранить власть и, очевидно, это позволит ей принимать решения, в том числе, проевропейского и прозападного характера.

Литература

1. Федорова М. Премьер Сербии: досрочные парламентские выборы станут референдумом о будущем страны. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2710163> (дата обращения: 14.04.2016).
2. Федорова М. Томислав Николич: отношения Сербии и России исключительны. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/2720701> (дата обращения: 23.04.2016).
3. Фюле Ш. Реальная дата присоединения Сербии к ЕС - не раньше 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://europa.com/europe/eu/2104-realnaya-data-prisoedineniya-serbii-k-es-ne-ranshe-2022-g> (дата обращения: 13.04.2016).
4. Соколов Н. Избирком Сербии подвел итоги парламентских выборов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20140325/1001018917.html> (дата обращения: 16.04.2016).
5. Tanjug. Izbori 2016 Vučić: Novi mandat za završetak reformi. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.alo.rs/vucic-novi-mandat-za-zavrsetak-reformi/37813> (дата обращения: 23.03.2016).
6. Zakon o izboru narodnih poslanika. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_izboru_narodnih_poslanika.html (дата обращения 23.03.2016).
7. Gedošević L. ISTRAŽIVANJE Faktor plus: Za SNS 49,5 odsto, izbore bi bojkotovalo 25 odsto građana. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.blic.rs/vesti/politika/istrazivanje-faktor-plus-za-sns-495-odsto-izbore-bi-bojkotovalo-25-odsto-gradana/ybm29n2> (дата обращения: 21.04.2016).
8. Vreme: Skup realnih brojeva. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=1372983> (дата обращения: 23.04.2016).
9. Gedošević L. ISTRAŽIVANJE Faktor plus: Za SNS 49,5 odsto, izbore bi bojkotovalo 25 odsto građana. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.blic.rs/vesti/politika/istrazivanje-faktor-plus-za-sns-495-odsto-izbore-bi-bojkotovalo-25-odsto-gradana/ybm29n2> (дата обращения: 23.03.2016).
10. Srbija izbori: U stranku samo zbog posla. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.srbijaizbori.com/article/u-stranku-samo-zbog-posla> (дата обращения: 23.04.2016).
11. Эксперты: выборы в Сербии могут изменить ее внешнеполитическую ориентацию [Электронный ресурс]. / Международная мониторинговая организация CIS-ЕМО CIS-Europe Monitoring Organization. – URL: <http://www.cis-emo.net/ru/news/eksperty-vybory-v-serbii-mogut-izmenit-ee-vneshnepoliticheskuyu-orientaciyu> (дата обращения: 23.04.2016).

Пеньков С.В.*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия***Научный руководитель – Мальцева Н.Н.**

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования национальной идентичности учащихся в процессе изучения истории Отечества в школе. Показано, что одним из факторов ее формирования является понимание и уважение истории и национальной культуры. Наиболее актуально это проявляется у молодого поколения. Анализ мотивации изучения истории России у 127 школьников Белгородской области показал, что наибольшее число респондентов выделяют познавательный мотив. То есть у школьников присутствует желание познать историю своей страны. В то же время патриотический мотив испытывает некий спад в восьмом классе, а затем в шесть с половиной раз возрастает к выпускному классу. Все это необходимо учитывать учителю истории в процессе проведения уроков.

Ключевые слова: идентичность, история, мотивы учения, патриотизм.

THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY RUSSIAN SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF STUDYING HISTORY

Annotation. The article focuses on formation of pupils' national identity at their country's history lessons. It has been demonstrated that understanding and cherishing national history and culture is one of the important formation factors. This is especially apparent in the young generation. 127 schoolchildren polled in the Belgorod region have pointed to the instructive aspect as a motive for studying Russian history. This means that schoolchildren do wish to know their country's history. Yet, the patriotic motive tends to fade in their eighth year of schooling and then mounts 6.5 times at the school-leaving age. The history teachers should keep all this in mind at their lessons.

Keywords: identity, history, learning motives, patriotism.

Проблема национальной идентичности россиян в настоящее время приобретает особо острый характер. Социально-политические процессы, стремительно происходящие в российском государстве, вызывают сложные, противоречивые чувства ее граждан. Происходит двоякий процесс: нестабильность общества не дает уверенности в завтрашнем дне, что влияет на формирование идентичности, с другой стороны именно «национальная идентичность является необходимым элементом для объединения самого госу-

дарства, она также необходима и членам государства как способ определения своей принадлежности к нему» [2, с. 332]. Наша страна, начиная с распада Советского Союза, по сей день находится на перепутье. И поэтому, как подчеркивает В.Н. Бадмаев, в настоящее время «актуализируются проблемы самоидентификации России, связанные с выявлением и глубинным пониманием ее индивидуальной сущности и самобытности. Осознается необходимость становления подлинно национального самосознания и определения места российского государства в историческом процессе среди других государств» [1, с. 130]. Одним из главных симптомов кризиса идентичности Ю.А. Шубин считает «отчуждение личности от собственной истории» [5, с. 42]. Другими словами, человек, не знающий своей истории, не идентифицирует себя со своей страной, ее культурой и историей. Поэтому не случайно одним из важнейших факторов формирования национальной идентичности В.Н. Иванов считает «понимание и уважение истории и национальной культуры» [3, с. 1007]. Наиболее актуально это проявляется у молодого поколения. Как отмечает В.В. Титов, «в начале XXI века, проблема формирования национально-гражданской самоидентификации российской молодежи приобретает особо острое звучание и вызывает серьезные научные дискуссии» [4, с. 72].

В связи с вышесказанным представляется весьма актуальным проанализировать мотивацию изучения истории России у школьников. Для достижения указанной цели были разработаны анкеты, в которых в свободной форме учащимся предлагалось указать какие причины заставляют их изучать историю Отечества. Причем можно было указывать несколько факторов. Было опрошено 127 учащихся 5-11 классов школ Белгородской области, которые выделили 250 причин. Последующая работа была направлена на систематизацию последних, в результате чего выявились 5 видов мотивов: познавательный (варианты ответов: желание знать свою историю; желание узнать как в прошлом жили люди; желание узнать о прошлом нашего государства), эмоциональный (варианты ответов: интересно изучать, что было в прошлом; интересно проходят уроки; нравится учитель по истории) патриотический (варианты ответов: чтобы гордиться подвигами наших предков; чтобы знать, как наши деды победили в войне), развивающий (варианты ответов: чтобы развивать память; чтобы быть развитым, эрудированным человеком) и меркантильный или корыстный (варианты ответов: потому что надо; заставляет учитель; заставляют родители; чтобы хорошо стать ЕГЭ; необходимо для поступления в институт).

Распределение учащихся по мотивации изучения истории России в процентном отношении показано на рис.1. Познавательный мотив составляет половину ответов, развивающий мотив составляет 18%, меркантильный – 12%, патриотический и эмоциональный – по 10 %.

Сравнительный анализ ответов мальчиков и девочек показывает, что у учащихся мужского пола преобладают познавательный и меркантильный мотив, а у учащихся женского пола – эмоциональный и развивающий. Патриотический мотив практически не имеет гендерных отличий. Сравнительная

диаграмма мотивации изучения истории России по половому признаку в процентном отношении показана на рис.2.

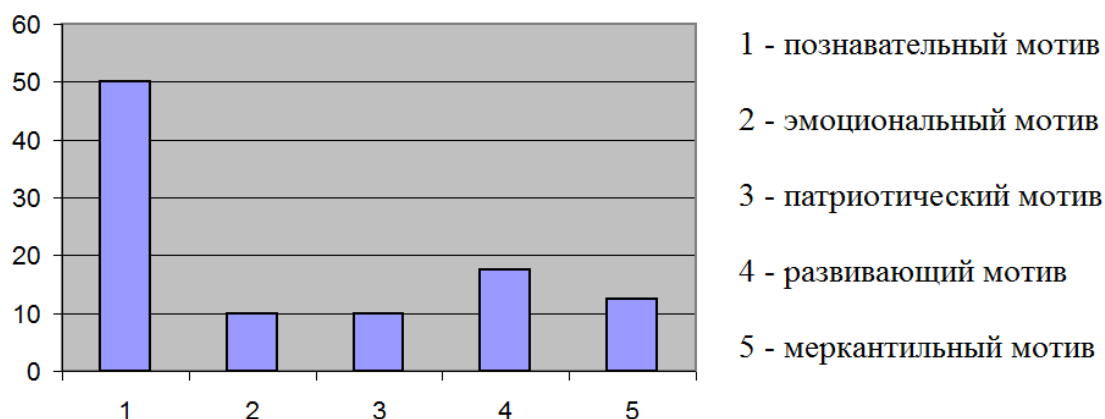

Рис.1. Распределение учащихся по мотивации изучения истории России в процентном отношении.

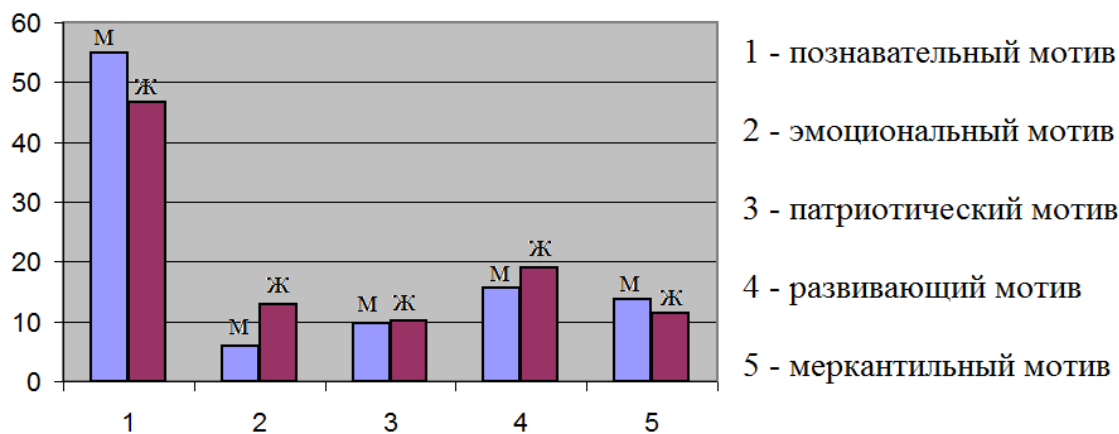

Рис 2. Сравнительная диаграмма мотивации изучения истории России по половому признаку в процентном отношении.

Изменение познавательного мотива изучения истории России с возрастом показывает, что он испытывает небольшой спад в восьмом классе, затем несколько повышает и в старших классах постепенно снижается (рис.3).

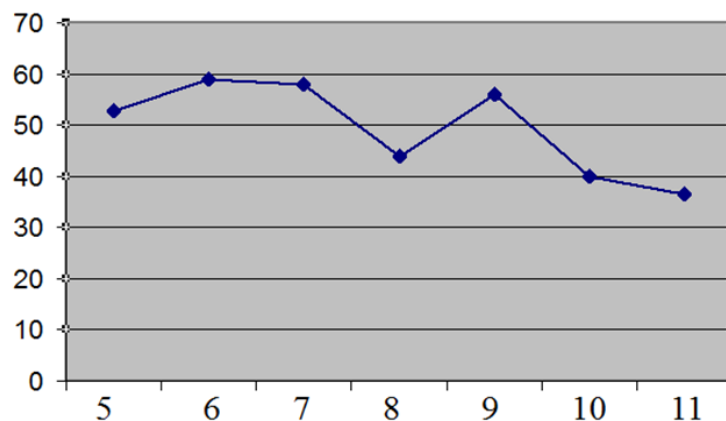

Рис.3. График изменения познавательного мотива изучения истории России с возрастом.

Изменение эмоционального мотива носит хаотичный характер и никаких закономерностей не выявляет (рис. 4).

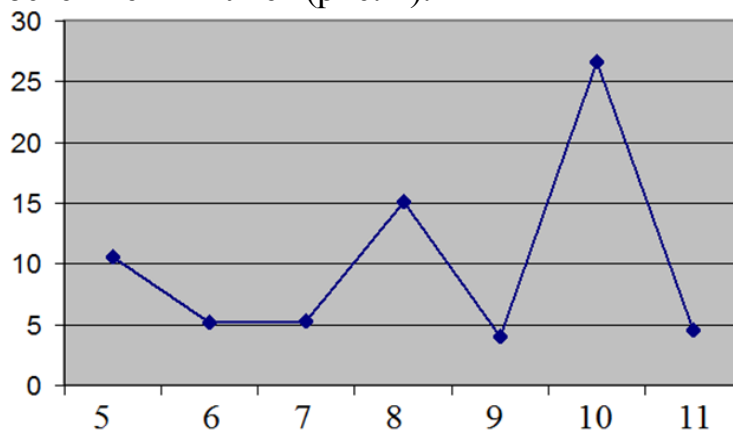

Рис.4. График изменения эмоционального мотива изучения истории России с возрастом.

Обращает на себя внимание устойчивое возрастание патриотического мотива начиная с восьмого по 11 класс более чем в 6 раз (рис.5).

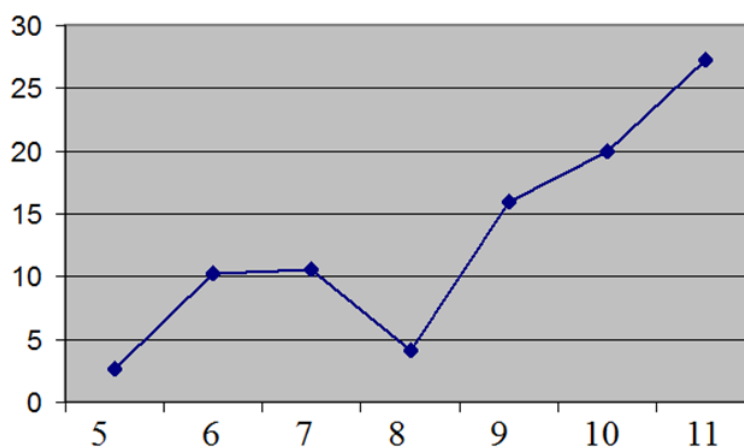

Рис.5. График изменения патриотического мотива изучения истории России с возрастом.

Это говорит о том, что к выпускному классу у школьников изменяется отношение к истории своего Отечества и правильная работа учителя может усилить данный мотив и воспитать истинного патриота, что приведет к формированию национальной идентичности молодого поколения и благоприятно скажется на будущем Российского государства.

Изменение развивающего мотива, так же как и эмоционального, не имеет определенной закономерности (рис. 6).

Меркантильный мотив достаточно высок в 5-9 классах, затем в 10 классе падает до нуля, а к 11 классу повышается до максимального значения (рис.7). Однако в средних классах это, в первую очередь, связано с тем, что школьников заставляют учиться (или учитель, или родители), а в 11 классе на первом месте стоит необходимость подготовки к ЕГЭ и поступления в высшие учебные заведения.

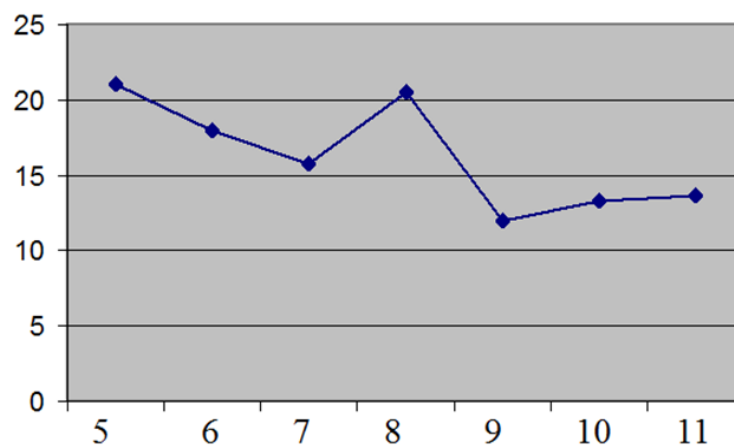

Рис.6. График изменения развивающего мотива изучения истории России с возрастом.

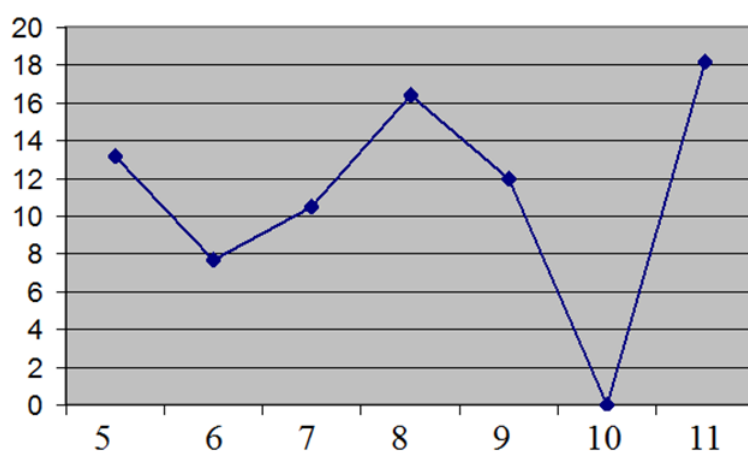

Рис.7. График изменения меркантильного мотива изучения истории России с возрастом.

Подводя итог изучению мотивации изучения истории России в школах Белгородской области можно сделать вывод, что особое внимание в процессе преподавания истории необходимо обращать внимание на развитие патриотического мотива, что благоприятно скажется на формировании национальной идентичности молодого поколения россиян.

Литература

1. Бадмаев В.Н. Национальная идентичность России: исторический дискурс и современные вызовы // Новые технологии. 2008. № 5. С. 129-136.
2. Благородова Е.А. Покорение политики культурой: к проблеме кризиса национальной идентичности России // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 331-336.
3. Иванов В.Н. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-4. С. 1003-1007.
4. Титов В.В. Национально-гражданская идентичность молодых россиян на рубеже XX-XXI веков: проблема формирования и актуализации // Фундамен-

тальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 14. С. 71-74.

5. Шубин Ю.А. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 42-47.

УДК 32.019.5

Приходько А.А, Смелая А.Ю.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель: Бердник Е.А.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье актуализирована необходимость пересмотра информационной политики РФ в условиях ухудшения отношений с бывшими республиками СССР и интенсификацией информационных угроз на постсоветском пространстве. Рассмотрены основные конфликты на границах Российской Федерации, обусловленные распадом СССР и появлением новых политических субъектов. Обозначены важнейшие направления информационной политики РФ, способствующие корректировке сложившейся ситуации.

Ключевые слова: информационные угрозы, информационная политика, постсоветское пространство, Российская Федерация, Советский Союз, конфликты на постсоветском пространстве.

THE ROOT PROBLEMS OF INFORMATION POLITICS OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE POST-SOVIET SPACE

Annotation. The article deals with the main problems of the Russian Federation's information policy on the post-Soviet space. The lack of adequate Russian media policy in the face of deteriorating relations with the former republics, and the intensification of information threats are actualized. The article considers the main conflicts at the borders of the Russian Federation, that are conditioned by the fall of the USSR and appearance of new political actors. The most important directions of Russian information policy ministrant to the current situation correcting, are denominated.

Key words: Russia, the Soviet Union, the information war, the post-Soviet space, the background information, the conflicts in the former Soviet Union.

В конце XX века произошел распад Союза Советских Социалистических Республик. Обретя суверенитет, бывшие республики в 1991 году создали новую международную организацию Содружество Независимых Государств, подписав соответствующее соглашение в Беловежской Пуще. Его ра-

тификация Верховными Советами Белоруссии, Украины и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, обусловила трансформацию всего политического пространства и появление новых игроков на международной арене. При этом большая часть новых государств взяли курс на выход из исторического и культурно-идеологического пространства России, интенсификацию замороженных конфликтов, пропаганду русофобии. Центральное место в такого рода процессах занимают информационный фактор и поддержка СМИ, с помощью которых размывается традиционная историческая основа взаимоотношений между братскими народами, формируется новая идеология. Данные обстоятельства актуализируют необходимость пересмотра информационной политики Российской Федерации на постсоветском пространстве, что является необходимым фактором обеспечения национальной безопасности в современных условиях.

Переформатирование всего евразийского пространства, обусловленное распадом СССР и интенсификацией конфликтов на постсоветском пространстве, обусловило пересмотр межгосударственных отношений России с ближним зарубежьем. При этом налицо планомерное выстраивание русофобской информационной политики в большинстве бывших республик СССР. Обеспокоенность вызывает тот факт, что к данному тренду присоединяются даже дружественные и нейтральные по отношению к России государства.

Например, за короткий промежуток времени на территории нейтрального государства – Украины, сформировалась национальная элита, которая осуществляет деструктивную информационную политику по отношению к России. Важнейшей особенностью украинского медиапространства является его направленность не только на западный мир, но и на российского гражданина. При этом украинская информационная политика в течение многих лет была нацелена на воспитание у населения чувства национальной идентичности, построенной на отрицании добрососедских отношений с Россией. Так, по данным Российского Института Стратегических Исследований, уровень информационного негатива по отношению к России, или «индекс агрессивности» достиг в 2015 году пикового показателя - 3,25, что свидетельствует о очень высоком уровне информационной угрозы для РФ, хотя еще два года назад он находилась в пределах отметки «средний» [10]. Это указывает на то, что СМИ активно распространяют информацию антироссийского, а часто и русофобского характера. По словам эксперта из Центра Сулакшина, Л.И.

* Агрегированный показатель измеряется по шкале РИСИ, которая достаточно точно отражает информационный фон в анализируемом государстве, что позволяет определить дружелюбность, нейтральность или враждебность государства по отношению к Российской Федерации. Индекс агрессивности выводится на основе учета неактивной и нейтральной информации по России в зарубежных СМИ. Индекс агрессивности может служить достаточно точным инструментом, так называемым индикатором уровня информационной угрозы России. [8] Уровень угрозы определяется по следующей шкале: 0 – 0,30 – Низкий; 0,31 – 0,70 – Средний; 0,71 – 1,0 – Высокий; 1,01 – 5,0 – Очень высокий; 5,01 и выше – Информационная война.

Кравченко, Россия уже давно проиграла информационную войну – в тот момент, когда отказалась от ценностей единой российской цивилизации в пользу европейских. На национальных окраинах эти теории развивались ускоренными темпами. Итог не заставил себя ждать. Состояние украинского общества - это предупреждение российской власти, что за отказ от собственной модели развития и умаление цивилизационной идентичности приходится расплачиваться расколом общества и нестабильностью, которая может стать критической [2].

Схожие процессы происходят и на южных рубежах. Так, в марте 2016 года произошло обострение конфликта между Узбекистаном и Киргизией. Узбекистан выдвинул свои вооруженные силы в сторону границы с Киргизией, что вызвало резкое обострение отношений. Организация Договора о коллективной безопасности вмешалось в ситуацию, что способствовало проведению внеочередного заседания Постоянного совета организации в Москве. После переговоров ситуация стабилизировалась, однако, была распространена информация о том, что конфликт перерастает в полномасштабные военные действия, а конфронтацию с каждой стороны «подогревали» местные националисты, радикалы, оппозиция и связанные с ними СМИ, которые часто публикуют антироссийские материалы, распространяя призывы «дать военный отпор» соседу [4].

В целом в Киргизии развернута общереспубликанская информационная компания, связанная со 100-летием Среднеазиатского восстания, которая нацелена на дискредитацию России. Публикацией материалов со значительным искажением исторических событий 1916 г. занимаются киргизские СМИ, которые поддерживают националистические силы. В отношении России «фабрикуются» исторические обвинения по аналогии с Украинским «голодомором». На фоне активной информационной атаки киргизских и западных масс медиа, Россия заняла позицию «молчаливого согласия» - редко появляются российские комментарии по событиям 1916 г. в печати, а официальная позиция по этому поводу не озвучена вовсе.

Политика замалчивания проблемы может привести к «переписыванию» истории двух соседских народов в негативном для Российской Федерации ключе. Это затруднит двусторонние отношения России и Киргизии, их сотрудничество в рамках ЕАЭС создаст почву для дальнейшего роста националистических и русофобских настроений среди населения Киргизской Республики [6].

Вместе с тем обострился конфликт в Нагорном Карабахе, который возник в 1988 году по поводу принадлежности территории Арцах – обширной местности на границе двух стран. В советское время это была автономная область Азербайджанской ССР, однако, ее основное население этнические армяне. В 1988 году область заявила о выходе из АССР и в 1992-1994 годах Азербайджан, в ходе военного конфликта, полностью потерял контроль над Нагорным Карабахом. Было объявлено о независимости Нагорно-Карабахской республики (НКР). На сегодняшний день территория Арцаха до сих пор остается «камнем преткновения» в отношениях между Азербайджа-

ном и Арменией. Россия в этой ситуации пытается сохранить нейтралитет, и ведет соседние государства к мирному разрешению конфликта. Однако местные СМИ в обоих государствах пытаются возложить часть ответственности на РФ, обвиняя ее в геополитических амбициях. Еще до очередного витка конфронтации в 2016 году, наблюдалось ухудшение информационного образа России. Так, по данным Российского Института Стратегических Исследований, в 2015 году уровень информационной угрозы исходящей от Армении в адрес России достиг отметки 0,9 – 1,2, что соответствует согласно предложенной шкале среднему значению индекса агрессивности. При этом в Азербайджане данный показатель равен 2,3 [8], что соответствует высокому уровню информационной угрозы. В результате, можно говорить о том, что медиапространство в регионе представляет угрозу национальным интересам России.

Схожие процессы наблюдаются на всем постсоветском пространстве, что гармонично вписывается в концепцию «дуги нестабильности» **Збигнева Бжезинского**. Ниже приведены данные об уровне информационной угрозы для РФ в некоторых странах – бывших республиках СССР:

- Белоруссия – 0,7
- Грузия – 4,50
- Латвия – 4,30
- Литва – 2,5
- Молдавия – 0,7
- Эстония – 3,65 [8]

Наблюдается тревожная ситуация и в дружественных для России государствах. Так, например, в Казахстане с 2014 года активизировалась давно существующая национально-патриотическая часть общества. Среди лидеров националистического фронта присутствует Айдос Сарым, Расул Жумалы и Мухтара Тайжана, которые занимали высшие должности на государственной службе при правительстве, а также активные участники регионального медиапространства. Их объединяет антироссийская, нередко переходящая в открытую русофобию, позиция. Традиционными объектами националистической пропаганды являются история Казахстана в ее колониальной или антисоветской трактовке и российско-казахстанские отношения, развивающиеся, с точки зрения националистов, по имперской и экспансионистской модели. Особую неприязнь у них вызывает статус русского языка, в котором они видят риски строительству национальной государственности, а также «пятая колонна» из этнических русских, от которой якобы исходит угроза сепаратизма в северных регионах республики [3].

В целом, казахский националистический лагерь, несмотря на свою текущую малочисленность, все же сформировал устойчивую идеологическую платформу, исключительно антироссийского характера. Устоявшиеся и доступные русофобские тезисы, перманентно вбрасываемые в общественный дискурс, имеют высокий взрывной потенциал и в случае обострения ситуа-

ции в стране могут быть оперативно задействованы заинтересованными внутренними и внешними силами в целях разрыва Казахстана с Россией.

Одним из важнейших факторов появления различных конфликтов вдоль границ России стало окончательное разрушение общего информационного пространства, основанного на вековых культурно-исторических связях между братскими народами. В составе единого союзного государства практически не возникало конфликтов на этнической или национально-религиозной почве, чему способствовала государственная идеология. Однако после приобретения независимости многие политические силы в бывших республиках стали использовать старые конфликты для накопления политического капитала внутри государств, а также позволили крупным игрокам на мировой арене воспользоваться ситуацией для удовлетворения своих потребностей и интересов. Вместе с тем идеологический вакуум, появившейся после распада Советского Союза стал быстро заполняться европоцентричной идеологией, которая на постсоветском пространстве приобрела радикальную либерально – националистическую окраску. Риторика этих идеологий часто переплеталась с критикой советского прошлого и отрицанием русского наследия.

Проведенный обзор показал необходимость интенсификации информационного влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве, что в может сыграть решающую роль в обеспечении безопасности и соблюдения национальных интересов страны в условиях становления глобального сетевого информационно-коммуникативного пространства. По нашему мнению особое внимание необходимо уделить тем государствам, в которых индекс агрессивности СМИ по отношению к России низкий, а государственная политика не направлена на разжигание русофобии, т.к. именно эти страны могут в самое ближайшее время стать объектами геополитического противостояния. Речь идет о Белоруссии, Казахстане, Армении, Киргизии, Таджикистане. Эти государства, как члены ОДКБ, участники ЕАЭС (кроме Таджикистана) являются приоритетными для российской внешней политики в ближайшем зарубежье.

Интенсификацию российской информационной политики на постсоветском пространстве можно осуществлять по нескольким направлениям. Во – первых, необходимо вывести на новый уровень межгосударственные контакты посредством увеличения доли российских массмедиа на территории этих государств, максимальной интенсификации сотрудничества с местным населением, стимулирования туристических потоков, приумножения торгового оборота и научного сотрудничества, а также межкультурных коммуникаций.

Во-вторых, необходимо воспитывать интернациональные традиции внутри страны, что подтверждает проведенное нами разведывательное социологическое исследование, в ходе которого было опрошено 30 молодых людей Белгородчины в возрасте от 16 до 30 лет. Результаты исследования показали недостаточную информированность респондентов о ситуации в приграничных государствах. По нашему мнению, российскому руководству

стоит уделить повышенное внимание внутренней информационной политике, которая должна быть направлена на становление и восстановление интернациональной традиции, в первую очередь среди молодежи.

Резюмируя проведенный обзор, можно сделать вывод о том, что нарастает тенденция ухудшения отношений Российской Федерации с ближним зарубежьем. При этом военно-политическая, социально-экономическая и информационная ситуации, сложившиеся на границе двигаются в сторону обострения, что может привести к серьезному кризису всей системы отношений на постсоветском пространстве. Важную роль в разрешении сложившейся ситуации может оказать правильная информационная политика российского руководства, направленная как на укрепление межгосударственных связей, так и на популяризацию ценности дружеских интернациональных связей среди россиян.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. «Манипуляция сознанием», – М.: Изд-во Эксмо, 2006.
2. Кравченко Л. И. «Информационное противоборство Россия-Украина» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusrand.ru>
3. Лихачёв М. А. «Казахский национализм – недооцененный вызов России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://riss.ru/analytics/29935/>.
4. Магнитова А.С. «Пограничный конфликт Узбекистана Киргизии должен разрешиться при участии России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://riss.ru/analytics/29139/>.
5. Магнитова А. С. «В Киргизии историю Среднеазиатского восстания 1916 года «переписывают» в антироссийском ключе» [Электронный ресурс]. – URL: <http://riss.ru>
6. Николайчук И. А. «Зачем анафемой грозите вы России?» [Электронный ресурс]. – URL: <http://riss.ru/analytics/4449/>.
7. Николайчук И.А. «Россия в зеркале мировых СМИ: французы и Крым» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/analytics/20150730/1153115391.html>.
8. Николайчук И.А. «Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России» М.: РИСИ, 2015
9. Сведения из интернет - журнала ИНОСМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/>.
10. Николайчук И. А. «Россия в зеркале мировых СМИ: Украина опять в фокусе» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/analytics/20160413/1410049296.html>.

Рощупкин И.А.*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия***Научный руководитель – Кривец А.П.****ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К И.В. СТАЛИНУ И ПЕРИОДУ ЕГО
ПРАВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. В данной статье сделана попытка раскрыть феномен «ностальгии» по советскому прошлому у граждан России, а также проследить динамику отношения к роли И.В. Сталина у населения РФ и выяснить причины и закономерности данных процессов.

Ключевые слова: И.В. Сталин, сталинизм, репрессии, коллективизация, ВОВ.

**THE DYNAMICS OF ATTITUDE TO I.V. STALIN AND THE
PERIOD HIS RULE IN THE POST-SOVIET RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. In the article an attempt to unveil the phenomenon of the Russian citizens' "nostalgia" for the Soviet past is made. There is also an attempt to trace the dynamics of the Russian citizenry's attitude to the role of I.V. Stalin and to explore the causes and consistent patterns of such processes.

Key words: I.V. Stalin, Stalinism, repression, collectivization, the Great Patriotic War.

В связи со сложившейся вокруг России внешнеполитической обстановкой рядовому гражданину нашей страны более привычно услышать споры о «партнерах» и «конкурентах» нашей страны, чем дискуссии о вопросах истории нашего государства. Одним из таких вопросов является осмысление советского периода истории нашей страны, роль лидеров и вождей советского государства, а также феномен «ностальгии» по советскому прошлому среди граждан нашей страны и на всем постсоветском пространстве в целом.

Прежде чем говорить об оценке роли И.В. Сталина, стоит вспомнить самые противоречивые события эпохи сталинизма.

Коллективизация и методы, которыми она была проведена. Коллективизацию рассматривают с разных точек зрения. Долгое время преобладала просоветская точка зрения, которая говорила о коллективизации как о вынужденной мере. Важнейшим мероприятием коллективизации стоит считать раскулачивание. В итоге в 1930г. по СССР прокатились массовые акции протеста со стороны крестьянства (преимущественно в аграрных областях). Наряду с индустриализацией страны итогами коллективизации можно назвать ликвидацию крестьянства (около 80% населения страны) как

класса и превращение крестьян в наемных рабочих у государства, что в итоге привело к переводу СССР из страны, экспортирующей зерно, в страну импортирующую.

Репрессии 1937-1938 гг. По официальной точке зрения в период 1937-1938 гг. были расстреляны около 1,6 млн. человек. В связи с открытием архивов в 90-е годы 20 века историкам стали доступны очень многие документы, относящихся к репрессиям. В основном это были оперативные приказы НКВД о проведении массовых операций. В число «антисоветских элементов» вошли: бывшие кулаки, члены партий, враждебных большевикам, бывшие офицеры царской армии, служащие царской администрации. Стоит отметить, что данные группы людей считались враждебными режиму исключительно по своему происхождению или принадлежности к какому-либо классу. Также стоит выделить репрессии по «национальным линиям». Направленный в основном против лиц иностранных для СССР национальностей (поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков, румын, болгар, китайцев, иранцев, афганцев и других). Отдельная операция развернулась против харбинцев. Целью «национальных операций» провозглашалась борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран. С августа 1937 года по ноябрь 1938 года в рамках всех «национальных операций» было осуждено 335 513 человек, из них приговорено к расстрелу 247 157 человек, то есть 73,66 % от общего числа осужденных. Также спорными являются такие темы как: **репрессии в РККА накануне второй мировой войны и взятие на себя командования красной армией в начале ВОВ, культ личности Сталина.**

Самая активная критика советского режима и времени правления И. Сталина пришлась на время «перестройки» и первую половину 90-х годов 20-го века. Так в 1989 году «рейтинг» Сталина в перечне величайших исторических личностей был минимальным (12%, Ленин – 72%, Петр I – 38%, Александр Пушкин – 25%), то в 2012 году он оказался на первом месте с 49%. [6] В дальнейшем с усилением власти и ее централизации антисоветская риторика была смягчена. Это можно объяснить отсутствием какой-либо почвы для становления пришедшей на смену социализма демократии. Так же стоит отметить тяжелейший переход с плановой на рыночную экономическую формацию, что вызвало катастрофическое падение уровня жизни и тем самым дискредитировало либеральный политический режим.

Социологические опросы говорят о том, что 57% россиян не считают Сталина государственным преступником. В целом по стране с 25% в 2012 г. до 45% в 2015 г. увеличилась доля россиян, считающих жертвы, которые советский народ понес в сталинскую эпоху, оправданы великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайшие сроки. [4] Также опрос Левада-Центра показал, что за последние восемь лет доля тех, кто готов оправдать «ошибки и пороки» Сталина победой в Великой Отечественной войне, выросла с 28 до 34%. На 6% увеличилась и доля граждан, считающих

Сталина «мудрым руководителем, который привел СССР к могуществу и процветанию». Такой ответ социологам дали 20% опрошенных. При этом с 29 до 21% снизилась доля тех, для кого Сталин безоговорочно является тираном, ответственным за уничтожение миллионов невинных людей, 15% опрошенных ответили, что только жесткий правитель мог поддержать порядок в государстве в условиях классовой борьбы и внешней угрозы. Возросло и количество тех, кто считает смерть Сталина «утратой великого вождя и учителя»: если в 2010–2013 гг. так отвечали 18–19%, то в 2015-м – 24%. [3] Однако «классовая борьба» – это как раз большевистский нарратив, воспринимаемый как точное описание действительности. Стоит отметить, что важнейшим фактором, повлиявшим на отношение россиян к И.В. Сталину стала военная операция ВКС РФ в Сирии и присоединение Крыма. [1]

Романтизация образа Сталина – именно ему приписывается организация победы СССР в Великой Отечественной войне и разгром гитлеровской Германии.

Но одновременно с ростом симпатии к Сталину и нарастанием аморализма, неспособности общества дать соответствующую оценку фигуре этого диктатора и его действиям, растет и безразличие к этой тематике, особенно среди молодежи. [7],[9] Сталин воспринимается ими не как историческая фигура, а как реквизит для политической риторики, термин, которым манипулируют держатели власти.

Речь идет о непреодоленной сакрализации государства и власти, характерной для России. Сталин и сталинизм – лишь наиболее актуальные, яркие, агрессивные проявления и символы этой модели, в рамках которой государство несет ответственность за все, его интересы приоритетны, а насилие является чем-то вроде привилегии власти.

Преобладающая в России патерналистское политическое мышления, и «азиатчина» в отношении к власти превращает государство в практически единственный субъект, обладающий волей, способный выбирать и т.д. Именно из этого и следует, что победа в войне – это в первую очередь заслуга товарища Сталина, а не советских людей, которые защищали свой дом, причем защищали бы его при любой власти. Именно поэтому «процветание СССР» считается прежде всего результатом мудрого управления, решений руководства, а не труда сотен тысяч граждан. [11] За «победу над фашизмом» российский народ готов забыть и простить ужасы сталинских чисток, организованный им искусственно голод, депортации и лагеря ГУЛАГа. «Какие бы зверства ни совершил Сталин, считается, что его великие достижения нельзя преуменьшить, поскольку Россия победила в войне под его руководством. Это как искупление за его преступления», – объясняет Сергей Чапнин. [10]

Сталин – подходящий символ для общества, в котором усредненность считается социальной нормой. Частная неудача стимулирует не работу над собой, а желание надавить на «зарвавшихся»: слишком богатых, слишком деятельных, слишком умных. Карающее государство сталинского типа

является проекцией такого рода желаний, а приведение всего и всех к среднему стандарту считается справедливостью.

Чем старше люди, чем уже и беднее их среда, тем больше они тоскуют по сталинской руке. [5] Не случайно наименее популярен Сталин у граждан с высоким потребительским статусом. Они лучше понимают, что сталинское государство означает не повышение стандарта, а обрезание крыльев тем, кто поднялся выше установленной планки.

Было бы преувеличением утверждать, что Россия сегодня возрождает сталинизм, возвращается в 30-е годы. Вместе с тем государство практически ничего не делает для того, чтобы изменить саму модель отношения народа к власти. В сознание россиян закладывается идея того, что государственные интересы и государственные ценности выше прав и интересов любого отдельного человека. На фоне этого прославления государства была поднята и фигура Сталина. Оно сохраняет просталинские настроения в качестве электорального резерва, которым легко воспользоваться. Во многом поэтому сегодня на федеральных телеканалах с их многомиллионной аудиторией не поощряется серьезный, спокойный и критичный разговор о Сталине, сталинских методах управления, коллективизации. День памяти жертв репрессий остается, по сути, маргинальным. Сталин умер более 60 лет назад, оставив в наследство тип запуганного, управляемого общества. [8] Правящей элите, даже не будучи сталинистской, сложно избежать соблазна и не пользоваться этим наследием по мере нужды.

Стоит отметить, что изменение отношения к И.В. Сталину и советскому периоду, а также «ностальгия» по советскому прошлому напрямую связано с закрытием политической системы России и становлению переходного авторитарно-демократического режима, а также общему среди граждан РФ чувству разочарования в либеральных реформах 90-х годов. Нельзя не сказать о том, что данный режим может нанести урон как политической культуре россиян в целом и затормозить планомерный переход к истинно демократической форме правления, воспитания гражданственности и осознания человеком своих политических прав и обязанностей. Не может не пугать тенденция безразличия среди молодежи к собственной истории и осмыслению ее кровавых страниц, таких как «преступления сталинизма». Акцент должен сместиться с оправдательного характера понимания истории, имперского горделивого восприятия собственной страны на трезвое, прагматичное и ориентированный на ценности подход, в котором человек является главной ценностью. [2]

Литература

1. Россияне стали лучше относиться к Сталину после сирии и Крыма. 13.01.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2016/01/13/rossiyane-stali-luchshe-otnositsya-k-stalinu-posle-sirii-i-kryma/> (дата обращения 25.03.2016).

2. Сталинизация России: кратковременная болезнь или злокачественное перерождение? 15.04.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2015/04/02/stalinizatsiya-rossii-kratkovremennaya-bolezn-ili-zlokachestvennoe-pererozhdenie/> (дата обращения 25.03.2016).
3. Все больше россиян положительно относятся к Сталину. 31.03.2015 [Электронный ресурс]. – URL: / <http://www.levada.ru/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu/>
4. сталин и его роль в истории страны. 31.03.2015 [Электронный ресурс]. – URL: / <http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/> (дата обращения 25.03.2016).
5. Сталин и мы: почему половина россиян до сих пор верит в вождя. 13.01.2015 [Электронный ресурс]. – URL: / <http://www.levada.ru/2015/01/30/stalin-i-my-pochemu-polovina-rossiyan-do-sih-por-verit-v-vozhdy/> (дата обращения 25.03.2016).
6. Социологи порассуждали над загадкой Сталина в связи с годовщиной смерти – и «кровавый тиран», или мудрый вождь» . 04.03.2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2013/03/04/sotsiologi-porassuzhdali-nad-zagadkoj-stalina-v-svyazi-s-godovshhinoj-smerti-i-krovavyj-tiran-i-mudryj-vozhd/> (дата обращения 25.03.2016).
7. Количество негативных оценок личности Сталина среди россиян за 15 лет сократилось почти в три раза. 18.10.2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2012/10/18/kolichestvo-negativnyh-otsenok-lichnosti-stalina-sredi-rossiyan-za-15-let-sokratilos-pochti-v-tri-raza/> (дата обращения 25.03.2016).
8. Какие черты советского человека унаследовал современный россиянин. 29.09.2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2011/09/29/kakie-cherty-sovetskogo-cheloveka-unasledoval-sovremennuyj-rossiyanin/> (дата обращения 25.03.2016).
9. Россияне о Сталине. 04.03.2010 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2010/03/04/rossiyanе-o-staline/> (дата обращения 25.03.2016).
10. За Путина, за Мталину. 16.01.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20160126/235173903.html> (дата обращения 25.03.2016).
11. Россия: возвращение Сталина. 07.10.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/russia/20151007/230672254.html> (дата обращения 25.03.2016).

Сайкова Ю.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Туркина В.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕРОЕ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Проблема интерпретации образа героя и героической личности всегда находилась в центре внимания исследователей культуры. Она берет свои основания в народной художественной культуре и продолжает эти традиции в классическом искусстве. Статья затрагивает вопросы трансформации образа героя в советской и русской современной визуальной культуре, где за основу героических качеств были взяты характеристики героев из народных представлений.

Ключевые слова: герой, советское искусство, современное русское искусство, визуальная культура.

THE REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A HERO IN SOVIET AND MODERN RUSSIAN VISUAL CULTURE

Annotation. The problem of interpretation of the image of the hero and the heroic personality has always been the focus of research culture. It has its foundation in folk artistic culture, and continues the tradition of classical art. The article raises questions of transformation of the image of the hero in the Soviet and Russian contemporary visual culture, where the basis of the heroic qualities of the characters were taken from the characteristics of folk performances.

Key words: hero, Soviet art, contemporary Russian art, visual culture.

Образ героя является доминирующим архетипическим символом, красной нитью проходящим через всю историю культуры человечества. Возникший в древности, он прошел сложный процесс изменений, смог сохранить свое первоначальное ядро и трансформировался в соответствии с эпохой и социокультурными потребностями, диктуемыми ею.

Современный мир, который справедливо называют веком восстания масс, выдвинул на первый план усредненный типаж человека, ценностями которого являются образцы массовой культуры, упростившие до предела социальные требования к личности. Кроме того, декларативная пропаганда потребительства, культурных стереотипов западной цивилизации, необдуманные манифесты СМИ, направленные на переосмысление деятельности героических личностей, привели к опасным последствиям, грозящими цивилизационным кризисом.

Культурным героям общество обязано формированием своих идеалов. По мнению американского философа Скотта Ла Баржа, «нам нужны герои, поскольку они помогают определить пределы наших устремлений» [5]. Следовательно, одной из важнейших проблем современного общества становится отнюдь не проблема формирования представлений о герое, так как оно уже сформировано, и более того, получило свою интерпретацию в качестве понятия в многочисленной философско-культурологической литературе. Проблемой становится процесс огранки, шлифовки этого понятия в рамках современного, меняющегося с невероятной быстротой мира.

В русской культуре существует свое понимание героического, которое выражено в качествах витязей, персонажей эпических песен, мифологически трансформированных образов исторических деятелей (Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр I и др.). Представления о которых получили воплощение не только в устном народном творчестве, но и во всевозможных художественных промыслах и лубочных картинках. Качества героя (сила, выносливость, доблесть, находчивость, отзывчивость) оказались устойчивыми и были акцентированы в традиционной культуре нашего народа, изначально найдя свое воплощение в богатырских образах, повторяясь, закрепляясь и усиливаясь в русском классическом искусстве [4].

Несомненно, с оформлением модерна на рубеже XIX – XX веков появилось совершенно новое отношение к фольклору и национальному наследию в целом, которое с художественной точки зрения определялось как «стилизация», характеризующееся поверхностной сюжетно-бытовой интерпретацией эпических образов, предполагающее введение готовых форм визуализации, вышедших из народного искусства. В эпоху классического искусства образы героев запечатлевали известные художники такие как: Репин И. Е., Васнецов В. М., Врубель М. А., Рерих Н. К., Билибин И. Я. Полотна на былинную тематику зачастую не просто отражали в сюжетах народные представления о витязях и их подвигах, а преднамеренно их прославляли и возвеличивали, подчеркивая визуально одни качества и проходя мимо других, с целью создания более яркого художественного образа. Художники использовали приемы реконструкции костюмов и вооружения, что придавало правдивый и индивидуализированный характер герою, и создавали собирательные образы, включая во внешность типические черты русича.

В советскую эпоху проявились новые ценностные тенденции – художественные образы заметно ощутили влияние государственного устройства и стали разрабатываться в рамках марксистско-ленинской этики. Героизм стал одной из наиболее популярных тем в этике и эстетике, а героизация советского образа жизни – частью идеологии и пропаганды. Единственным верным творческим методом был провозглашен социалистический реализм, а героическими образцами стали признаваться те, которые отвечали идее революционного преобразования мира [2].

На этой почве зародилось множество художественных объединений, активно решающих вопрос поиска новых форм массового искусства:

«Мастера аналитического искусства» (МАИ), «Общество художников-станковистов» (ОСТ), «Ассоциация художников революционной России» (АХР), «Левый фронт искусства», «Общество московских художников» (ОМХ), «Пролетарская культура» (Пролеткульт).

К 1932-му году искусство окончательно подчинилось партийной цензуре, а все существующие литературно-художественные объединения переросли в единую творческую организацию – Союз Советских художников, финансируемую из госбюджета и обеспечивающую художников заказами. На протяжении всего XX века визуализацией образа героя активно занималось и кино, которое являлось не только самым доступным видом искусства, но, конечно, и сильным средством формирования мировоззрения. На персонажах кинематографа воспитывалось не одно поколение советских граждан.

Советские героические образы – это, по сути, образы массовой культуры: «положительные» персонажи прошедших цензуру литературных произведений, бунтари и революционеры, коммунисты, комсомольцы и колхозники, образы доступные и понятные для всех. Авторы тяготели к иллюстрации новой городской жизни, индустриализации, изображению молодых и физически развитых людей.

Появились культурные мифы о детях-героях, пионерах (Павлике Морозове, Гриши Акопяна). Они являлись примером высокой морали и нравственности, с которыми в первую очередь связывали надежды на светлое будущее.

Еще одним типом героя стали трудящиеся самых разных профессий, возвеличивались и их трудовые подвиги. Молодые рабочие должны были восприниматься не только как носители новых ценностей, но и как строители новой жизни. Творческие, ироничные, верные дружбе и слову герои, смелые в работе и борьбе с бюрократией. Именно им подражали советские дети и подростки. Подобными характеристиками обладали и образы городских купцов, ремесленников и мелких служащих, которых нельзя было в чистом виде отнести ни к «классу-гегемону» – пролетариату, ни к крестьянству.

Образы спортсменов являлись своего рода пропагандой физической культуры и спорта. Примеры таких героев должны были убедить советского человека в том, что в жизни возможно все, если проявить личную инициативу, находчивость, упорство и целеустремленность (А.Н Самохвалов, А.А Дейнека, А.М Герасимов).

Одними из главных советских героев стали вожди народа (В.И. Ленин, И.В. Сталин), чьи портреты украшали жилые комнаты, стояли в рамках на письменных столах (отчасти такая тенденция и сегодня имеет место). Образы выдающихся политических личностей, современников, постоянно присутствовали в советской живописи и скульптуре, включая монументальное искусство (массовая установка прижизненных памятников в большинстве городов Советского Союза) [3; 50-52].

В годы Великой отечественной войны особую роль в создании героического образа сыграл массовый советский плакат, который особо

поддерживали и вдохновлял людей на борьбу с врагом. По указу Сталина плакатные листы посвящали самой разнообразной тематике, и, в первую очередь, воинскому делу. Они вдохновляли зрителя мужественными образами великих предков – Донского, Минина, Пожарского, Суворова, Кутузова и сценами прошедших победоносных битв из русской истории. Эти образы дополнялись рисунками современных боев: советских солдат, матросов, вступивших в смертельную схватку с врагом, танков, летящих самолетов и рвущихся снарядов.

В целом весь XX век оказался отмечен слабым интересом художников к ставшему классическим образу русского витязя. К традиционному герою из живописцев обращались разве что И.С. Глазунов и П.В. Васильев, художники-графики, иллюстрирующие сборники былин и сказаний. Правда, стоит отметить, что к середине XX столетия происходит расширение героических образов и за счет иллюстрации эпических песен разных народов, входящих в состав СССР (иллюстрации М.М. Мечева к «Калевале» – эпосу карело-финских народов, иллюстрации к алтайским сказаниям А.В. Дианова и т.д.). Но все персонажи древних сказаний, также как и другие героические образы, были использованы для представления культивируемых качеств, которыми должны были обладать люди новой эпохи. По сути, произошло наложение желаемых черт советской современности на древние образы для создания необходимого правящей власти нового образа народного героя. Такой механизм позволил провести сравнение героя (богатыря) с каждым советским гражданином, и присвоить последнему героические качества. Герой постепенно начал превращаться в «обычного» человека. Некоторая сакральность, по отношению к образу богатыря, все же сохранилась и выражалась в отсутствии критического отношения к герою в этот период.

Несмотря на разнообразие типов героев, к 60-м годам XX века складывается собирательный образ героя новой эпохи: бесстрашный, энергичный, отзывчивый, инициативный, настойчивый и целеустремленный молодой человек или девушка, борец за правду и справедливость, ненавидящий врага.

После распада СССР в 1990-е годы Союз художников с его жесткой политикой насаждения реализма, как государственная организация, зависящая от идеологии, прекратила свое существование. Расцвет получило искусство соц-арта – пародии на соцреализм, некоем символе свободы. Течение получившее развитие в среде андеграунда ещё в 70-80-е годы под предводительством Виталия Комара и Александра Меламида.

Искусство начала XXI века продолжило «раскрепощаться», усилив процессы демифологизации и десакрализации, что привело к исчезновению большинства сложившихся в советский период героических образов, признанию героико-мифологических сюжетов устаревшими, желанию в новой форме оживить давно привычные сюжеты, стремлению к новизне и продолжению процесса замещения традиционного былинного образца.

Свободная и безнаказанная иронизация привела к сомнению в возможности существования героев и героизма в нынешних условиях, использованию героического образа прошлых эпох в коммерческих целях, ориентированных на достижение потребительской активности, что стало своеобразной проверкой устойчивости образа. Одновременно наметилась и острая потребность в образе героя, поскольку он испокон веков помогал раскрывать смысл жизни, определял состояние духовного здоровья, воспитывал морально-нравственные и гражданские качества.

Произошло некоторое замещение в понимании «героя» с которым стали больше ассоциировать медийную личность (удачливого политика, бизнесмена или шоу-звезду), культового персонажа произведения или фантастического сверхчеловека. Можно также сказать, что Герой с большой буквы ушел в область преданий и воспоминаний, оставив после себя лишь «героическое поведение», которое отдельные реально (хотя это и не обязательное условие) существующие люди могут проявлять на протяжении не очень продолжительных периодов времени.

Культура постмодерна внесла крупные изменения в прочтение слова «герой». Для современной визуальной культуры стал характерен образ окончательно утративший сюжетную глубину, потерявший монументальность и эстетику внешнего облика (мультфильмы про русских богатырей). Несмотря на то, что в культуре частично сохранились обобщенные представления о героических качествах, появилась возможность их перенесения на любой объект – личность или коллектив (город-герой, народ-герой). «Героем» стало возможно обозначать персонажей художественных произведений, причем, выделяя «главных» и «второстепенных».

Герой – это тот, кого оценивают как героя, кого называют этим именем. В этом смысле XX и XXI века сделали своими героями образы, далеко находящиеся от своего «исторического источника». А последние кино-анонсы стали говорят в пользу заимствования культурных стереотипов западных образцов (ярким примером может служить фильм «Защитники»).

Но, как бы то ни было, приятно осознавать, что в большинстве случаев понятие «герой» все ещё прочитывается в значении «спаситель», «освободитель», «тот, кто приносит благо окружающим». А в повседневном сознании является синонимом выдающейся, храброй, мужественной, бескорыстной, бестрепетно встречающей гибель личности, готовой жертвовать собой ради высокой идеи. Рядом с трансформированными, «покорёженными» образами в образцах книжной иллюстрации все ещё существуют классические образцы. Герои остаются бессмертными в человеческой памяти и являются маяком, ориентиром, образцом для подражания. То, каким станет образ русского Героя завтра зависит только от нас и нашего осознанного выбора.

Литература

1. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. / Под ред. Н.И. Кравцова, Ф.Я. Прийма – Л.: Наука, 1982 328 с.
2. Богданов А.А. О пролетарской культуре 1904–1924 гг. Сборник статей. – Л., М., 1924.
3. Демидова Т.В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов. / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №4 (18); в 2-х ч. Ч. I. – С. 50-52.
4. Жегалова С.К. Русская народная живопись: Кн. Для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1984. 160 с., ил.
5. Scott LaBarge. Heroism: Why Heroes are Important. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.scu.edu/ethics/publications/ethicsoutlook/2005/heroes.htm> (дата обращения: 05.02.16).

УДК 322:172.3
329.3

Селютин П.Д.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Кривец А.П.

ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В данной статье раскрывается проблематика роли религиозного фактора в политических конфликтах. Религиозно-политические конфликты являются актуальной проблемой для современного мира. Научное рассмотрение данной темы поможет понять психологию такого рода конфликтов и в дальнейшем предпринимать их возникновение.

Ключевые слова: политика, религия, конфликт, экстремизм, терроризм.

FEATURES AND SPECIFICITY OF RELIGIOUS AND POLITICAL CONFLICTS

Annotation: In this article the perspective of a role of a religious factor in political conflicts reveals. The religious-political conflicts are an actual problem for the modern world. Scientific consideration of this subject will help to understand psychology of such conflicts and further to determine their emergence.

Key words: politics, religion, conflict, extremism, terrorism.

Понятия религия и политика непосредственно связаны между собой и эту связь можно наблюдать на протяжении всей истории, начиная с появления первичных государственных объединений. Проблема их взаимодействия является одной из самых древних. Веками различные вероисповедания играли большую роль в политической и общественной жизни человека, что мы наблюдаем и в современном мире. В западных государствах различная религиозная деятельность и политические процессы идут параллельно друг другу и стараются напрямую не взаимодействовать, хотя, конечно, можно заметить некоторые связи религии с политикой и общественной деятельностью. Но в тоже время на примере стран Ближнего Востока можно утверждать, что ислам играет чуть ли не первостепенную роль в политике и напрямую может не только ее контролировать, но и приводить к различного рода конфликтам.

Во всех политических конфликтах или столкновениях важную роль играет ряд важнейших факторов: религиозный, этнический, национальный и т.д. Все эти факторы так или иначе непосредственно способствуют началу протекания конфликта, каждый из них играет свою определенную роль на фоне политического столкновения. Остановимся подробнее на религиозном факторе.

Для начала нужно сформулировать определения «религиозный конфликт» и «религиозно-политический конфликт». Религиозный конфликт – это противостояние и столкновение представителей разных конфессий по поводу различных точек зрения на вопрос веры, либо различий мировоззрений и отношения к высшему существу – Богу. Но такого рода конфликт может не содержать политического аспекта, поэтому нужно рассматривать религию как фактор политического конфликта. В свою очередь религиозно-политический конфликт – это борьба между представителями двух и более вероисповеданий или представителями разных ответвлений в одной конфессии за политическую власть, либо большее политическое влияние и обладание властными полномочиями в государстве и обществе.

Если говорить о религиозно-политических конфликтах, следует отметить, что религия и конфликт также являются тесно связанными понятиями, взаимодействующими между собой. Есть отличное высказывание британского религиоведа Джеймса Фрэзера относительно религии: «Нет такого предмета, в отношении которого мнения так сильно бы разделились, как в отношении религии. Невозможно дать определение религии, которое бы удовлетворяло всех» [9]. Различные мнения по поводу вероисповеданий, трактовки жизненных норм и традиций, понятия сущности Бога достаточно часто приводят к различного рода конфликтам.

Стоит отметить, что религию, как таковую, нельзя однозначно рассматривать как неперемный источник какого-либо «зла» или жестоких проявлений. Если посмотреть на различные религиозные догмы, говорящие об отношении к людям противоположных верований, то можно заметить между ними определенное сходство. В буддизме это звучит так: «Человек

может выразить свое отношение к родственникам и друзьям пятью способами: великодушием, учтивостью, доброжелательностью, отношением к ним, как к себе и верностью своему слову». В христианстве: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». В исламе: «Никто из вас не станет верующим, пока не полюбит своего брата, как себя самого», и в индуизме: «Не делай другому того, от чего больно тебе» [3, с. 164-165].

Все основные мировые религии, будь то ислам или христианство, буддизм или иудаизм, не подразумевают агрессивных действий ни к людям, ни к противоположным конфессиям. Но тогда возникает вопрос – откуда берутся эти религиозные конфликты? Во всех религиях найдутся разные ответвления, иногда даже радикального толка, которые, в свою очередь, не согласны с основными учениями и пытаются им всячески противостоять, в первую очередь – за счет экстремистских и террористических действий. В качестве примера можно привести набирающий популярность в государствах Ближнего Востока исламский фундаментализм, либо различные христианские секты и объединения, которые всячески пытаются подорвать сложившийся религиозный и политический порядок в христианских странах.

Одними из главных факторов религиозно-политических конфликтов являются такие его радикальные проявления, как экстремизм и терроризм. Проблема экстремизма и терроризма в современном мире является наиболее актуальной для международной безопасности. Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти [9, с. 157-158].

Проявления религиозно-политического экстремизма могут нести непосредственную угрозу многонациональному и многоконфессиональному государству, способствуя развитию агрессивных межнациональных отношений. Действия, направленные на преследование политических целей и интересов, помогут отличить религиозно-политический экстремизм от обычного религиозного и, конечно, в религиозно-политическом экстремизме доминирует такой агрессивный фактор, как терроризм. В качестве примера можно привести террористический акт с применением токсичного газа в метрополитене Токио 20 марта 1995 года радикально настроенной религиозной организацией «Аум Синрике», которая запрещена в целом ряде стран, в том числе и в России.

В последние десятилетия религиозно-политический экстремизм все чаще обращается к террору как средству достижения своих целей. Многочисленные факты такого рода можно наблюдать на Северном Кавказе, территории государств бывшей Югославии, на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Терроризм, изначально подразумевающий насилие по отношению к другим, в умелых руках радикалов любой направленности

может нести разрушительные последствия и огромную угрозу современным государствам.

Приверженцы религиозно-политического экстремизма в идейной борьбе нередко берут на вооружение методы и средства психологической войны, т.к. они обращаются не к разуму и логическим аргументам, а к эмоциям и инстинктам людей, к предрассудкам и предубеждениям, к разнообразным мифологическим конструкциям и религиозным предписаниям [7]. Примером из средневековой истории могут служить крестовые походы, а в наши дни это – джихад, борьба за веру, усердие на пути к Аллаху, или как он трактуется в фундаментальном исламе – священная война против неверных.

Современный мир переживает новое глобальное противостояние двух враждебно настроенных по отношению друг к другу цивилизаций: западной (христианской) и восточной (исламской) [5, с. 181]. Исламская мысль может уместиться в одном предложении: «против тех, кто не соблюдает законы ислама, необходимо сражаться», таким образом, джихад возводится в ранг шестого столпа ислама лидерами террористических группировок [8]. В политических конфликтах в Ираке, Палестине, Афганистане и в других регионах Ближнего Востока понятия «джихада» и «крестового похода» фигурируют достаточно часто. Исламистское движение талибов и лидер исламистской террористической организации «Аль-Каида» Усама Бен Ладен не один раз объявляли США и другим государствам джихад – «священную войну», а бывший президент Соединенных Штатов Америки Джордж Буш называл американское вторжение в Ирак «крестовым походом» [1]. Представляет огромную угрозу современному миру и исламский фундаментализм в лице запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство», так как радикально настроенные террористы готовы построить свое господство в мире на основе «шариата». Даже девиз этого государства звучит так – «Сохраниться и расшириться». Арабо-израильский конфликт и противостояние между мусульманами и индуистами на границе Пакистана также имеет ярко радикально исламистский характер [4]. Таким образом, любым политическим разногласиям можно придать религиозный оттенок, изменить ход военно-политических событий, направив их в нужное русло.

Средневековое стремление преобразовать общество на религиозных принципах в наше время однозначно воспринимается как агрессия против современного уклада жизни. Но именно на противопоставлении современных норм нормам сугубо религиозным и развиваются современные религиозные конфликты. В политических конфликтах этнос, нация и религия играют значительную роль, а смешиваясь, они представляют собой устрашающую силу. Однако религиозные конфликты, нередко перерождающиеся в террор, характерны не только для Ближнего Востока и ислама, но и для европейских государств. В качестве примера таких конфликтов можно привести конфликт между Ирландией и Великобританией в отношении Северной Ирландии. Это противостояние длится уже 900 лет,

беря начало еще в эпоху средневековья, но обостряясь в XX в. [2, с. 75]. Этот этнополитический конфликт имеет ярко выраженный религиозный окрас, где главными участниками являются католики и протестанты. В 1921 году, когда Ирландия разделилась на южную и северную, первая получила независимость от Британской империи (Соединенного королевства Великобритании и Ирландии), вторая же оставалась под господством и влиянием Великобритании. Присутствие в Северной Ирландии (Ольстере) большинства протестантского населения преимущественно подавляло меньшинство католиков.

Рис. 1. Одно из пропагандистских настенных изображений – «Свободная Ирландия»

Права ирландских католиков–националистов яростно защищала политическая организация «Шинн Фейн» и образовавшаяся из нее ирландская республиканская армия (И.Р.А.) и ряд других террористически направленных и радикально настроенных группировок, которые добивались возвращения Ольстера в состав Ирландии. Также они требовали полной автономии этого региона. Им противостояли протестанты-юнионисты, не менее агрессивные в своих действиях, и также склонные к террористическим и экстремистским действиям. Они активно ратовали за воссоединения Северной Ирландии с Великобританией, хотя среди них присутствовали те, кто поддерживал статус автономии (Ассоциация обороны Ольстера). Но самыми радикальными группировками этого конфликта можно считать конечно католическую И.Р.А. и «Оранжевый орден», который объединял всех протестантов Ольстера. Религиозная составляющая этого конфликта прослеживалась даже в деятельности террористических организаций. На флагах некоторых группировок присутствовали религиозные атрибуты, а в уличных столкновениях звучали призывы религиозного характера. На стенах виднелись агитационные изображения (См. Рис.1). Этот конфликт

заслуженно можно считать религиозно-политическим с оттенком «христианского терроризма». И хотя юридически конфликт был урегулирован Белфастским соглашением 1998 года по которому Северная Ирландия осталась в составе Великобритании и на данный момент конфликт считается решенным, но существует вероятность того, что он будет возобновлен.

Также можно отметить конфликт между сербами и хорватами, получивший свое развитие после распада Югославии. Хорватские националисты-католики уже многие годы проводят гонения на православных сербов. Даже центр католической веры Ватикан осудил эти гонения.

Для современной России, учитывая религиозно-политическую обстановку, Северный Кавказ является одним из самых проблематичных регионов. Ключевыми проблемами на Северном Кавказе являются этнический национализм и религиозный фундаментализм, что часто трансформируется в скрытый или открытый сепаратизм, религиозные распри между представителями разных религиозных доктрин [6]. Следует отметить, что мусульманский радикализм на Северном Кавказе является наиболее опасной проблемой как для национальной целостности России, так и для всего христианского мира. В этом регионе присутствует немалочисленное христианско-православное население, что, в перспективе может привести к религиозным конфликтам, и пути их решения могут оказаться не самыми простыми для России.

Конечно нельзя всему исламскому миру «вешать ярлыки» жестокости проявлений вероисповедания и радикализма. Но все же нужно пытаться избавляться от всех радикальных проявлений в религиозных вопросах и не важно, будь ли то христианство или ислам. На наш взгляд, мир сейчас стоит на пороге нового глобального политического конфликта, где будет очень большое разнообразие противоборствующих друг другу сторон. Религиозный фактор будет придавать данному конфликту особую остроту и в таком противостоянии почти невозможно будет найти компромисс. Ведь если в нем сойдутся несколько радикально настроенных друг против друга религиозных исповеданий, то ни о каком прекращении боевых действий и консенсусе речи вестись не будет.

Подытоживая все выше сказанное, следует отметить, что на современном этапе все наиболее развитые государства должны пытаться бороться с радикальными религиозными проявлениями и порожденными ими же экстремистскими и террористическими акциями. Религия и политика должны гармонизировать между собой, строить взаимовыгодные связи, не порождая своими действиями все новые и новые конфликты.

Литература

1. Баширов Л. А. Религиозные и этнорелигиозные конфликты: понятия и сущность [Электронный ресурс]. – URL: <http://scienceport.ru> (дата обращения: 19.03.2016).

2. Ванюков Д.А., Веселовский С.П. Непризнанные государства. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 75.
3. Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. С. 164-165.
4. Карпицкий Н.Н. Религиозный конфликт в современном мире [Электронный ресурс]. URL: <http://baznica.info> (дата обращения: 20.03.2016).
5. Козырев Г. И. Политическая конфликтология: учебное пособие. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М., 2008. – С. 185.
6. Лебанидзе С. Этнические и религиозно-политические конфликты на Северном Кавказе – взгляд из Тбилиси [Электронный ресурс]. – URL: <http://regional-dialogue.com> (дата обращения: 28.03.2016).
7. Нуруллаев А.А. Религиозно-политический экстремизм и терроризм [Электронный ресурс]. URL: <http://scienceport.ru> (дата обращения: 26.03.2016).
8. Религиозный терроризм / Political Mind [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politicalmind.ru/minsos-711-1.html> (дата обращения: 27.03.2016).
9. Самыгин С. И., Воденко К. В., Нечипуренко В. Н. Религия и политика. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. – С. 9; 157-158.

УДК 31323.2

Тупикина Т.Ю.

*Ливенский филиал ОГУ им. И.С. Тургенева,
г. Ливны, Россия*

Научный руководитель – Ефремова Ж.Д.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА К В.В. ПУТИНУ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛИВНЫ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. На материалах опроса жителей малого провинциального города исследуется уровень доверия к президенту РФ В.В. Путину, показываются особенности установок различных возрастных групп в отношении президента РФ.

Ключевые слова: политический рейтинг, политический лидер, тип политического лидера, культ личности, доверие, лояльность, В.В. Путин.

THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF A SMALL PROVINCIAL TOWN TO V.V. PUTIN (THROUGH THE EXAMPLE OF THE INHABITANTS OF LIVNY, ORYOL REGION)

Annotation. On the materials of the survey of the inhabitants of a small provincial town the level of trust to the President of the Russian Federation V.V. Putin is

explored. The features of setting of different age groups in relation to the President of the Russian Federation are shown.

Key words: political ratings, political leader, a type of political leader, the personality cult, belief, loyalty, V.V. Putin.

Отношение к власти и представление о её эффективности – важное условие общественной стабильности или развития напряжённости. Власть олицетворяет стабильность социальных структур и, следовательно, стабильность социальных позиций индивида. Она же обеспечивает и безопасность граждан. Эффективность власти в глазах людей напрямую связана с прочностью их общественных связей, позиций, с их социальной и физической защищённостью. В свою очередь политическая система эффективно функционирует только тогда, «когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью», отмечает Е.Б. Шестопал [8, с. 86].

Особенностью российской политической культуры, отмечаемой многими исследователями, является персонифицированное восприятие власти. Ключевым символом государства по-прежнему служит фигура его лидера. Приоритет духовно-нравственных качеств лидера перед институтами власти – устойчивая черта политического менталитета россиян. Личность при этом ценится выше того института, который обеспечивает её власть. Политический поиск чаще всего обращён не к политическим течениям, а к персоналиям.

Многочисленные социологические исследования подтверждают, что единственным институтом государственной власти, пользующимся доверием у большинства россиян, остаётся институт президентства, что объясняется в первую очередь высоким доверием населения к личности президента РФ В.В. Путина [5, с. 9].

Подобная ситуация таит в себе определённую опасность. По мнению британского политолога и историка А. Брауна персонализация политики и повышенное внимание к политическим лидерам приводит к преувеличению значимости вклада высшего руководителя в политический процесс и нереалистичным ожиданиям в отношении роли, которую этот лидер может играть на всем политическом пространстве [1]. Согласившись с этой точкой зрения, необходимо всё же признать, что для понимания политических процессов в нашей стране большое значение имеет изучение отношения граждан к политическим носителям власти. Политический лидер является важнейшим элементом политической жизни общества. Персонализируя систему власти и управления, он олицетворяет собой эту власть в глазах всего общества или группы граждан.

Рейтинги политических лидеров регулярно исследуются и публикуются крупными исследовательскими центрами России. Рейтинг представляет собой конкурентную оценку деятеля, партии или события, полученную путем опроса аудитории целевой группы, хорошо знакомой с тем или иным социально-политическим событием (политическим лидером,

партией) в данный момент времени и выраженная в процентах либо в баллах [3, с. 516]. Рейтинг предоставляет важные сведения о политических предпочтениях различных социальных групп. Они касаются доверия населения политику, поддержки его курса, готовности проголосовать за него на выборах.

В настоящее время самым востребованным политиком России является президент страны В.В. Путин. Во всех российских рейтингах наиболее авторитетных и популярных политиков он неизменно занимает 1-е место. Успех Путина как государственного деятеля, как политика и как человека пытаются осмыслить как его сторонники, так и противники.

С целью выяснения отношения населения провинции к президенту РФ В.В. Путину, уровня доверия к нему и оценки его деятельности студенческим бюро социологических исследований Ливенского филиала ОГУ им. И.С. Тургенева в марте 2016 года был проведён опрос среди жителей г. Ливны Орловской области (выборка 150 человек). Респонденты были разделены на три возрастные группы равной численности: «младшая» группа – 15-25 лет, «средняя» группа – 26-40 лет, «старшая» группа – старше 40 лет. Доля мужчин и женщин в выборке составила 59% и 42% соответственно. 60% респондентов имеют среднее, 40% – высшее образование.

Наше исследование показало, что уровень доверия населения к президенту РФ является очень высоким – около 90% во всех возрастных группах (таблица 1). И этот показатель выше, чем в среднем по стране. При этом абсолютное доверие в наибольшей степени продемонстрировали представители «средней» возрастной группы: 74% против 48% - в «младшей» и 56% - в «старшей» возрастных группах.

Таблица 1

Уровень доверия населения президенту РФ В.В. Путину

В какой мере Вы доверяете президенту В.В. Путину?									
№	варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
		N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
А	Полностью доверяю	24	48	37	74	28	56	92	61
Б	Скорее доверяю	21	42	8	16	16	32	45	30
В	Скорее не доверяю	3	6	-	-	2	4	5	3
Г	Совершенно не доверяю	-	-	-	-	2	4	2	2
Д	Затрудняюсь ответить	2	4	5	10	2	4	9	6

Доверие в политической сфере является основой лояльности. Лояльность трактуется в «Социологической энциклопедии» как «уважение к властям и верность действующим законам» [6, с. 575]. По мнению О.М. Гараева, лояльность носит формальный характер и в большей мере свойственна западному обществу. Доверие же россиян к власти

иррационально и по своей сути гораздо ближе к понятию вера, чем разум [2, с. 1513]. Для того, чтобы понять, что же движет нашими земляками – разум или сердце – в оценке первого лица государства, респондентам задавался вопрос о лояльности: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Владимировича Путина на посту президента РФ?». Результаты опроса показали, что уровень доверия и уровень лояльности полностью совпадают (таблица 2). Более низкий уровень лояльности демонстрирует молодые респонденты.

Таблица 2.

Уровень лояльности населения президенту РФ В.В. Путину

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Владимировича Путина на посту президента РФ?									
№	варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
		N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
А	Полностью одобряю	27	54	33	66	32	64	92	61
Б	Скорее одобряю	19	38	12	24	14	28	45	30
В	Скорее не одобряю	3	6	3	6	3	6	9	6
Г	Совершенно не одобряю	–	–	–	–	–	–	–	–
Д	Затрудняюсь ответить	2	4	5	10	2	4	9	6

Очень важно понять, что же лежит в основе лояльности и доверия граждан действующему президенту? Для этого респондентам задавался вопрос о том, каковы главные достижения В.В. Путина на посту президента РФ. Мнения респондентов по этому вопросу разделились. Так, главными достижениями Путина на посту президента молодые респонденты считают повышение боеспособности вооруженных сил (56%), укрепление международных позиций России (54%), присоединение Крыма (52%), экономическое развитие страны (40%). Мнение в «старшей» группе респондентов совпало с мнением молодёжи, хотя они выразили более умеренную оценку. Представители «средней» возрастной группы более критично настроены в оценке достижений В.В. Путина на посту президента. Более высоко в этой группе респондентов отмечены такие достижения, как укрепление международных позиций России (38%), экономическое развитие страны (36%), повышение боеспособности вооруженных сил (32%) и повышение оптимизма граждан и надежды на скорое улучшение положения дел в стране (30%) (таблица 3).

Как видно из таблицы, возвращение Крыма (что стало в своё время причиной значительного роста рейтингов В.В. Путина) гораздо более высоко оценивается молодыми респондентами. В целом, высоко оценивая внешнюю политику и укрепление обороноспособности, респонденты в гораздо меньшей степени считают достижениями президентства В.В. Путина

решение таких важных проблем, как борьба с коррупцией (12%), повышение уровня жизни граждан (13%), поддержка бизнеса (15%), борьба с терроризмом (19%) и др. (таблица 4).

Таблица 3.

Оценка достижений В.В. Путина на посту президента РФ (высокий уровень оценки)

Каковы главные достижения В.В. Путина на посту президента РФ?								
варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
	N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
экономическое развитие страны	11	22	18	36	17	34	55	37
укрепление международных позиций России	27	54	19	38	25	50	71	47
повышение боеспособности вооруженных сил	28	56	16	32	22	44	66	44
присоединение Крыма	26	52	13	26	17	34	56	37
повышение оптимизма граждан и надежды на скорое улучшение положения дел в стране	8	16	15	30	10	20	33	22

Таблица 4.

Оценка достижений В.В. Путина на посту президента РФ (низкий уровень оценки)

Каковы главные достижения В.В. Путина на посту президента РФ?								
варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
	N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
повышение уровня жизни граждан	11	22	4	8	4	8	19	13
рост зарплат и пенсий	13	26	8	16	11	22	32	21
снижение уровня коррупции	4	8	7	14	7	14	18	12
создание приемлемой обстановки для развития частного бизнеса	10	20	2	4	10	20	22	15
защита демократических ценностей	8	16	6	12	10	20	24	16
преодоление демографического кризиса	5	10	6	12	-	-	11	7
успешная борьба с терроризмом в стране	13	26	8	16	7	14	28	19

Результаты опроса отражают характерную черту российской политической культуры, которую принято называть этатизмом. Идея величия страны прочно вошла в психологию нашего народа, стала частью его менталитета. Интересной представляется мысль А.С. Кивы о том, что она стала составной частью его представления о качестве жизни [4, с. 29]. Именно поэтому, респонденты демонстрируют высокий уровень доверия и лояльности к президенту, который смог укрепить международные позиции страны, в определённой мере вернул России былое величие. Нерешённость внутренних проблем отходит при этом на второй план.

Определить отношение граждан к активно действующему в политике лидеру помогут знания о его качествах как политического лидера, которыми необходимо располагать. Это было одной из задач нашего исследования. Респондентам было предложено назвать качества В.В. Путина как политика. Большинство респондентов выделили такие качества, как ответственность (61%) и лидерские качества, способность увлечь за собой (50%). Также многими респондентами были отмечены профессионализм (48%), активность (45%), опыт политической/государственной деятельности (42%), волевые качества (37%) действующего президента. Молодыми респондентами на первое место были поставлены лидерские качества В.В. Путина (76%); респонденты «средней» возрастной группы отметили активность (50%), а в «старшей» группе выше всего оценили ответственность (64%) российского лидера.

В целом качества, которые выделили респонденты, вполне отвечают образу привлекательного для россиян политического лидера, который должен быть «серьёзным, волевым, умным и уверенным в себе» [7]. Именно такой политик, по мнению россиян, способен справиться с тяжелой экономической и политической ситуацией. Но при этом респонденты не относят В.В. Путина, чего следовало ожидать, к жёстким, авторитарным лидерам. Напротив, большинство респондентов во всех возрастных группах считают его открытым, демократического типа лидером, опирающихся на своих сторонников в процессе управления. Так полагает 53% респондентов по выборке. К лидерам харизматического типа склонны относить Путина респонденты в «младшей» и «средней» возрастной группе: 24% и 26% соответственно (таблица 5).

Полученные результаты косвенно разрушают известный стереотип о тяготении россиян к «сильной руке». Но при этом, безусловно, наши сограждане нуждаются в ярком и сильном лидере, не ассоциируя силу с жёсткостью и авторитарностью. В.В. Путин стал безусловным национальным и политическим лидером, а это нечто большее, чем пост президента. Результаты опроса показали, что респонденты считают В.В. Путина выдающимся человеком (таблица 6), а также одним из самых влиятельных мировых политиков. Так полагает 82% респондентов. При этом не наблюдается существенных различий в оценках в возрастных группах опрошенных.

Таблица 5.

Распределение мнения респондентов о типе политического лидерства В.В. Путина

К какому типу лидеров Вы отнесли бы В.В. Путина?									
№	варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
		N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
А	авторитарный жёсткий лидер, ориентированный на единоличное принятие решений	9	18	4	8	5	10	18	12
Б	демократический открытый лидер, опирающийся на своих сторонников, их участие в процессе управления	21	42	25	50	33	66	79	53
В	популист, ищущий популярности заигрыванием с массами	2	4	2	4	4	8	8	5
Г	харизматический лидер, яркий и выдающийся человек	12	24	13	26	5	10	30	20
Д	затрудняюсь ответить	6	12	6	12	3	6	14	9

Таблица 6.

Оценка В.В. Путина как выдающейся личности

Считаете ли Вы В.В. Путина выдающимся человеком?									
№	варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
		N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
А	Да, считаю	48	96	40	80	37	74	125	83
Б	Нет, не считаю	1	2	2	6	6	12	10	7
В	Затрудняюсь ответить	1	2	7	14	7	14	15	10

Безусловно, В.В. Путин является персонифицированным лидером. В последнее время в массовом сознании формируется миф о том, что если уйдет Путин, то вся Россия развалится. Начиная с 2004 года, проводятся общероссийские социологические опросы по теме «Существует ли культ личности Путина?». При этом наблюдается рост числа респондентов, отвечающих утвердительно на этот опрос. В нашем исследовании респондентам также задавался подобный вопрос и 43% респондентов ответили на него положительно (в «младшей» возрастной группе – 54%). 24% респондентов считают, что никакого культа личности Путина в стране не формируется, 31% затруднились ответить на этот вопрос. Следует

отметить, что словосочетание «культ личности», известное в России со времен хрущевской «оттепели», имеет в целом негативный оттенок. По-разному относятся респонденты к критике со стороны западной прессы и российской оппозиции в адрес В.В. Путина: 27% решительно с ней не согласны, 18% в большей или меньшей степени согласны и поддерживают её, 22% согласны частично, 26% респондентов затруднились выразить свою позицию. Таким образом, можно констатировать, что доверие населения к президенту РФ В.В. Путину не является слепым и безоговорочным, во всех возрастных группах присутствует критически настроенная часть респондентов. Однако необходимо признать, что Путин – первый Президент РФ, сумевший завоевать доверие большинства граждан страны. В настоящий момент в России нет другого лидера, который пользовался бы такой поддержкой населения, как он. И если бы сегодня состоялись выборы президента страны, то победа В.В. Путина была бы безусловной (таблица 7).

Таблица 7.

Электоральная поддержка В.В. Путина

Если бы выборы президента РФ состоялись в ближайшее воскресенье, проголосовали бы Вы за кандидатуру В.В. Путина?									
№	варианты ответа	15-25 лет		26-40 лет		св. 40 лет		Всего по выборке	
		N=50	%	N=50	%	N=50	%	N=150	%
А	Да	41	82	34	68	40	80	115	77
Б	Нет	4	8	1	2	7	14	12	8
В	Затрудняюсь ответить	5	10	15	30	3	6	23	15

Литература

1. Браун А. Политическое лидерство и политическая власть / Полис. – 2016. – № 1. – С. 104-120.
2. Гараев О.М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России / Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т.19. – № 4. – С. 1509-1515.
3. Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. – М.: Инфра-М, 2004.
4. Кива А.В. Духовность и преодоление кризиса / Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 20-30.
5. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия / Власть. – 2014. – № 5. – С.8-10.
6. Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: «Мысль», 2003.
7. Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politstudies.ru/article/4394>.
8. Шестопап Е.В. Образ власти в России: желания и реальность (Политико-психологический анализ) / Полис. – 1995. – № 4. – С. 86-97.

Турчина Д.Д.*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия***Научный руководитель – Бойко Ж.В.**

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

Аннотация. В статье дан ретроспективный анализ русско-сербских отношений. Рассмотрены политические и культурные аспекты взаимодействия России и Сербии.

Ключевые слова: диалог культур, национальная идентичность, русско-сербские отношения, социокультурные отношения, эмиграция.

CULTURAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF RUSSIAN-SERBIAN RELATIONS (POSING THE QUESTION)

Annotation. The article presents a retrospective analysis of the Russian-Serbian relations. The political and cultural aspects of interaction between Russia and Serbia are considered.

Key words: the dialogue of cultures, national identity, Russian-Serbian relations, socio-cultural relations, immigration.

Уникальность и самобытность культур во многом зависит от сложившихся в них социокультурных отношений. Как отмечает Т.А. Зинченко [3], облик России определяется отношениями, построенными по принципу взаимодействия. На наш взгляд, такие отношения складываются у России не только внутри страны, которая является поликультурной, но и на международной арене. Примером этому могут служить исторически сложившиеся прочные культурные и духовные связи между Россией и Сербией.

Для существования и развития любой культуры, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Идея диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. В свое время русский философ Михаил Михайлович Бахтин рассматривал культуру как форму общения людей разных культур, форму диалога. Для него «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» [1].

Диалог культур является формой существования культуры в целом. Культура внутренне неоднородна – она распадается на множество несхожих культур, объединенных в основном национальными традициями. Поэтому часто, говоря о культуре, мы уточняем, о какой именно идет речь – о

русской, французской, американской и пр. Национальные культуры могут взаимодействовать по различным сценариям. Одна культура может исчезнуть под давлением другой, более сильной. Она может уступить нарастающему давлению глобализации, которая насаждает усредненную интернациональную культуру, основанную на потребительских ценностях. А может и взаимодействовать, как это сложилось в русско-сербских отношениях. Не нарушая своей культурной идентичности, эти страны с давних времен и по сей день сохраняют дружеские культурные, политические и экономические отношения.

В ходе культурно-исторического анализа, мы рассмотрим отношения России и Сербии, которые имели большое политическое и культурное значение для этих стран. Несмотря на то, что Российско-сербские отношения официально были оформлены в 1838 году, когда было открыто консульство России в Княжестве Сербия, их становление началось гораздо раньше. История этих отношений уходит глубоко в Средневековье и возникает с единения веры, когда Древняя Русь приняла христианство. Огромный вклад в русскую культуру внесли сербские просветители Григорий Цамблак и Пахомий Серб, который трудился в Великом Новгороде и Троице-Сергиевой Лавре, написал множество житий, одно из которых – преподобного Сергия Радонежского. Сербское духовенство поддерживали такие русские правители как Иван III, Василий III и Иван IV.

Своего пика русско-сербские связи достигают в правление Петра I. При нем на государственную службу, стали поступать сербы и черногорцы. В это время берет свое начало два сербских территориальных образования существующих в Российской Империи – Новая Сербия и Славяносербия, в районе города Сумы. Основные функции поселенцев этих образований состояли в охране границ и хозяйственном освоении земли, которая никогда не обрабатывалась и была известна как Дикое поле. С этого момента Россию и Сербию уже начинают связывать не только духовные, но и светские отношения. С XVIII в. на обучение в России приезжают сербы и черногорцы. Обучаются в Киевской академии, московских гимназиях, а также в 1775 году при Артиллерийском и инженерном шляхетском корпусе была учреждена гимназия, куда принимали подростков от 12 до 16 лет для народов, находившихся под владычеством Турции.

Большинство жителей Новой Сербии и Славяносербии сохранили свою национальную идентичность и после окончания службы в России вернулись на родину. Но были и такие, которые нашли себя именно на этой территории и в этой стране.

С началом правления Екатерины I возникает просветительская деятельность русских учителей. Первым из них был Максим Терентьевич Суворов, привезший на Балканы 400 букварей и 100 учебников грамматики [8]. М.Т. Суворов был директором синодальной типографии, учился в московской Славяно-греко-латинской академии. Его миссия начинается историю россиян в Сербии с 1725г. Он открыл «Славянскую школу» в городе Карловац. За одиннадцать лет своей деятельности он подготовил

сотни священнослужителей и учителей, заложил основы сербского светского образования, завоевал авторитет среди сербов.

Миссию М. Суворова продолжили другие российские просветители, в основном выпускники Киевской Духовной Академии – Э. Козачинский, П. Казуновский, Т. Климовский, Г. Шумлян, Т. Левандовский, И. Минацкий.

Дальнейшая история русско-сербских отношений связана с поддержкой Россией Первого сербского восстания под предводительством Карагеоргия в начале XIX в. Оно закончилось подписанием Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией, и не принесло никаких результатов.

Отношения России и Сербии после подавления Первого сербского восстания и вплоть до конца правления Александра I развивались не слишком успешно и не в пользу Сербии. С воцарения Николая I Балканы снова оказываются в центре внимания. В результате русско-турецкой войны 1828-1829 гг. по Андрианопольскому мирному договору султан обязывался предоставить Сербии автономию и вернуть земли, завоеванные во время Первого сербского восстания.

Не смотря на сложности политических отношений этих двух стран в 30-50-е гг. XIX в. Россия оставалась для сербов главным ориентиром в области культуры. В 1846 г. сербский князь Александр обращается к императору Николаю I с просьбой об отправке в Сербию русских учителей, ссылаясь, естественно, на опыт М. Суворова и Э. Козачинского. В следующем году в столицу Сербии были отправлены двое русских учителей В.Т. Вердиш и Д.А. Рудинский. В Семинарии св. Саввы в сербской столице В.Т. Вердиш стал преподавать библейскую географию, а Д.А. Рудинский – русский и церковнославянский языки. Если М. Суворов и Э. Козачинский действовали практически в атмосфере культурного вакуума, то к моменту приезда В.Т. Вердиша и Д.А. Рудинского в Белграде действовало значительное количество учебных заведений. Тем не менее, появление русских учителей оказало огромное влияние на культурную ситуацию в стране.

Сербия 18 июня 1876 г. объявила Турции войну. Официального одобрения от России не было, но в княжество направились тысячи добровольцев. Славянские комитеты собирали пожертвования в пользу Сербии. Эта война длилась 4 месяца, и от полного поражения Сербию спасло лишь вмешательство русской дипломатии. Несмотря на отсутствие поддержки государства русские не оставили в беде своих сербских братьев.

Отношения между Россией и Сербией в правление Александра III не складывались, в связи проавстрийских настроений сербского короля Милана Обреновича, который был недоволен разделом «турецкого наследства» после русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

После воцарения Императора Николая II и прихода к власти в Сербии династии Карагеоргиевичей отношения улучшаются. Периодом полного взаимопонимания считаются 1903-1917 гг. Россия отстаивала интересы Сербии на мировой арене, а Сербия в свою очередь проводила на Балканах

пророссийскую политику. Поэтому не удивительно, что Россия вступилась за Сербию в конфликте с Австрией, который перерос в Первую мировую войну. Интересен факт, что в 1910 г. был снят первый игровой фильм о сербском национальном герое Карагеоргии.

Начиная с 1917 г. в России наступает эпоха революций и смуты, а Сербия, наоборот, становится основой нового государства Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Первые беженцы появляются в Сербии уже в конце 1919 г., после французской эвакуации Одессы. Но основная их часть прибывает на Балканы в 1920 г. Причиной, по которой русские эмигранты выбирали КСХС, стало то, что за ними оставалось право придерживаться своих традиций, мировоззренческих взглядов, они сохраняли свою культурную идентичность. Так же важным фактором было то, что им разрешалось размещаться организованными структурами, которыми были Русская Православная Церковь за Границей (РЦПЗ) в Сремских Карловцах и управление Российского общевойскового союза (РОВС). Исследователь русской эмиграции М. Йованович писал, – «Балканские народы столкнулись с людьми, у которых было другое восприятие пространства и времени, другое мировосприятие... Вскоре выяснилось, что у этих «других» почти все по-другому... Это была встреча (а затем и совместное существование) двух совершенно различных миров» [7]. Сербский этнолог Д. Дрляча, описывая характерные черты русских, указывал на их приверженность к литературе, музыке, живописи, религии, на большую самостоятельность русских женщин.

Положением российских беженцев ведала специально созданная Государственная комиссия по размещению русских беженцев. Комиссия занималась приемом, размещением, финансированием, социальной защитой и приспособлением эмигрантов к новой среде. Русские эмигранты были людьми хорошо образованными, особенно в сравнении с уровнем образованности населения Королевства СХС. Эти люди занимались научной и образовательной деятельностью. Уже к 1925 году действовало 17 русских школ, а в 192 г. был основан Русский научный институт в Белграде, в котором существовало 5 отделений: философское, языка и литературы, общественных и исторических наук, медицинское, а также отделения математических и технических наук.

Огромен вклад русской диаспоры в искусство Сербии. Свою лепту внесли русские режиссеры Ю.Л. Ракитин, А.А. Верещагин, Ф.В. Павловский. После окончания Второй мировой войны в Югославии было создано несколько киностудий, которые первоначально в сотрудничестве с советскими киностудиями снимали художественные фильмы. В целом русские активно принимали участие в научной и культурной жизни Сербии.

Утверждение в Югославии нового политического строя, последовавший в 1948 г. разрыв между И. Сталиным и И. Броз Тито привели к новым формам миграции из России в Сербию. Основным видом эмиграции была – брачная эмиграция.

Главной формой организации сербских потомков российских эмигрантов первой волны на сегодняшний день является Общекадетское объединение русских кадетских корпусов при Русском Доме в Белграде.

Русский язык и культура так же остаются востребованными в Сербии и в наши дни, хотя и в меньшей степени, чем во времена М. Суворова и Э. Козачинского. На сегодняшний день русский язык преподается в Университетах Белграда, Нови-Сада и Ниша, белградском Институте иностранных языков, ряде коммерческих вузов (Мегатренд, Университет братьев Карич). Преподаватели русского языка есть в штате многих сербских гимназий как специальных, так и общего профиля.

Таким образом, рассмотрев в ретроспективе отношения между Россией и Сербией, можно отметить, что их объединяют прочные связи, которые берут начало с давних времен. Две страны и два народа на протяжении всей истории, несмотря ни на что, поддерживали друг друга, тесно взаимодействовали, вели культурный диалог, аргументов чему мы находим в истории русско-сербских отношений достаточно. Сегодня наметились новые отношения, в которых Сербия, как отмечает премьер-министр Александр Вучич, продолжит курс на интеграцию с Евросоюзом. Свидетельством этому может служить, например, то, что в Белграде сегодня сложно найти книгу на русском языке или произведения российских авторов в переводе на сербский язык, зато большое количество книг англо-американских издательств [11]. Но, несмотря на новые политические и культурные процессы, спрос в Сербии на русскую культуру, язык – остается, а значит, диалог культур продолжается.

Литература

1. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура / В.С. Библер. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
2. Божова А.П. «Русский период» в сербской культуре [Электронный ресурс] / А.П. Божова. – 2009. – URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=12216> (дата обращения: 02.05.2016).
3. Зинченко Т.Е. Социокультурные отношения в России и на Западе: исторический и теоретический аспекты [Электронный ресурс]. / Т.Е. Зинченко Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – URL: <http://disserCat> <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnye-otnosheniya-v-rossii-i-na-zapade-istoricheskii-i-teoreticheskii-aspekty> (дата обращения: 04.05.2016).
4. История культур славянских народов. В 3-х т. – Т. I: – Древность и Средневековье / Отв. ред. Г.П. Мельников – М.: ГАСК, 2003
5. История Сербии [Электронный ресурс]. – URL:http://works.doklad.ru/view/34jEp_vY_Lc/7.html (дата обращения: 02.05.2016).
6. История Югославии / под ред. Ю.В. Бромлея, И.С. Достян, И.В. Карасева, С.А. Никитина. – Т. 1.– М., 1963.

7. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербск. А.Ю.Тимофеева; Науч. ред. А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. – 2006. – 488 с.
8. О гимназии [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruska-kultura.com/> (дата обращения: 02.05.2016).
9. Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяносербия, 1753-1764) [Электронный ресурс]. / В.Подов.– URL: <http://www.kulichki.com/gusary/istoriya/polki/18vek/poseleniya/> (дата обращения: 30.04.2016)
10. Правящая коалиция выигрывает парламентские выборы в Сербии [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cis-emo.net/ru/news/pravyashchaya-koaliciya-vyigryvaet-parlamentskie-vybory-v-serbii> (дата обращения 04.05.2016)
11. Россия и Сербия / журнал «Солдаты России» [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.srpska.ru/article.php?nid=12413> (дата обращения: 02.05.2016)

УДК 316.7

Хотина В.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

Научный руководитель – Бойко Ж.В.

УСАДЕБНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматривается феномен «русская усадьба» и его влияние на русскую культуру. Проанализирован процесс актуализации усадебного наследия Белгородской области как одного из средств формирования региональной идентичности. Выявлены основные направления актуализации усадебных комплексов региона. Отмечены положительные и отрицательные стороны функционирования усадебного наследия Белгородской области.

Ключевые слова: русская усадьба, культурное наследие, коллективная идентичность, региональная идентичность, национальная идентичность, туристические объекты.

MANOR HERITAGE AS A MEANS OF FORMATION OF REGIONAL IDENTITY (CASE STUDY BELGOROD REGION)

Annotation. The article deals with the phenomenon of a “Russian manor” and its influence on Russian culture. It analyzes the process of updating the manor heritage Belgorod region as a means of formation of a regional identity. The basic

directions of actualization estate complexes in the region. The positive and negative aspects of the functioning of the manor heritage of the Belgorod region.

Key words: russian manor, cultural heritage, collective identity, regional identity, national identity, tourism facilities.

Рассматривая понятие «русская усадьба» следует отметить, что это не только феномен русской культуры, но и прежде всего, один из главных центров ее образования в XVIII–XIX вв. в целом. Усиливающийся интерес к изучению и возрождению памятников усадебной культуры, как на государственном, так и на общественном уровне во многом свидетельствует о том, что в условиях глобализации «русскую усадьбу» можно считать одним из средств формирования национальной идентичности. М.В. Нащокина отмечает, что «в последние годы глобальных и во многом катастрофичных для народа и его культуры общественных перемен именно в представлениях об усадьбе обнажились какие-то ранее неведомые, или скрытые черты национального сознания и культурного бытия. Именно они сделали усадьбу вновь интересной, <...> причем не только как музейный экспонат <...> а шире – как неотъемлемую и даже коренную часть русской культуры, в которой закодированы все её специфические особенности» [11, с. 10].

Вслед за М.В. Нащокиной, размышляя о месте «русской усадьбы» в пространстве современной русской культуры, можно отметить, что «усадебное наследие» становится элементом национальной и региональной идентичности. Крупнейшие усадебные комплексы, такие как Кусково, Останкино, Архангельское, ассоциируются с Россией и русской культурой в целом, в отличии, например, от усадьбы Асеевых (Тамбовская область) и усадьбы Раевских (Белгородская область), которые широко известны на территории регионов, где они расположены.

Главное отличие региональной идентичности от всех других видов коллективной идентичности заключается в том, что «региональная идентичность в качестве фокуса, объекта отражения имеет географически фиксируемую локальность, место, территорию. Региональная идентичность определяется как форма коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному самосоотнесению с внешним миром» [6, с. 43]. Важность наличия положительной региональной идентичности обусловлена, тем, что она выступает базой для формирования национальной (общегражданской) идентичности.

Для конструирования региональной идентичности, по мнению В.А. Тишкова, исходными положениями являются:

- 1) определение и демонстрация типичного природного и культурного ландшафта;
- 2) наиболее известные памятники природного и культурного наследия;
- 3) исторические и политические события, связанные с географическими объектами;

4) известные люди, чья биография или деятельность связаны с географическими объектами [10, с. 22].

Таким образом, рассматривая роль усадебной культуры в формировании региональной идентичности Белгородской области, следует отметить, что сохранившиеся усадебные комплексы являются объектами культурного наследия, например, усадьбы князей Юсуповых в п. Ракитное и Раевских с. Богословка. Решением исполнительного комитета Белгородского областного Совета народных депутатов от 28.08.1986 г. № 368 они отнесены к объектам культурного наследия регионального значения. Данные памятники тесно связаны с историей одного из богатейших княжеских родов Российской Империи – Юсуповых, а также с жизнью и творчеством первого декабриста Владимира Федосеевича Раевского. Кроме того, как отмечает Холодова Е.В., во второй половине XIX в. культурно-историческое развитие региона, в современных его границах, была связана с деятельностью Шереметьевых, имения которых включали Новооскольский, Белгородский, Грайворонский уезды; Трубецких – Старооскольский, Новооскольский, Корочанский уезды; Клейнмихелей – Старооскольский уезд; Хорватов – Грайворонский уезд и многих других [16, с. 39]. Деятельность представителей вышеперечисленных родов сыграла огромную роль в экономическом развитии региона, как например, в имении А.М. Ребиндера (Шебекинский район) были основаны одни из самых успешных сахарных и кирпичных заводов в Курской Губернии. А также оказала позитивное влияние на социально-культурное становление региона, как например, в имении Хорватов (Грайворонский район) помимо открытия сахарного и конного заводов, были созданы крепостной оркестр, музыкальная школа крепостной театр. «Крепостной оркестр с 1798 г. Театр в 1830-1840-х гг.<...> играл и сам И.О. Хорват (талантливый музыкант, скрипач, композитор) вместе с крепостными актерами» [8, с. 475].

Э.Г. Истомина и М.А. Полякова, анализируя феномен провинциальной усадьбы XVIII-XIX вв., отмечают, что «особенно велика была роль тех усадеб, которые находились в значительном отдалении от губернских центров. В отличие от «подмосковных», на культуру которых оказывала сильное влияние близость столицы, провинциальные усадьбы обладали более сильным воздействием на культуру своего региона» [9, с. 9].

Анализируя различные научные исследования русской культуры, можно отметить, что усадебное наследие региона обладает мощным культурно-историческим потенциалом, на наш взгляд, способствующим формированию региональной идентичности. Однако феномен русской усадьбы сегодня, несмотря на огромный историко-культурный и туристский потенциал, не всегда оценивается по достоинству, а уровень сохранности многих памятников остается низким. Согласно этому крайне важно привлечь внимание к его потенциалу, сохранить и актуализировать усадебное наследие региона.

На сегодняшний день одной из главных целей государственной культурной политики является – «сохранение исторического и культурно

наследия и его использование для воспитания и образования» [1, с. 10], а, следовательно, и для формирования идентичности разных уровней. Также в рамках реализации государственной программы Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» в качестве одной из подпрограмм выделена «государственная охрана, сохранение и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)» [7].

Актуализация усадебного наследия Белгородской области ведется по двум направлениям: передача усадебных комплексов частным лицам в льготную аренду с целью реставрации и восстановления и популяризация усадеб как туристских объектов.

Постановлением правительства Белгородской области 04.08.2014 № 295-пп было утверждено положение об особенностях предоставления в аренду являющихся государственной собственностью Белгородской области объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в неудовлетворительном состоянии. Стоимость арендной платы составляет 1 рубль за 1 кв. м. в год, при условии, что арендующая сторона обязуется восстановить объект культурного наследия, но процесс и направление его дальнейшего функционирования она определяет самостоятельно [2].

На интернет-портале Департамента имущественных и земельных отношений Белгородской области представлен список объектов культурного наследия Белгородской области предоставляемых в льготную аренду, среди них: в г. Белгороде – Усадьба Курчанинова. Жилой дом (ул. Пушкина, 17 а), Канцелярия мирового судьи Курчанинова, (ул. Пушкина, 17); в Белгородском районе – Дом Мухановых (с. Веселая Лопань, ул. Заводская, 1в); в Грайворонском районе – Дом купца Головки (г. Грайворон, ул. Ленина, 16); В Корочанский район – Усадьба М.С. Балабанова (п. Искра, ул. Балабанова, 3); В Красногвардейском районе – Дом купца Ковалищенко (г. Бирюч, ул. Успенская, 1) [12].

Что касается популяризации усадебных комплексов как туристических объектов, то деятельность в этом направлении осуществляется на федеральном и региональном уровне, а также следует отметить работу крупных туристических операторов.

Федеральное агентство по туризму РФ, среди детско-юношеских маршрутов по Белгородской области предлагает пятичасовой экскурсионный тур «Усадьба князей Юсуповых», п. Ракитное. Запланированные для посещения объекты – «краеведческий музей, усадьба князей Юсуповых, старинный парк, Свято-Никольский храм» [14].

Также в п. Ракитное, на территории усадебного комплекса Юсуповых в 2016 г. 30 июля состоится III межрайонный фестиваль русской усадебной культуры – «Юсуповские собрания – 2016». Он пройдет в рамках проекта «Реализация фестивального календаря «Открой для себя Белгородчину!» в 2014 – 2016 годах на территории Белгородской области», который был запущен как неотъемлемая часть государственной программы Белгородской

области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» [15, с. 9]. Данный фестиваль проходит под эгидой управления культуры Белгородской области. Участники данного мероприятия окунуться в атмосферу русской усадьбы XIX века, посетят уникальные квесты и мастер-классы, смогут приобрести сувениры и многое другое.

Актуализация сведений об усадебной культуре Белгородской области также происходит посредством путеводителей по региону. В сборнике «Белгородская область путеводитель», изданном в 2014 г. информация о достопримечательностях распределена в соответствии с административно-территориальным делением региона на районы. Информация об усадебных комплексах не структурирована, однако сведения обо всех наиболее сохранившихся из них представлены. В Белгородском районе отмечена усадьба Мухановых. Свидетельством усадебной культуры является музей Н.В. Станкевича в с. Мухоудеровка, Алексеевского района. Он расположен в здании бывшей ремесленной школы, построенной в 1908 г. О том, что на территории Грайворонского района находилась усадьба Хорватов, свидетельствует уникальный памятник архитектуры – «Круглое здание». Усадебным наследием Губкинского городского округа является Мемориально-культурный комплекс В.Ф. Раевского в с. Богословка. В Краснояружском районе сохранился памятник архитектуры XIX века – дом-дача Харитоненко. В путеводитель включена информация об усадебном комплексе князей Юсуповых, как памятнике усадебного наследия Ракитянского района. В Шебекинском районе сохранились несколько домов, связанных с инфраструктурой усадебного имения Ребиндеров – кантора сахарного завода, здание реального училища [3].

Путеводитель предлагает, посещать не только музеи и заповедники, но и содержит информацию о маршрутах для самостоятельного знакомства экскурсанта с историческими центрами районов, что крайне важно при знакомстве с провинциальным усадебным наследием.

В справочном издании «Белгородская область путеводитель» (2015 г.), предлагаемая информация разделена по рубрикам. Однако сведения об усадебных комплексах региона практически отсутствуют. Так в раздел «архитектурные памятники» включена информация об усадьбе князей Юсуповых и «Круглом здании», которое также попало в раздел «Бренды» [4].

Несмотря на отсутствие систематизированной информации об усадебных комплексах региона на сегодняшний день в рамках деятельности международного туристического оператора Ванд актуализируется туристический потенциал усадебного наследия Белгородской области. На официальном сайте Ванда предлагается многодневный тур по региону «Богатство истории и красота традиций Белгородского края (Белгород – Губкин – Усадьба Раевского в Богословке – Юсуповский Фестиваль в Ракитном – п. Муром – с. Купино – с. Яблочково) 29-31 июля 2016 г.» [13]. Указанный маршрут предполагает не только знакомство с памятниками усадебного наследия, но и погружение в провинциальную усадебную культуру в целом.

Актуализация и возрождение как российского усадебного наследия в целом, так и регионов в частности, наряду с сохранением феномена русской усадебной культуры, направлена на активное развитие внутреннего туризма. Так в апреле 2016 г. в рамках реализации федерального проекта «Время отдыхать в России» Комитетом по импортозамещению в туризме, созданном при Экспертном совете Министерства культуры РФ, были отобраны два туристических маршрута Белгородской области: «Великолепный XIX век» и «Святое Белогорье» [5].

«Великолепный XIX век» – межрегиональный маршрут, который проходит по территории трех регионов: Белгородской, Воронежской, Липецкой областей. Экскурсионными объектами Белгородской области стали – «Круглое здание» (с. Головчино), музей-усадьба семьи дворян Раевских (с. Богословка), дом-музей М.С. Щепкина (с. Алексеевка).

Следует отметить, что на сегодняшний день с функционированием усадебного наследия Белгородской области связан и ряд острых проблем. Во-первых, не определено точное количество объектов усадебного наследия Белгородской области. Во-вторых, отсутствует единый информационный сборник, включающий в себя подробную информацию обо всех памятниках усадебной культуры региона вне зависимости от степени их сохранности.

Отмечая положительные и отрицательные стороны функционирования усадебных комплексов региона, можно говорить о том, что сформировалась положительная тенденция актуализации усадебного наследия Белгородской области. Она реализуется двумя путями. Во-первых, памятники усадебной культуры, являющиеся государственной собственностью Белгородской области, и относятся к объектам культурного наследия, находящиеся в неудовлетворительном состоянии, сдаются властями региона в льготную аренду физическим и юридическим лицам [2]. Это позволяет в условиях недостаточности государственного финансирования реставрации и ремонта усадебных комплексов восстанавливать их силами частных инвесторов. Во-вторых, разрабатывается и наращивается туристический потенциал усадеб и усадебных комплексов, что позволяет актуализировать усадебное наследие в социокультурном пространстве региона. Долгосрочным результатом актуализации усадебного наследия Белгородской области является функционирование усадебных комплексов региона как мощных культурно-исторических центров, принимающих самое активное участие в духовно-патриотическом воспитании населения региона и формировании региональной идентичности.

Литература

1. Указ президента Российской Федерации об утверждении Основ государственной культурной политики утв. 24.12.2014 № 808 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkrf.ru/info/foundations-state-cultural-policy/> (дата обращения 18.04.2016).

2. Постановление правительства Белгородской области «Об утверждении Положения об особенностях предоставления в аренду являющихся государственной собственностью Белгородской области объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в неудовлетворительном состоянии» утв. 04.08.2014 № 295-пп [Электронный ресурс]. – URL: <http://dizo31.ru/images/stories/NEW/295pp.pdf> (дата обращения 19.04.2016).
3. Белгородская область. Путеводитель. Справочное издание. / О. Шевцов [и др.] – Белгород: «Издательский дом «Мир Белогорья», 2014. – 192 с.
4. Белгородская область. Путеводитель. Справочное издание. / В. Филиппов [и др.] – Белгород: «Издательский дом «Мир Белогорья», 2015. – 144 с.
5. Белгородские туристические маршруты отобраны для участия в федеральном проекте «Время отдыхать в России» [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Губернатора и правительства Белгородской области. – URL: <http://www.belregion.ru/press/news/?ID=12109> (дата обращения 20.04.2016).
6. Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Лабиринт. – Журнал социально-гуманитарных исследований, 2013. – № 5. – С. 42-50.
7. Государственная программы Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belkult.ru/activity/gosudarstvennyie-programmyi> (дата обращения 10.04.2016)
8. Дмитриева Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е.Е. Дмитриева, О.Н. Куцова. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2008. – 526 с., 16 л., ил.
9. Истомина Э.Г. Русская усадебная культура: проблемы и перспективы / Э.Г. Истомина, М.А. Полякова / Источники по истории русской усадебной культуры: сб. науч. тр. / Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Рос. гос. гуманитарный ун-т, О-во изучения рус. усадьбы. Ясная поляна, 1997. – С. 11-16.
10. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. – 312 с.
11. Нащокина М.В. Русская усадьба временное и вечное / М.В. Нащокина / Русская усадьба, 1994. – №. 9(25). –С. 7-21.
12. Официальный сайт Департамента имущественных и земельных отношений Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: http://dizo31.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=159&Itemid=88 (дата обращения (15.04.2016)
13. Официальный сайт международного туристического оператора Ванд [Электронный ресурс]. – URL: <http://vand.ru/country/Russia-moskov-and-centr-region/tour/68454/> (дата обращения (20.04.2016)
14. Официальный сайт Федерального агентства по туризму РФ [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.russiatourism.ru/contents/turism_v_rossii/turisticheskie-marshruty/detsko-yunosheskie-marshruty/tsentralnyy-federalnyy-okrug-308/belgorodskaya-oblast-5588/ (дата обращения 12.04. 2016)

15. Фестивальный календарь Белгородчины на 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belkult.ru/press/news/festivalnyij-kalendar-belgorodchinyi-na-2016-god> (дата обращения 18.04.2016).

16. Холодова Е.В. Пореформенные усадьбы курской губернии 1861-1917 годов / Е.В. Холодова. Курск: ООО «Крона», 2007. 392 с.

УДК 32.09.51

Шакура К. В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*
Научный руководитель – Мальцева Н. Н.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: НОВАЯ ЧУМА XXI ВЕКА

Аннотация. XXI век – это век прогресса, открытий и высоких технологий. Человечество бороздит Вселенную, создает противоядия от болезней, а также изобретает приборы и аппараты, облегчающие жизнь. Но самым ярким и заслуживающим внимания компонентом в системе современного развития являются информационно-коммуникативные технологии. Несомненно, с появлением телевидения, компьютеров, гаджетов жизнь стала намного комфортабельнее и проще. Популяризация информационных технологий привела к тому, что почетное место предмета и орудия труда заняла информация, а её главными носителями стали люди, СМИ, Интернет и т.д. XXI век – это век всеохватывающей информационной чумы, от которой практически невозможно скрыться современному человеку. Миллионы людей день за днем потребляют огромное количество информации, даже не задумываясь о её правдивости и тем более, не догадываются о том, что они могут стать или уже стали жертвами информационно-психологической войны.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, информационно-коммуникативные технологии, информационно-коммуникативные системы, психологическое воздействие, скрытое воздействие.

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR: THE NEW PLAGUE OF THE 21ST CENTURY

Annotation. The 21st century is a century of progress, scientific discoveries and high technology. The mankind is crisscrossing the universe, creating antidotes to diseases, inventing life easing instruments and devices. But the most noteworthy component of the modern development systems the information and

communication technology. With the advent of the television, computers, gadgets life has become much more comfortable and easier. The popularization of information technology had led to the fact that the subject matter of honor and place tools took the information, and its main carriers became the people, the media, the Internet, etc. The 21st century is the century of all-encompassing information plague, from which escape is almost impossible for a modern man. Millions of people consume a huge amount of information every day, not even thinking about its truthfulness, and even more so, do not realize that they can become or have become victims of information-psychological war.

Key words: information and psychological war, information and communication technology, information and communication systems, the psychological impact, hidden effects.

*Средства массовой информации
не менее опасны, чем средства
массового уничтожения.
Петр Капица*

Информационно-психологическая война – это набирающее силу социальное явление, которое играет все более значимую роль в общественно-политической жизни современного информационного общества. Согласно А.В. Манойло, она «появилась как форма информационного противоборства на определенной стадии развития средств и методов информационно-психологического воздействия и в настоящее время представляет собой наиболее социально опасную форму данного противоборства, осуществляемого насильственными средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решения стратегических задач» [5, с. 223]. Именно в информационной эре появилась необходимая почва для эффективного использования и быстрого распространения такого вида войны. Во-первых, информационно-коммуникативные системы стали частью нашей жизни и изменили ее коренным образом. Сегодня очень трудно назвать сферу, в которой не были бы задействованы информационно-коммуникативные технологии; они применяются в промышленности, образовании, экономике, культуре, политике и т.д. Во-вторых, благодаря этим технологиям можно достаточно легко создать фальшивую информацию и фальсифицировать уже существующую [5].

В настоящее время эта тема очень актуальна, т.к. информационно-психологическая война сейчас ведется в мирное и военное время, между странами и между людьми внутри стран, в рекламе и в повседневных разговорах [6]. Такая технологическая революция привела даже к изменению ведения боевых действий. Главным и решающим фактором в противостояниях различного рода теперь являются психология и представления людей разных сторон. В зависимости от взглядов человека, на формирование которых непосредственно оказывает влияние информация,

окружающая его, он будет действовать тем или иным образом, отстаивать определенную позицию, участвовать или избегать конфликтных ситуаций, определять, кто для него союзники и кто враги [3].

Сознательное и продуманное применение методов информационно-психологической войны в большинстве случаев обеспечивает победу, не достигая острой фазы конфликта. Воздействуя информационно и психологически, можно посеять сомнения в каких-либо целях и интересах, ввести в замешательство, запутать и побудить к совершенно противоположным действиям, чем первоначально планируемые, или даже перевербовать массы людей на свою сторону. Осознав, что методы ведения такой войны оказываются эффективнее применения любых видов оружия, многие страны, например, США, Германия, Япония, Китай в погоне за преимуществом над остальными вкладывают большие материальные средства, направленные на специальные психологические исследования в этой области [5].

Информационно-психологическая война включает в себя мероприятия, в ходе которых передается информация, предназначенная для оказания воздействия на сознание, чувства и поведение людей. Такое информационное воздействие может иметь оперативный, долгосрочный, избирательный или массовый характер, в зависимости от цели войны. Также нужно обратить внимание на следующие ее инструменты:

- радиоэлектронные, позволяющие подавлять теле- и радиовещание, создавая помехи и тем самым перекрывая доступ к выходу своевременной и объективной информации в массы;

- программно-технические средства информационного противоборства, позволяющие нарушать функционирование информационно-телекоммуникационных систем, хранящих и доставляющих информацию;

- телекоммуникационные сети и компьютерные носители, через которые возможно оказание скрытого информационного влияния.

Так, скрытое воздействие на психологическое состояние человека может оказываться с помощью фильмов, в которых присутствуют сцены насилия. Для оценки этого воздействия был проведен ряд исследований, в ходе которых было обнаружено, что сцены насилия приводят к негативному влиянию на сознание человека. Было выделено три вида воздействия от просмотра подобных фильмов: изменение восприятия человеком реального мира (когнитивное проявление), немедленная или долгосрочная эмоциональная реакция (эмоциональное проявление), девиантное поведение (поведенческое проявление) [1]. Частый просмотр фильмов или передач, в которых есть элементы насилия делают людей менее чувствительными и даже равнодушными к жестокости не только на экранах телевизоров, но и в реальной жизни. Такое снижение восприимчивости к жестокости получило название десенсибилизации. Ю.И. Полищук в своем исследовании отмечает, что отрицательное воздействие создают и информационные программы, которые вызывают у людей чувство тревоги, страха и разочарования [7].

Отношение людей к различным проблемам и событиям действительности во многом зависит от подачи информации. При этом могут использоваться различные стимулы, оказывающие воздействие на ощущения, эмоции и чувства. К таким стимулам можно отнести персонажей, музыкальное сопровождение, цвета, стереотипы, имидж, престиж и т.п. Так, наибольшей эффективности внушения можно добиться, если оратор ассоциируется в сознании аудитории с носителем высокого престижа и социального статуса. Уместно будет упомянуть метод подсознательного стимулирования, когда отношение аудитории к каким-либо событиям действительности создается с помощью стереотипов и имиджей, т.е. стандартизированных упрощенных представлений.

Также при донесении информации имеют значение следующие явления и особенности. Во-первых, если повторять некоторую информацию достаточно долго, то это станет правдой для всей аудитории, независимо от ее достоверности. Это явление получило название «каскад доступности»: с повторением информации увеличивается и вероятность, что ее услышит большее число людей; информация лучше запоминается; вызывает ассоциативное действие психики, а как известно, чем больше ассоциаций, тем больше субъективная возможность того, что сообщения будут приняты сознанием [1].

Во-вторых, с помощью фрейминга возможно акцентирование на области смысла, другими словами одна и та же информация ведет к разным выводам в зависимости от того, как и кем она подается.

В-третьих, если информация затрагивает эмоциональную сферу человека и при этом сопровождается логическим доводом, то она будет иметь достаточно убеждающее и внушающее воздействие.

Очень часто используется такой способ манипулирования, как «ложный накал страстей», в основе которого лежит преподнесение публике сначала якобы сенсационного материала для того, чтобы распространенная позже информация не вызвала сильного волнения или даже паники среди людей. Наибольший манипулятивный эффект оказывают аудио-произведения, которые обычно сопровождают информационные потоки. Научно доказано, что музыка может как положительно, так и пагубно влиять на сознание человека: как оказывать расслабляющее, успокаивающее действие, так и придавать сил и бодрости, пробуждать злобу, ненависть и гнев. Следует отметить, что также скрытое влияние на человека могут оказывать цвета, которые не только могут изменить его эмоциональное состояние и настроение, но и воздействовать на подсознание [2, с. 4].

Подводя итог, можно сказать, что информационно-коммуникативные технологии изменили мир, но не только к лучшему. Информационно-психологическая война – самая беспощадная, всеохватывающая и неуязвимая война, которую когда-либо переживало человечество. Глобальная информационная паутина содержит как верные, так и ложные, фальшивые сведения, предназначение которых заключается в психологическом воздействии на мысли, эмоции, установки и поведение людей. Современный

человек находится в постоянном окружении стимулов, которые оказывают на него влияние. Не важно, чем занят, смотрит телевизор, слушает радио или музыку, читает газету или журнал, в этот момент и происходит психологическое воздействие.

Литература

1. Брайант Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант. – М.: Изд-во Вильямс, 2004. – 432 с.
2. Зелинский С.А. Анализ задеирования манипулятивных методик управления массами в исследовании деструктивности современной эпохи на примере России / С.А. Зелинский. – СПб.: Изд-во Скифия, 2008. – 280 с.
3. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание / С.А. Зелинский. – СПб.: Изд-во Скифия, 2008. – 416 с.
4. Зелинский С.А. Управление психикой посредством манипулятивного воздействия / С.А. Зелинский. – СПб.: Изд-во Скифия, 2009. – 529 с.
5. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография / А.В. Манойло. – М.: Изд-во МИФИ, 2003. – 388 с.
6. Пеньков С.В. Западная пропаганда. Как она работает в России?/Фундаментальные и прикладные научные исследования: материалы Международной научно-практической конференции НИЦ «Поволжская научная корпорация», 31 января 2016 г. – Самара: ООО «Офорт», 2016. – С. 83-86.
7. Полищук Ю.И. О негативном влиянии средств массовой информации на психическое здоровье / Ю.И. Полищук / Актуальные вопросы современной психиатрии и наркологии. – Киев – Харьков, 2010. – С. 86-89.

Научное издание

КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ
(философско-политические проблемы идентичности:
Россия и современный мир)

Материалы IV Международной научной конференции
(г. Белгород, 13–14 мая 2016 г.)

Публикуется в авторской редакции
Оригинал-макет: Л.П. Котенко

Подписано в печать 18.05.2016. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п.л. 21,4. Тираж 200 экз. Заказ 110.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48